

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Говард Филлипс
Лавкрафт

ТАЯЩИЙСЯ
У ПОРОГА

« И Н О С Т Р А Н К А »

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Говард Филлипс
Лавкрафт

Август Дерлет

ТАЯЩИЙСЯ У ПОРОГА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л 13

H. P. Lovecraft and August Derleth
THE WATCHERS OUT OF TIME

Copyright © 1974 by April R. Derleth and Walden W. Derleth

THE LURKER AT THE THRESHOLD

Copyright © 1945 by August Derleth

Copyright © renewed 1973 by April R. Derleth and Walden W. Derleth

All rights reserved

Публикуется с разрешения ARKHAM HOUSE PUBLISHERS, INC.
и литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского

В. Дорогокупли, Ю. Кукуца, О. Мичковского, Е. Мусихина,
О. Скворцова, С. Теремязевой

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки В. Гореликова

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Ранее книга издавалась под названием
«Комната с заколоченными ставнями».

© В. Дорогокупля, перевод, примечания, 2016

© Ю. Кукуц, перевод, 2016

© О. Мичковский, перевод, 2016

© Е. Мусихин, перевод, 2016

© О. Скворцов, перевод, 2016

© С. Теремязева, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2015

Издательство ИНОСТРАНКА®

ISBN 978-5-389-10625-3

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛЕДНИК

Иные дома, подобно иным людям, способны однажды раз и навсегда снискать себе репутацию обиталища сил зла. Наверное, все дело в своеобразной ауре злодеяний, свершившихся некогда под их крышами, — она-то и пробуждает в вашей душе необъяснимый страх спустя много лет после того, как реальные злодеи во плоти и крови покинули этот мир. Флюиды темных страстей убийцы и предсмертного ужаса его жертвы проникают в ваше сознание, и вы, не имея никакого отношения к некогда совершенному здесь преступлению, внезапно чувствуете, как напряглись ваши нервы, забегали по телу мурашки и похолодела в жилах кровь...

Алджернон Блэквуд

После той жуткой ночи, заставившей меня бежать прочь из Провиденса, я твердо решил никогда более не возвращаться к тайне дома Шарьера. Ни один здравомыслящий человек не стал бы цепляться за подобные воспоминания, а, напротив, постарался бы как можно скорее от них избавиться или, в крайнем случае, убедить себя в их нереальности. И все же мне придется поведать миру о своем недолгом знакомстве с таинственным домом на Бенефит-стрит и о причине панического бегства из его стен, ибо я считаю своим долгом спасти невинного человека, оказавшегося на подозрении у полиции после безуспешных попыток последней найти объяснение одному слишком поздно сделанному ужасному открытию. Именно я стал первым из живых людей, кому выпало собственными глазами увидеть весь этот кошмар; а то, что от него осталось несколько лет спустя, когда дом был передан в собственность города, наверняка являло собой лишь бледную тень былого ужаса.

Знатоки старины, как правило, гораздо больше интересуются самими древними домами, нежели историческими сведениями о них, притом что любой исследователь, занимаясь историей людских обиталищ, имеет шансы столкнуться с тайной куда более важной и увлекательной, нежели дата сооружения какого-нибудь флигеля или имя кровельщика, возведшего двускатную

крышу, и найти разгадку этой тайны, какой бы невероятной, ужасающей или даже, кто знает, дьявольской она ни была. Имя Элайджи Этвуда кое-что значит в среде истинных любителей старины; из соображений скромности не стану распространяться здесь о собственной персоне, но думаю, не будет зазорным упомянуть о том факте, что в справочниках по антиквариату вашему покорному слуге уделен не один абзац.

Я приехал в Провиденс, штат Род-Айленд, в 1930 году, намереваясь пробыть в нем лишь несколько дней и затем отправиться в Новый Орлеан. Но мои планы переменялись в первый же день, когда я увидел дом Шарьера на Бенефит-стрит, — так неожиданно и бесповоротно может завладеть сердцем любителя старины только какой-нибудь необычный дом на улице новоанглийского города, явно выделяющийся на фоне соседних зданий своим почтенным возрастом и окруженный некоей не поддающейся определению аурой, отталкивающей и притягательной одновременно.

Информация, которую я получил о доме Шарьера (что в нем якобы обитает нечистая сила), мало чем отличалась от почерпнутых мною в «Журнале американского фольклора» сведений о большинстве старых, покинутых людьми жилищ — будь то землянки австралийских аборигенов, хижины полинезийцев или примитивные вигвамы американских индейцев. Не хочу распространяться здесь о призраках, однако скажу, что мой богатый жизненный опыт позволяет вспомнить кое-какие явления, необъяснимые с научной точки зрения; хотя, с другой стороны, обладая достаточно трезвым умом, я верю в то, что рано или поздно, когда наука сделает очередной шаг вперед, эти объяснения будут найдены.

В доме Шарьера, конечно же, не водилось нечистой силы в прямом смысле этого слова. По его комнатам не бродили, гремя цепями, угрюмые призраки, в полночь под его крышей не раздавалось страшных завываний, и замогильные силуэты не вставали в колдовской час, неся гибельное предупреждение. Но нельзя было отрицать того, что некая мрачная аура — зла? ужаса? неких сверхъестественных явлений? — витает над домом, и, не надели меня природа достаточным хладнокровием, этот особняк,

без сомнения, давно бы свел меня с ума. В сравнении с другими домами подобного рода этот обладал не столь ощутимой аурой, но в то же время он прямо-таки давил на сознание своей, если хотите, старинностью — нет, не тяжестью веков своего существования на этой земле, но глубочайшей седой древностью несравненно более ранних эпох бытия, когда мир был еще совсем молодым; и это показалось мне странным, ибо дом, как бы ни был он стар, все же вряд ли стоял здесь более трех столетий.

Я не мог сдержатъ восхищения, увидев его в первый раз, и это было восхищение знатока, нежданно-негаданно встретившего среди скучных зданий типичной новоанглийской постройки замечательный образец архитектуры XVII века в квебекском стиле, о котором я имел вполне отчетливое представление, ибо в Квебеке, да и в других старых городах Северной Америки, бывал много раз. В Провиденсе же я оказался впервые; впрочем, в мои намерения не входило останавливаться здесь надолго — меня ждал Новый Орлеан, а Провиденс был всего лишь промежуточным пунктом, куда я завернул, чтобы проведать своего старого друга, тоже весьма известного антиквара. Направляясь к нему на Барнз-стрит, я и наткнулся на дом, о котором веду сейчас свой рассказ. С первого взгляда на него я понял, что он стоит незаселенным, и, позабыв о запланированной поездке в Новый Орлеан, тут же решил снять его для себя и пожить в нем некоторое время. Быть может, это желание, будучи минутной блажью, так и осталось бы неосуществленным, если бы не та странная неохота, с которой Гэмвелл (так звали моего друга) отвечал на мои настойчивые расспросы об этом особняке. Более того, я почувствовал, что мой приятель не желает, чтобы я даже близко подходил к этому дому. Боюсь, впрочем, показаться несправедливым по отношению к бедняге — ведь тогда дни его были уже сочтены, хотя оба мы еще не подозревали об этом. Гэмвелл принял меня не в кабинете, а в спальне, и я, пристроившись у изголовья больного, вскоре завел речь о доме, предварительно весьма подробно обрисовав его для безошибочной идентификации — ведь я не знал тогда о нем ровным счетом ничего, в том числе и названия.

Гэмвелл сказал, что владельцем дома был некий Шарьер, французский хирург, в свое время приехавший сюда из Квебека.

— А кто его построил? — спросил я.

Но этого мой друг не знал. Единственным именем, которое он назвал мне, было имя Шарьера.

— Это был высокий человек с грубой, словно потрескавшейся кожей, — сказал он. — Видел я его от силы два-три раза, но никто не может похвастаться тем, что встречал его чаще. Он тогда уже оставил свою практику.

Далее я узнал, что к тому времени, когда мой друг начал проявлять интерес к необычному особняку, Шарьер уже жил там — возможно, вместе со старшими членами его семейства, хотя относительно последних у Гэмвелла не было твердой уверенности. Три года тому назад, в 1927 году, этот мрачный отшельник тихо скончался; во всяком случае, местная «Джорнел» настаивала именно на упомянутой дате — к слову сказать, единственной дате, сообщенной мне Гэмвеллом; все остальное было сокрыто пеленой неизвестности. За все время, прошедшее после смерти отставного хирурга, в доме лишь однажды поселились жильцы — семья заезжего адвоката, однако уже через месяц они уехали оттуда, жалуясь на сырость и неприятные запахи. С тех пор он так и стоит пустым. От сноса его спасает то, что доктор Шарьер, оставив после себя солидную сумму, поручил одной юридической конторе своевременно выплачивать из нее все налоги в городскую казну в течение, как говорили, двадцати лет, обеспечивая тем самым сохранность дома на случай, если объявятся наследники доктора — кто-то припомнил в этой связи, что в письмах покойного хирурга содержались туманные намеки на некоего племянника, якобы состоящего на военной службе во Французском Индокитае. Однако племянник так и не объявился, и дом был оставлен в покое до истечения указанного в завещании доктора Шарьера срока.

— Я хотел бы его снять, — сказал я Гэмвеллу.

Услышав мои слова, Гэмвелл, несмотря на свое плохое самочувствие, резко приподнялся на локте в знак протеста.

— Это блажь, Этвуд, — произнес он дрожащим голосом. — Она пройдет. Оставь свою затею — я слышал много нехорошего об этом доме.

— Например? — стал допытываться я.

Но Гэмвелл не желал говорить на эту тему, а только слабо покачал головой и закрыл глаза.

— Думаю посмотреть его завтра, — продолжал я.

— После Квебека ты не найдешь там ничего нового, поверь мне, — ответил Гэмвелл.

Тем не менее, отговаривая меня от этой сделки, мой друг добился прямо противоположного результата, лишь укрепив во мне желание поближе познакомиться с домом Шарьера. Конечно, я отнюдь не собирался провести в нем всю оставшуюся жизнь — в мои планы входило снять дом на полгода или что-то около того и превратить его в базовый пункт для своих экспедиций в сельскую местность вокруг Провиденса, весьма привлекательную для меня с профессиональной точки зрения (я рассчитывал найти немало интересного в старинных усадьбах и небольших селениях). В конце концов Гэмвелл сдался и назвал мне юридическую контору, на попечение которой был оставлен дом Шарьера. Не мешкая, я обратился туда с соответствующим заявлением, которое они неохотно, но приняли, после чего я стал хозяином особняка «на период, не должный превышать шести месяцев, или меньший период, в случае если того пожелает наниматель».

Я сразу же перебрался в снятый мною дом и первым делом обнаружил, что в нем не проведено электричество; слава богу, что хоть работал водопровод. Комнаты особняка, обстановка которых оставалась той же, что и при жизни доктора, освещались керосиновыми и масляными лампами самых разнообразных форм и возрастов — иные из них, без сомнения, были изготовлены еще в позапрошлом столетии. Я ожидал встретить в доме следы запустения, которые у меня привычно ассоциируются с многолетними скоплениями пыли и паутины, и был немало удивлен, обнаружив полное отсутствие вышеупомянутых свидетельств заброшенности жилья. Это было тем более странно, что юридическая контора, о которой я говорил выше, — «Бейкер и Гринбоу» — как будто не ставила своей задачей содержать вверенную ей недвижимость в чистоте и порядке в ожидании представителя рода Шарьер, могущего прибыть в Провиденс и заявить о правах на эту собственность.

Дом полностью оправдал все мои ожидания. Несмотря на свой немалый возраст, постройка была крепка и основательна. Комнаты отличались какой-то несуразностью размеров — они были либо огромными, либо крошечными. Обои кое-где отстали от стен, а в иных комнатах их не было вовсе, и стены там были покрыты лишь старой пожелтевшей штукатуркой. Здание было двухэтажным, однако верхний этаж, судя по всему, никогда не был особенно обитаем. В то же время вся обстановка нижнего этажа красноречиво свидетельствовала о том, что еще не так давно в этих стенах обитал хирург-отшельник. Одна из комнат явно служила ему лабораторией, а другая, примыкавшая к ней, наверняка была кабинетом; оказавшись в этих помещениях, я не мог отделаться от чувства, что каким-то странным и непостижимым образом приблизился к покойному Шарьеру чуть ли не на расстояние вытянутой руки. Во всяком случае, обе комнаты выглядели так, будто доктор находился в них всего минуту назад, проделывая какой-нибудь диковинный опыт, но, захваченный врасплох моим неожиданным появлением, принужден был поспешно скрыться. Похоже, что проживавший здесь в течение недолгого месяца адвокат ни разу не заходил ни в кабинет, ни в лабораторию; впрочем, дом был достаточно велик для того, чтобы можно было разместиться в нем, не вторгаясь в эти уединенные помещения, выходившие окнами в сильно запущенный сад, который занимал в ширину примерно три обычных участка, а от проходившей позади улицы его отделяла высокая каменная стена.

Было очевидно, что доктор Шарьер скончался, не доведя до завершения какое-то научное исследование, очень меня заинтересовавшее, ибо было оно явно не из разряда обычных. Судя по всему, человеческий организм являлся не единственным и далеко не главным предметом этого исследования. На столе в кабинете я нашел рисунки с изображениями разнообразных рептилий; причудливые, почти каббалистические, эти рисунки походили на виденные мною ранее физиологические карты. Среди изображенных на них видов преобладали представители отряда *Loricata* и родов *Crocodylus* и *Osteolaemus* — хотя встречались здесь и рисунки *Gavialis*, *Tomistoma*, *Caiman* и *Alligator*, — а также наброски с изображениями более ранних представителей класса

рептилий, живших чуть ли не в юрском периоде. Впрочем, эти интригующие рисунки, которые красноречиво свидетельствовали о более чем странной направленности научных интересов усопшего хирурга, все же не вызвали бы у меня охоты выяснять обстоятельства жизни и смерти доктора, если бы в самой атмосфере этого дома я не ощущал какой-то тайны, возможно уходящей корнями в глубь столетий.

И дом, и его интерьер сохранили все приметы своего времени; водопровод здесь провели, конечно же, намного позже. Первоначально я склонялся к мысли, что доктор построил его сам, каковое мнение у меня сложилось после нашей с Гэмвеллом беседы, состоявшей из моих настойчивых расспросов и его уклончивых ответов; правда, он не упомянул о том, в каком возрасте скончался доктор. Допустим, Шарьер покинул наш мир, будучи примерно восьмидесяти лет от роду, рассуждал я уже после осмотра, — но в этом случае он, конечно же, никак не мог быть создателем дома, по всем признакам воздвигнутого около 1700 года, то есть более чем за два столетия до его смерти! Так что, скорее всего, дом просто носил имя своего последнего долговременного обитателя, но не творца. На том я бы и успокоился, если бы, решая эту задачу, не наткнулся на несколько весьма странных фактов, плохо согласующихся как друг с другом, так и со здравым смыслом вообще.

Например, мне не удалось найти ни одного достоверного источника, который бы содержал указание на год рождения доктора Шарьера. Я разыскал его могилу; к моему удивлению, она оказалась в собственных его владениях — в свое время он получил от властей разрешение быть захороненным в саду рядом с домом. Могила располагалась неподалеку от старого колодца, который, хотя и являлся едва ли не ровесником этого необычного особняка, стоял как ни в чем не бывало под аккуратным навесом с ведром и прочими необходимыми приспособлениями. Однако даты рождения доктора не было и на могильной плите. На ней стояли только имя — Жан-Франсуа Шарьер, род занятий — хирург, места проживания или занятия врачебной практикой — Байонна, Париж, Пондишери, Квебек, Провиденс и год смерти — 1927-й. И все. Пелена таинственности вокруг даты рождения доктора подвигла меня на новые поиски, и я принялся

рассылать письма разным своим знакомым с просьбой сообщить о Жане-Франсуа Шарьере все, что им только было известно.

Через две недели от адресатов начали поступать интересные меня сведения. Однако и на этот раз меня ожидало разочарование, ибо туман вокруг таинственной личности доктора Шарьера не только не рассеялся, а, напротив, сгустился. Первый мой запрос был отправлен в Байонну — город, название которого открывало список на могильной плите; скорее всего, именно в Байонне или в ее окрестностях доктор появился на свет. Следующими были письма в Париж, идущий вторым в упомянутом перечне городов, и в Лондон, где жил мой приятель, имевший доступ к архивам колониальной администрации в Индии. Последним в очереди был Квебек. И что же удалось мне выудить из ответной корреспонденции? В общем-то, ничего, кроме загадочной последовательности дат. Но каких дат! Начнем с того, что Жан-Франсуа Шарьер действительно родился в Байонне, но родился в 1636 году! В Париже его имя тоже было известно — носивший его семнадцатилетний юноша прибыл в столицу в 1653 году и в течение трех лет обучался там врачебному искусству у Ричарда Уайзмана, бежавшего из Англии роялиста. В Пондишери, а позже на Коромандельском берегу в Индии слышали о некоем докторе Жане-Франсуа Шарьере, хирурге французской армии, который состоял там на службе с 1674 года. И наконец, последнее упоминание о докторе Шарьере относилось к Квебеку — начиная с 1691 года он практиковал там в течение шести лет, а потом уехал из города неизвестно куда и с какой целью.

Вывод напрашивался сам собой: пресловутый доктор Жан-Франсуа Шарьер, родившийся в 1636 году в Байонне и бесследно затерявшийся после своего отъезда из Квебека в тот самый год, когда был возведен дом на Бенефит-стрит, являлся предком последнего его обитателя и носил одно с ним имя. Но в этом случае налицо был зияющий пробел между 1697 годом и периодом жизни доктора Шарьера, скончавшегося три года назад, ибо о семье Жана-Франсуа Шарьера, жившего на исходе XVII века, не было известно ровным счетом ничего; даже если мадам Шарьер и дети, рожденные ею от доктора, когда-то и существовали в природе (а иначе как бы смогла протянуться до XX века линия

этого старинного рода), то о них не было никаких достоверных свидетельств. Могло статься и так, что, живя в Квебеке, Шарьер оставался холостым и женился только по приезду в Провиденс, будучи тогда в почтенном уже возрасте — ему должен был исполниться в то время шестьдесят один год. Однако мне не удалось найти ни одной записи о его женитьбе, чем я был в высшей степени озадачен. Впрочем, я отдавал себе отчет в том, что при разгадке такого рода тайн трудности совершенно неизбежны, и был твердо настроен продолжать свои поиски.

Решив подойти к решению проблемы с другой стороны, я обратился в фирму «Бейкер и Гринбоу» в надежде узнать от них что-нибудь существенное о покойном Шарьере. На этот раз господа юристы встретили меня с еще меньшим энтузиазмом, нежели во время моего предыдущего визита, тем более что первый же мой вопрос явно поставил их в тупик. «Как выглядел доктор Шарьер?» — спросил я, и после долгого напряженного молчания оба законника признались, что они в глаза его не видели и что все распоряжения он отдавал в письмах, прилагая к ним чеки на солидные суммы; они начали оказывать услуги доктору примерно за шесть лет до его смерти и продолжают оказывать их сейчас, однако до того Шарьер никогда не прибегал к их помощи.

Удовлетворившись пока этим, я принялся расспрашивать их о «племяннике» покойного хирурга, поскольку наличие такого родственника подразумевало по крайней мере тот факт, что у Шарьера были некогда брат или сестра. Но и здесь меня подстерегала неудача — Шарьер никогда не именовал своего загадочного родственника «племянником», сообщая лишь о «единственном оставшемся в живых наследнике рода Шарьер по мужской линии». Конечно, этот наследник вполне мог оказаться племянником покойного доктора, однако с таким же успехом он мог и не быть им. Нелишне отметить и то, что в завещании Шарьера стоял пункт, согласно которому «Бейкер и Гринбоу» не должны были предпринимать никаких шагов по розыску «единственного наследника»; им оставалось только терпеливо ожидать его появления, причем ему вовсе не обязательно было приезжать собственной персоной — он мог просто послать на их адрес письмо по специально оговоренной форме, исключавшей

вероятность какой бы то ни было ошибки. За этим явно что-то скрывалось, однако юристам в свое время хорошо заплатили за молчание, и они отнюдь не горели желанием выложить мне все, что им было известно; впрочем, и известно-то им было совсем немного. В конце концов мои собеседники довольно-таки раздраженно заметили, что с момента смерти доктора прошло только три года и у предполагаемого наследника есть еще масса времени заявить о себе.

Я вновь отправился к старине Гэмвеллу — после фиаско в юридической конторе мне не оставалось ничего другого. Мой друг так и не встал с постели, и его лечащий врач, с которым я столкнулся в прихожей, сообщил мне, понизив голос, что болезнь зашла уже слишком далеко и потому лучше не волновать пациента и не утомлять его разговорами. Я и сам понимал, что Гэмвеллу нужен покой, но тем не менее твердо вознамерился вытянуть из него все возможные сведения. Гэмвелл встретил меня пристальным взглядом, от которого мне стало жутковато, — казалось, он ожидал обнаружить какие-то изменения в моей внешности после менее чем трехнедельного пребывания в доме Шарьера.

После взаимных приветствий я перевел беседу на интересовавший меня предмет. Начав с банальной фразы о необычности дома Шарьера, я стал подробно расспрашивать своего приятеля о покойном докторе, упирая на то, что Гэмвеллу доводилось встречаться с ним лично.

— Но то было бог знает когда, — отвечал Гэмвелл. — погоди, дай мне вспомнить... Вот уже три года, как он умер... Ну да, мы встречались где-то в тысяча девятьсот седьмом году.

— То есть за двадцать лет до его смерти? — удивленно спросил я.

— Да, за двадцать лет до его смерти, — отозвался Гэмвелл. — А что тут удивительного, собственно говоря?

— Ладно, — сказал я. — А теперь расскажи, как он выглядел.

Тут я вынужден был констатировать, что преклонный возраст и неизлечимая болезнь основательно подточили не только здоровье Гэмвелла, но и его некогда ясный ум.

— Возьми тритона, увеличь его в размерах, научи ходить на задних лапах и одень в элегантный костюм — вот тебе и Жан-

Франсуа Шарьер собственной персоной, — услышал я в ответ. — Да еще сделай ему для полного сходства дубленую шкуру. Да-да, именно так. Кожа у него была шершавой, даже какой-то ороговевшей... Станный он был тип. Холодный, как рыба. Как будто из другого мира.

— А сколько ему было лет? — продолжал расспрашивать я. — Восемьдесят?

— Восемьдесят? — задумался мой собеседник. — Впервые я увидел его, едва мне только двадцать стукнуло, и тогда ему на вид было действительно около восьмидесяти. А в следующий раз я встретил его два десятка лет назад, и, не поверишь, — он ни капли не изменился! Вот так, дружище Этвуд. Он выглядел на восемьдесят, когда мне было двадцать. Может быть, в то время он показался мне таким старым, потому что сам я был очень молод, — не спорю. Но и в тысяча девятьсот седьмом году он тоже выглядел на восемьдесят. И умер спустя двадцать лет.

— То есть тогда ему было сто.

— Вполне возможно. Почему бы и нет?

Я уходил от Гэмвелла разочарованным. Опять мне не удалось узнать ничего конкретного и определенного — только смутные впечатления о человеке, которого Гэмвелл почему-то недолюбливал и при этом, испытывая своеобразную ревность профессионала к многообещающим чужим изысканиям, старался скрыть от меня причину своей неприязни.

Следующим этапом моих исследований явилось знакомство с соседями. Большинство были сравнительно молоды и практически ничего не знали о покойном хирурге, но нашлись и такие, кто сохранил самые неприятные воспоминания о жившем рядом с ними мрачном затворнике, ибо ползучие гады, которыми кишел его дом несколько лет тому назад, вызывали у моих собеседников суеверный ужас — они подозревали, что эти твари нужны были доктору для каких-то дьявольских лабораторных экспериментов. Из опрошенных мною соседей одна лишь миссис Хепзиба Коббет отличалась почтенным возрастом; маленький двухэтажный домик, где она жила вместе со своей дочерью, стоял позади особняка Шарьера, сразу же за стеной, огораживающей старый сад с могилой и колодцем. Она приняла меня, сидя в инвалидной коляске. Дочь старой миссис, стоявшая позади коляс-

ки, искоса поглядывала на меня сквозь стекла пенсне, которое неуклюже сидело на ее огромном крючковатом носу. Едва я только произнес имя ее покойного соседа, как хозяйка тут же встре-пенулась и, по всей вероятности сообразив, что в настоящее время я живу в доме Шарьера, принялась излагать известные ей факты.

— Вы там долго не задержитесь, помяните мои слова. Нечистый это дом, — начала она довольно громким голосом, который, впрочем, быстро угас до хриплого старческого шепота. — Я ведь живу тут по соседству, и уж доктора-то видала много раз. Он был такой высокий, долговязый, согнут, как крючок, и борода наподобие козлиной... Да... А что у ног его вечно волочилось, ох, не приведи вам господь такое увидеть. Какая-то длинная черная гадина, но не змея, нет, для змеи-то она была великовата, хоть эти твари — змеи то есть — постоянно мне на ум приходили, как только доктора увижу... Ох, а как кто-то кричал в ту ночь... И у колодца не то выли, не то лаяли: не как лиса или собака, уж этих-то я ни с кем не спутаю, — нет, там будто тюлень ревел... Я многим про то рассказывала, — разочарованно махнула она рукой, — да только кто мне, старой развалине, поверит... Вы ведь то же самое думаете: сидит, мол, тут старуха и несет невесть что...

Интересно, какие выводы сделали бы вы на моем месте? С одной стороны, я склонялся к тому, чтобы признать правоту дочери миссис Коббет, которая, провожая меня, сказала: «Не обращайтесь внимания на мамину болтовню — артериосклероз, сами понимаете, так что она уже понемногу выживает из ума». С другой стороны, я никак не мог согласиться с тем, что старая миссис «понемногу выживает из ума», стоило только вспомнить, как сверкали ее глаза и как цепко следили они за мной, когда она рассказывала о своем загадочном соседе. Казалось, она с наслаждением вовлекает меня в некий странный розыгрыш, истинные масштабы которого были недоступны ее угрюмой дочери-сиделке.

Неудачи подстерегали меня на каждом шагу. Все направления моих поисков давали в сумме не больше, чем какое-нибудь одно из них в отдельности. Я проштудировал огромное количество старых регистрационных документов, газетных вы-

резок и прочих записей, но результатом были только две даты: 1697-й — год возведения дома, и 1927-й — год смерти доктора Жана-Франсуа Шарьера. Если в истории города и был какой-либо другой Шарьер, то о нем не сохранилось ни одного письменного свидетельства. Казалось маловероятным, чтобы все другие члены семейства Шарьер, поочередно владевшие домом на Бенефит-стрит, умерли где-то за пределами Провиденса; и тем не менее только эта гипотеза в какой-то степени могла объяснить отсутствие упоминаний о них в городских архивах.

И все же однажды удача улыбнулась мне. Как-то раз, обследуя донельзя захламленные комнаты верхнего этажа, я обнаружил в одной из них портрет доктора Шарьера, который висел в самом дальнем от входа углу и был почти совершенно завален различной рухлядью. Вместо полного имени на портрете стояли лишь инициалы — «Ж.-Ф. Ш.», но и этого мне было вполне достаточно для того, чтобы безошибочно идентифицировать изображенную на нем личность. Высокие скулы, впалые щеки и остроконечная бородка придавали тонко очерченному лицу доктора суровое, аскетическое выражение, а от взгляда темных, лихорадочно блестящих глаз веяло замогильным холодом.

Однако на этой ценной находке мое движение вперед застопорилось, и мне снова пришлось взяться за изучение книг и бумаг, лежавших на столах в лаборатории и кабинете. Если раньше я проводил большую часть времени вне дома, занимаясь сбором информации о докторе Шарьере, то сейчас буквально дневал и ночевал в мрачном особняке. Возможно, благодаря именно этому добровольному заточению в стенах дома Шарьера я стал гораздо острее ощущать его ауру как физически, так и психически. Постоянно думая об адвокате и его семье, которые покинули особняк, будучи не в состоянии вынести здешний воздух, я невольно начал обонять дом и смог наконец-то уловить причудливую смесь разнообразных запахов, до сих пор ускользавших от моего восприятия. Среди них были вполне обычные, характерные запахи старого жилища, но преобладали иные, в данной обстановке совершенно неожиданные. Основная составляющая этой странной смеси не вызвала никаких сомнений: это был терпкий мускусный дух, неперенный спутник зоопарков, болот или просто луж с застоявшейся водой, — своего рода миазм,

явственно свидетельствовавший о присутствии рептилий. «Но откуда он взялся?» — спрашивал я себя. Вполне возможно, что в саду за домом Шарьера нашли себе пристанище несколько ползучих гадин, но не могли же они, в самом деле, расплодиться в таких страшных количествах, чтобы все вокруг пропахло ими насквозь. Я убил массу времени, разыскивая источник этого запаха как внутри дома, так и вокруг него, но безрезультатно; и хотя однажды мне показалось, что мускусная вонь исходила из старого колодца, я с ходу отмел эту версию как неправдоподобную.

Запах проникал в каждый закоулок дома. Особенно сильно он ощущался, когда шел дождь, повисал туман или на траву ложилась роса, что было вполне естественно — во влажном воздухе запахи всегда ощущаются отчетливее. Впрочем, и в сухую погоду в доме было довольно-таки сыро. Сырость эта не вызывала у меня особо приятных эмоций, но, с другой стороны, и не являлась причиной излишнего беспокойства.

Однако вскоре в доме стали происходить явления, встревожившие меня куда больше. Я имею в виду галлюцинации, что с некоторых пор начали меня неотвязно преследовать, — казалось, дом протестовал против моего вторжения в кабинет и лабораторию. Однажды посреди ночи мне послышался необычный лающий звук, который доносился будто бы из сада. В другой раз мне почудилось, что из окна кабинета выпрыгнула в кромешную тьму некая странная согбенная фигура, своими очертаниями напоминавшая рептилию. На этом галлюцинации не прекратились — напротив, они стали донимать меня с удручающим постоянством; я же в свою очередь упорно воспринимал все эти неведомые звуки и видения как не имеющие никакого отношения к реальному миру и продолжал думать о них так до той самой ночи, когда меня поднял с постели совершенно отчетливый плеск воды, доносившийся откуда-то из сада. Всей кожей ощущая, что в доме есть еще кто-то, кроме меня, я вылез из-под одеяла, надел халат и ночные туфли, зажег лампу и поспешил в кабинет.

Представшее моим глазам видение было явно навеяно содержанием бумаг покойного доктора, с которыми я успел ознакомиться к тому времени; несомненно, только эти странные до-

кументы могли вызвать в моем мозгу зародыш будущего кошмара. Кто-то действительно побывал в доме и стащил из кабинета несколько принадлежавших доктору бумаг. Я ворвался туда в тот самый момент, когда силуэт непрошеного визитера мелькнул в проеме окна и исчез в темном зеве сада. Это продолжалось секунду, не больше, и все же в тусклом свете лампы мне удалось разглядеть вторгшегося в мои владения субъекта — он был облачен в черный, туго обтягивающий костюм из какой-то грубой блестящей ткани. Я бросился было за ним, но то, что я увидел на освещенном участке пола, остановило мой порыв.

Пришелец оставил на полу следы — отпечатки мокрых ступней. Но боже, какие это были следы! Судя по ним, у ночного гостя были чудовищно широкие стопы, а ногти на пальцах ног отросли на такую длину, что, загибаясь вниз, оставили зарубки перед отпечатками ступней. На том месте, где он стоял, склонившись над бумагами, осталось большое мокрое пятно. По всему помещению витал такой жуткий мускусный смрад, что я зашатался и едва не упал в обморок, несмотря на то что давно уже воспринимал это зловоние как непременный атрибут занимаемого мною дома.

Прислонившись к стене, я некоторое время приходил в себя, одновременно пытаюсь найти мало-мальски правдоподобное объяснение происшедшему. В конце концов я решил, что в кабинет наведался кто-то из соседей — наведался с недоброй целью, очевидно замыслив что-то против ненавистного ему особняка. Но почему этот некто был мокрым, как будто он вылез из бассейна, и зачем ему понадобилось хватать со стола бумаги? А оставленные на полу странные следы?.. В общем, объяснение у меня вышло довольно неубедительным, но что еще я мог предположить?

Что касается бумаг, то кое-какие из них действительно исчезли со стола — к счастью, как раз те, которые я уже успел просмотреть и сложил в отдельную стопку. Я не мог понять, кому и зачем вдруг вздумалось прокрасться ночью в дом и прихватить с собой эти документы. Допустим, злоумышленник заинтересовался домом Шарьера с корыстной целью — например, желая отсудить его себе; но ведь эти бумаги не имели никакой ценности с юридической точки зрения, ибо представляли собой всего-

навсего научные заметки о долголетию крокодилов, аллигаторов и прочих подобных им тварей. Одержимость, с которой покойный доктор изучал вопрос долголетия рептилий, уже не составляла для меня тайны, однако если он и открыл какие-то секреты выдающейся продолжительности жизни пресмыкающихся, то ничто в бумагах не указывало на это. Впрочем, дважды или трижды мне попадались довольно туманные упоминания о неких «операциях» по продлению жизни, но, над кем они проводились, мне установить не удалось.

Продолжив разбирать бумаги, исписанные одним и тем же — видимо, докторским — почерком, я познакомился с несколько странным ответвлением его научных поисков: то была подборка материалов о неких загадочных мифических существах, одно из которых именовалось Ктулху, а другое — Дагон. Очевидно, они были морскими божествами, происходившими из неизвестной мне древней мифологии; наряду с ними в рукописях упоминалось о глубоководных существах (или людях-амфибиях?), которые обитали в морских глубинах и были, по всей вероятности, жрецами — служителями культа Ктулху и Дагона. Эти «глубоководные», насколько я понял, тоже отличались завидным долголетием.

Среди исписанных листков я нашел фотографии, на одной из которых была запечатлена статуя некой на редкость отвратительной земноводной твари, грубо высеченная из огромного монолита. Фото было снабжено пометкой: «Вост. побережье Хива-Оа, Маркизские о-ва. Объект поклонения?» На втором снимке я увидел столб с тотемом североамериканских индейцев, обитавших на Западном побережье; тотем был выполнен примерно в той же манере, что и статуя с островов, а взятое за его основу животное тоже было земноводным или пресмыкающимся. Это изображение сопровождалось надписью: «Тотем инд. плем. квакиутл. Пролив Куацино. Такой же т. воздв. индейцами плем. тлингит». Похоже было, что в стремлении достичь своей вожденной цели доктор Шарьер глубоко изучил древние колдовские обряды и первобытные религиозные верования.

Что это была за цель, я понял довольно скоро. Проблема долголетия являлась для него не теоретическим, но чисто практическим вопросом — он желал продлить свою собственную жизнь.

Некоторые намеки, содержащиеся в рукописях доктора, позволяли предположить, что он преуспел в своих самых безумных дерзаниях, и это вызвало в моей душе новый приступ тревоги — я опять вспомнил о загадочной личности Шарьера-первого, волею судьбы тоже хирурга, последние годы жизни и смерть которого были окутаны столь же непроницаемой завесой тайны, как рождение и юность Шарьера-второго, скончавшегося в Провиденсе в 1927 году.

Хотя события прошедшей ночи не слишком меня напугали, я все же считал за благо не искушать судьбу и приобрел в лавке подержанных вещей уже далеко не новый, но вполне надежный и отличавшийся мощным боем «люгер». Другой моей покупкой стал фонарь с отражателем — он давал яркий свет и в то же время, в отличие от старой лампы, не слепил глаза. Если ночным визитером был кто-то из соседей, рассуждал я, то наверняка похищенные бумаги только раздражат его аппетит, и рано или поздно он предпримет повторное вторжение. На этот случай я и запасся оружием и новым фонарем, готовый открыть огонь по мародеру, если он снова заберется в дом и, будучи застигнут мною на месте преступления, попытается удрать. Впрочем, я искренне надеялся, что до стрельбы дело не дойдет.

На следующую ночь я возобновил изучение книг и бумаг доктора Шарьера. Многие из книг были датированы XVII–XVIII веками, из чего я заключил, что они достались Шарьеру от его далеких предков. Несколько книг на французском языке представляли собой перевод с английского и принадлежали перу Р. Уайзмана — того самого, у которого обучался живший в XVII веке молодой Жан-Франсуа Шарьер. Налицо была связь между Шарьером-первым — парижским учеником Уайзмана — и Шарьером-вторым, скончавшимся в Провиденсе, штат Род-Айленд, три года тому назад.

Вообще же эта библиотека представляла собой довольно причудливую мешанину из самых разнообразных изданий на многих языках — от французского до арабского. Названия большинства из них ничего мне не говорили, хотя я неплохо владею французским и чуть-чуть знаком с другими романскими языками. Например, тогда я не имел ни малейшего представления, что скрывается под таким заглавием, как «Unaussprechlichen

Kulten» фон Юнцта, хотя и подозревал, что оно перекликается с названием книги графа д'Эрлетта «Cultes des Goules», поскольку оба издания стояли рядом на книжной полке. При этом книги по зоологии соседствовали с увесистыми томами, посвященными древним культурам. Томов этих было великое множество, я только перечислю некоторые из них: «Исследование связи культур народов Полинезии и индейцев Южной Америки, в частности Перу», «Пнакотические рукописи», «De Furtivis Litterarum Notis» Джанбаттисты делла Порты, «Криптография» Тикнесса, «Daemonolatrea» Ремигиуса, «Эра ящеров» Бэнфорта... Были здесь подшивки старых газет «Трэнскрипт», издававшейся в Эйлсбери, штат Массачусетс, арххемской «Газетт» и многих других. Что же касается книг, то некоторые из них, без преувеличения, являлись изданиями огромной ценности. Судите сами: самая поздняя была датирована 1820-м, а самая ранняя — 1670 годом! Все они были изрядно зачитаны, но в целом сохранились неплохо, принимая в расчет их весьма солидный возраст.

Впрочем, тогда я не уделил библиотеке Шарьера достаточного внимания, действуя по пословице, согласно которой избыток знаний о всяких запретных вещах вредит человеку куда больше, нежели их недостаток. Я, однако, успел обнаружить среди древних фолиантов нечто напоминавшее на первый взгляд толстый научный журнал, но при более детальном рассмотрении оказавшееся тетрадью для записей, которые, судя по датам, относились к периоду времени, явно выходившему за рамки лет, прожитых Шарьером-вторым. Тем не менее все записи несомненно были сделаны рукой покойного хирурга: несмотря на более чем почтенный возраст первых страниц в сравнении с последними, почерк на всех был одинаков — мелкие крючковатые буквы, теснящиеся одна к другой в ровные, плотные строки. Записи эти представляли собой своеобразную хронологическую регистрацию явлений, связанных с излюбленной темой доктора и, насколько я мог судить, бравших свое начало с очень давних времен. Некоторые тексты сопровождались небрежно выполненными рисунками, производившими тем не менее довольно сильное впечатление, — похожее чувство мы испытываем, глядя на наскальные рисунки первобытных художников.

На первой же странице этой рукописи я увидел запись следующего содержания: «1851. Аркхем. Азеф Гоуд, гл.». Она относилась к иллюстрации, на которой был изображен этот самый Азеф Гоуд, омерзительный жабоподобный тип с безобразно широким ртом, отвислыми складками губ и полуприкрытыми кожистой пленкой глазами, едва видневшимися из-под тяжелых надбровий. Глядя на эту физиономию, я невольно представил себе, как ее обладатель сидит на корточках, плотно припав к земле, — настолько напоминал он земноводное. Рисунок занимал большую часть страницы, а сопровождавший его текст представлял собой комментарии человека, столкнувшегося с этим необычным явлением — едва ли во плоти и крови, но, скорее всего, при изучении документов какого-нибудь малоизвестного архива (кстати, не могло ли сокращение «гл.» расшифровываться как «глубоководные», упоминание о которых встретилось мне ранее?). Безусловно, находки такого рода утверждали доктора Шарьера в его вере, что между некоторыми людьми и представителями амфибий и рептилий существует некая родственная связь, которая может быть прослежена на подобных примерах.

Я обратился к другим записям, однако после первого прочтения они показались мне малопонятными и почти бессмысленными (хотя, может статься, этого и добивался их составитель?). Чтобы не быть голословным, приведу вам хотя бы следующие образцы:

«1857. Сент-Огастин. Генри Бишоп. Кожа чешуйчатая, но не как у рыб. По слухам, 107 лет от роду. Процесса старения организма не наблюдается. Острота всех пяти чувств. Происхождение точно не установлено; вероятно, что предки занимались торговлей с полинезийцами.

1861. Чарлстон. Семья Балаш. Ороговевшие руки. Двойная челюсть. Одинаковые стигматы у всех членов семьи. Антон: 117 лет; Анна: 109. Испытывают сильное беспокойство вдали от водной среды.

1863. Инсмут. Семьи Марш, Уэйт, Элиот, Гилмен. Капитан Абед Марш: торговец в Полинезии, женат на полинезийке, физиогномические характеристики сходны с ф. х. Азефа Гоуда. Очень скрытный образ жизни. Женщины редко показываются

на улицах. По ночам много купаются — целыми семьями заплывают на риф Дьявола. Ярко выраженное родство с гл. Постоянное передвижение между Инсмутом и Понапе. Тайные религиозные обряды.

1871. Джед Прайс, „человек-аллигатор“ в цирковом шоу. Появляется в бассейне с аллигаторами. Вытянутая вперед челюсть, заостренные зубы; не смог определить, от природы или заточены специально».

Другие записи в найденной мною тетради были выдержаны примерно в том же ключе. Их география впечатляла своей обширностью — Канада, Мексика, Западное побережье США. Заметки эти явились для меня фоном, на котором вдруг неожиданно четко обозначилась фигура человека, одержимого бредовой идеей доказать, казалось бы, недоказуемое — прямую связь долголетия отдельных представителей рода человеческого с их генетической близостью к земноводным или пресмыкающимся.

Приведенные в записях факты я рассматривал всего лишь как надуманно утрированные описания физических дефектов людей, но доктор под тяжестью этих собранных им «свидетельств» окончательно утвердился в своей странной, зловещей вере. Однако за пределы чистой догадки его выносило не часто. На мой взгляд, больше всего его интересовала взаимосвязь между примерами, которые он с таким тщанием собрал в своей тетради, и связь эту он искал в трех направлениях. Наиболее тривиальным из них мне показалась мифология негритянского культа вуду. Второе направление охватывало древнеегипетскую культуру с ее поклонением отдельным видам животных. Третьей и, судя по записям доктора, наиболее значимой сферой поисков была совершенно незнакомая мне доселе мифология, старая как мир, если не старше. Фигурировавшие в ней Старшие Боги вели жесточайшую непримиримую войну с Великими Древними, носившими имена Ктулху, Хастур, Йог-Сотот, Шуб-Ниггурат и Ньярлатхотеп. Им поклонялись шантаки, глубоководные, народ чо-чо, снежные люди и другие существа, иные из которых стояли на ступенях эволюционной лестницы, ведущей к зарождению современных людей, а другие представляли собой чудовищные мутации доисторического человека или вовсе не имели

никакого отношения к человеческому роду. Все это было, конечно же, безумно интересно, но о какой-либо прочной связи между собранными доктором Шарьером «свидетельствами» родства отдельных людей-долгожителей с рептилиями и упомянутыми древними мифологиями говорить не приходилось, притом что в легендах вуду и Древнего Египта действительно имелись туманные аллюзии, связанные с рептилиями, а мифология Ктулху целиком основывалась на культе невероятно древних видов земноводных и пресмыкающихся, без сомнения возникших в одно время с тираннозаврами, бронтозаврами, мегалозаврами и другими рептилиями мезозойской эры, а стало быть, намного раньше сегодняшних крокодилов и гавиалов.

Помимо этих интригующих заметок я обнаружил некие диаграммы, которые при более детальном рассмотрении оказались схемами весьма и весьма странных хирургических операций, природа которых к тому времени еще оставалась загадкой для меня. Тогда я мог лишь с большой долей вероятности утверждать, что схемы эти скопированы из двух древних книг — из труда Людвиг Принна «*De Vermis Mysteriis*» и еще одного фолианта, название которого я не смог даже прочесть. Что же до самих операций, то они вызвали у меня приступ сильнейшего отвращения — настолько суть их была противна самой человеческой природе. Например, одна из них состояла в нанесении на кожу множества надрезов с целью ее растяжения («для обеспечения роста», как пояснялось в сопроводительном тексте), а другая представляла собой перекрестное иссечение основания позвоночника с целью «вытяжения хвостовой кости». Эти дьявольские диаграммы вызвали в моей душе неподдельный ужас, но я продолжал внимательно рассматривать их, ибо они, несомненно, были одним из направлений зловещей деятельности доктора Шарьера и могли многое объяснить мне — например, его патологическое затворничество, которое являлось совершенно необходимым условием для сохранения в тайне его безумных экспериментов, иначе он стал бы посмешищем в глазах своих ученых коллег.

Многие бумаги содержали пространные ссылки на различные события, причем манера изложения не оставляла никаких сомнений в том, что описанные случаи произошли с самим рас-

сказчиком. Все они были датированы не позднее чем 1850 годом; иногда на документе вместо года было обозначено десятилетие. Я вновь распознал характерный почерк доктора, и это — исключая, разумеется, возможность того, что Шарьер просто переписал своей рукой чужие заметки, — явилось для меня почти неопровержимым доказательством ошибочности моих предположений относительно его возраста. Было совершенно очевидно, что он умер отнюдь не в восьмидесятилетнем, но в куда как более преклонном возрасте, и уже от одной этой мысли мне стало не по себе — я в очередной раз вспомнил о жившем в XVII веке предшественнике покойного хирурга.

Здесь можно было подвести кое-какие итоги. В соответствии с моими выводами гипотеза доктора Шарьера, в которую он столь фанатично уверовал, заключалась в том, что с помощью особых хирургических операций и неких таинственных ритуалов можно было значительно — на сто пятьдесят и даже двести лет — удлинить короткую человеческую жизнь, то есть сделать ее равной по продолжительности веку крокодилов, ящериц и прочих ползучих гадов. Необходимым условием для этого являлся период своеобразного полубессознательного оцепенения, проводимый в каком-нибудь сыром, темном месте, где шло вызревание иного уже организма и обретение им новых физиологических характеристик. По завершении означенного периода подопытный индивидуум вновь возвращался к жизни, однако глубокие внешние и внутренние изменения, явившиеся результатом операции, сопутствовавших ей колдовских обрядов и анабиоза, вынуждали его вести качественно иной, отличный от прежнего, образ жизни. Для подтверждения этой гипотезы доктор Шарьер собрал обширную коллекцию сказок, легенд и мифов, но наиболее впечатляющим доказательством своей правоты он, безусловно, считал подборку упоминаний о людях-мутантах, живших в последние двести девяносто лет — нет, даже двести девяносто один год, если быть точным. Уточнение этой внушительной цифры оказалось вовсе не бесполезным, ибо некоторое время спустя я с замиранием сердца обнаружил, что именно столько времени — двести девяносто один год — пролегло между датами рождения Шарьера-первого и смерти Шарьера-второго.

Размышляя над гипотезой доктора Шарьера, я проникся невольным уважением к ее необычности и дерзновенности. В то же время нельзя было не отметить, что ей явно недоставало строгого научного подхода и сколько-нибудь убедительных доказательств — все эти намеки, недомолвки и устрашающие предположения вполне могли сойти для досужего любителя страшных историй, но вряд ли были способны пробудить искренний интерес у настоящего ученого, опирающегося на факты и реальные законы бытия, а не на мистику.

С каждым днем я все глубже и глубже погружался в пучину этой безумной теории; и не случись однажды событие, речь о котором пойдет ниже, я преспокойно остался бы в доме на Бенефит-стрит еще бог весть на какой срок и продолжал бы свои изыскания. Но я навсегда покинул это жуткое обиталище и тем самым бросил его на произвол судьбы, ибо последний отпрыск рода Шарьер — сейчас я знаю это точно — никогда больше не явится в Провиденс с притязаниями на дом, который будет передан городским властям и разрушен до основания.

В тот день, рассматривая «находки» доктора Шарьера, я вдруг ощутил на себе чей-то пристальный взгляд — такую защитную реакцию организма некоторые любят называть «шестым чувством». Соблазн обернуться был велик, но я пересилил себя; открыв крышку часов, я поймал на ее зеркальную поверхность отражение находившегося позади меня окна и с содроганием увидел размытые очертания чудовищного подобия человеческой физиономии. В испуге я тут же повернулся лицом к окну, но в оконном проеме не было никого и ничего — лишь какая-то тень мелькнула и исчезла в зарослях старого кустарника. А потом... Боже, я до сих пор не могу понять, действительно ли я видел тогда ту высокую, странно согнутую фигуру, проковылявшую неуклюжей походкой в темноту сада. Во всяком случае, в тот момент у меня достало разума не преследовать ее. «Эта тварь явится сюда еще раз, кем бы она ни была», — решил я.

Мне оставалось полагаться только на свое терпение. В ожидании повторного появления неуловимого ночного пришельца я напряженно размышлял над тем, откуда он мог взяться, и прокрутил у себя в голове имена всех обитателей Провиденса, у которых дом на Бенефит-стрит уже давно не вызывал ничего,

кроме глухой ненависти. Вполне возможно, что они хотели запугать меня и тем самым заставить убраться прочь из особняка Шарьера — не ведая, видимо, о том, что дом снят мною лишь на короткое время. Предположение, что в кабинете хранилось нечто представляющее для них значительный интерес, я вынужден был отбросить — у воров была уйма времени для того, чтобы растащить все находившееся в доме имущество за три года после смерти доктора, когда особняк стоял совершенно пустым. В общем, тогда я так и не пришел к какому-то определенному выводу. Даже весьма необычный облик моего ночного гостя не навел меня на верную догадку — это был как раз тот случай, когда дилетант мог бы иметь преимущество перед профессионалом, который привык доверять только фактам и никогда не давать воли своей фантазии.

Сидя в кромешной тьме, я как никогда остро ощущал ауру этого дома. Даже сама темнота казалась одушевленной, но как непередаваемо далека была эта жизнь от Провиденса с его повседневной будничной суетой! Помимо мускусной вони, характерной для волверов с рептилиями в зоопарках, я отчетливо различал запах гниющего дерева и пропитанного сыростью известняка, из которого были сложены стены погреба. Это был дух тлена — всеильное время наконец-то основательно взялось за старинный особняк. К этому духу примешивался запах животного мускуса, витавший в темных помещениях дома, — поначалу слабый, но далее усиливавшийся с каждой минутой.

Мое напряженное ожидание длилось уже больше часа. За все это время я не услышал ни единого постороннего шума.

И вдруг тягостную тишину нарушил какой-то слабый, непонятный звук. Чем-то он напоминал отрывистый рык аллигатора, но я не осмелился довериться своему вконец расстроенному воображению и решил, что это просто скрип дверных петель. Как бы то ни было, кто-то действительно вторгся в мои владения, и это не прошло для меня незамеченным. Но следующий звук буквально потряс меня — это был шелест бумаг в кабинете. Таинственный визитер каким-то непостижимым образом прокрался туда у меня под носом и преспокойно рылся в документах! Столь самоуверенное, если не сказать наглое, поведение незваного гостя подвигло меня на решительные действия, и, выхватив

из кармана фонарь, я направил яркий луч света на стол, откуда доносились шуршание листов.

Первые несколько секунд я просто отказывался верить своим глазам, ибо стоявшее у стола существо не было человеком — это была омерзительная пародия на него, какой-то мутант, гуманоид-рептилия. От растерянности и страха я совсем потерял голову и, слепо повинаясь инстинкту самосохранения, выхватил пистолет и четырежды выстрелил в монстра. Я стрелял практически в упор, и ни одна из четырех пуль не прошла мимо цели.

Я до сих пор не устаю благодарить Всевышнего за то, что память моя сохранила лишь смутные, фрагментарные воспоминания о дальнейших событиях. Страшный грохот... исчезновение чудовища... свет фонаря... преследование... Пустившись в погоню, я убедился в точности своих выстрелов — от стола в кабинете к окну вели кровавые следы. Оконное стекло было высажено вместе с рамой. Сколь бы ни был ночной пришелец быстр и силен, я тяжело ранил его, и это значительно уменьшало его шансы на спасение; к тому же блестевшие в свете фонаря кровавые следы и густая мускусная вонь выдавали направление, в котором он убегал от меня.

Следы уводили меня вглубь сада, и в конце концов я обнаружил, что стою у залитого кровью колодезного сруба. Темная утроба колодца показалась мне сначала совершенно недоступной, но затем, приглядевшись, я увидел внутри закрепленную на стене лестницу с какими-то необычными ступеньками. Осторожно нащупав ногой верхнюю из них и ухватившись руками за окровавленный край сруба, я начал спуск в колодец. Моя решимость подкреплялась обилием пролитой крови на траве у колодца — из этого я заключил, что преследуемый мною монстр смертельно ранен и не может представлять для меня серьезной опасности.

Боже, зачем я полез тогда в этот колодец? Почему я не вернулся и не убежал прочь от этого адского подземелья и от этого проклятого дома? Но в то время разуму моему не суждено было взять верх над безрассудным любопытством: заинтригованный страшным обликом застигнутого мною в кабинете чудовища, я продолжал спускаться в темную шахту колодца, с каждой секундой приближаясь к поблескивавшей внизу воде.

Ступеньки, однако, не доходили до нее — они обрывались у сделанного в стене отверстия, которое оказалось входом в прорытый параллельно поверхности земли туннель. Держа в одной руке зажженный фонарь, а в другой пистолет, я с трудом протиснулся в зловонный зев подземного хода и ползком двинулся вперед. Довольно скоро я увидел, что туннель завершался подобием небольшого грота — человек нормального роста уместился бы в нем, разве что стоя на коленях. Луч света выхватил стоявший там продолговатый ящик, и я вздрогнул, мгновенно распознав направление туннеля — он вел прямоиком к могиле доктора Шарьера в старом саду, а ящик был, конечно же, гробом.

Но отступать было уже поздно.

Невозможно описать простыми словами тот смрад, которым было пропитано это узкое пространство. В туннеле тошнотворно воняло характерным запахом рептилий; вонь эта была настолько плотной, что, казалось, создавала механическое препятствие для моего продвижения вперед. Кровавый след доходил до самого края гроба, крышка которого была откинута в сторону. Сгорая от желания увидеть поверженного врага, я стал на колени перед гробом и направил свет фонаря внутрь...

Дорого заплатил бы я за то, чтобы моя память не сохранила увиденной тогда картины! Но, увы, это жуткое зрелище отныне и навсегда запечатлелось в моем мозгу — распростертое во чреве полуистлевшего гроба существо, которое только что испустило дух. Облик убитой мною твари был непередаваемо страшен: передо мной лежал получеловек-полуящерица, уродливое подобие того, что являлось некогда человеком. Одежды, покрывавшие тело моей жертвы, были разорваны и перекручены, будучи не в силах сдержать натиск подвергшейся чудовищным мутациям плоти. Кожа на суставах ороговела, ладони и босые ступни были плоскими, очень широкими и завершались огромными когтями. В безмолвном ужасе уставился я на хвостовидный отросток, торчавший из основания позвоночника, на вытянутую крокодилью челюсть с сохранившимся на ней жалким пучком бороды...

Сомнений быть не могло: передо мной лежал не кто иной, как доктор Жан-Франсуа Шарьер, впервые очутившийся в этом адском склепе еще в 1927 году, когда он погрузился здесь в ка-

талептическое оцепенение, ожидая своего часа, чтобы восстать из гроба и вернуться в новом чудовищном обличье в мир живых; доктор Жан-Франсуа Шарьер, хирург, рожденный в Байонне в 1636 году и «умерший» в Провиденсе в 1927-м. Теперь я знал, что за наследника, о котором упоминалось в его завещании, он выдавал самого себя, воскресшего в новом качестве после совершения давным-давно забытых демонических обрядов, древностью своей превосходящих человечество и возникших еще в ту пору, когда Земля была совсем юным порождением Космоса и являла на свет огромных, неведомых нам тварей, которые жили, плодились и умирали на ней.

ДЕНЬ УЭНТВОРТА

Неподалеку от северной окраины Данвича начинается область заброшенных полупустынных земель, которые в результате четырех последовательных нашествий переселенцев — сперва жителей Новой Англии, позднее франкоканадцев, затем итальянцев и, наконец, поляков — были низведены до состояния если не катастрофического, то очень близкого к этому. Первые пришельцы бездумно сводили леса, некогда сплошь покрывавшие эту страну, и стремились выжать как можно больше из бедной каменистой почвы, не заботясь о поддержании ее плодородности; последующие поколения довершили сей не слишком благодарный труд, умудрившись в сравнительно короткий срок окончательно исчерпать местные природные ресурсы. Те, кто приходил сюда позднее, очень скоро оставляли все надежды обустроиться и спешили покинуть этот на редкость унылый и неприветливый край.

Мало кому покажется заманчивой перспектива поселиться в этой части Массачусетса. Дома, некогда добротные и красивые, ныне являют собой картину печального запустения. Кое-где по отлогим склонам холмов еще виднеются фермы, чьи древние строения хранят под своей сенью тайны многих новоанглийских поколений; но признаки упадка и здесь налицо — в покосившихся печных трубах, осыпающихся стенах и безжизненных глазницах окон. Дороги пересекают местность во всех направлениях, но, едва свернув с главного шоссе, проложенного из Данвича на север по дну широкой и длинной долины, вы окажетесь на заросшем травой проселке, чьи колеи столь же редко оживляются движением, сколь дворы окрестных усадеб — голосами живых обитателей.

Впрочем, дух мертвой древности, витающий над этой землей, отнюдь не является единственной и наиболее значимой ее приметой, ибо в здешней атмосфере, как нигде, более явственно ощущается присутствие чего-то иного, необъяснимого, но определенно зловещего. Здесь остались еще участки дремучего первозданного леса, никогда не знавшего топора, а в глубине узких, заросших диким виноградом ущелий тихо журчат ручьи, воды которых даже в самые яркие летние дни не отражают солнечный свет. Вы можете пройти всю долину из конца в конец, не встретив ни одного человека, хотя на некоторых полуразрушенных фермах еще доживают свой век нелюдимые отшельники; даже парящие высоко в небе ястребы не задерживаются долго над этой мрачной местностью, а черные стаи ворон, пролетая над ней, никогда не опускаются на землю для отдыха или в поисках пищи. В старину суеверные люди считали, что весь этот край находится во власти колдовства и всякой дьявольщины, — сия незавидная репутация сохраняется за долиной и по сей день.

Словом, это были не те места, где усталому путнику хотелось бы остановиться, а тем более расположиться на ночлег. И все же именно ночью — а было это летом 1927 года — я оказался в долине проездом из Данвича, куда перед тем завернул, чтобы доставить заказчику кухонную плиту. У меня был еще один заказ в районе, лежавшем на север от этого захолустного городка, и, не поддавшись первому инстинктивному желанию выбрать из двух дорог более длинную — ту, что обходила долину стороной, я двинулся напрямик, покинув Данвич в быстро сгущавшихся вечерних сумерках. Вскоре по въезде в долину сумерки сменились крошечной тьмой, а небо затянули плотные тучи, висевшие столь низко, что казалось, они задевают вершины окружающих холмов, и, таким образом, я ехал как бы в своеобразном туннеле. Шоссе было пустынно — им вообще пользовались нечасто и только для сквозного транзита через долину, судя по невероятно запущенному состоянию отходящих влево и вправо проселочных дорог, которым далеко не всякий водитель рискнул бы доверить свою машину.

Все это, Впрочем, мало меня беспокоило, поскольку путь мой лежал в одно из поселений, расположенных у самого шоссе неподалеку от северного въезда в долину, так что мне не было

нужды куда-либо сворачивать; однако обстоятельства распорядились иначе. Не успел я отъехать от Данвича, как начался дождь; собиравшиеся еще с полудня тяжелые темные тучи наконец разверзлись, и потоки воды стремительно обрушились вниз. Поверхность дороги заблестела в лучах фар, которые несколько минут спустя высветили впереди неожиданное препятствие. К тому времени я уже углубился в долину миль на пятнадцать с лишним, проделав значительную часть пути, — и вот теперь вынужден был остановиться перед барьером с отчетливо нарисованным указателем объезда. Заглянув за преграду, я убедился в том, что дорога дальше и впрямь была совершенно разбита. Продолжать движение вперед казалось по меньшей мере неблагоприятным.

Недоброе предчувствие шевельнулось во мне, когда я сворачивал с главной трассы. Прислушайся я тогда к голосу разума и возвратись в Данвич, чтобы затем выехать из него по другой дороге, я был бы сейчас избавлен от мучительных кошмаров, неотступно преследующих меня с той самой ужасной ночи! Но я принял другое решение. Я заехал уже слишком далеко и не желал терять времени, возвращаясь в Данвич. Окруженный сплошной стеной ливня, я вел машину почти вслепую. Объездная дорога представляла собой тот же убогий проселок, лишь местами посыпанный гравием. Деятельность дорожно-ремонтной службы ограничилась в основном срезанием нижних ветвей ближайших деревьев, что несколько расширило проезд; дорога же как таковая осталась в отвратительном состоянии — и очень скоро я понял, что дела мои плохи.

Потоки дождевой воды быстро размывали грунт; мой автомобиль — одна из самых мощных моделей «форда» с довольно высокими, хотя и узкими колесами — все чаще пробуксовывал в грязи и, пересекая стремительно разраставшиеся лужи, надрывно чихал, поминутно рискуя захлебнуться. Я сознавал, что рано или поздно вода просочится под капот и двигатель заглохнет; необходимо было по возможности скорее найти какое-нибудь жилье или, на худой конец, укрытие для машины. Меня вполне устроил бы заброшенный сарай или конюшня — вряд ли стоило рассчитывать на присутствие обжитой фермы в этих безлюдных краях, — однако густая тьма не позволяла разглядеть что бы то

ни было уже в двух шагах в сторону от дороги. Но вдруг сквозь пелену ночного ливня чуть в стороне замаячил бледный квадрат освещенного окна, а спустя миг в слабеем свете фар я разглядел впереди нечто вроде дорожного ответвления.

Сворачивая, я миновал почтовый ящик с коряво намалеванным именем владельца фермы. «Амос Старк», — гласила эта порядком выцветшая надпись. Вслед за тем свет фар скользнул по фасаду здания. Это была ферма старого типа, где жилой дом, летняя кухня, флигель и хлев вплотную примыкают друг к другу, образуя как бы единый комплекс построек под несколькими крышами различной высоты и конфигурации. По счастью, ворота хлева были широко распахнуты, и, не видя поблизости иного укрытия, я въехал на автомобиле внутрь, ожидая увидеть в стойлах коров или лошадей. Однако хлев был пуст, и, по всей вероятности, пустовал давно; скота не было и в помине, а прелое сено, заполнявшее помещение своим тяжелым ароматом, лежало здесь уже явно не первый год.

Оставив машину в хлеву, я под проливным дождем направился к жилому дому. Снаружи он выглядел столь же дряхлым и запущенным, как и все остальные строения усадьбы. Это было одноэтажное здание с тянувшейся вдоль фасада низкой верандой, пол которой, как я очень вовремя заметил, изобиловал глубокими дырами, зиявшими в тех местах, где гнилые доски, не выдержав, провалились под чьей-то неосторожной ногой.

Добравшись наконец до двери, я постучал в нее кулаком. Прошло несколько минут, но ничто не нарушало тишины, кроме звуков ливня, падавшего на крышу веранды и на залитый водой двор за моей спиной.

Постучав снова, я возвысил голос до крика:

— Есть люди в этом доме?!

— Кто там такой? — раздалось изнутри. Голос говорившего заметно дрожал.

Я представился заезжим торговцем, ищущим укрытия от непогоды.

Световое пятно внутри дома начало перемещаться — человек взял лампу и направился с ней к двери; освещенный квадрат окна постепенно тускнел, а желтая полоска в щели между порогом и дверью становилась все более яркой. Затем послышался

грохот отодвигаемых засовов, звякнула цепочка, и дверь медленно приоткрылась. Передо мной, высоко подняв лампу, стоял хозяин — костлявый старик с морщинистым лицом и редкой бороденкой, кое-как прикрывавшей тонкую жилистую шею. На носу его сидели очки, но он разглядывал меня поверх стекол. Глаза его были угольно-черного цвета, резко контрастируя с белизной волос. В порядке приветствия старик растянул губы в несколько жутковатой ухмылке, обнажив при этом пеньки стертых зубов.

— Мистер Старк? — спросил я.

— Небось попали в переделку с этой бурей? — Старик продолжал ухмыляться. — Давайте-ка в дом, здесь малость обсохнете. Дождь навряд ли затянется, я так думаю.

Я проследовал за ним в комнату, но прежде он тщательно запер дверь, задвинул все засовы и накиннул крюк — манипуляции эти вызвали во мне смутное беспокойство, и я почувствовал себя как-то неуютно. Старик, вероятно, заметил мой вопросительный взгляд, — водрузив лампу на толстый фолиант, лежавший на круглом столе в центре комнаты, он обернулся ко мне и промолвил с сухим дребезжащим смешком:

— А ведь нынче день Уэнтворта. Я было грешным делом принял вас за Наума.

Дребезжащие звуки усилились и участились, что, по всей вероятности, должно было означать смех.

— Ничего подобного, сэр. Меня зовут Фред Хэдли. Я из Бостона.

— В Бостоне бывать не доводилось, — сказал Старк. — Вообще не бывал дальше Акхема никогда — вот уж что верно, то верно. Надо быть здесь и следить за хозяйством.

— Надеюсь, я не очень вам помешал. Я, признаться, взял на себя смелость припарковать автомобиль в вашем хлеву.

— Коровы будут не в обиде. — Он засмеялся своей шутке, прекрасно зная, что в хлеву нет ни единой скотины. — Не доводилось ездить в этих новомодных штуковинах, но вы, городские, все на один лад — никак вам нельзя, чтобы без тарактелки.

— Разве я так уж похож на городского хлыща? — спросил я, стараясь попасть ему в тон.

— Чего там, видал я вашего брата — порой случалось кому-то из городских поселиться в нашей округе, да только вскорости

все они давали деру. Знать, не по душе им здесь приходилось. Сам я сроду не бывал в больших городах и навряд ли когда соберусь побывать.

Он продолжал бормотать что-то невнятное в том же духе и, похоже, завелся надолго; я же тем временем оглядывался вокруг, почти машинально составляя про себя опись находившихся в комнате предметов. Глаз у меня был наметан, благо добрую половину свободного от разъездов времени я проводил на складах фирмы, и — скажу без ложной скромности — мало кто из кладовщиков и клерков мог сравниться со мной в непростом искусстве инвентаризации. Таким образом, мне не потребовалось много времени для того, чтобы удостовериться в наличии у Амоса Старка множества уникальных вещей, за которые коллекционеры и любители старины без раздумий выложили бы круглую сумму. Некоторые из предметов мебелировки были изготовлены еще в позапрошлом столетии — если это не так, можете считать меня ничего не понимающим в антиквариате. Здесь были также всякие старинные вещицы и безделушки, превосходные изделия из дутого стекла и хэвилендского фарфора, расставленные на полках вдоль стен и на этажерках. Немалую ценность представляли и характерные детали быта новоанглийской фермы, давно уже вышедшие из употребления: ручной работы щипцы для снятия нагара со свечей, пробковая чернильница с деревянной затычкой, резные подсвечники, подставка для книг, манок для диких индеек из кожи и прутьев, скрепленных сосновой смолой, тыквенные бутылки, старинная вышивка — все это накопилось за многие десятилетия, что простоял здесь этот дом, построенный еще первыми переселенцами.

— Вы живете один, мистер Старк? — спросил я, улучив паузу в его монотонных рассуждениях.

— Теперь один, да. Раньше тут были Молли и Дюи. Абель уехал отсюда еще мальчишкой, а Элла померла от лихорадки. Я живу один вот уже седьмой год.

Я заметил, что даже во время разговора старик держался настороженно, словно чего-то ожидая. Он как будто пытался слышать снаружи в шуме дождя некие посторонние звуки, но таковых не было — только шорох мышины возни по углам да все та же беспрестанная дробь дождевых капель по крыше. Ста-

рик, однако, продолжал прислушиваться, по-петушиному резко дергая головой; зрачки его глаз сузились, как при ярком свете, бледная плешь просвечивала сквозь венчик спутанных седых волос. На вид ему было лет восемьдесят, но в действительности могло быть и шестьдесят, принимая в расчет одинокий и замкнутый образ жизни, преждевременно старящий человека.

— Вам по пути никто не попадался? — спросил он внезапно.

— Ни единой души от самого Данвича. Это будет миль семнадцать, по моим подсчетам.

— Плюс-минус полмили, — согласился он и вдруг ни с того ни с сего начал фыркать и хихикать самым дурацким образом, как будто не в силах более сдержать распиравшее его изнутри веселье. — Нынче день Уэнтворта. Наума Уэнтворта, — сообщил он вторично. Зрачки его вновь на мгновение настороженно сузились. — Давно вы торгуете в наших краях? Знали небось Наума Уэнтворта?

— Нет, сэр. Не приходилось. Я все чаще бываю в городах. В сельской местности только проездом.

— Наума знали почти все, — продолжал старик, — но никто не знал его так хорошо, как я. Видите эту книгу? — Он указал на старый, донельзя замусоленный том в обернутой бумагой обложке, на который я прежде, осматривая эту слабо освещенную комнату, не обратил особого внимания. — Это «Седьмая Книга Моисея», из нее я узнал много больше, чем из всех других книг, какие читал. Раньше она была у Наума.

Он хмыкнул, что-то припоминая.

— Ну и чудака был этот Наум, скажу я вам. Зловредный, однако, чудака — и скаредный, это уж точно. Как вы могли его не знать — ума не приложу.

Я заверил его в том, что никогда прежде не слышал даже имени Наума Уэнтворта, между делом отметив про себя весьма странные литературные вкусы хозяина дома — «Седьмая Книга Моисея», к чтению коей он был столь привержен, являлась не чем иным, как «ведьмовской библией», содержащей разного рода заклинания, магические формулы и колдовские заговоры и рассчитанной большей частью на простаков, верящих во всю эту ерунду. В круге света, отбрасываемом лампой, я заметил еще несколько знакомых мне книг: собственно Библию, зачитанную в не меньшей степени, чем собрание магических текстов, томик

избранных трудов Коттона Мэзера, а также толстую подшивку старых номеров «Акхемской газеты». В прошлом все это тоже вполне могло принадлежать Науму Уэнтворту.

— Я гляжу, вы интересуетесь его книжками, — сказал старик, словно угадав мою последнюю мысль. — Он как-то раз обмолвился, что я могу взять их себе, — вот я и взял. Хорошие книжки — отчего, думаю, не попользоваться. Очки только нужны, без очков теперь буквы не вижу. А вы — чего уж там — почитайте, коли охота есть.

Рассеянно его поблагодарив, я напомнил, что речь шла о мистере Уэнтворте.

— Ох уж этот Наум! — тотчас подхватил старик все с тем же неприятным смешком. — Он уж верно не одолжил бы мне денег, кабы знал, что с ним вскорости приключится. Нет, сэр, он бы так не поступил, это точно. И ведь даже расписки с меня не взял, вообще никакой бумажки. Денег было пять тысяч. Он мне прямо сказал, что ему нет нужды брать какие-то там расписки — это были его собственные слова, — а теперь как докажешь, что я ему должен? Нечем доказать, все делалось с глазу на глаз; он назначил мне день — ровно через пять лет, — когда я должен буду вернуть ему деньги. Эти пять лет прошли, и сегодня — день Уэнтворта.

Он сделал паузу и взглянул на меня с хитрецей; в глазах его явно плясали веселые огоньки, но в темной глубине за ними таился плохо скрываемый страх.

— Однако Наум не сможет прийти, потому что через два месяца после нашего уговора ему на охоте попала в голову пуля. Выстрел в затылок, и — наповал. Чистой воды случайность. Конечно, нашлись и такие, кто начал судачить, будто я это сделал нарочно, но я знал, чем заткнуть их поганые рты, — я тогда же отправился в Данвич, прямоком зашел в банк и оформил бумагу на имя мисс Дженни, дочки Уэнтворта, завещав ей свое состояние, ну, то есть то, что останется после меня. И уж я постарался, чтоб всем это стало известно. Пусть их дальше судачат — теперь им никто не поверит.

— Ну а как же сам долг? — не удержавшись, спросил я.

— Нынче в полночь кончается срок. — Он вновь зашелся дребезжащим смехом. — Непохоже на то, чтобы Наум сдержал свое обещание, а? Я разумею так: ежели он не придет, то все

деньги отныне мои. А прийти он не может, бедняга. Оно и ладно — ведь этих денег сейчас у меня все равно уже нет.

Я не спросил его, как поживает теперь дочка Уэнтворта. По-немногу начала сказываться дневная усталость; особенно изматывали меня эти последние несколько часов езды под проливным дождем. Хозяин, должно быть, заметил, что я клую носом; он замолчал, и мы довольно долго просидели в тишине. Наконец старик вновь подал голос.

— Вид у вас что-то неважный. Устали небось? — спросил он.

— Да, поездка выдалась не из легких. Но я двинулся дальше, как только на улице поутихнут.

— Тогда вот что. Вам вовсе незачем сидеть здесь и выслушивать мое стариновское брюзжание. Я дам вам другую лампу, можете прилечь на кушетке в соседней комнате. Когда этот дождь стихнет, я вас позову.

— Но ведь я займу вашу кровать, мистер Старк.

— Не беда, я вообще ложусь очень поздно, — сказал он.

Не слушая больше моих возражений, он поднялся с кресла, принес еще одну керосиновую лампу, зажег ее, и несколько мгновений спустя мы уже стояли на пороге смежной комнаты. Старик указал мне на приземистую кушетку. Еще раньше, проходя мимо стола, я прихватил по пути «Седьмую Книгу Моисея» — просто так, из любопытства, ибо с давних пор был наслышан о множестве невероятных и таинственных вещей, якобы скрывающихся под ее обложкой. При этом хозяин дома бросил на меня весьма подозрительный взгляд, но ничего не сказал и возвратился к своему креслу-качалке, оставив меня одного.

Грозовой ливень и шквалистые порывы ветра неумоимо сотрясали стены и крышу дома, внутри которого я с удобством расположился на старомодной, обтянутой кожей кушетке с высоким изголовьем, пристроил поближе тускло горевшую лампу и начал, не торопясь, перелистывать пресловутую «Седьмую Книгу». Содержание последней являло собой причудливую мешанину из заклинаний и невразумительных молитв, обращенных к таким «князьям» потустороннего мира, как Азиэль, Мефистофель, Мабуэль, Бабуэль, Аниквэль и прочие им подобные. Здесь имелись заклятия на все случаи жизни: одни должны были исцелять болезни, другие — исполнять желания или даровать успех

в каком-либо предприятии; имелись здесь и заклęcia, помогающие одолеть врагов и отомстить за нанесенную обиду. Я заметил, что на страницах книги неоднократно встречаются предупреждения о необходимости избегать без крайней на то нужды употребления отдельных слов и фраз; возможно, именно эти настойчивые просьбы и побудили меня в конечном счете переписать самое зловещее из попавшихся мне на глаза заклинаний, а именно: «*Айла химель адонаи амара Зебаот цадас йесерайе харалиус*», предназначенное для вызова из царства тьмы бесов и злых духов или же воскрешения мертвецов.

Закончив переписывать эту безумную фразу, я интереса ради прочел ее несколько раз вслух, будучи совершенно уверен в бесполезности всяких магических изречений и колдовских чар. И действительно — ничего не произошло. Я отложил в сторону книгу и посмотрел на часы. Было ровно одиннадцать. Дождь как будто пошел на убыль — звуки его становились все менее яростными, беспорядочное сотрясение крыши постепенно переходило в размеренный барабанный ритм, что предвещало скорое окончание бури. Вместе с ней близился к концу и мой сравнительно недолгий отдых. Я решил погасить чадившую лампу и провести остаток времени в темноте, предварительно оглядевшись и запомнив расположение предметов в комнате, чтобы потом не наткнуться на что-нибудь при выходе.

Однако, несмотря на усталость, я так и не смог расслабиться и подремать хотя бы полчаса.

Дело здесь было не столько в холодном и жестком ложе, сколько в самой атмосфере дома, необъяснимо гнетущей и мрачной. Казалось, он, как и его хозяин, затаился в обреченном ожидании каких-то грядущих ужасных событий, словно предчувствуя, как однажды — и, видимо, очень скоро — его источенные временем и непогодами стены подломятся у основания и с глухим шумом рухнут наружу, а крыша в облаке трухлявой пыли тяжело осядет вниз, похоронив под собой жилые комнаты вместе с памятью о многих рождавшихся и умиравших здесь поколениях людей. Подобная атмосфера вообще характерна для старых домов, чей век уже на исходе, но в данном случае к ней примешивалось совершенно особое тревожное напряжение — сродни тому, что заставляло Амоса Старка долго колебаться, прежде чем ответить

на мой настойчивый стук в дверь. Вскоре я поймал себя на том, что так же, как он, пытаюсь уловить посторонние звуки в шуме падающего на крышу ливня, сила которого убывала теперь с каждой минутой, и в назойливом писке домашних мышей.

Хозяин мой вел себя беспокойно. Он то и дело вскакивал с кресла и, шаркая туфлями, перемещался взад-вперед по комнате; несколько раз он подходил к двери или к окну, проверял надежность запоров и возвращался затем на свое место. Временами до меня долетали обрывки фраз, сказанных им вполголоса, — как и все люди, подолгу живущие в одиночестве, старик усвоил привычку разговаривать сам с собой. Его бормотанье, и без того очень невнятное, порой падало до едва слышного шепота, но все же по отдельным словам я смог угадать направление его мыслей: Старк, похоже, был занят подсчетом процентов, которые, будь сейчас в этом необходимость, надлежало бы выплатить Науму Уэнтворту сверх основной суммы долга.

— Полтораста долларов за год, — повторял он как заведенный. — Итого за пять лет будет семь с половиной сотен.

Старческий голос срывался на очень высокой — не то восхищенной, не то испуганной — ноте, а потом все начиналось сначала, но вскоре я осознал, что отнюдь не эти его меркантильные переживания явились главной причиной охватившего меня странного беспокойства. Выделив из его монолога несколько вскользь оброненных замечаний и попробовав их сопоставить, я поневоле насторожился и начал прислушиваться внимательней.

— Я упал, да, упал... — бормотал Старк. Далее следовали одно-два неразборчивых предложения. — Все они были при этом, да... — И вновь долгий маловразумительный пассаж. — А потом убежал, очень быстро...

Тут он разразился целой тирадой, состоявшей из абсолютно бессмысленного набора слов и звуковых сочетаний.

— Откуда я мог знать, что оно целит прямо в Наума, — почти простонал он в конце.

Беднягу, похоже, терзали угрызения совести. Разумеется, мрачная окружающая обстановка не могла не сказаться на состоянии духа почтенного джентльмена, пробудив в нем ряд самых тяжелых и горестных воспоминаний. Для меня оставалось загадкой, почему он не последовал примеру прочих былых обитателей этой

бесплодной долины и не перебрался в какое-либо из поселений за ее пределами. Он говорил, что живет здесь один, — вероятно, он был одинок не только в этом доме, но и на всем белом свете, не имея ни родных, ни близких, иначе зачем бы ему завещать все свое состояние дочери какого-то там Наума Уэнтворта?

Его туфли все шаркали по половицам, пальцы нервно перебирали шуршащие листы бумаги.

Издали донесся жалобный плач козодоя — верный признак того, что одна часть горизонта уже очистилась от грозовых туч; ему начал вторить другой, и скоро многоголосый хор этих птиц наводнил всю округу своими оглушительными стенаниями.

— Ишь как орут, чертовы твари, — услышал я ворчание хозяйина. — Кличут грешную душу. Не иначе, Клем Уэйтли отходит.

Шум дождя медленно угасал, покидая долину; одновременно голоса козодоев сливались в нечто вроде тягучей и пространной колыбельной песни; меня начала одолевать дремота, и незаметно для себя я погрузился в сон...

Теперь я вплотную подошел к той части своего рассказа, которая при каждом воспоминании об описываемых здесь событиях заставляет меня вновь и вновь сомневаться в объективности моих ощущений, а следовательно, и в достоверности всего нижеизложенного. С годами я стал чаще задумываться: а не было ли это просто дурным сном, порождением моего расстроенного воображения? Но нет — я уверен, что это случилось со мной наяву; и потом, у меня сохранились вещественные подтверждения моих слов: газетные вырезки, в которых упоминается Амос Старк и его завещание, составленное в пользу мисс Дженни Уэнтворт, а также — что кажется слишком невероятным для простого совпадения — факт чудовищного в своей бессмысленности осквернения старой полузабытой могилы, раскопанной кем-то на склоне одного из холмов, окружающих эту проклятую Богом долину.

...Сон мой был непродолжителен и неглубок. Едва пробудившись, я понял, что дождь прекратился, в то время как крики козодоев переместились ближе к дому и звучали все громче и громче. Некоторые из птиц уселись на землю прямо под окном моей комнаты, а шаткая крыша веранды была, надо полагать, сплошь усеяна этими беспокойными ночными созданиями. Несомненно,

их дикий гвалт и явился толчком к моему пробуждению. Пару минут я приходил в себя, а затем привстал на ложе, готовый тотчас продолжить свой путь — условия для езды были теперь более-менее сносными; во всяком случае, я мог не опасаться, что залитый потоками дождя мотор заглохнет.

Но не успел я коснуться ногами дощатого пола, как неожиданный стук потряс входную дверь.

Я замер, не шевелясь и почти не дыша, — такая же мертвая тишина была и в соседней комнате.

Стук повторился, на сей раз еще более настойчиво и даже повелительно.

— Кто там такой? — спросил Старк.

Ответа не последовало.

В комнате Старка произошло какое-то движение — я увидел, как пятно света начало перемещаться, и затем вновь раздался голос хозяина, в котором явственно сквозили торжествующие нотки.

— Полночь прошла! — воскликнул он, по-видимому глядя на стенные часы. Я машинально сверился со своими ручными и убедился, что его часы спешат на десять минут.

Уверенным шагом он приблизился к двери.

По расположению света я определил, что, прежде чем снять свои многочисленные запоры, он поставил лампу на пол. Возможно, потом он намеревался поднять ее над головой, чтобы получше разглядеть ночного гостя, как это было в случае с моим приходом, — я лишь предполагаю, не более того. Итак, дверь с шумом распахнулась — не то от рывка изнутри, не то от сильного толчка снаружи.

В ту же секунду жуткий крик пронесся под низкими сводами дома. Трудно сказать, чего в нем было больше — ярости или страха, но то несомненно был голос Амоса Старка.

— Нет! Нет! Убирайся! — кричал он. — У меня их нет, слышишь, нет! Убирайся прочь!

Он сделал шаг назад, оступился и упал. Вслед за тем раздался еще один крик — истошный, сдавленный, смертельный крик, потом пошли булькающие горловые звуки, последний вздох и...

Кое-как поднявшись с кушетки, я сделал несколько шагов и привалился плечом к косяку двери, ведущей в смежную ком-

нату. Представшая перед моим взором отвратительная картина тотчас приковала меня к месту, лишив возможности двинуть хотя бы кончиком пальца или выдавить из себя малейший звук.

Амос Старк был навзничь распростерт на полу, а на груди его, впившись в горло костяшками пальцев, восседал медленно распадающийся на отдельные кости скелет. В затылочной части голого черепа было ясно видно круглое отверстие, сделанное в свое время пулей. Это было все, что я успел разглядеть в тот ужасный миг, — потом я, к счастью, потерял сознание.

Когда через минуту-другую я очнулся, все вокруг было спокойно и тихо. Дом был наполнен свежим запахом мокрой травы и дождя, проникшим в раскрытую настежь входную дверь; где-то в ночи по-прежнему кричали козодои, и мягкий свет луны разбегался извилистыми дорожками по дождевым лужам на дворе. Комната была освещена керосиновой лампой, но я не увидел хозяина на его привычном месте в кресле-качалке.

Я обнаружил его лежащим на полу неподалеку от входа. Первой моей мыслью было бежать — бежать отсюда как можно скорее, но, на свою беду, я вздумал поступить сообразно своим представлениям о порядочности и нагнулся над Амосом Старком, чтобы удостовериться в бесполезности любой врачебной помощи.

Эта-то задержка и внесла решающий перелом в мое душевное равновесие, вынудив меня уже в следующий миг с диким воплем ринуться напрямик в темноту, прочь из этой дьявольской обители, с таким чувством, будто легионы бесов, поднявшись из адских бездн, гонятся за мной по пятам.

Ибо, склоняясь над стариком и сразу убедившись в том, что он мертв, я вдруг заметил на его иссиня-белом горле впившиеся глубоко в плоть фаланги пальцев от человеческого скелета, и в то самое время, когда я остолбенело смотрел на них, косточки — каждая в отдельности — зашевелились, оторвались от трупа, быстро пересекли комнату и одна за другой канули в ночь, дабы воссоединиться с останками чудовищного пришельца, в назначенный им самим срок явившегося с того света на встречу со злополучным Амосом Старком.

НАСЛЕДСТВО ПИБОДИ

I

Мне так и не довелось лично познакомиться с моим прадедом Эзафом Пибоди, хотя я достиг уже пятилетнего возраста к тому времени, когда он умер в своей огромной старой усадьбе к северо-востоку от городка Уилбрэхем, штат Массачусетс. Из воспоминаний моего детства сохранилось лишь одно, связанное с поездкой в те края. Старик тогда уже был при смерти и не вставал с постели; отец с матерью поднялись в его спальню, оставив меня с няней внизу, так что я его даже и не увидел. По слухам, он был весьма состоятелен, но время сводит на нет любое богатство, как и вообще все в этом мире, ибо даже, казалось бы, вечному камню на деле отмерен свой срок — что уж тогда говорить о столь преходящем и ненадежном предмете, как деньги. Сплошь и рядом солидные некогда капиталы тают под возрастающим из года в год налоговым бременем и убывают с каждой смертью кого-либо из членов семьи. Вот уж чего-чего, а смертей в нашем семействе было предостаточно. За моим прадедом, скончавшимся в 1907 году, вскоре последовали двое моих дядьев — один был убит на Западном фронте, а другой пошел ко дну вместе со злосчастной «Лузитанией». Поскольку третий мой дядя умер еще раньше и никто из троих не был женат, все права на старинное поместье после смерти деда в 1919 году перешли к моему отцу.

Отец, в отличие от большинства его предков, не был провинциалом. Не питая пристрастия к радостям деревенской жизни, он оставил унаследованный дом вместе с земельными угодьями на произвол судьбы, а прадедовские капиталы вложил в несколько предприятий в Бостоне и Нью-Йорке. Мать также не

разделяла внезапно пробудившийся во мне интерес к сельской старине и в особенности к нашему затерянному где-то в провинциальной глуши родовому гнезду. Однако мои родители так и не пришли к согласию относительно его продажи, хотя я припоминаю один случай, когда во время очередного моего приезда домой из колледжа мать завела разговор на эту тему и предложила сбыть с рук бесполезное и не приносящее дохода имущество. Отец очень строго и холодно прекратил обсуждение вопроса; я помню этот его неожиданно оледеневший — не могу найти более подходящего определения — голос и его странное упоминание о каком-то неизвестном доселе «наследстве Пибоди». Вот в точности его тогдашние слова: «Дед предсказал, что когда-нибудь один из его потомков обретет наследство в полной мере». Мать на это презрительно фыркнула: «Что там еще за наследство? Разве твой родитель уже давным-давно не пустил его по ветру за самым малым остатком?» Отец промолчал, ограничив свои доводы этой единственной ледяной фразой и оставив меня в убеждении, что существуют некие — и весьма серьезные — причины сохранять за собой право на эту собственность, как будто под словами «наследство Пибоди» подразумевалось нечто такое, что нельзя было передать другим лицам обычным законным порядком.

Однако сам отец так никогда и не собрался навестить заброшенную усадьбу; земельный и прочие налоги регулярно вносились в казну нашим поверенным Ахавом Хопкинсом, адвокатом из Уилбрэхема. Время от времени он присылал родителям отчеты о состоянии имущества, которые неизменно оставлялись ими без внимания, а на все его предложения выделить средства на поддержание дома в мало-мальски приличном состоянии они отвечали в том духе, что тратить на это деньги считают пустым и чуть ли даже не вредным занятием.

Итак, усадьба стояла заброшенной, и не похоже было на то, что со временем такое положение изменится. Пару раз адвокат по собственной инициативе пытался сдать ее в аренду, но даже в период недолгого подъема деловой активности в Уилбрэхеме ему удалось привлечь туда лишь временных постояльцев, вскоре съехавших прочь и вновь передавших старый дом Пибоди в распоряжение ветров, дождей, солнца и неумолимо бегущих лет.

Таким образом обстояли дела на тот момент, когда я вступил во владение наследством после трагической гибели моих родителей в автомобильной катастрофе осенью 1929 года. Невзирая на биржевой крах и резкое падение цен на недвижимость в конце того же года, я решился продать свою собственность в Бостоне и на полученные средства восстановить старинный особняк неподалеку от Уилбрэхема, с тем чтобы поселиться в нем самому. Смерть родителей сделала меня единственным владельцем немалого состояния, и теперь я мог позволить себе отказаться от юридической практики, что и сделал без всякого сожаления, ибо сей род занятий требовал исключительной аккуратности и куда большего внимания, чем я был расположен ему уделять по складу своего характера.

Теперь осуществление моих замыслов зависело от того, насколько быстро мог быть отремонтирован сельский дом — или хотя бы его часть, — куда я намеревался вселиться. Здание это возводилось на протяжении многих лет несколькими поколениями семьи Пибоди. Первоначально построенный в 1787 году, дом являл собой типичный образчик старого колониального стиля — невысокий (второй этаж так и остался незавершенным), простой и строгой планировки, с четырьмя массивными колоннами по фасаду. Позднее это строение стало основой — если угодно, ядром — постепенно разраставшейся усадьбы. Каждое новое поколение ее обитателей что-нибудь переделывало или дополняло — сперва был надстроен второй этаж, куда вела винтовая лестница, затем появились боковые крылья и флигели, так что ко времени моего приезда этот комплекс построек занимал уже более акра земли, если считать вместе с лужайкой и садом, столь же запущенными, как и все остальное хозяйство.

Благородная строгость линий, характерная для зданий колониального периода, была в значительной степени смягчена трудами сменявших друг друга строителей, не слишком озабоченных такими вещами, как цельность архитектурного облика; результаты их творческих поисков были видны повсюду — высокая остроконечная крыша дома вдруг как-то неуклюже переходила в покатую крышу мансарды; различной формы большие и малые — в том числе чердачные — окна были прорублены где попало, а широкий, украшенный затейливой резьбой карниз мог

преспокойно соседствовать со своим донельзя примитивным собратом. В целом же, несмотря на все эти недостатки, старый дом произвел на меня благоприятное впечатление, хотя, пожалуй, иному знатоку он показался бы лишь заведомо неудачной попыткой совмещения разных архитектурных стилей и видов декоративной отделки. При взгляде издалека, однако, усадьба во многом выигрывала за счет огромных вековых дубов и вязов, чьи роскошные кроны нависали над домом, окружая его с трех сторон; с четвертой же к нему примыкал старый сад, где среди неухоженных, буйно разросшихся розовых кустов поднимались молодые тополя и березки. Да и сам дом с его потемневшими от времени стенами, которые прекрасно гармонировали с могучими стволами окружающих деревьев, хранил в себе черты былого великолепия и какой-то особой мрачной торжественности.

Я насчитал в доме не менее двадцати семи комнат, три из которых, расположенные в юго-восточном крыле, показались мне наиболее подходящими для устройства своих апартаментов. Распорядившись насчет ремонта, я в течение всей осени и первой половины зимы периодически наезжал сюда из Бостона, чтобы лично проследить за ходом работ. Я видел, как старое дерево после очистки и вошения приобретает красивый теплый оттенок, а вскоре проведенное в дом электричество изгнало из комнат угрюмый полумрак, и лишь задержка с водопроводом отложила мой переезд до поздней зимы; но вот наконец этот день настал — двадцать четвертого февраля я переступил порог дома моих предков уже не только в качестве наследника, но и как его постоянный жилец. Весь следующий месяц я был занят составлением планов реконструкции остальной части усадьбы. Одно время я подумывал об удалении некоторых позднейших элементов для того, чтобы воссоздать первоначальный облик дома, но потом отказался от этой затеи и решил оставить все как есть, сохранив тот колорит и своеобразный дух, что был привнесен многими поколениями живших здесь людей и событиями, происходившими некогда в этих стенах.

К концу месяца я вполне освоился на новом месте и даже успел его полюбить; таким образом, то, что казалось сперва лишь причудой, внезапным душевным порывом, обернулось теперь

глубокой и устойчивой привязанностью. На мою беду, привязанность эта со временем зашла чересчур далеко, и я, сам того не заметив, оказался на ложном пути, приведшем меня к результату, не имеющему ничего общего с моими исключительно благими намерениями. А началось все с того, что я замыслил перенести останки моих родителей, покоившихся на небольшом кладбище в Бостоне, в старый фамильный склеп семьи Пибоди, вырубленный в склоне холма неподалеку от дома и хорошо видный из его задних окон, хотя и совершенно незаметный с проходящего перед усадьбой шоссе. Мало того, я решил найти и доставить в Соединенные Штаты прах моего дяди, павшего на поле битвы где-то во Франции, и тем самым воссоединить почти всех членов нашего рода на исконных землях Пибоди. Подобная идея могла прийти в голову только склонному к уединению и затворничеству холостяку — то есть именно тому, кем я успел стать всего за один месяц, проведенный в огромном пустом доме в окружении чертежей и набросков, сделанных по моей просьбе местным архитектором; за один месяц, ставший переломным в моей жизни и безвозвратно отдаливший меня от всего, что прежде составляло ее суть.

Таковы вкратце были причины, приведшие меня в один из последних дней марта ко входу в фамильный склеп со связкой ключей, которую мне передал мой уилбрэхемский поверенный. Само по себе сооружение отнюдь не бросалось в глаза — оно целиком находилось внутри холма, так что наружу выступала одна лишь массивная дверь, да и та была полускрыта деревьями и кустами, которые вот уже много лет никем не расчищались и не подстригались. Дверь, как и вся гробница, делалась с расчетом на века; строительство это велось практически одновременно с постройкой дома, и с той поры представители нескольких поколений нашей семьи, начиная со старого Джедедии Пибоди, нашли здесь свое последнее пристанище. Проникнуть внутрь оказалось не так уж легко — дверь как будто выросла в проем и очень долго сопротивлялась моим усилиям, но в конце концов подавалась, и передо мной открылся черный зев склепа.

Мои достопочтенные предки покоились каждый в своем гробу — всего их было тридцать семь, иные в отдельных каменных нишах, иные просто внизу у стены. Впрочем, в первых с краю

нишах находились уже не гробы, а то небольшое, что от них осталось, а ниша, предназначенная для Джедедии, была вообще пуста — ни даже кучки праха там, где должен был стоять гроб. Все другие были на месте, располагаясь в строгом хронологическом порядке, за исключением гроба с останками моего прадеда Эзафа Пибоди: он почему-то оказался выдвинутым из длинного ряда гробов, установленных на особом уступе вдоль стены с нишами, — здесь были все сравнительно недавно умершие члены семьи, в том числе мой дед и один из моих дядьев. Внимательно осмотрев гроб Эзафа Пибоди, я, к своему глубокому изумлению, обнаружил следы постороннего вмешательства — кто-то явно пытался поднять крышку, судя по тому, что одна из крепежных петель была сломана, а остальные расшатаны и едва держались в своих гнездах.

Первым моим побуждением было поправить крышку и передвинуть гроб поближе к стене, но при этом я действовал недостаточно аккуратно, и крышка вдруг съехала набок, открыв моему взору внутренность гроба. Несколько долгих секунд я пребывал в странном оцепенении, отказываясь верить собственным глазам, ибо вследствие какой-то чудовищной ошибки Эзаф Пибоди был погребен лицом вниз — я не хотел даже думать о том, что мой прадед мог быть подвергнут этому обряду, находясь в состоянии каталепсии, и скончался в ужасных мучениях, стиснутый в узком пространстве без доступа воздуха и без всякой надежды на спасение. Теперь плоть его уже истлела, сохранились лишь кости да полусгнившие лохмотья одежды, и все же я считал своим долгом исправить последствия этой ошибки или — не дай бог! — несчастного случая. Я сдвинул крышку до конца и осторожно переложил череп и кости, придав скелету подобающее покойнику положение. При этом я не испытывал ни страха, ни отвращения, вполне допустимых в таких обстоятельствах; наоборот, мои действия представлялись мне совершенно естественными. Надо заметить, что все происходило среди бела дня, солнечный свет врывается в раскрытую дверь, проникая сквозь голые кроны деревьев и рассыпая по пыльному полу мозаику ярких пятен, — словом, склеп в этот час не выглядел таким уж зловещим и мрачным. Только теперь я вспомнил о главной цели своего визита: я хотел выяснить размеры помещения и убе-

диться, что в нем хватит места для моих родителей, моего дяди — если останки его будут привезены из Франции — и для меня самого. Результаты осмотра меня вполне удовлетворили.

Выйдя затем наружу, я запер дверь и зашагал в сторону дома, попутно прикидывая, сколько времени могут занять поиски и доставка на родину праха покойного дяди, и перебирая в уме наилучшие пути и средства осуществления данного предприятия. В тот же день я написал и отправил два письма — одно к официальным властям в Бостоне с просьбой разрешить вскрытие могилы моих родителей, а другое в соответствующие инстанции местного округа, сообщая о своем желании перезахоронить их в фамильном склепе.

II

Именно с той самой ночи — если мне не изменяет память — и потянулась цепочка необычайных событий, в центре которых оказалось старое поместье Пибоди. Сказать по правде, я и раньше по некоторым туманным намекам мог догадаться, что с этим домом не все ладно, — адвокат Хопкинс, почтенный пожилой джентльмен, вручая мне связку ключей еще во время первого моего приезда, как-то уж очень настойчиво интересовался моими дальнейшими планами и, узнав, что я хочу здесь поселиться, повторил свой вопрос, как будто не веря в серьезность моих намерений. Позднее по ходу разговора он не раз подчеркивал, что дом этот — «место весьма уединенное», что соседи-фермеры в прошлом «не очень-то жаловали семью Пибоди» и, наконец, что никакие пришлые арендаторы «не могли сколько-нибудь долго там продержаться».

— Это одно из тех мест, — говорил он, стараясь придать лицу многозначительное выражение, — в которые никто и никогда не выезжает на пикник. Там вы не найдете ни одной бумажной тарелки или салфетки, поверьте моим словам!

Не скупясь на подобного рода двусмысленные и неопределенные замечания, старик при этом всячески избегал упоминать о конкретных вещах и событиях, могущих подтвердить справедливость его опасений. Оно и неудивительно, поскольку фактов — то как раз и не было — не принимать же всерьез хмурые взгляды

соседей, по какой-то им самим вряд ли известной причине обходивших далеко стороной обширный участок в самом сердце массива плодородных земель. Владения мои, общей площадью около сорока акров, были по большей части заняты лесом, а вокруг них во всех направлениях простирались четкие квадраты возделанных полей, разделенных каменными стенками или оградами из жердей, вдоль которых тянулись ряды деревьев и густые заросли кустарника, дававшие приют многочисленным птицам. Обдумав слова старого адвоката, я пришел к выводу, что столь странное — если не сказать предвзятое — отношение к усадьбе передалось ему от моих соседей, благо он был связан с ними родством. Эти люди — суровые, крепкие, немногословные — были из той же породы коренных янки, что и Пибоди, отличаясь от последних разве что большей привычкой к труду и более прочной привязанностью к своей земле.

Но вернемся к той ночи — а это была одна из ночей, когда мартовский ветер с особой силой пел и стонал в ветвях деревьев, — во время которой меня впервые посетило ощущение, что я нахожусь в доме не один. Потревожившие меня посторонние звуки мало походили на шаги, правильнее было бы назвать это просто движением — что-то беспрестанно передвигалось по второму этажу взад и вперед, в пределах какого-то небольшого пространства. Я вышел в темный пустой холл, откуда вела наверх винтовая лестница, и прислушался — мне показалось, что звуки медленно спускаются вниз, временами совершенно отчетливые, временами пониженные до еле слышного шороха. Я стоял неподвижно и слушал, слушал, слушал, пытаюсь определить их источник, найти им какое-нибудь рациональное объяснение. Ничего подобного мне прежде слышать не приходилось; в конечном счете я решил, что это могла быть одна из ветвей нависавшего над домом дерева, которая, раскачиваясь на ветру, скребла по стене или крыше и создавала эффект чужеродного присутствия в верхних комнатах. Удовлетворившись такой разгадкой, я вернулся в свою спальню; в дальнейшем странные шумы меня уже не беспокоили, и вовсе не потому, что они прекратились, отнюдь нет, — просто я потерял к ним интерес, дав происходящему убедительное обоснование.

Куда меньше мне повезло со сновидениями, посещавшими меня этой ночью. Обычно я вообще сплю без снов, но на сей раз самые невероятные образы вставали передо мной как нельзя более явственно; я находился в роли пассивного наблюдателя, пространственные и временные барьеры были разрушены, слуховые и зрительные иллюзии сменяли одна другую, но особенно четко запечатлелась в моем сознании темная мрачная фигура в широкой шляпе с коническим верхом и еще одно столь же призрачное существо, неизменно присутствовавшее рядом с первым. Этих двоих я видел словно сквозь дымчатое стекло, а окружающие их предметы были замутнены и преломлены, как будто отгороженные от меня толстой полупрозрачной стеной. В сущности, это был не сон в полном смысле слова, а лишь обрывки видений без конца и начала, открывавшие мне иной, причудливо-гротескный мир, иное измерение, несовместимое с реалиями повседневной жизни. Когда эта ночь наконец прошла, я очнулся на своей койке совершенно измученным и разбитым.

На следующий день меня посетил архитектор, который составлял планы переустройства дома, и принес известие, чрезвычайно меня заинтересовавшее. Это был молодой еще человек, свободный от предрассудков и не верящий во всякие дурацкие легенды, какими обычно обрастают заброшенные старые усадьбы, особенно если они расположены в сельской глуши.

— Человек непосвященный никогда бы не догадался, что в этом доме имеется секретная комната, — сказал архитектор, — что-то вроде тайника. Взгляните сюда. — Он развернул на столе свои чертежи и расчеты.

— Вы в этом вполне уверены? — спросил я.

— Думаю, это либо потайная молельня, — предположил он, — либо укрытие для беглых рабов.

— Я ничего такого не замечал.

— Я пока тоже. Но вот посмотрите...

Он ткнул пальцем в план здания, вычерченный им после осмотра и замера всех внутренних помещений и фундамента. На втором этаже в самой старой части дома, согласно расчетам, должна была находиться еще одна комната, протянувшаяся вдоль всей северной стены. Разумеется, ни о какой тайной молельне не могло быть и речи — в нашем роду никогда не водилось

папистов. Что же касается беглых рабов — это было как будто похоже на правду, но, с другой стороны, во времена, когда строилась эта часть здания, бегство рабов из южных штатов в Канаду еще не было достаточно распространенным явлением, чтобы оправдать создание специального тайника. Нет, данная версия тоже не годилась.

— И вы уверены, что можете прямо сейчас показать мне эту комнату? — спросил я.

— Ее там просто не может не быть.

И действительно, комната была там, где он указывал. Очень умело и тщательно скрытая комната, хотя отсутствие окон в северной стене спальни могло бы и раньше навести меня на определенные догадки. Ведущая в комнату дверь была замаскирована тонкой резной отделкой по красному кедру, которая сплошь покрывала стену. Обнаружить дверь, не зная заранее о существовании комнаты, было делом крайне сложным, ибо она не имела ничего, хотя бы отдаленно напоминающего ручку, а открывалась посредством нажатия на один из многочисленных выступов резьбы. Честь этой находки также принадлежала архитектору, который, как человек, сведущий в таких вещах, сориентировался гораздо быстрее меня, после чего я еще несколько минут простоял на пороге, изучая заржавленный механизм двери и пытаюсь понять принцип его действия.

Наконец мы вошли внутрь и оказались в небольшом замкнутом помещении. Для потайной молельни, впрочем, оно было даже велико, достигая в длину десяти футов — при ширине значительно меньшей — и ограничиваясь у противоположного конца скатом крыши. По всем признакам, здесь давно уже никто не бывал, и вещи оставались нетронутыми в течение многих лет: различные бумаги и книги лежали на своих местах под толстым слоем пыли, а столь же запыленные стулья были придвинуты к расположенному у стены небольшому письменному столу.

В целом комната имела на редкость необычный вид. При своих сравнительно малых размерах она казалась абсолютно лишённой прямых углов, как будто строители намеренно старались удивить и озадачить ее будущих хозяев последовательным искажением естественных очертаний и нарушением всех пропор-

ций. Кроме того, пол у нас под ногами оказался покрыт странными узорами и письменами, частью нарисованными, а частью просто вырезанными на дощатых половицах. Будучи выполнены в грубой и примитивной манере, эти узоры образовывали в конечном счете подобие окружности, вдоль внутренней и внешней сторон которой располагались рисунки — один только взгляд на них вызвал у меня внезапный приступ ужаса и отвращения. Похожие чувства я испытал при осмотре письменного стола — он был какого-то непонятного, скорее черного, нежели коричневого цвета и казался частично обугленным; думается, этому предмету мебели доводилось в свое время выполнять функции, весьма далекие от обычных функций письменного стола. На столешнице были грудой навалены древние книги в переплетах из какого-то особого сорта кожи, в числе коих был и один толстый рукописный фолиант, переплетенный аналогичным образом.

Более подробный осмотр пришлось отложить, поскольку сопровождавший меня архитектор, убедившись в правильности своей догадки относительно тайника и потешив тем самым свое профессиональное самолюбие, не пожелал далее здесь оставаться и заявил, что спешит по весьма неотложным делам.

— Итак, что мы будем делать с этой комнатой — ломаем перегородку, прорубим окно? — спросил он и напоследок добавил: — Конечно же, вы не захотите оставить ее в таком виде.

— Не знаю, — ответил я. — Там поглядим. Все будет зависеть от того, представляет ли она интерес с исторической точки зрения.

Разумеется, я не спешил ликвидировать комнату, относившуюся, как я считал, к числу самых старых в усадьбе. Прежде всего я хотел осмотреть ее более основательно, заглянуть в старинные книги, разобраться со всеми записями и рисунками. Кроме того, у нас с архитектором уже был намечен план первоочередных работ, и таинственное помещение наверху могло пока обожждать. Так что никакого решения по этому вопросу принято не было.

Я рассчитывал уже на другой день вплотную заняться исследованием комнаты, но мне помешал целый ряд непредвиденных обстоятельств. Во-первых, я провел еще одну беспокойную ночь:

меня вновь преследовали все те же кошмары, происхождение которых я не мог объяснить, ибо с ранних лет не был подвержен сновидениям, исключая лишь те случаи, когда они вызывались горячкой во время болезни. Главными же персонажами моих снов, как выяснилось позднее, были мои собственные предки — что само по себе не так уж и удивительно, поскольку я спал в их доме. Говоря точнее, я узнал только одного из своих предков, а именно длиннородого старика в черной шляпе с коническим верхом. Лицо его, прежде мне незнакомое, я утром увидел на портрете моего прадеда Эзафа Пибоди, висевшем среди прочих портретов в нижнем холле здания. В моих снах старик был наделен сверхъестественной способностью перемещаться по воздуху и проникать сквозь стены. Я, например, хорошо запомнил его резко очерченный силуэт, шагающий в пустоте меж верхушек огромных деревьев. И везде, где бы он ни появлялся, его сопровождал большой черный кот, столь же неподвластный законам времени и пространства. Мои сновидения не располагались в какой-либо определенной последовательности и не были связаны между собой; в этих неожиданно сменявшихся одна другую сценах, как в калейдоскопе, возникали и вновь исчезали мой покойный прадед, его черный кот, старый дом и разнообразные предметы его обстановки. Все это очень напоминало сны, посещавшие меня предыдущей ночью, — опять было ощущение встречи с неким неведомым миром и перехода в иное измерение, только на сей раз видения были еще более отчетливыми. Продолжалось это всю ночь вплоть до рассвета.

В первой половине дня, когда я не успел еще толком прийти в себя после ночных кошмаров, явился архитектор и добавил к моим неприятностям еще одну, сообщив о новой задержке ремонтных работ в усадьбе. Он явно пытался избежать каких-либо вразумительных объяснений, но я был настойчив, и в конечном счете он сознался, что нанятые им накануне работники из числа местных жителей сегодня рано утром все как один уведомили его об отказе, заявив, что не желают участвовать «в этом деле». Он, однако, заверил меня, что, если я соглашусь немного подождать, он без особого труда и по сходной цене найдет новых рабочих, поляков или итальянцев, стоит лишь сделать соответствующий запрос в Бостоне. У меня не было иного выбора,

да и, честно сказать, я не был столь уж раздражен задержкой, как хотел это продемонстрировать, ибо с недавних пор меня начали мучить сомнения в полезности и уместности всех намеченных мной перестроек. Ведь, по сути дела, вполне хватило бы лишь укрепления отдельных конструкций старого здания, что помогло бы сохранить своеобразное очарование, заключавшееся именно в его древности. Словом, я попросил архитектора спокойно и без лишней спешки делать все, что он сочтет нужным для найма рабочих, а сам тем временем покинул поместье и отправился в Уилбрэхем, дабы произвести закупки продуктов и кое-каких необходимых материалов.

Здесь практически с первых шагов я столкнулся с недоброжелательным к себе отношением. Если прежде местные жители или вовсе не обращали на меня внимания, поскольку с большинством из них я не был знаком, или отделялись небрежным кивком и парой незначащих фраз, то в это утро они все дружно меня избегали, отворачивались, не вступая в разговор, и даже как будто боялись быть замеченными в каком-либо со мной общении. Продавцы в лавках были до такой степени лаконичны, что это граничило уже с откровенной грубостью; всем своим видом они решительно желали показать, что такой покупатель им только в тягость и что они вообще предпочли бы не иметь со мной никаких дел. Подумав, я решил, что причиной тому был распространившийся слух о моих планах обновления усадьбы Пибоди, что в свою очередь могло вызвать их недовольство либо как попытка разрушить редкий, по-своему уникальный образец местной сельской архитектуры, либо — что более вероятно — как намерение продлить жизнь обширного поместья, которое в ином случае после сведения лесов и ликвидации дома перешло бы в руки соседних землевладельцев и было бы надлежащим образом ими освоено и возвращено в хозяйственный оборот.

Постепенно, однако, мое недоумение на сей счет начало уступать место досаде и возмущению. В конце концов, я не был каким-то там отщепенцем или изгоем и ничем не заслужил такого к себе отношения. Одним словом, к тому моменту, как я вошел в двери адвокатской конторы Ахава Хопкинса, я был уже изрядно заведен и выложил старику свое негодование в выражениях,

гораздо более пространных и резких, чем было у меня в обычае, хотя и не раз по ходу своей речи замечал, что он чувствует себя очень неловко.

— Ну же, мистер Пибоди, — сказал он наконец, стремясь как-то сдержать поток моих гневных излияний, — на вашем месте я бы не стал так волноваться по этому поводу. Ведь людей тоже можно понять: они все глубоко потрясены, и к тому же они здесь все очень суеверны. Согласитесь, что при том настроении умов, которое, сколько я себя помню, всегда преобладало в наших краях, подобное жуткое происшествие вполне может быть истолковано в самом превратном, с точки зрения образованного человека, смысле.

Эти слова Хопкинса и особенно та мрачность, с какой они были произнесены, порядком меня озадачили.

— Вы сказали — жуткое происшествие? Прошу меня извинить — я, верно, не знаю чего-то, что знают все.

Он поднял на меня глаза, и взгляд его был столь странен, что теперь я уже совершенно растерялся.

— Мистер Пибоди, по той же дороге, что и вы, но двумя мильями дальше живет семейство Тейлор. Я лично хорошо знаком с Джорджем Тейлором. У них десять детей — или, точнее сказать, было десять детей. Прошлой ночью один из двух младших мальчиков — ему только пошел третий год — был выкраден прямо из кровати, причем злоумышленника никто не видел и он не оставил после себя ни малейших следов.

— Я искренне сожалею, поверьте. Но каким образом все это может касаться меня?

— Я уверен, вы здесь ни при чем, мистер Пибоди. Но вы появились у нас недавно и человек сравнительно чужой, а... впрочем, все равно вы это узнали бы рано или поздно... Словом, фамилия Пибоди не пользуется у нас большой популярностью, скорее наоборот — у многих в здешней округе она вызывает сильнейшее раздражение и даже ненависть.

Я больше не пытался скрыть свое изумление.

— Но почему?

— Видите ли, очень многие люди слепо верят всякого рода сплетням, как бы они ни были смехотворно нелепы. — Хопкинс чуть помолчал, прежде чем продолжить: — Вы уже достаточно

взрослый и серьезный человек и, надеюсь, в состоянии понять и оценить, что это значит, — особенно для такой сельской глубинки, как наша. Еще в бытность мою ребенком о вашем прадеде рассказывали массу всяческих небылиц, но факты таковы: в течение всех лет, что он прожил в своем поместье, у многих семей в этих местах периодически исчезали маленькие дети, причем исчезали бесследно, так что сегодня всем старожилам первым делом пришлось в голову сопоставить два разных события: появление в усадьбе нового человека из семейства Пибоди и новое чудовищное преступление, по всем признакам чрезвычайно похожее на те трагедии, которые молва всегда связывала с одним из членов вашего рода.

— Но это же абсурд!

— Безусловно, вы правы, — поспешно согласился старый адвокат, но в голосе его, вполне любезном и дружелюбном, не чувствовалось уверенности, — однако все обстоит именно так, как я вам описал. И потом, сейчас апрель и до Вальпургиевой ночи осталось меньше месяца.

Боюсь, при последних его словах я побледнел настолько, что это уже не могло остаться незамеченным.

— Полноте, мистер Пибоди, — сказал Хопкинс, неудачно пытаюсь войти в шутливо-фамильярный тон, — уж вы-то наверняка знаете, что здесь все и всегда считали вашего прадеда чернокнижником и колдуном!

Когда я несколько минут спустя покидал дом этого славного джентльмена, мысли мои пребывали в ужаснейшем беспорядке. Несмотря на приводившие меня в ярость презрительные и — как я не без злорадства отметил — испуганные взгляды встречных обывателей, я был гораздо сильнее обеспокоен одним внезапно закравшимся мне в душу подозрением: а не было ли и впрямь какой-то связи между событиями этого дня и тем, что привиделось мне прошлой ночью? Итак, попробуем рассуждать здраво: накануне мой незабвенный предок является мне в ряде неясных и причудливых сновидений, а на следующий день о нем вдруг заходит разговор при обстоятельствах, уже гораздо более зловещих и — что особенно важно — более реальных. Хотя, с другой стороны, я узнал в городке не так уж много, разве что выяснил причину неприязненного отношения местных жителей к Эзафу

Пибоди: они, народ в большинстве своем невежественный и суеверный, считали его магом, колдуном, злым волшебником — в общем, тем, кто знает почему зря со всякой нечистой силой; но это было всего лишь их субъективное мнение. Не стараясь теперь уже соблюдать хотя бы видимость приличия, я протолкался сквозь группу людей, которые в свою очередь шарахались от меня, как от прокаженного, уселся в свой автомобиль и поехал обратно в усадьбу. По приезде нервы мои подверглись еще одному испытанию — к двери был прибит гвоздями большой кусок фанеры, на котором кто-то из моих безграмотных соседей коряво нацарапал карандашом: *«Праваливай — а ни то будит худо»*.

III

Следующая ночь — отчасти, быть может, под влиянием всех описанных выше неприятных событий — прошла еще тревожнее, чем две предыдущих.

Единственным, хотя и немаловажным, отличием была достаточно последовательная смена видений и цельность общей картины сна. Опять мне являлся мой прадед Эзаф Пибоди, но сейчас отдельные черты его внешности, ранее не бросавшиеся в глаза, как бы разрослись, обрели пугающие вес и значимость. Огромный черный кот был при нем и тоже выглядел весьма угрожающе — шерсть дыбом, уши нацелены вперед, хвост поднят торчком; в таком виде эта тварь сопровождала своего хозяина, беззвучно скользя у его ноги или чуть позади. Старик нес в руках какой-то предмет — не могу сказать в точности, что это было, поскольку изображение начало расплываться и я увидел только большое белое или бледно-розовое пятно. Он двигался через лес, через поля и огороды, мимо темных домов и отдельно стоящих деревьев; он проходил какими-то узкими коридорами, а один раз — могу поклясться — я видел его внутри глухого закрытого склепа или гробницы. Кроме того, я неоднократно узнавал в декорациях снов отдельные внутренние помещения старой усадьбы. Этой ночью у Эзафа Пибоди объявился еще один постоянный спутник — Черный Человек. Не негр, нет, гораздо чернее — чернее ночи, чернее самой тьмы. Он держался все время

немного поодаль, и лишь иногда я угадывал страшный уродливый лик в том сгустке мрака, из глубины которого мрачно сверкали два огненно-красных глаза. Еще там были разные мелкие твари, то и дело мелькавшие рядом со стариком: крысы, летучие мыши и какие-то отвратительные существа — помесь крысы и человека. Временами до меня даже доносились звуки — сдавленный крик, детский плач и одновременно дикий торжествующий хохот, а затем чей-то монотонный голос нараспев произнес: *«Эзаф уже возвращается. Эзаф начинает расти»*.

Уже после того, как я проснулся и увидел, как предрассветные сумерки вливаются в окно спальни, меня долго преследовали звуки детского плача, который, казалось, раздавался где-то поблизости, внутри самого дома. Больше я не засыпал, но продолжал лежать неподвижно с широко открытыми глазами и думать о том, какие еще новые сюрпризы принесет мне грядущая ночь, и следующая за ней, и еще многие другие ночи, подобные этой.

Приезд из Бостона бригады рабочих-поляков временно отвлек меня от всех тревог, связанных с ночными кошмарами. Старший над ними, коренастый мужчина по имени Джон Чичиорка — или что-то вроде того, — оказался малым весьма толковым и пользовался у подчиненных непререкаемым авторитетом. На вид ему было лет пятьдесят, и я особо отметил его хорошо развитую мускулатуру; приказания, которые он отдавал трем другим рабочим, исполнялись ими с какой-то даже чрезмерной поспешностью — заметно было, что они побаиваются его гнева. По словам бригадира, они договорились с моим архитектором, что прибудут сюда через неделю, так как у них еще оставалась одна незаконченная работа в Бостоне, но ту работу внезапно пришлось отложить, и вот они здесь; из Бостона поляки отправили архитектору телеграмму с сообщением о своем скором приезде. Они, в сущности, были готовы приступить к работе немедленно, не дожидаясь архитектора, поскольку тот еще в прошлую встречу передал им необходимые планы и чертежи и ввел бригадира в курс дела.

Недолго думая, я дал им первое задание — снять слой штукатурки с северной стены комнаты, находившейся на первом эта-

же как раз под тайником. При этом им следовало действовать осторожно и аккуратно, дабы не повредить стойки, поддерживавшие перекрытия второго этажа. В дальнейшем предстояло очистить все стены комнаты и заново их оштукатурить, так как старый раствор, изготовленный когда-то вручную, еще дедовским способом (в чем я убедился, осмотрев один из первых отколотых ими кусков), давно уже выцвел и растрескался, сделав эту комнату практически непригодной для проживания. Такие же точно ремонтные работы были совсем недавно проведены в той части дома, которую я в данный момент населял, но тогда это заняло куда больше времени, поскольку изменения вносились не только в отделку, но и в планировку помещений.

Я понаблюдав немного за их работой, а затем пошел к себе и начал было уже привыкать к равномерному грохоту молотков и треску отдираемых планок, когда вдруг разом наступила тишина. Подождав несколько секунд, я поднялся со стула и вышел в нижний холл, где и застал всех троих неподвижно сгрудившимися у стены. Но вот они попятились, торопливо осеняя себя крестным знамением, а затем сорвались с места и, толкая друг друга, ринулись вон из дома. Пробегая мимо меня, Чичиорка прокричал какое-то невнятное ругательство — должно быть, польски, — лицо же его было искажено страхом и яростью. Мгновение спустя вся компания была уже на улице, мотор их машины взревел на максимальных оборотах, взвизгнули рессоры, и шум этот начал стремительно удаляться от усадьбы.

Крайне удивленный и обескураженный, я повернулся и посмотрел на то место, где только что велись работы. Они успели уже снять значительную часть штукатурки и сетки, на которую та лепилась; их рабочие инструменты все еще валялись на полу. Последнее, что они сделали, — это вскрыли часть стены сразу за плинтусом, где с прошлых лет накопилось огромное количество разного хлама и мусора. Только приблизившись к стене почти вплотную, я смог разглядеть то, что привело этих суеверных болванов в такой неописуемый ужас и заставило столь паническим образом покинуть мой дом.

У основания стены, в узком пространстве за плинтусом, среди давно пожелтевших, обглоданных мышами бумаг, на которых

тем не менее еще можно было различить странные каббалистические рисунки и знаки, среди жутких орудий смерти и уничтожения — коротких ножей и кинжалов, заржавевших скорее от крови, чем от сырости, лежали маленькие черепа и кости как минимум троих детей!

Я далеко не сразу поверил собственным глазам: выходит, все эти пустые нелепые бредни, которых я накануне вдоволь наслушался у Ахава Хопкинса, не были столь уж нелепыми и пустыми? За один-единственный миг я понял очень многое. Итак: при жизни моего прадеда в окрестностях усадьбы с удивительным постоянством бесследно исчезали дети; его подозревали в черной магии и колдовстве, в исполнении тайных сатанинских обрядов, составной частью которых было жертвоприношение невинных младенцев, — и вот здесь, в стенах дома, я нахожу неоспоримые доказательства, подтверждающие правоту тех, кто обвинял его в нечестивых и гнусных деяниях.

Выйдя наконец из состояния шока, я понял, что мне надлежит действовать как можно быстрее. Если об этом открытии станет известно в округе, мое дальнейшее пребывание здесь превратится в нескончаемую травлю — об этом уж позаботятся все чадолюбивые и богобоязненные соседи. Оставив колебания, я бросился в свою комнату, схватил первую попавшуюся картонную коробку, вернулся к пролому и тщательно собрал в нее все, что мне удалось найти, вплоть до мельчайшей косточки. Затем я перенес этот страшный груз в наш семейный склеп и высыпал кости в пустую нишу, некогда хранившую в себе тело Джеддии Пибоди. По счастью, хрупкие детские черепа в процессе транспортировки раскрошились на мелкие осколки, так что со стороны все это теперь смотрелось лишь как полуистлевшая груда останков давным-давно умершего человека, и только специальная экспертиза могла бы установить происхождение костей — экспертиза, необходимость которой в данном случае вряд ли кому могла прийти в голову. Таким образом, я успел уничтожить улики и был готов отрицать как досужий вымысел или как обман зрения все, что бы ни наговорили рабочие архитектору. Впрочем, на сей счет я беспокоился зря, ибо насмерть перепуганные поляки так и не открыли ему настоящую причину своего бегства из усадьбы.

Между тем я не стал ждать приезда архитектора, чтобы узнать от него все эти подробности, — в конце концов, такого рода происшествия должны были больше волновать его, чем меня, поскольку наем работников для усадьбы значился в условиях заключенного с ним контракта, — но, следуя неизвестно откуда возникшему инстинктивному побуждению, отправился наверх в тайную комнату, прихватив с собой мощный электрический фонарь и твердо вознамерившись раз и навсегда покончить со всеми загадками этого дома. Долго искать мне не пришлось: едва луч света упал в открывшийся проем двери, как по спине моей пробежал холодок, — на полу рядом со следами, оставленными мной и архитектором во время нашего первого краткого визита, были отчетливо видны иные, еще более свежие следы; стало быть, некто — или нечто — посещал эту комнату совсем недавно, уже после нас. Следы были хорошо различимы, и мне не составило труда определить, что одни из них принадлежали босым ногам человека, а другие — я совершенно уверен — кошачьим лапам. Но наибольшее впечатление на меня произвел даже не сам факт чьего-то тайного присутствия, а то, что следы брали начало из северо-восточного угла комнаты, где, учитывая ее уродливо-абсурдную геометрию, не было достаточно пространства для передвижения не только человека, но даже и кота — под таким наклоном сходились в этом месте пол и крыша. И все же именно здесь, судя по следам, эти двое впервые появились в комнате. Отсюда следы вели уже к черному столу, на котором я обнаружил последнее и самое жуткое свидетельство их пребывания; причем, увлекшись изучением следов, я заметил его лишь тогда, когда уже в буквальном смысле ткнулся в стол носом.

Поверхность стола была покрыта еще не засохшими пятнами какой-то темной жидкости. Небольшая — около трех футов диаметром — лужа этой жидкости скопилась и на полу; рядом с нею в пыли была видна отметина, оставленная не то валявшимся здесь котом, не то куклой или еще каким свертком. Я направил туда луч фонаря, пытаясь определить, что же это такое, затем посветил на потолок в надежде обнаружить дыру, через которую могли бы проникнуть капли дождя, но тут же вспомнил, что со времени моего первого прихода в эту комнату дождей не

было вообще. После этого я опустил в лужицу указательный палец и поднес его к свету — жидкость была красной, как кровь, — и одновременно я понял, что ничем иным, кроме крови, она и не могла быть. Каким образом оказалась она в этом месте, я боялся даже предполагать.

К тому времени в голове моей теснилось множество самых ужасных догадок, но я пока не мог свести их к одному логическому заключению. Чувствуя, что здесь мне больше делать нечего, я задержался у стола еще на пару секунд лишь для того, чтобы прихватить с собой несколько толстых старинных книг и лежавшую чуть в стороне рукопись, и со всем этим быстро отступил из комнаты, пугавшей и подавлявшей меня своими немислимыми изломами стен и демонической игрой светотени меж нависающих потолочных выступов. Очутившись наконец в более прозаической обстановке, я почти бегом направился в обжитую часть дома, прижимая к груди свою ношу и испытывая вместе со страхом нечто похожее на чувство вины.

Удивительно, но, едва открыв принесенные книги, я пришел к убеждению, что каким-то образом уже знаком с их содержанием. И это притом что я никогда ранее их не видел и даже не имел понятия о существовании трудов с такими названиями, как «*Malleus Maleficarum*» или «*Daemonialitas*» некоего Синистрари. Все они имели самое непосредственное отношение к черной магии и колдовству и содержали огромное количество разных древних легенд и магических заклинаний, обстоятельных описаний уничтожения колдунов и ведьм путем их сожжения, а равно описаний средств и способов перемещения нечистой силы, «среди коих наиболее частым является телесное перемещение из одного места в другое... в окружении бесовских призраков и фантомов, обыкновенно, как сами ведьмы в том признаются, посредством езды под покровом ночи верхом на зверях и чудищах самого невероятного обличья... либо просто ступая пешком по воздуху, выходя из невидимых глазу отверстий, созданных и существующих исключительно для их пользы и недоступных никому другому. Сатана собственноручно обволакивает сонными грезами душу человека, которым он пожелает завладеть, и направляет ее блуждать по одному ему ведомым адским путям... Они пользуются особой мазью, изготовленной

по дьявольским рецептам и наставлениям из крови убиенных ими младенцев, каковой мазью они покрывают метловище или стул, обычно служащие им как орудия для перемещения; совершив указанное действие, они сей же час, будь то день или ночь, поднимаются в воздух, по желанию своему становясь недоступными для людских взоров либо же смущая оные зрелищем сего бесовского наваждения». Я не стал читать дальше и, отложив эту книгу в сторону, взялся за Синистрари.

Почти сразу же мне на глаза попался следующий отрывок: «*Promittunt Diabolo statis temporibus sarificia, et oblaciones; singulis quindecim diebus, vel singulo mense saltem, necem alicijus infantis, aut mortale veneficium, et singulis hebdomadis alia mala tes, incendia, mortem animalium...*»¹; далее подробно излагалось, как ведьмы и колдуны в назначенное время осуществляют ритуальные убийства детей или иные магические обряды, связанные с принесением человеческих жертв. Одно только чтение этих строк наполнило мою душу неопишуемым смятением и тревогой, так что я оказался уже не в состоянии достаточно внимательно ознакомиться с остальными книгами, ограничившись лишь прочтением их названий — там были «*Vitae sophistarum*» Евнапия, «*De Natura Daemonum*» Анания, «*Fuga Satanae*» Стампы, «*Discours des Sorciers*» Боре и один незаглавленный труд Олауса Магнуса. Обложки всех томов были обтянуты гладким черным материалом, который, как я определил уже позднее, был не чем иным, как человеческой кожей.

Столь характерный подбор книг сам по себе уже выдавал наличие здесь чего-то большего, нежели простое любопытство и интерес ко всему, что касается магии и колдовства; я вновь убедился в том, что зловещие слухи о моем прадеде, в изобилии бродившие по Уилбрэхему и его окрестностям, не зря были столь живучи, ибо они имели под собой достаточно серьезные основания. Но книги книгами (о них, впрочем, могли знать очень немногие), а здесь было что-то еще. Что именно? Человеческие

¹ «Они обещают Дьяволу жертвоприношения в определенные дни, дважды или как минимум один раз в месяц; в жертву они приносят детей либо совершают губительное колдовство, неделю за неделей творя гнусные деяния во вред роду человеческому, вызывая бури, град, пожары, падеж скота...» (лат.)

кости, спрятанные в простенке под тайником, недвусмысленно намекали на страшную связь между поместьем Пибоди и чередой нераскрытых преступлений, с неумолимой регулярностью потрясавших всю округу в течение многих лет. Однако никаких конкретных свидетельств, могущих указать на причастность к этим делам Эзафа Пибоди, не существовало — по крайней мере, до настоящего дня. Значит, в образе жизни и поведении моего прадеда должны были присутствовать еще какие-то более очевидные черты, кроме его нелюдимости и репутации скряги, о которой мне было известно еще в детские годы, — какие-то иные обстоятельства, что должны были связать в умах людей угрюмого отшельника с происходившими вокруг трагическими событиями. Я не рассчитывал найти ключ к этой загадке в содержимом тайной комнаты, но нужные мне сведения вполне могли оказаться в старых подшивках «Уилбрэхемской газеты», имевшихся в местной библиотеке.

Сказано — сделано, и вот спустя всего полчаса я уже сидел в книгохранилище сего достойного заведения, склонившись над толстыми пачками пожелтевших страниц. Занятие это было далеко не из приятных и поглощало массу времени, так как мне приходилось изучать от начала и до конца все номера «Газеты», относившиеся к последним годам жизни моего прадеда, без сколько-нибудь реальных надежд на успех; правда, следует признать, что пресса того времени была в значительно меньшей степени ограничена условностями жанра и стеснена официальными запретами, чем нынешние издания. Просидев за столом более часа, я не нашел ни одного упоминания о старой усадьбе или ее владельце, хотя неоднократно встречал — и всегда внимательно прочитывал — отчеты о «вопиющих злодеяниях», совершенных неподалеку от наших мест, жертвами которых, как правило, оказывались дети. Все эти заметки неизменно сопровождались редакционными комментариями, особо выделявшими те показания очевидцев, где говорилось о странном «животном», которое представляло собой «непонятное существо черного цвета, могущее в зависимости от обстоятельств увеличиваться либо уменьшаться в объеме, иногда будучи ростом с обыкновенного кота, а в иных случаях превышая размерами льва». Подобная путаница в показаниях вполне справедливо объяснялась игрой воображе-

ния свидетелей, которые за редким исключением были детьми не старше десяти лет, порой сильно покусанными и покалеченными, но все же избежавшими участи их менее удачливых сверстников, бесследно пропадавших через определенные промежутки времени на протяжении всего 1905 года, подшивку за который я наугад выбрал для просмотра. И при всем том ни разу ни в одном номере не упоминался Эзаф Пибоди — так продолжалось вплоть до самого года его смерти.

Только тогда в печати появилась небольшая статья, в которой было отражено расхожее мнение о моем прадеде.

«Эзаф Пибоди покинул этот мир; но о нем долго еще будут помнить в наших краях. Среди местных жителей было немало таких, кто приписывал ему сверхъестественные способности и власть над силами тьмы, то есть нечто, происходящее из глубин далеких и мрачных столетий и совершенно не подобающее нашему просвещенному веку. В свое время фамилия Пибоди значилась в списке обвиняемых на знаменитом Салемском процессе; позднее именно из Салема приехал сюда и построил дом близ Уилбрэхема Джедедия Пибоди. Само собой разумеется, что слухи, ходящие вокруг этого семейства, как и всякие суеверия вообще, не основываются на реальных фактах. Исчезновение старого черного кота Эзафа Пибоди, которого никто не видел со дня смерти хозяина, является не более чем простым совпадением. До сих пор еще не прекратились разговоры, касающиеся обстоятельств похорон Эзафа. Утверждают, будто гроб с покойным не был выставлен в открытом виде накануне погребения по причине каких-то таинственных изменений, происшедших с телом, либо из-за вынужденного нарушения похоронного обряда, что делало показ мертвеца крайне нежелательным. В этой связи из пыльных сундуков были извлечены на свет божий старинные поверья о колдунах, которые якобы должны быть положены в гроб лицом вниз, после чего покой их не следует нарушать никоим образом, разве только посредством сожжения...»

Статья эта и сам ее стиль показались мне не совсем искренними, словно автор чего-то недоговаривал. Но все же я узнал из нее достаточно много, пожалуй, даже больше, чем хотел бы

узнать. Люди считали черного кота Эзафа Пибоди его подручным, так сказать, младшим бесом — ибо у каждого колдуна или ведьмы имеется свой младший бес, обычно принимающий образ какого-нибудь животного. Неудивительно, что те, кто приписывал моему прадеду колдовские способности, относили сюда же и кота — очевидно, при жизни старика кот был с ним так же неразлучен, как и в моих сновидениях. Но сильнее всего меня потрясло описание похорон Эзафа Пибоди, ибо я знал то, что не было известно редактору, а именно — что тело действительно было положено в гроб лицом вниз. Более того, я знал, что покой его был нарушен, хотя этого делать не следовало. И последнее — я имел все основания подозревать, что кто-то еще, кроме меня, обитает в усадьбе Пибоди, выходя из моих снов и перемещаясь по комнатам дома, по окружающей местности и по воздуху над ней!

IV

Этой ночью опять пришли сны, и вновь они сопровождались голосами, звучавшими столь близко и пронзительно, словно они проникали в меня одновременно как изнутри, так и снаружи. Вновь мой прадед был занят своим страшным делом, а спутник его, черный кот, время от времени останавливался, поворачивал голову и смотрел как будто в упор на меня, при этом на морде его всякий раз возникало выражение злобного торжества. Я видел, как старик в островерхой шляпе и длинных черных одеждах появился со стороны леса и, пройдя сквозь стену дома и через темную комнату, очутился перед мрачным алтарем, за которым, ожидая жертвоприношения, стоял Черный Человек. Видеть весь дальнейший ужас было невыносимо, но я не мог уклониться от зрелища, как не мог избавиться и от дьявольских звуков, ибо находился во власти сна. Потом я увидел его, кота и Черного Человека уже среди густого леса далеко от Уилбрэхема, где в обществе прочих бесовских тварей они справляли черную мессу у алтаря под открытым небом; за этим последовала дикая оргия. На сей раз изображение было не столь четким; лишь иногда отдельные сцены прорывались мгновенными вспышками сквозь плотную пелену цветного тумана и жуткую какофонию звуков.

Помню странное ощущение зыбкости и чужеродности окружавшего меня мира, который я воспринимал на подсознательном уровне, слыша и видя вещи, непереносимые для нормального человеческого рассудка. До меня постоянно доносились леденящие кровь песнопения, крики умирающего ребенка, нестройное завывание труб, читаемые задом наперед молитвы, визг и хохот пирующих, которых я мог наблюдать лишь урывками. Так же, урывками, до сознания моего доходил смысл разговоров, короткие фразы, ничего не значившие каждая в отдельности, но все вместе создававшие смутную картину происходящего.

— Достоин ли он избрания?

— Именем Велиала, именем Вельзевула, именем Сатаны...

— От плоти и крови Джедедии, от плоти и крови Эзафа, прибывший сюда вместе с Бэлором...

— Подведите его к книге!

В следующем проблеске сновидений я увидел самого себя приближающимся в сопровождении моего прадеда и кота к огромной черной книге, со страниц которой мерцали начертанные горящими буквами имена, и под каждым стояла кровавая роспись. Я тоже был принужден расписаться, причем рукой моей водил Эзаф Пибоди, а кот, которого он называл Бэлором, полоснул острыми когтями по моему запястью; хлынула кровь, в которую и обмакнули перо, кот же при этом начал подпрыгивать и приплясывать, выделявая в воздухе дикие антраша.

В этом сне была одна подробность, особенно смутившая меня по пробуждении. Когда мы шли через лес к месту дьявольского шабаша, я хорошо запомнил тропу, проложенную краем болота; с одной стороны от нее поднимались заросли осоки, а с другой тянулась зловонная трясина, над которой тяжелым туманом плыли гнилостные испарения. Ноги мои при каждом шаге погружались в черную вязкую жижу, тогда как мои спутники, казалось, плавно летели над самой землей, не оставляя на ней ни малейших отпечатков.

И вот поутру, когда я очнулся — а это случилось много позднее обычного часа, — я обнаружил, что моя обувь, еще накануне вечером сиявшая чистотой, была теперь вся облеплена едва подсохшей черной грязью — несомненно той самой, что составляла лишь часть моего сна! Вскочив с кровати, я двинулся

в обратном направлении по грязным следам собственных ботинок, поднялся по лестнице на второй этаж, вошел в потайную комнату и — следы обрывались все в том же неестественной формы углу, откуда вели в комнату столь озадачившие меня прежде отпечатки босых ног и кошачьих лап! Я долго отказывался верить собственным глазам, но безумный ночной кошмар упрямо оборачивался действительностью. Еще одним подтверждением тому были глубокие царапины, оставшиеся на моем запястье.

Пошатываясь и спотыкаясь, я выбрался из страшной комнаты. Только теперь я начал понимать своего отца, не пожелавшего продавать поместье Пибоди; он мог узнать что-то от моего деда, который, скорее всего, собственноручно уложил Эзафа в гроб лицом вниз. Как бы они оба ни презирали все эти суеверные легенды и предания, у них не хватило духу открыто пренебречь доставшимся им жутким наследством. Я понял также, почему отсюда так поспешно съезжали все арендаторы, — вероятно, на этом доме фокусировались какие-то таинственные и недобрые силы, находящиеся за пределами знаний и власти человека, равно как и любого другого живого существа; и еще я понял, что сам уже попал в сферу притяжения этих неведомых сил, сделавшись, таким образом, пленником старого дома и его зловещего прошлого.

Только теперь я обратился к последнему еще не изученному мной свидетельству — рукописи, которая, как оказалось, представляла собой дневник моего прадеда. Не медля более ни секунды, я бросился к столу, раскрыл лежавший на нем манускрипт и углубился в чтение. Записи, сделанные беглым почерком Эзафа Пибоди, перемежались многочисленными вырезками из писем, газет, журналов и даже книг, не имевшими между собой непосредственной связи и интересовавшими его постольку, поскольку все они касались необъяснимых и сверхъестественных событий, отражая общепринятые представления о черной магии и колдовстве. Его собственные записи, нерегулярные и отрывистые, были, однако, на редкость красноречивы.

«Сегодня сделал то, что должен был сделать гораздо раньше. Дж. начал обростать плотью — невероятно. Однако это только часть наследства.

Перевернутый в гробу, он возвращается к жизни. Снова приходит его младший бес, с каждой новой жертвой тело все более набирает плоти. Переворачивать его обратно теперь уже бессмысленно. Остается только огонь».

Далее:

«Кто-то все время присутствует в доме. Кот? Я его часто вижу, однако поймать не могу».

«Да, это черный кот. Не пойму, откуда он взялся. Беспокойная ночь.

Дважды снилась Черная Месса.

Видел во сне кота. Он подвел меня к Черной Книге. Я поставил свою подпись.

Приснился чертенок по имени Бэлор. Славный малый. Объяснил мне все.

Я связан клятвой».

И вскоре после того:

«Сегодня приходил Бэлор. Не сразу его узнал. Он столь же обаятелен в облике кота, сколь ранее — в образе черта. Я спросил его, в каком обличье он служил Дж. Он ответил: в этом же самом. Привел меня в комнату наверху, показал один из странных, преломляющих пространство углов, который является выходом наружу. Все это сделал своими руками Дж. Кот объяснил, как сквозь него проходить...»

Читать дальше я был уже не в силах. Я и так узнал более чем достаточно.

Я узнал теперь, что в действительности произошло с останками Джедедии Пибоди. И я знал, что следует сделать мне. Преодолевая страх и отвращение, я направился к склепу, вошел внутрь и медленно приблизился к гробу своего прадеда. Тут я впервые заметил бронзовую пластинку, прикрепленную под именем Эзафа Пибоди, на которой было выбито следующее: «Горю тому, кто потревожит его прах!»

Я поднял крышку.

Хоть я и ожидал увидеть нечто подобное, но полученное мною потрясение отнюдь не стало меньше. С Эзафом Пибоди произошли чудовищные перемены. То, что раньше было лишь кучей костей, прахом и жалкими клочьями одежды, теперь начало обретать прежнюю телесную форму. Кожа и мясо вновь нарастали на скелете моего прадеда — плоть его постепенно возвращалась к жизни после того рокового дня, когда я столь бездумно нарушил ход событий, перевернув лежавшие в гробу останки. Здесь же, рядом с ним, я обнаружил еще один ужаснувший меня предмет. Это было сморщенное, иссохшее детское тельце, которое, хотя ребенок исчез из дома Джорджа Тейлора менее десяти дней назад, успело уже приобрести тот изжелта-пергаментный оттенок, который обычно достигается полным обезвоживанием и мумификацией!

С трудом преодолев оцепенение, я покинул склеп и начал сооружать на дворе костер. Я действовал с лихорадочной поспешностью, опасаясь быть застигнутым за этим занятием кем-нибудь посторонним, хотя в глубине души сознавал, насколько мала была эта возможность, ибо люди десятилетиями избегали показываться вблизи усадьбы Пибоди. Сложив дрова в огромную кучу, я вернулся в склеп и выволок наружу гроб с его жутким содержимым — точно так же, как много лет назад поступил сам Эзаф Пибоди с гробом Джедедии. Потом я стоял и смотрел, как огонь, разрастаясь, охватывает свою жертву, и был единственным, кто слышал пронзительный вопль ярости, вырвавшийся из самого сердца пламени.

Угли костра тлели всю ночь. Я наблюдал эту картину из окон дома. В один из моментов я почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся к двери.

Большой черный кот сидел у входа в мою комнату, не сводя с меня зловеще светившихся в полумраке глаз.

И я вспомнил тропу через болото, по которой шел прошлой ночью, отпечатки моих ног, испачканные в грязи ботинки. Я вспомнил глубокие порезы на запястье и Черную Книгу, в которой я поставил свою подпись. Точно так же, как ранее сделал это Эзаф Пибоди.

Повернувшись лицом к тому месту, где в тени затаился кот, я осторожно и даже ласково позвал его: «Бэлор!»

Он тотчас вошел в комнату и уселся напротив двери.

Стараясь не делать резких движений, я достал из ящика стола револьвер, тщательно прицелился и выстрелил.

Кот остался сидеть неподвижно, не отрывая от меня взгляда. Выстрел не произвел на него ни малейшего эффекта, даже кончики усов не шевельнулись.

Бэлор. Один из младших бесов.

Стало быть, вот оно — наследство Пибоди. Старый дом, парк и окружающий лес — все это было лишь поверхностной, материальной стороной того, что скрывалось за причудливо искаженными стенами тайной комнаты, за ночными кошмарами, за походом через топь и дьявольским шабашем в лесной чаще — того, что было отныне скреплено моей подписью на страницах Черной Книги...

Интересно, найдется ли кто-нибудь, кто после моей смерти — если я буду погребен тем же способом, что и все колдуны, — придет, чтобы перевернуть в гробу мои останки?

ОКНО В МАНСАРДЕ

I

Вступая во владение домом своего кузена Уилбера менее чем через месяц после его безвременной кончины, я испытывал нехорошие предчувствия — уж очень не по душе мне было местоположение дома: глухая горная ложбина у подножия пика Эйлсбери. В то же время я находил справедливым то, что приют моего любимого кузена достался именно мне. Дом, о котором идет речь, был в свое время построен старым Уортоном. Внук этого фермера, недовольный скудным существованием на истощенной, бесплодной земле, переехал в приморский город Кингстон, после чего дом долгие годы пустовал, пока его не приобрел мой кузен. Как истинный Эйкли, он сделал это без всякого расчета, повинуясь первому побуждению.

В течение многих лет Уилбер изучал археологию и антропологию. Закончив Мискатоникский университет в Аркхеме, он уехал в Азию, где провел три года, побывав в Монголии, на Тибете и в провинции Синьцзян, а следующие три года поровну поделил между Латинской Америкой и юго-западной частью Соединенных Штатов. Получив приглашение занять должность профессора Мискатоникского университета, он вернулся на родину, но от должности неожиданно отказался, а вместо этого купил поместье старого Уортона и принялся переделывать его на свой лад. Прежде всего он убрал все пристройки, оставив только одну, а затем взялся за центральное здание и придал ему еще более причудливый вид, нежели тот, какой оно приобрело за двести лет своего существования. Признаюсь, что я даже не догадывался о том, насколько радикальным переделкам подверглось здание, до тех пор пока сам не стал его владельцем.

Только тогда я узнал, что, оказывается, Уилбер оставил в неприкосновенности лишь половину дома, полностью переделав фасад и одно крыло и соорудив мансарду над южной стороной первого этажа. Когда-то это было невысокое здание, всего об одном этаже и с обширным чердачным помещением, где хранилась всякая утварь, обычная для новоанглийской фермы. Ту часть постройки, которая была сложена из бревен, Уилбер в значительной мере сохранил, что свидетельствовало о его уважении к традициям наших предков — ведь к тому моменту, когда он покончил со своими скитаниями и осел в родных краях, семья Эйкил прожила в Америке без малого два столетия. Если мне не изменяет память, шел 1921 год. Через три года кузена не стало, и 16 апреля 1924 года я, согласно его завещанию, вступил во владение усадьбой.

В том виде, как его оставил кузен, дом решительно не вписывался в новоанглийский пейзаж. Лишь каменный фундамент, бревенчатое основание да четырехугольная кирпичная печная труба давали некоторое представление о его изначальном облике, в остальном же он был переделан настолько бессистемно, что казался результатом последовательных вмешательств целого ряда поколений. Большая часть нововведений, по всей видимости, была направлена на то, чтобы обеспечить владельцу максимум удобств, но было среди них одно, которое приводило меня в недоумение еще при жизни кузена, не дававшего на сей счет никаких объяснений. Я имею в виду большое круглое окно, вырубленное в южной стене мансарды, и даже не столько само окно, сколько довольно странное непрозрачное стекло, вставленное в него. Из слов Уилбера я заключил, что стекло это — изделие глубокой древности — он приобрел в ходе своих странствий по Азии. Как-то раз он обмолвился о нем как о «стекле из Ленга», в другой раз заметил, что оно «вероятно, гиадского происхождения», однако ни то ни другое ровным счетом ничего мне не сказало; да, по правде говоря, я и не испытывал настолько сильного интереса к странствиям кузена, чтобы пускаться в подробные расспросы.

Но уже очень скоро я пожалел о своей нелюбознательности, ибо в первые же дни после переезда в дом Уилбера я обнаружил, что жизнь моего кузена протекала не в главных комнатах на первом этаже, как следовало бы ожидать, исходя из их обстановки,

предлагавшей максимум удобств, а в мансарде с окном на юг. Именно там он держал свою коллекцию курительных трубок, свои любимые книги, пластинки и наиболее удобные предметы мебели; там был его рабочий кабинет, и там же хранились рукописи, связанные с предметом его исследований, которые были прерваны внезапным сердечным приступом в тот момент, когда он работал в книгохранилище библиотеки Мискатоникского университета.

Теперь наступила моя очередь переделывать все на свой лад. Прежде всего необходимо было восстановить нормальный уклад жизни в доме и начать с обживания первого этажа, поскольку мансарда с первого же взгляда внушила мне труднообъяснимую неприязнь. Отчасти это было вызвано тем, что все в этой комнате еще слишком живо напоминало мне об умершем кузене, которому отныне не суждено было ее занимать; отчасти тем, что от нее веяло чем-то холодным и нездешним. Как будто некая физическая сила отталкивала меня от нее, хотя, конечно, силой этой было не что иное, как мое собственное отношение к комнате, которую я просто не понимал, как никогда не понимал своего кузена Уилбера.

Осуществление планируемых перемен оказалось далеко не таким легким делом, как мне поначалу казалось: очень скоро я убедился в том, что «логово» моего кузена распространяет свою атмосферу на весь дом. Существует поверье, будто дома с неизбежностью приобретают некоторые черты характера своих владельцев. Если это старое здание в свое время несло на себе отпечаток тех или иных фамильных черт Уортонов, проживших в нем долгие годы, то мой кузен, переделав его на свой лад, начисто стер этот отпечаток, так что и до сих пор здесь все указывало на присутствие Уилбера Эйкли. Не то чтобы это постоянно на меня давило — просто иногда мне становилось не по себе от ощущения, будто я нахожусь в доме не один или будто кто-то или что-то пристально следит за каждым моим шагом.

Причиной этому могло послужить то, что дом был расположен в глухой и безлюдной местности, однако с каждым днем у меня росло ощущение, что любимая комната кузена является чем-то одушевленным и ждет его возвращения подобно домашнему животному, терпеливо ждущему своего хозяина, не ведая

о постигшей его смерти. Вероятно, из-за этого неотвязного впечатления я и уделял комнате намного больше внимания, нежели она того заслуживала. Я было вынес из нее кое-какие предметы, в том числе очень удобное кресло-шезлонг, однако тут же вынужден был вернуть их на место. Сделать это меня побудил ряд довольно странных и противоречивых чувств: например, я вдруг понял, что кресло, показавшееся мне поначалу таким удобным, рассчитано на человека совершенно иной, нежели у меня, комплекции или что освещение на первом этаже дома хуже, чем наверху, из-за чего мне пришлось вернуть в мансарду взятые мной оттуда книги.

Одним словом, факт оставался фактом: по своему характеру мансарда известным образом отличалась от остальной части здания, и если бы не она, то это был бы совершенно обычный дом. Помещения первого этажа имели все необходимые удобства, но я не видел признаков того, чтобы ими часто пользовались, если не считать кухни. И наоборот: мансарда, вроде бы достаточно уютная, являлась таковой в каком-то другом смысле. У меня создалось впечатление, что эта комната, явно рассчитанная на одного человека со вполне определенными вкусами и привычками, использовалась не одним, а многими и притом очень разными людьми, каждый из которых оставил в ее стенах как бы частицу своей личности. Но ведь я прекрасно знал, что кузен вел жизнь затворника и, если не считать поездок в аркхемский Мискатоникский университет и бостонскую Уайденеровскую библиотеку, вообще никуда не выезжал и никого не принимал. Даже в тех редких случаях, когда к нему заглядывал я — а мне иногда случалось бывать в этих краях по своим делам, — он, казалось, с нетерпением ждал, чтобы я как можно скорее убрался, хотя и был неизменно любезен; да и я, по правде говоря, не задерживался у него более четверти часа.

Признаюсь, что атмосфера, царящая в мансарде, значительно охладила мой преобразовательский пыл. В помещениях первого этажа имелось все необходимое для нормального проживания, и потому для меня не составило особого труда выбросить из головы комнату кузена, а заодно и те изменения, которые я намеревался в ней произвести. Кроме того, я по-прежнему часто и подолгу отсутствовал, так что торопиться с перестройкой дома не было

никакой нужды. Завещание кузена было утверждено, я вступил во владение имением, мои права на него никем не оспаривались.

Жизнь шла своим чередом, и я уже почти забыл о своих не-реализованных планах относительно мансарды, когда ряд мелких, на первый взгляд незначительных происшествий вновь пробудил во мне прежнее беспокойство. Если я не ошибаюсь, первое из этих происшествий случилось примерно через месяц после того, как я вступил во владение домом, и было настолько тривиальным, что в течение нескольких недель мне даже не приходило в голову связать его с последующими событиями. Как-то вечером, когда я сидел и читал у камина в гостиной на первом этаже, мне показалось, будто кто-то скребется в дверь. Я решил, что это кошка или какое-нибудь другое домашнее животное просится внутрь, а потому встал и прошелся вокруг дома, проверив переднюю и заднюю двери, а заодно и крохотную боковую дверцу, оставшуюся от старой части здания. Однако мне не удалось обнаружить ни кошки, ни даже ее следов. Животное словно растворилось во мраке. Я несколько раз позвал его, но не услышал в ответ ни звука. Но как только я вернулся на свое место у камина, звук повторился. И сколько бы я ни вставал и ни выходил, я так никого и не увидел, хотя описанное повторилось раз шесть. В конце концов я так разозлился, что, попадись мне тогда эта кошка, я не задумываясь пристрелил бы ее на месте.

Событие само по себе ничтожное — я так и решил, что это была кошка, которая знала моего кузена, но не знала меня, а потому при моем появлении пугалась и убегала. Однако не прошло и недели, как повторилось примерно то же, только с одним существенным отличием. На этот раз вместо звука, который могла бы издавать скребущаяся в дверь кошка, я услышал характерный шорох, обдавший меня неприятным холодком, — как если бы что-то вроде змеи или, скажем, хобота слона скользило по оконным и дверным стеклам. В остальном повторилось все то же, что и в прошлый раз: я слышал, но не видел, искал и не находил — одни только странные, неизвестного происхождения звуки. Что это было: кошка, змея или что-нибудь еще?

Такого рода случаев, когда я слышал звуки, причиной которых могли явиться кошка или змея, было много, однако наряду с ними бывало и другое. То, например, мне слышался стук копыт, то топот какого-то крупного животного, то щебетанье птиц,

тыкавшихся клювами в оконные стекла, то шелест чего-то большого и скользящего, то хлопанье и причмокивание. Как следовало все это понимать? Я не мог считать происходящее обычными слуховыми галлюцинациями хотя бы потому, что звуки имели место при любой погоде и во всякое время суток. С другой стороны, если бы они действительно исходили от какого-то животного, то я бы непременно увидел его еще до того, как оно исчезло в лесных зарослях, что покрывали холмы, обступавшие дом со всех сторон (раньше здесь были возделанные поля, но новое поколение кленов, берез и ясеней вернуло дикой природе некогда отобранные у нее владения).

Очень может быть, что этот загадочный цикл событий так никогда бы и не прервался, если бы однажды вечером я не удосужился отворить дверь на лестницу, ведущую в мансарду, чтобы проветрить помещение; именно тогда, в очередной раз услышав, как скребется кошка, я понял, что звук доносится не от дверей, а от окна в мансарде. Я, как безумный, бросился вверх по лестнице, не успев даже подумать о более чем странном поведении этой твари, которая сумела каким-то образом вскарабкаться по гладкой стене на второй этаж дома и теперь требовала, чтобы ее впустили через круглое окошко — единственный вход в мансарду снаружи. Так как окно не открывалось — ни целиком, ни хотя бы отчасти, — я ровным счетом ничего не разглядел, хотя отчетливо слышал, как кто-то скребется по другую сторону матового стекла.

Я ринулся вниз, схватил электрический фонарик и, выбежав во тьму жаркой летней ночи, осветил фронтон дома. Но к этому времени все стихло, и я не увидел ничего, кроме глухой стены да слепого окна, с той лишь разницей, что снаружи окно выглядело непроницаемо-черным, тогда как изнутри поверхность стекла имела мутно-белесый оттенок. Я мог оставаться в неведении до конца дней своих (и нередко мне кажется, что так оно было бы лучше), но — увы! — судьба распорядилась иначе.

Примерно в те же дни я получил в подарок от тетушки породистого кота по имени Крошка Сэм, с которым играл за два года до описываемых событий, когда он был еще котенком. Тетушку давно беспокоил мой уединенный образ жизни, и, не выдержав, она отправила мне для компании одного из своих котов. Крошка Сэм решительно опровергал свое прозвище. Теперь его следо-

вало бы именовать Великаном Сэмом, ибо с тех пор, как я видел его в последний раз, он набрал порядочный вес и превратился в настоящего матерого котище, к чести всего кошачьего семейства. Свою привязанность ко мне Сэм недвусмысленно выражал тем, что терся о мои ноги и громко мурлыкал; относительно же дома у него сложилось двоякое мнение. Бывало, что он мирно и уютно дремал у камина, но бывало и так, что он внезапно становился совсем бешеным и требовал, чтобы я выпустил его на улицу. А уж в те минуты, когда раздавались описанные мною звуки — словно какое-то другое животное стремилось попасть в дом, — он просто терял голову от страха и ярости, и мне приходилось не мешкая выпускать его на волю. В таких случаях он опрометью мчался в единственный пристрой, сохранившийся после переделки дома кузеном, и проводил там — или где-нибудь в лесу — всю ночь, не появляясь до самого рассвета, когда голод вынуждал его вернуться в дом. В мансарду же он не ступал ни лапой!

II

В сущности, не кто иной, как кот, навел меня на мысль поближе ознакомиться с предметом занятий кузена. Приступы страха у Крошки Сэма выглядели столь непритворными, что мне ничего не оставалось, как обратиться к разрозненным бумагам Уилбера и попытаться найти в них какое-нибудь объяснение загадочным явлениям, повторяющимся в доме изо дня в день. Почти сразу я наткнулся на неоконченное письмо — оно лежало в ящике письменного стола в одной из комнат первого этажа и было адресовано мне. Уилбер знал о своей неизлечимой болезни, ибо с первого же взгляда на письмо я убедился, что в нем содержатся распоряжения на случай смерти. Единственное, чего Уилбер не знал точно, так это отпущенного ему срока, и письмо, начатое им всего за месяц до кончины, было потом брошено в ящик стола и больше оттуда не вынималось, хотя у кузена была уйма времени, чтобы его дописать.

«Дорогой Фред, — прочел я. — Крупнейшие медицинские светила утверждают, что я долго не протяну, и, поскольку в завещании я уже назвал тебя в качестве наследника, мне остается

только дополнить мою последнюю волю рядом заключительных распоряжений. Умоляю тебя отнестись к ним серьезно и выполнить неукоснительно. Вот три вещи, которые ты должен сделать непременно:

1) Все бумаги, хранящиеся в отделениях А, В и С моей картотеки, подлежат уничтожению.

2) Все книги, стоящие на полках Н, I, J и К, необходимо вернуть в библиотеку Мискатоникского университета в Аркхеме.

3) Круглое окно в мансарде должно быть разбито. Ты слышишь? Не просто вынуто и тем или иным образом использовано, но разбито вдребезги.

Три вышеназванных распоряжения ты обязан выполнить неукоснительно. В противном случае те ужасные бедствия, которые могут постигнуть человечество, будут на твоей совести. Больше я не стану к этому возвращаться, дабы не терять времени, которого у меня и так мало, и перейду к другим важным вопросам. Первый из них — это...»

Но на этом месте кузену что-то помешало, и он оставил письмо недописанным.

Как мне следовало отнестись к этим загадочным распоряжениям? Я еще мог понять, что книги должны быть возвращены в библиотеку, тем более что меня они почти не интересовали. Но зачем уничтожать бумаги? Почему бы не отправить их в библиотеку заодно с книгами? А что касается стекла, то разбивать его было бы просто глупостью — ведь в таком случае пришлось бы вставлять новое и пускаться в лишние траты. Одним словом, это несчастное письмо только подогрело мое любопытство, и я решил уделить разборке архива кузена более пристальное внимание.

В тот вечер я начал с книг на полках, указанных в письме; все они размещались в мансарде в южном конце здания. В подборке книг кузена сказывался его интерес к археологии и антропологии; среди них было множество текстов о цивилизациях древних жителей острова Пасхи, монголов и различных племен, находящихся на первобытной стадии развития, а также книги о переселениях народов и о мифах и культах, входящих в состав первобытных религий. Но это было только прелюдией к той литературе, что предназначалась к отсылке в университетскую

библиотеку. Среди последней попадались книги чрезвычайно древние, но в большинстве случаев без указания дат; разве что ветхость да характер рукописного текста позволяли отнести их к Средним векам. Книги более поздних времен (среди которых я не встретил ни одной, изданной после 1850 года) попали к кузену разными путями: одни из них когда-то принадлежали Генри Эйкли из Вермонта, двоюродному брату наших с Уилбером отцов, и он собственноручно отправил их Уилберу; на других красовался штамп Национальной библиотеки в Париже, из чего можно было заключить, что мой кузен не гнушался кражей книг с библиотечных полок.

Среди книг на разных языках, составлявших библиотеку кузена, попадались такие, как «Пнакотические рукописи», «Текст Р'льеха», «Unaussprechlichen Kulten» фон Юнцта, «Книга Эйбона», «Песни дхолов», «Семь сокровенных книг Хсана», «De Vermis Mysteriis» Людвига Принна, «Тексты с Целено», «Cultes des Goules» графа д'Эрлетта, Книга «Дзиан», фотокопия «Некрономикона» безумного араба Абдула Альхазреда, а также многие другие книги, в том числе и рукописные. Признаюсь, что содержание этих книг привело меня в замешательство, поскольку они — во всяком случае те, которые я мог читать, — содержали невероятное количество мифов и легенд, относившихся, безусловно, к древнейшим религиозным воззрениям человеческой расы и даже, если я правильно понял из прочитанного, иных нездешних рас. Правда, я не был уверен в том, что разобрался в текстах на латинском, французском и немецком — даже староанглийские книги требовали от меня огромных усилий. Но и того, что я разобрал, хватило мне с лихвой, ибо там излагалась картина мира столь абсурдная, что разве только такой помешанный на антропологии человек, как мой кузен, мог счесть ее сколько-нибудь заслуживающей внимания.

В то же время она не была лишена интереса, хотя и повторяла довольно избитую схему. В основе ее лежало идущее из глубин веков представление о борьбе сил света с силами тьмы — во всяком случае, так мне показалось. В конце концов, не все ли равно, под какими именами выступают эти силы: Бога и Дьявола или Старших Богов и Великих Древних; Добра и Зла либо Ноденса, Владыки Великой Бездны, единственного из Старших Богов, получившего имя, и таких противостоящих ему богов, как

слабоумный Азатот, этот бесформенный распространитель inferнального хаоса, богохульствующий и бурлящий в центре всего мироздания; Йог-Сотот, весь-в-одном и один-во-всем, неподвластный законам времени и пространства, сосуществующий со всеми временами и сопричастующий всему пространству; Ньярлатхотеп, вестник Древних; Великий Ктулху, ждущий часа, когда он сможет восстать из Р'льеха, сокрытого в морских пучинах; невыразимый Хастур, Владыка Межзвездных Пространств; Шуб-Ниггурат, Черный Козел из лесов с Легионом Младых? И подобно тому как человеческие расы, поклонявшиеся различным известным богам, именовались по сектам, так и последователи Древних разделялись на чудовищных снежных людей, обитающих в Гималаях и других горных странах Азии; глубоководных, что затаились в океанских пучинах, храня верность Великому Ктулху и поклоняясь Дагону; шантаков, народ чо-чо и многих других. Иные среди них, как утверждалось, происходят из тех мест, куда изгнали — как Люцифера из Рая — Великих Древних, когда они восстали против Старших Богов: это такие места, как далекие звезды Гиад, Неведомый Кадат, плато Ленг и затонувший город Р'льех.

Среди этого обилия труднопроизносимых названий я встретил два имени, которые привели меня в замешательство, заставив предположить, что кузен относился к этой мифологической схеме куда серьезнее, чем я думал. Неоднократное упоминание Гиад, например, напомнило мне слова Уилбера об оконном стекле в мансарде, когда он охарактеризовал его как «вероятно, гиадского происхождения». В другой раз он высказался о нем еще более определенно, назвав его «стеклом из Ленга». Правда, это могло быть случайным совпадением, и некоторое время я тешил себя мыслью, что Ленгом, вероятно, звали какого-нибудь китайского торговца антиквариатом, а слово «гиадского» я просто не так расслышал. Но напрасно пытался я обмануть самого себя — все указывало на то, что интерес Уилбера к этой совершенно нездешней мифологии был далеко не преходящим. И если меня не смогли до конца убедить собранные им рукописи и книги, то его собственноручные записи развеяли мои последние сомнения.

В его заметках встречалось много более чем странных упоминаний, от которых мне почему-то становилось не по себе. Там также были пусть неумелые, но весьма впечатляющие зарисовки

явно нездешних пейзажей и существ, каких невозможно было бы выдумать даже при самой буйной фантазии. Воистину, в большинстве своем эти существа превосходили всякое описание: там были крылатые, в человеческий рост твари, похожие на летучих мышей; гигантские бесформенные гады с бесчисленными щупальцами, на первый взгляд напоминающие осьминогов, но явно превосходящие последних интеллектом; когтистые полулюди-полуптицы; безобразные амфибии, ходящие на задних лапах и покрытые бледно-зеленой, цвета морской волны, чешуей. Попадались среди них и такие, у которых были ярко выраженные человеческие черты, — хилые, недоразвитые карлики с восточного типа лицами, населяющие, судя по их одежаниям, холодные страны, а также представители расы, рожденной от смешанных браков между земноводными и людьми. Я никогда бы не подумал, что мой кузен был наделен таким богатым воображением. Из всех наших родственников один только дядюшка Генри по-детски верил всякого рода нелепым вымыслам, но, насколько я знал Уилбера, он ничему подобному подвержен не был. И только теперь я увидел, что он искусно скрывал от всех нас свою истинную сущность. Трудно передать, в какое изумление повергло меня это открытие.

Ни одно живое существо не могло послужить прообразом для этих зарисовок, а в тех рукописях и книгах, что остались после кузена, похожих рисунков не было. Подстрекаемый любопытством, я еще больше углубился в архив кузена и в конце концов выбрал несколько записей, загадочных по содержанию, но в то же время, как мне показалось, имеющих косвенное отношение к предмету моих поисков. Все записи были пунктуально датированы, и я без труда расположил их в хронологическом порядке.

«15 октября 1921 года. Ландшафт проясняется. Ленг? Напоминает юго-запад Америки. Пещеры — из них вылетают стаи летучих мышей — целая туча — как раз перед закатом. Они закрыли собой солнце. Низкорослый кустарник, искривленные стволы. Очень ветрено. Вдалеке заснеженные вершины гор, направо — пустынное плоскогорье.

21 октября 1921 года. Четыре шантака на среднем плане. Средний рост выше человеческого. Покрыты шерстью, напоми-

нают летучих мышей, перепончатые крылья в сложенном состоянии поднимаются на три фута над головой. Клювы загнутые, как у стервятников, в остальном же морды напоминают рыльца летучих мышей. Пересекли местность по воздуху, остановились передохнуть на скале неподалеку от меня. *Не замечают.* Помогу, на одном был всадник, но не уверен.

7 ноября 1921 года. Ночь. Океан. Остров вроде рифа на переднем плане. Глубоководные вместе с гуманоидами явно смешанного происхождения: помесь белая. Глубоководные покрыты чешуей, передвигаются наподобие лягушек — нечто среднее между шагом и прыжком, чуть горбятся, как и все земноводные. Остальные, похоже, поплыли на риф. Быть может, Инсмут? Ни береговой линии, ни городских огней. Нет и кораблей. Выступающая из воды возвышенность, рядом с рифом. *Риф Дьявола?* Похоже, даже гибриды не способны проплыть такое расстояние без отдыха. Не исключено, что побережье находится слишком близко на переднем плане, потому его и не видно.

17 ноября 1921 года. Абсолютно ни на что не похожий пейзаж. Явно не земной. Непроницаемо-черное небо, несколько звезд. Скалы из порфира или сходной породы. На переднем плане глубокое озеро. Хали? Через пять минут воды стали бурлить и вздыматься — в том месте что-то всплывало на поверхность. Лицом от меня. Гигантский обитатель вод, с щупальцами. Спрутообразный, только гораздо, гораздо крупнее: в десять — двадцать раз крупнее гигантского осьминога с Западного побережья. Одно то, что служило ему шеей, составляет не менее 15 родов в диаметре. Не отважился взглянуть ему в лицо и ликвидировал звезду.

4 января 1922 года. Промежуток абсолютной пустоты. *Открытый космос?* Надвигается планета, как если бы я смотрел глазами того, кто приближается к какому-то объекту в космосе. Небо темное, вдалеке звезды, вскоре начинает вырисовываться поверхность планеты — ближе, еще ближе. Увидел совершенно голый ландшафт. Никакой растительности, как на темной звезде. Круг поклоняющихся каменному столбу. Их крики: „Йэ! Шуб-Ниггурат!“

16 января 1922 года. Подводный край. *Атлантида?* Вряд ли. Огромное сооружение наподобие храма с выбоинами от глубинных бомб. Гигантские каменные глыбы вроде тех, из которых

сложены пирамиды. Ступени, ведущие вниз, в зияющий чернотой провал. На заднем плане глубоководные. Какое-то шевеление во мраке колодца со ступенями. Всплывает колоссальное щупальце. Далеко позади два водянистых зрачка, разделенных расстоянием во много родов. *Р'льех?* Испугался приближения существа, выплывающего из бездны, и ликвидировал звезду.

24 февраля 1922 года. Знакомый ландшафт. Может быть, окрестности Уилбрэхема? Ряд приземистых и убогих фермерских домиков. Передний план, старик, прислушивается. Время: вечер. Страшно галдят козодои. Приближается женщина, у нее в руках каменная копия звезды. Старик в страхе убегает. Любопытно. Надо будет навести справки.

21 марта 1922 года. Сегодня чуть не влип. Впредь следует быть осторожнее. Сделал звезду и произнес слова: „*Пиглуи мглунафх Ктулху Р'льех угахнагл фтаги*“. Угадал прямо на огромного шантака на переднем плане. Шантак заметил и стал надвигаться. Я слышал стук его когтей! Вовремя успел уничтожить звезду.

7 апреля 1922 года. Теперь я окончательно убедился в том, что, если не соблюдать осторожность, они могут пройти. Сегодня видел Тибет и чудовищных снежных людей. Сделали еще одну попытку. Что же тогда говорить об их хозяевах? Если рабы совершают попытки преодолеть границы времени и пространства, то что тогда говорить о Великом Ктулху? Хастуре? Шуб-Ниггурате? На время надо воздержаться. Страшно потрясен».

Уилбер сдержал слово и долго не возвращался к своему загадочному времяпровождению. По крайней мере, это следовало из его записей, очередная из которых появилась почти год спустя.

«*7 февраля 1923 года.* У меня почти не осталось сомнений в том, что вход заметили. Заглядывать стало крайне рискованно. Безопасно только при чистом ландшафте. А поскольку никогда нельзя знать заранее, куда попадешь, процент риска значительно увеличился. Сегодня, как обычно, сделал звезду, произнес слова и стал ждать. Какое-то время видел только знакомый ландшафт юго-запада Америки в вечерний час: летучая мышь, совы, кенгуровые крысы, ведущие ночной образ жизни, да дикие кошки. Затем из одной из пещер показался Жилец Песков — с шер-

шавой кожей, большими глазами и ушами, мордой смахивающий на медведя коалу, хотя сходство весьма условное — этот гораздо более уродливый, долговязый и тощий. Он заковылял в мою сторону, явно неспроста. Возможно ли такое, чтобы вход позволял им заглядывать на эту сторону так же хорошо, как мне — на ту? Убедившись, что он идет прямо на меня, ликвидировал звезду. Все исчезло, как обычно. Но что было потом! Весь дом *заполонили летучие мыши!* Двадцать семь штук! Я не из тех, кто верит в случайные совпадения».

Затем опять был период, в течение которого кузен продолжал вести записи, не делая в них ни малейших намеков на свои видения и на «звезду», столь часто им упоминавшуюся. Я был убежден в том, что он стал жертвой галлюцинаций, вызванных, вне всякого сомнения, не чем иным, как интенсивным штудированием книг, собранных им со всего света. Последующие абзацы имели характер доказательств, хотя по существу являлись попыткой рационального истолкования того, что он якобы «увидел».

Они перемежались газетными вырезками, каковые Уилбер стремился, по всей видимости, связать со столь милой его сердцу схемой мироздания: среди них были сообщения о загадочных происшествиях, неопознанных летающих объектах, таинственных исчезновениях в пространстве, любопытных открытиях в области тайных культов и т. п. Я с горечью замечал, что Уилбер недостаточно критично воспринял отдельные аспекты первобытных религиозных представлений и искренне верил в то, например, что до наших дней дожили потомки так называемых Великих Древних и тех, кто им поклонялся. Более того, он поставил себе целью доказать эту гипотезу, опираясь на авторитет современных свидетельств. Что и говорить, между свидетельствами древних и теми, что время от времени встречались в прессе, имелось очевидное сходство — но ведь его можно было объяснить простым совпадением. Поэтому, несмотря на всю весомость собранных кузеном доказательств, я отправил его бумаги в Мискатоникскую библиотеку, в собрание Эйкли, не сняв с них перед этим копий, тем более что многое я запомнил и так, чему способствовало одно незабываемое впечатление, увенчавшее мой, поначалу праздный, интерес к занятиям кузена.

III

О том, какую «звезду» имел в виду Уилбер, я узнал благодаря чистой случайности. При описании своих видений кузен постоянно упоминал о «создании», «уничтожении», «сотворении» или «ликвидации» некой звезды. Мне это ровным счетом ни о чем не говорило и, вероятно, так никогда бы и не сказало, если бы как-то раз в косых лучах заходящего солнца, падавших на пол мансарды, я не разглядел еле заметные линии, образовывавшие подобие пятиконечной звезды. Прежде я не мог видеть их из-за того, что на этом месте лежал ковер, но в ходе упаковки книг и рукописей, предназначенных к отсылке в библиотеку, я ненароком его сдвинул, и, таким образом, то, что звезда попала мне на глаза, было делом случая.

Но и тогда я не сразу сообразил, что эти едва заметные линии воспроизводят звезду. Лишь после того, как я разобрался с книгами и свернул ковер, изображение открылось целиком — то была звезда о пяти концах, украшенная затейливым орнаментом и, судя по всему, нарисованная человеком, находившимся в ее центре. Теперь мне стало ясно, каким целям служила коробка с мелом, обнаруженная мною в комнате кузена, где ей, казалось бы, нечего было делать. Отодвинув бумаги и книги, я принес мел и принялся аккуратно обводить звезду и орнамент по сохранившемуся контуру, сидя в центре рисунка. Вероятно, это изображение служило какой-то каббалистической схемой, и рисовальщик должен был находиться внутри композиции.

Обведя рисунок по еле различимым линиям, сохранившимися благодаря его неоднократным воспроизведениям, я уселся в центре звезды и принялся ждать. Я вполне допускал, что вот-вот может что-нибудь произойти. Меня смущало лишь одно: читая записки кузена, я неоднократно наткнулся на фразу об «уничтожении» звезды — действие, которое он совершал всякий раз, когда ему грозила опасность. Между тем, насколько я помнил из книг по каббалистической практике, именно уничтожение подобных изображений влечет за собой опасность психического расстройства. Однако пока что вообще ничего не происходило, и только по прошествии нескольких минут я вдруг вспомнил про «слова». В свое время я догадался их переписать, а потому сходил за ними и, вернувшись, торжественно произнес:

— Пингуи мглунаф Ктулху Р'льех унахнагл фтагн!

В тот же миг произошло нечто из ряда вон выходящее. Я сидел лицом к окну с непрозрачным стеклом в южной стене дома и видел все как на ладони. Со стекла внезапно как бы спала пелена, и перед моим изумленным взором возник залитый солнцем ландшафт. Я взглянул на часы: они показывали начало десятого, и, стало быть, на дворе был поздний вечер, теплый летний вечер в штате Массачусетс. Однако тот пейзаж, что я видел в окне, был явно не новоанглийским: выжженная почва, холмы песчаника, пустынная растительность, несколько крупных пещер на переднем плане и цепь заснеженных гор на горизонте — именно такой пейзаж, о котором не раз говорил кузен в своих загадочных записках.

Я глядел на открывшийся вид как зачарованный; в голове у меня был полный хаос. Там, куда я смотрел, жизнь шла своим чередом, и взгляд мой встречал то одно, то другое из ее проявлений: вот гремучая змея проползла, извиваясь, вот всевидящий ястреб пролетел высоко над землей — и по отблеску солнца на его перьях я заключил, что стоял предзакатный час. Все указывало на то, что передо мной типичный ландшафт юго-запада США. Интересно, какой его части? Аризоны? Нью-Мексико?

Так или иначе, мне суждено было оставаться безучастным свидетелем событий, разворачивавшихся на фоне нездешнего ландшафта. Змея не успела уползти далеко, ястреб камнем кинулся вниз и спустя мгновение взмыл с ее извивающимся телом в когтях. Солнце садилось за линию гор, открывая моему взору волшебной красоты вид. А потом из отверстого зева одной из наиболее крупных пещер появились летучие мыши. Тысячи летучих мышей тянулись нескончаемым потоком из непроницаемо-черной утробы, и мне казалось, будто я слышу их стрекот. Вот уже сгустились сумерки, а они все вылетали и вылетали, и я даже затрудняюсь сказать, как долго это продолжалось. Когда наконец последняя летучая мышь оставила пещеру, оттуда показалось еще что-то — какое-то человекообразное существо с непомерно большими глазами и ушами и на редкость шершавой — будто в нее вьелся песок пустыни — кожей. Существо было худым, как скелет, все ребра его выпирали наружу, но что было особенно отталкивающим, так это его лицо — оно напоминало

забавного австралийского медведя коалу. И тут я вспомнил, как мой кузен называл этих людей — ибо вслед за первым показались и другие, в том числе женского пола: это были Жильцы Песков!

Они покидали пещеру, щурясь своими огромными глазами, а потом вдруг заторопились и, бросившись врассыпную, прятались за кусты. И тогда из пещеры по частям стал появляться какой-то невообразимый монстр — сначала показалось одно его щупальце, потом второе, а затем целых полдюжины разом: все они осторожно ощупывали вход в пещеру. И уже в последнюю очередь появились смутные очертания чудовищной головы. Когда она рывком подалась вперед, я едва не закричал от страха — ибо в лице чудовища я увидел жуткую карикатуру на все, что наделено в этом мире разумом. Голова росла прямо из тела, представлявшего собой студенистую, колышущуюся массу, а щупальца сходились на том участке тела, который служил ему то ли нижней челюстью, то ли шеей.

Ко всему прочему, существо было наделено способностью осмысленного восприятия, ибо оно, похоже, с самого начала заметило мое присутствие. Выбравшись из пещеры, оно в упор поглядело на меня, а затем стало передвигаться по направлению к окну, с невероятной скоростью пересекая стремительно темнеющую местность. Не подозревая об истинных размерах грозящей мне опасности, я как замороженный наблюдал за происходящим, и только когда чудовище заслонило собой весь вид, когда его щупальца протянулись к окну мансарды — и прошли сквозь него! — только тогда меня охватил настоящий страх.

Прошли насквозь! Так вот чего боялся мой кузен!

Помню, как, вырвавшись из ледяных объятий страха, я снял ботинок и со всей силы швырнул его в стекло. Вслед за тем я нагнулся и стер часть изображения — «ликвидировал» звезду. В моих ушах еще стоял звон разбитого стекла, когда я погрузился во мрак милосердного забвения.

Теперь мне известно все то, что знал мой кузен.

Не замешкайся я в последний момент, я, возможно, был бы сейчас избавлен от этого знания и до сих пор пребывал бы в твердом убеждении, что причиной всему явился обман чувств, галлюцинация. Но — увы! — теперь я знаю наверняка, что мут-

ное стекло в окне мансарды было входом в другие измерения — в чужие пространственно-временные континуумы, которые мой кузен научился выбирать по своему усмотрению; путем к сокровенным местам Земли и межзвездных пространств, где от века таятся существа, поклоняющиеся Древним Богам, — а то и сами эти Боги! — таятся в ожидании часа, когда они снова восстанут из забвения и будут править миром! Стекло Ленга — оно же, «вероятно, гиадского происхождения», ибо я так никогда и не узнал, где раздобыл его кузен, — обладало способностью вращения в оконном проеме; оно не подчинялось никаким земным законам, за исключением одного — его направленность определялась вращением Земли вокруг своей оси. И если бы я не разбил его, то из-за своего невежества и праздного любопытства мог бы навлечь на человечество ужасные бедствия.

Отныне я знаю, что прообразами для неумелых зарисовок моего кузена послужили живые, а не воображаемые существа. Но есть и последнее доказательство, увенчавшее собою все предыдущие, и оно неоспоримо. Летучие мыши, которых я, придя в сознание, обнаружил во внутренних помещениях дома, могли попасть туда через разбитое окно; прояснение мутного стекла можно было бы списать на оптический обман — если бы не одно «но». И это «но» позволяет мне утверждать, что все виденное мною далеко не было игрой моего воспаленного воображения — ибо ничто в мире не может опровергнуть то последнее чудовищное доказательство, которое я обнаружил среди осколков стекла на полу мансарды: *отрезанное щупальце длиной в десять футов, щупальце, застрявшее между измерениями в тот момент, когда был прегражден доступ телу, частью которого он являлся, — и ни один ученый в мире не смог бы доказать его принадлежность какому-либо из известных науке существ, живущих или когда-либо живших на поверхности нашей планеты или в глубине ее недр!*

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРЕДКАМ

I

Когда мой кузен Амброз Перри отошел от врачебной практики, он был еще далеко не старым человеком, ибо разменял всего-навсего пятый десяток и выглядел бодрым и подтянутым. Практика в Бостоне приносила ему приличный доход и вполне его устраивала, однако с еще большим рвением он отдавался разработке собственных теорий. Они были его любимым детищем, и он не посвящал в них даже своих коллег, на которых, по правде говоря, привык смотреть свысока, как на людей слишком ортодоксально мыслящих и недостаточно смелых, чтобы затевать собственные эксперименты без предварительной санкции Американской медицинской ассоциации. Кузен мой, надо сказать, был типичным космополитом: он получил солидное образование в таких центрах европейского просвещения, как Вена, Сорбонна и Гейдельберг, и много путешествовал. И вдруг на самом гребне своей блистательной карьеры этот человек бросает все, чтобы поселиться в одном из самых глухих уголков штата Вермонт.

С тех пор он вел жизнь отшельника в доме, выстроенном посреди дремучего леса и оборудованном самой основательной лабораторией, какую только можно было иметь за деньги. В течение трех лет от него не поступало никаких известий; ни строчки о том, чем он занимался все это время, не промелькнуло на страницах печатных изданий или хотя бы в личной переписке его родных и близких. Нетрудно представить мое удивление, когда по возвращении из Европы я обнаружил у себя дома письмо от кузена, в котором он просил меня навестить его и, если возможно, пожить у него какое-то время. В ответном послании

я вежливо отказался от приглашения, сославшись на то, что в настоящее время занят поисками работы. Я также поблагодарил его за весточку и выразил надежду, что когда-нибудь в будущем мне, быть может, удастся воспользоваться его приглашением, которое было столь же любезным, сколь и неожиданным. Ответ от кузена пришел с обратной почтой; в нем он предлагал мне щедрое жалование в случае, если я соглашусь стать его секретарем — то есть, как мне это представлялось, буду выполнять всю необходимую работу по дому и вести научные записи.

Я думаю, что любопытство повлияло на мое решение в не меньшей степени, чем сумма вознаграждения, а она была поистине щедрой. Я принял предложение кузена без промедления, словно опасаясь, что он возьмет его обратно. Не прошло и недели, как я уже стоял перед его домом, довольно нелепым сооружением в духе построек первых голландских фермеров в Пенсильвании — одноэтажных, с очень высокими коньками и крутыми скатами крыш. Несмотря на подробные инструкции, полученные от кузена, я отыскал его жилище не без труда. Оно располагалось как минимум в десяти милях от ближайшего населенного пункта — деревушки под названием Тайберн — и отстояло довольно далеко от старой проселочной дороги, так что, спеша прибыть к назначенному времени, я едва не сбился с пути, с трудом обнаружив поворот и узкий проезд меж зарослями кустарника.

Владения охраняла немецкая овчарка, сидевшая на длинной цепи. Завидев меня, она насторожилась, но не заворчала и не двинулась в мою сторону, когда я подошел к двери и позвонил. Внешний вид Амброза неприятно поразил меня: он сильно похудел и осунулся. Вместо бодрого румяного человека, каким я его видел в последний раз почти четыре года тому назад, передо мной стояла жалкая пародия на моего кузена. Изрядно уменьшилась и его природная живость, разве что рукопожатие было по-прежнему крепким, а взгляд — ясным и проницательным, как в былые годы.

— Заходи, Генри! — вскричал он, увидев меня. — Гляди-ка, на тебя даже Джинджер не затывкам!

При упоминании своей клички пес прыжками приблизился к нам, насколько ему позволяла цепь, и радостно завилял хвостом.

— Ты заходи, заходи. Автомобилем своим займешься попозже.

Я последовал приглашению кузена и очутился в помещении, обставленном крайне скупо и аскетично. В гостиной был накрыт стол, и вскоре я узнал, что кузен отнюдь не собирался использовать меня иначе, нежели в качестве секретаря, поскольку у него уже были кухарка и слуга, жившие в надстройке над гаражом. От меня же требовалось только записывать то, что прикажет кузен, и регистрировать результаты его опытов. О том, что он ставит опыты, Амброз сообщил мне сразу же, правда, не удосужился объяснить, в чем заключалась их суть. Во время обеда я познакомился с супругами Эдвардом и Метой Рид, на попечении которых находились дом и прилегающие к нему владения. Кузен расспрашивал меня только о моих делах — о том, чем я занимаюсь и чем намерен заниматься в дальнейшем; при этом он напомнил мне, что в тридцать лет у человека почти не остается времени на то, чтобы строить планы на будущее. Лишь изредка, когда в моих ответах проскальзывало имя того или иного из наших родственников, он расспрашивал меня о других членах семьи, живших в разных концах страны. Чувствовалось, что он задает вопросы из одной только вежливости и без действительного интереса; лишь однажды он намекнул, что, если только я захочу стать медиком, он, пожалуй, сможет поспособствовать мне с поступлением в университет и получением ученой степени. Но и это, как мне показалось, было сказано лишь для того, чтобы поскорее отделаться от тех вопросов, что уже затрагивались в одной из наших бесед несколько лет тому назад. Более того, в самом тоне кузена сквозило тщательно скрываемое раздражение, вызванное разговором, который он сам завел: раздражение на меня — за то, что я так обстоятельно отвечаю на его вопросы, и раздражение на самого себя — за то, что он до такой степени уступил формальностям, что стал справляться о вещах, нимало его не занимавших.

Супруги Рид, каждому из которых было за шестьдесят, держали себя очень тихо. Они почти не вступали в разговор, и не только потому, что миссис Рид была занята переменной блюд и уборкой посуды, — им просто не о чем было говорить; насколько я понял, их жизнь протекала независимо от жизни их работо-

дателя, и встречались они только за столом. Несмотря на то что супруги были уже седыми, они выглядели намного моложе Амброза и не обнаруживали признаков физического истощения, столь изменившего облик моего кузена. Молчание во время трапезы нарушалось лишь нашими с Амброзом репликами; Риды не стремились поддержать беседу и сидели с отсутствующим видом. Правда, пару раз я заметил, как после кое-каких слов кузена они обменялись быстрыми и выразительными взглядами — однако этим все и ограничилось.

Только когда мы с Амброзом уединились в его кабинете, он впервые заговорил о предмете, занимавшем все его мысли. Кабинет и лаборатория находились на задней половине дома; в центре располагались кухня, столовая и гостиная, а спальни вопреки обыкновению были размещены в передней части здания. Как только мы остались наедине в уютном кабинете, Амброз перестал сдерживаться и заговорил голосом, дрожавшим от волнения.

— Тебе ни за что не угадать, какими опытами я занялся с тех пор, как оставил практику, Генри, — начал Амброз, — по правде говоря, я далеко не сразу решился рассказать тебе о них. Если бы я не испытывал необходимости в том, чтобы кто-нибудь заносил на бумагу эти поразительные факты, я бы не стал никому доверяться. Однако теперь, когда я близок к успеху, я обязан подумать и о потомках. Если говорить коротко, мне удалось припомнить все свое прошлое, проникнуть в самые потаенные уголки человеческой памяти, и теперь я твердо убежден в том, что, действуя теми же методами, мне удастся продлить процесс припоминания вплоть до *наследственной* памяти и воссоздать события жизни предков. Судя по твоему лицу, ты мне не веришь.

— Совсем нет, просто я поражен тем, какие это открывает перспективы, — отвечал я совершенно искренне; правда, я ни словом не обмолвился о смятении, овладевшем мною в эти минуты.

— Ну и отлично. Иногда мне кажется, что те средства, к которым я вынужден прибегать, чтобы приводить себя в состояние, необходимое для проникновения в прошлое, сильно угнетают Ридов. Они ведь считают, что любые опыты над человеческими

существами противоречат христианской морали и потому находятся за гранью дозволенного.

Я хотел было спросить, о каких средствах он говорит, но потом решил, что если он найдет это нужным, то сам расскажет мне о них в свое время; если же нет, то никакие расспросы не помогут. Но тут он сам заговорил об этом.

— Я установил, что, когда человеческий организм близок к истощению, употребление наркотиков в сочетании со слушанием музыки вызывает то самое состояние сознания, при котором становится возможным углубляться в прошлое, благодаря обострению чувств и духовных способностей до такой степени, что к человеку возвращается вся его память. Поверь мне, Генри, я достиг самых поразительных и замечательных результатов. Мне даже удалось припомнить свое пребывание в утробе, как бы неправдоподобно это ни звучало.

Амброз говорил с заметным волнением; глаза его блеснули, голос дрожал. Было совершенно очевидно, что мечты об успехе вскружили ему голову в гораздо большей степени, нежели они того заслуживали. Цель, о которой он мне поведал, занимала его еще в те годы, когда он работал врачом. На достижение этой цели он затратил немалые средства и теперь, похоже, добился кое-каких результатов. Но это самое большее, что я готов был допустить, и то не безоговорочно. Правда, внешний вид кузена подтверждал то, что он поведал мне о характере своих экспериментов. Худоба его говорила о крайней степени физического истощения, что вполне могло быть следствием употребления наркотиков и продолжительного голодания. По всей видимости, он голодал регулярно и часто, ибо не только сбросил избыточный вес, но похудел значительно больше, чем мог бы позволить себе человек, находящийся в здравом рассудке и заботящийся о своем здоровье. И еще: по ходу этого разговора в нем наблюдались явные признаки фанатической одержимости, и мне стало ясно, что все мои возражения будут гласом вопиющего в пустыне и не отклонят его ни на йоту от избранного им курса. Он целиком подчинил себя своей странной фантазии и не позволил бы никому и ничему себя разубедить.

— А на тебе будет лежать обязанность расшифровки моих стенографических записей, Генри, — продолжал он уже более

спокойным тоном. — Что бы со мной ни происходило, я всегда старался вести записи. Некоторые из них сделаны в состоянии транса, как если бы мною управлял некий демон. Впрочем, это, конечно, вздор. Они охватывают весь период моего существования вплоть до момента, непосредственно предшествовавшего моему рождению, а теперь я занят опытами с наследственной памятью. Ты сам увидишь, как далеко я зашел, когда найдешь время расшифровать и ознакомиться с теми данными, которые я уже собрал.

После этих слов кузен перевел разговор на другую тему, а спустя некоторое время извинился и исчез за дверями своей лаборатории.

II

На приведение в порядок и расшифровку записей Амброза у меня ушло без малого две недели. Материалов оказалось значительно больше, чем я заключил было из его слов, и многое в них явилось для меня откровением. Если ранее я усматривал в бредовых идеях кузена лишь крайнюю степень донкихотства, то теперь у меня сложилось убеждение, что здесь налицо явные признаки умственного расстройства. Это безжалостное насилие над собственным организмом ради получения результатов, по большей части недоказуемых и не могущих принести никаких благ человечеству, даже если бы цель Амброза была достигнута, казалось мне граничащим с бессмысленным фанатизмом. Его интересовала не столько та информация, которую он мог получить за счет искусственного возбуждения своей памяти, сколько эксперимент как таковой. Более же всего меня беспокоило то, что если изначально его опыты, судя по всему, не выходили за рамки обычного увлечения, то в дальнейшем они приобрели характер навязчивой идеи, оттеснившей все остальное, включая и его собственное здоровье, на второй план.

В то же время я не мог не признать, что содержащиеся в его записях факты зачастую были воистину потрясающими. Я не сомневался, что мой кузен действительно нашел какой-то способ регулирования потока памяти. Ему удалось установить, что все происходящее с человеком как бы регистрируется в одном из

отсеков мозга и для припоминания этой информации требуется лишь найти подходящий мостик к месту ее хранения. С помощью наркотиков и музыки Амброзу удалось припомнить все свое прошлое, так что его записи в собранном и рассортированном виде составили его подробную биографию. Причем в ней не было ничего такого, чем, как правило, страдают автобиографии: ни принятия желаемого за действительное, ни романтической дымки, через которую человеку обычно видится прошлое, ни приукрашивания, позволяющего забыть о тех жизненных невзгодах, что нанесли ощутимые раны человеческому «я».

Во всяком случае, в том, чем занимался кузен, было что-то необычайно захватывающее. В записях, относящихся к самому последнему времени, упоминалось много лиц, известных нам обоим. Однако затем начала сказываться двадцатилетняя разница в возрасте, и в воспоминаниях появились ссылки на незнакомых мне людей и на события, в которых я не принимал даже косвенного участия. Особенным откровением для меня явились те заметки, где упоминались мысли, занимавшие моего кузена в юности и на пороге зрелости, ибо они загадочным образом соотносились с теми вопросами, что стояли в центре его внимания сегодня.

«Сильно поспорил с де Лессепсом о первоначале. Связка с шимпанзе слишком недавняя. Может быть, первобытная рыба?» Это он писал в дни своей учебы в Сорбонне. А вот в Вене: «Человек не всегда жил на деревьях, по утверждению фон Видерзена. Хорошо. Допустим, он плавал. Какую же роль в таком случае играли предки человека — да и играли ли вообще — в эпоху бронтозавров?»

Такого рода заметки, в том числе и гораздо более пространные, перемежались подробными записями дневникового типа, где говорилось о вечеринках, любовных увлечениях, подростковой дуэли, разногласиях с родителями и тому подобных мелочах, составляющих рутину жизни всякого нормального человека. Одна и та же тема стояла в центре внимания моего кузена на протяжении десятилетий; не говоря уже о последних годах, где она безусловно доминировала, кузен то и дело обращался к ней

в течение всей жизни. Еще девятилетним мальчуганом он часто просил деда рассказать ему историю нашего рода, включая далеких предков, которые жили до того, как первые записи о нашей семье появились в приходских архивах.

Помимо всего прочего, дневники Амброза наглядно демонстрировали, насколько сильно изнурял себя кузен этими опытами, ибо за время, прошедшее с начала эксперимента, почерк его стал гораздо менее разборчивым. В самом деле, чем дальше он углублялся в воспоминаниях к началу своей жизни (а по правде говоря, и еще дальше — к моменту своего пребывания во матке материнского чрева, ибо он добрался и до него, если, конечно, его записи не были искусной подделкой), тем менее твердой становилась его рука. Возможно, качество почерка менялось в зависимости от возраста, к которому относилось то или иное воспоминание. Предположение это, правда, казалось мне в то время столь же фантастичным, как и уверенность кузена в том, что он сможет добраться до родовой и наследственной памяти, включающей в себя воспоминания многих поколений и передававшейся посредством генов и хромосом, полученных им от предков.

Однако, пока я занимался приведением записей в порядок, я не торопился выносить о них окончательное суждение, а в наших с кузеном разговорах они даже не упоминались, если не считать одного-двух случаев, когда я обращался к нему за помощью в расшифровке некоторых слов. По завершении работы я перечел всю подборку с начала до конца и нашел ее довольно убедительной. Однако, вручая готовый труд кузену, я испытывал смешанные чувства, среди которых была и изрядная доля недоверия.

— Ну и что ты об этом думаешь? — спросил меня кузен.

— Пока довольно правдоподобно, — признал я.

— Ничего, дальше ты еще и не то скажешь, — отвечал он невозмутимо.

Я считал своим долгом убедить кузена несколько умерить свой исследовательский пыл. За те две недели, пока я сортировал и переписывал его материалы, Амброз довел себя до крайней степени изнурения. Он так мало ел и спал, что стал выглядеть намного более худым и осунувшимся, нежели в день моего при-

бытия. Он сутками не выходил из лаборатории, и за эти полмесяца было немало случаев, когда за столом нас присутствовало только трое. Руки его стали заметно трястись, подрагивали также и уголки губ; в то же время глаза его блеснули, как у одержимого, для которого перестало существовать все, кроме его собственных навязчивых идей.

Вход в лабораторию был мне запрещен. Хотя кузен позволил мне осмотреть его великолепное оборудование, для проведения опытов ему требовалось полное уединение. В своих записях он не слишком распространялся по поводу того, к каким именно наркотическим средствам прибегал, насилюя свой организм ради осуществления безумной мечты — восстановления своей родовой и наследственной памяти. Однако у меня есть все основания предполагать, что одним из этих наркотиков была *Cannabis indica*, или индийская конопля, в просторечии именуемая гашишем. Кузен экспериментировал непрерывно, дено и ночно, без отдыха и зачастую без сна, и мне доводилось видеть его все реже и реже. Разве что в тот вечер, когда я наконец вручил ему готовую расшифровку его записей, где прослеживался весь ход его жизни, восстановленный им по памяти, мы долго сидели вдвоем, перечитывая страницу за страницей. Кузен внес в рукопись незначительные поправки и добавления и вычеркнул несколько абзацев. Исправленная таким образом рукопись еще нуждалась в перепечатке, но чем я должен был заниматься впоследствии, если мне не было дозволено содействовать ему непосредственно в проведении опытов?

Впрочем, к тому времени, когда я закончил перепечатку, кузен успел подготовить для меня очередной ворох листов. На этот раз это уже были не его собственные мемуары, а воспоминания его родителей, родителей его родителей и еще более ранних предков. Они были далеко не такими подробными, как его собственные, и носили довольно общий характер, но вместе с тем представляли собой поразительно живую картину существования предыдущих поколений нашего рода. Там были воспоминания об основных исторических событиях, о великих природных катаклизмах, о нашей планете на заре ее существования. Я бы никогда не подумал, что один человек может оказаться в состоя-

нии так точно воссоздать прошлое, однако воспоминания лежали передо мной неоспоримым, незабываемым и впечатляющим свидетельством, и уже одно это, по любым меркам, было весьма крупным достижением. Лично я был убежден в том, что имею дело всего лишь с искусной мистификацией, но я не смел высказывать это мнение вслух Амброзу, ибо его слепая вера не допускала никаких сомнений. Я скопировал эти записи столь же тщательно, как и предыдущие, и, завершив работу всего за несколько дней, вручил ему очередную копию.

— Ты не веришь мне, Генри, — произнес он, грустно улыбаясь. — Я вижу это по твоим глазам. Но скажи, какой мне смысл заниматься фальсификацией? А к самообману я отнюдь не склонен.

— Не мне быть твоим судьей, Амброз. Вероятно, я даже не имею права на веру или неверие.

— Что ж, может быть, и так, — согласился кузен.

Когда я попытался узнать, в чем будут заключаться мои дальнейшие обязанности, он попросил меня подождать, пока он подготовит очередную порцию работы, а тем временем осмотреть окрестности. Я уже было решил воспользоваться его предложением и обследовать близлежащий лесной массив, но мне так и не суждено было этим заняться по причине последовавших за нашим разговором событий. В ту же ночь на меня легли совершенно новые обязанности, знаменовавшие решительный уход от кропотливой и утомительной работы по расшифровке записей кузена, которые становились все менее удобочитаемыми. В полночь меня разбудил старина Рид и сообщил, что Амброз просит меня безотлагательно явиться к нему в лабораторию.

Я немедленно оделся и сошел вниз.

Амброз лежал плашмя на операционном столе в своем поношенном халате мышинного цвета. Он находился в полуобморочном состоянии и все же узнал меня.

— У меня что-то с руками неладно, — выговорил он с видимым усилием. — Я теряю сознание. Ты будешь записывать все, что я тебе скажу?

— Что с тобой? — спросил я.

— Вероятно, временная блокада нервной системы. Мышечные спазмы. Впрочем, не уверен. Завтра все будет в порядке.

— Хорошо, — ответил я. — Я буду записывать все, что ты скажешь.

Я взял его блокнот и карандаш и принялся ждать.

В атмосфере, царившей в лаборатории, освещенной болезненно-тусклым светом красной лампочки рядом с операционным столом, было что-то жуткое. Кузен мой больше напоминал покойника, нежели человека, находящегося под действием наркотика. В одном из углов комнаты играл электропатефон, и низкие диссонирующие звуки «Весны священной» Стравинского растекались по лаборатории, заполняя собой пространство. Кузен не шевелился и долгое время не издавал ни звука. Он был погружен в глубокий наркотический сон, необходимый для проведения опыта, и при всем желании мне бы не удалось его разбудить.

Вероятно, прошло не меньше часа, прежде чем он заговорил, и речь его звучала столь нечленораздельно, что я с трудом разбирал слова.

— Лес погрузился в землю, — сказал Амброз. — Огромные лютуют и бушуют. Бежим, бежим...

И снова:

— Новые деревья на месте старых. Отпечаток лапы шириной в десять футов. Мы живем в пещере, холодной и сырой. Костер...

Я записал все, что он сказал, — точнее, все, что мне удалось разобрать из его шепота. Невероятно, но, судя по всему, ему грезились эпоха ископаемых ящеров, ибо он упоминал о неких огромных животных, которые бродили по поверхности земли, сшибались друг с другом в смертельных схватках, с легкостью проходили сквозь дремучие леса, как если бы это были не леса, а травяные луга, находили и пожирали людей, обитавших в пещерах и норах под землей.

Эта попытка углубления в прошлое далась моему кузену Амбросу слишком тяжело. Когда он несколько часов спустя пришел в себя, тело его сотрясала нервная дрожь, и он приказал мне немедленно выключить патефон. Пробормотав что-то о «вырождающихся тканях», которых он странным образом связывал со своими «снами-воспоминаниями», кузен объявил, что, прежде чем он возобновит опыты, нам всем необходимо отдохнуть.

III

Вполне вероятно, что если бы мне удалось уговорить кузена оставить свои эксперименты, ограничившись верой в возможность конечного успеха, и позаботиться о здоровье, то он бы избежал печальных последствий своей попытки перейти за черту, установленную для всех смертных. Но он не только не поддался на мои уговоры, но еще и посмеялся над ними, напомнив мне, что из нас двоих врач все-таки он, а не я. Когда я возразил ему, что просто он, как и все доктора, более легкомысленно относится к собственному здоровью, нежели к здоровью своих пациентов, он пропустил это мимо ушей. Однако даже я не мог предвидеть того, что в конце концов произошло, хотя туманная ссылка Амброза на «вырождающиеся ткани», казалось бы, могла заставить меня уделить более пристальное внимание тому вреду, который ему причиняли наркотики.

Передышка длилась всего неделю. Потом кузен возобновил свои эксперименты, и вскоре уже я отстукивал на машинке очередную порцию записей. На этот раз расшифровка пошла намного труднее, чем прежде. Почерк его портился прямо на глазах, а содержание записей зачастую было очень трудно уловить. Несомненным было лишь то, что он еще больше углубился в прошлое. Я, как и ранее, допускал, что мой кузен стал жертвой своего рода самогипноза и черпал свои воспоминания не из наследственной памяти, а из прочитанных некогда книг, где описывались наиболее яркие особенности жизни древних обитателей лесов и пещер. С другой стороны, в текстах временами появлялись обескураживающие очевидные признаки того, что упоминаемые факты не могли быть взяты ни из каких-либо печатных изданий, ни даже из воспоминаний о таковых, и что в этом случае могло послужить источником для причудливых хроник Амброза, оставалось для меня загадкой.

Мы виделись с ним все реже, и в те нечастые моменты, когда это происходило, я с беспокойством замечал, до какого истощения он доводит себя наркотиками и голодовкой; кроме того, налицо были признаки умственной и нравственной деградации. Он стал неряшлив, что было особенно заметно во время приема пищи и не раз приводило к тому, что миссис Рид демонстративно

не выходила к обеду. Правда, теперь, когда Амброз покидал свою лабораторию крайне редко, мы все чаще обедали без него.

Я не помню точно, когда произошли разительные перемены в поведении кузена; кажется, к этому времени я прожил у него в доме немногим более двух месяцев. Сегодня, когда я оглядываюсь на события тех дней, мне кажется, что первым, кто заметил их приближение, был Джинджер, любимый пес кузена. Если раньше это было самое послушное и воспитанное животное, какое только можно вообразить, то с некоторых пор он стал часто лаять по ночам, а днем скулил и слонялся по дому и двору с тревожным видом. Миссис Рид сказала о нем так: «Эта собака чует или слышит нечто такое, что ей очень не нравится». Возможно, она была права, но в тот раз я не придал ее словам особого значения.

Примерно в те же дни мой кузен решил вовсе не выходить из лаборатории и поручил мне оставлять для него пищу на подносе у входа, а когда я попытался ему возразить, он даже не отворил мне дверь. Приносимая мною пища зачастую подолгу оставалась нетронутой, так что миссис Рид в конце концов просто перестала разогревать ему обед, ибо в большинстве случаев он забирал его уже тогда, когда тот остывал. Удивительно, но никто из нас ни разу не видел, как Амброз забирает предназначенную для него еду: поднос мог оставаться на месте час, два, даже три часа — а потом внезапно исчезал и через некоторое время появлялся уже пустым.

Изменились и кулинарные пристрастия кузена. Если раньше он пил много кофе, то теперь совершенно не признавал его и столь упорно возвращал чашку нетронутой, что миссис Рид вскоре вовсе перестала утруждать себя приготовлением этого напитка. Похоже, что Амброз становился все более равнодушным к простым блюдам — мясу, картофелю, хлебу, зелени — и, напротив, не испытывал ни малейшего расположения к различного рода салатам и запеканкам. Иногда на пустом подносе оказывались очередные листы с записями. Это происходило очень редко, а записи были короткими и неудобочитаемыми, как из-за почерка, так и по содержанию. Видимо, Амброзу с трудом удавалось удерживать в пальцах карандаш, ибо строчки были нацарапаны крупными и неуклюжими буквами и располагались

на листах без всякого порядка. Впрочем, чего еще можно было ждать от человека, в больших дозах принимающего наркотики?

Музыка, доносившаяся из лаборатории, становилась все более примитивной и навязчивой. Амброз приобрел несколько пластинок с записями этнической музыки — в частности, полинезийской и древнеиндийской — и отныне слушал только ее. Жуткие, таинственные, обволакивающие напевы повторялись снова и снова, угнетающе действуя на нервы, пусть даже поначалу слушать их было небезынтересно. Музыка звучала непрерывно в течение недели, но одной ночью патефон начал выдавать явные признаки то ли перенапряжения, то ли износа, а потом внезапно заглох, и с тех пор мы его не слышали.

Примерно в это же время перестали появляться очередные отчеты, и почти сразу же к этому новому обстоятельству добавились еще два. По ночам Джинджер стал заходить в яростном лае, повторявшемся через равные промежутки времени, как будто кто-то покушался на собственность его хозяина. Пару раз я вскакивал с постели и прислушивался, а однажды мне показалось, будто какое-то крупное животное убегает в сторону леса, однако ко времени, когда я вышел во двор, его уже нигде не было видно. Между тем, какой бы глухой и безлюдной ни была эта часть Вермонта, она отнюдь не слыла медвежьим углом, да и вообще в этих лесах вряд ли можно было встретить животное крупнее или опаснее оленя. Другое обстоятельство встревожило меня еще больше. Первой его заметила миссис Рид, которая и обратила на него мое внимание, а заключалось оно в том, что из лаборатории исходил навязчивый и в высшей степени мерзкий мускусный запах — запах дикого зверя.

Быть может, моему кузену удалось привести к себе из леса какое-то животное — ведь задняя дверь лаборатории выходила в лес? Эту возможность нельзя было исключать, но, честно сказать, я не знал животного, которое могло бы издавать столь сильный запах. Попытки расспросить Амброза через дверь остались без успеха. Он решительно не хотел отзываться, и даже угрозы Ридов покинуть дом из-за невыносимой вони ничуть на него не подействовали. Спустя три дня супруги собрали свои пожитки и уехали, так что все заботы о кузене и его псе легли на мои плечи.

Шок, который я испытал, узнав всю правду, привел к тому, что теперь я уже не в состоянии воссоздать точную последовательность тогдашних событий. Помню, что я решил во что бы то ни стало переговорить с кузеном, несмотря на то что до сих пор все мои просьбы оставались без ответа. Желая хотя бы отчасти избавить себя от новых хлопот, в то самое утро я отвязал пса и пустил его бегать по окрестностям. Я даже не пытался браться за работу, которую прежде выполняли Риды, а просто прохаживался взад-вперед возле двери в лабораторию. Я давно отказался от всяких попыток заглянуть в нее со двора, ибо ее окна — равно как и окошко в двери — были плотно занавешены, чтобы никто не мог подглядывать, что творится внутри.

Все мои уговоры и увещания совершенно не действовали на Амброза, и тогда я рассудил, что, поскольку рано или поздно он захочет есть, то в случае, если я не стану приносить ему пищу, он просто будет вынужден покинуть свое убежище. В тот день я не принес ему еду, а сам сел и стал ждать его появления, несмотря на тошнотворный звериный дух, исходивший из лаборатории и заполнявший собой весь дом. Амброз не выходил. Решив держаться до конца, я продолжал нести свою вахту у двери и мужественно боролся со сном. Последнее оказалось совсем нетрудным, ибо в середине ночи тишину нарушили странные, тревожные звуки, доносившиеся из лаборатории. Они напоминали шарканье, как если бы по комнате шастало какое-то крупное неуклюжее существо, и сопровождалось своеобразным клекотанием, будто бессловесное животное пыталось заговорить. Я несколько раз позвал кузена по имени и подергал дверную ручку, но дверь не поддавалась, поскольку была не только заперта, но еще и забаррикадирована изнутри чем-то тяжелым.

Я решил, что если моя затея оставить кузена без пищи не заставит его покинуть комнату, то наутро я всерьез примусь за наружную дверь в лабораторию и так или иначе, но открою ее. Я находился в состоянии сильнейшего беспокойства, ибо упорное молчание Амброза было совершенно ему несвойственно.

Однако не успел я принять вышеназванное решение, как внимание мое было привлечено поведением пса, который словно взбесился. Напомню, что в то утро я спустил его с цепи, и теперь, свободный от нее, он пулей промчался мимо одной из стен

дома и бросился в лес, а спустя мгновение до меня донеслись ворчание и рычание, как будто он на кого-то напал.

Моментально позабыв о кузене, я ринулся к ближайшей двери. По пути я схватил карманный фонарик и, выскочив во двор, побежал было к лесу, но почти сразу остановился как вкопанный. Я успел только завернуть за угол дома — туда, где находилась задняя стена лаборатории, — и увидел, что дверь в нее была распахнута настежь.

Я повернулся и вбежал в эту дверь.

Внутри было темно. Я окликнул кузена. Ответа не последовало. Посветив фонариком, я отыскал выключатель и зажег свет.

Открывшаяся моему взору картина потрясла меня. Когда я в последний раз посещал эту комнату, она была очень чистой и ухоженной — теперь же она находилась в ужасном беспорядке. Мало того что все оборудование, предназначавшееся для экспериментов, было опрокинуто, разбросано и разбито — на полу и на аппаратуре валялись куски полупротухшей пищи, часть которой поступила сюда в уже приготовленном виде, а часть была явно принесена из леса, ибо я увидел недоеденные останки кроликов, белок, скунсов, бурундуков и птиц. Более того, все помещение пропиталось тошнотворным запахом берлоги первобытного зверя, и если разбросанные повсюду инструменты напоминали о том, что на дворе стоит двадцатый век, то все остальное принадлежало к дочеловеческой эпохе.

Кузена в лаборатории не было.

Я вспомнил про крупное животное, мельком виденное мною в лесу, и первым, что пришло мне на ум, было то, что оно каким-то образом проникло в лабораторию и унесло с собой Амброза, а пес бросился следом. Подгоняемый этой мыслью, я выбежал из дома и помчался к лесу, откуда по-прежнему доносились хрип и рычание смертельной схватки. Когда я добрался до места, все уже было кончено. Джинджер, тяжело дыша, отступил на шаг, и свет моего фонаря упал на его добычу.

До сих пор не знаю, как мне удалось вернуться в дом, вызвать полицию и не потерять способность связно мыслить, пусть даже и не более пяти минут кряду, после того потрясения, которым сопровождалась разгадка. В одно катастрофическое мгно-

вание мне стало ясно абсолютно все: я понял, почему так неистово лаял пес по ночам, когда «существо» выходило добывать себе пропитание, мне стал известен источник отвратительного звериного запаха. И еще я понял, что все случившееся с моим кузеном нельзя было предотвратить.

Ибо то, что лежало под окровавленной пастью Джинджера — жалкая карикатура на человека, с недоразвитым лицом и фигурой, издававшая невыносимо резкий мускусный запах, — было облачено в мышинного цвета халат, который некогда носил мой кузен, а на запястье волосатой руки блестели его часы.

Согласно какому-то неведомому, первобытному закону природы, Амброз, возвращаясь памятью в ту эпоху, когда жили предки человека, еще не ставшие людьми, попал в капкан соответствующего периода эволюции, и тело его деградировало до того уровня, на котором оно находилось у предков людей. По ночам он выходил в лес за добычей, доводя до неистовства и без того встревоженного пса; и то, что он пришел к такому ужасному концу, было делом моих рук — ведь это я спустил Джинджера с цепи и тем самым предопределил гибель Амброза от клыков его собственного пса!

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ КОСМОСА

Высшее милосердие, явленное нашему миру, заключается в неспособности человеческого разума понять свою собственную природу и сущность. Мы живем на островке счастливого неведения посреди черных вод бесконечности, и самой судьбой нам заказано покидать его и пускаться в дальние плавания...¹

I

Если справедливо утверждение, что человеку всегда суждено жить с таким чувством, будто он стоит на краю пропасти, то большинству людей в критические моменты жизни свойственно испытывать нечто вроде прозрения — когда таинственные и бездонные глубины, лежащие за пределами маленького людского мира, вдруг становятся близкими и доступными. Это значит, что вы вкусили от источника беспредельного знания, что редко кому удается; но подобное соприкосновение с неведомым не проходит бесследно, наполняя ужасом сердца даже самых отважных. Разве может кто-то из ныне живущих доподлинно знать, как появился человек и каково его место в этом мире, или с достаточной долей уверенности утверждать, что человечеству уготован бесславный конец?

Есть ужасы, которые посещают нас во сне и наполняют мир наших грез, — ужасы, которые на самом деле порождены всего лишь окружающей нас повседневностью. В последнее время меня неотвязно преследуют видения иных миров, и я уже не берусь категорически утверждать, что все это не более чем обычные галлюцинации. Но так было не всегда. Все изменилось в тот самый миг, когда я впервые повстречал Амоса Пайпера.

Меня зовут Натаниэль Кори. Более пятидесяти лет своей жизни я посвятил психоаналитике. Я являюсь автором одного учебника и множества статей по этой дисциплине. После учебы в Вене я долго практиковал в Бостоне, но десять лет назад оставил тамошнюю практику и переехал в небольшой университет-

¹ Г. Ф. Лавкрафт. «Зов Ктулху» (1928); перевод Л. Кузнецова.

ский городок Аркхем, расположенный в глубине Массачусетса. У меня хорошая профессиональная репутация, которую, впрочем, описываемые ниже события могут поставить под сомнение, чего я, признаться, весьма опасаясь. Как бы то ни было, я надеюсь, что это явится не единственным и далеко не самым важным следствием публикации моих заметок.

Неясное гнетущее предчувствие заставляет меня сесть и подробно описать самую интересную и одновременно самую спорную проблему из всех, с какими мне довелось столкнуться за многие годы практики. Не в моих правилах делать всеобщим достоянием сведения, касающиеся пациентов. Но в силу особых обстоятельств я вынужден нарушить это правило и изложить несколько конкретных фактов из истории болезни Амоса Пайпера. Эти факты в свете иных, внешне никак не связанных с ними событий могут приобрести для многих людей гораздо большую значимость, чем даже для меня в момент моего первого знакомства с ними. Есть силы разума, которых мы не различаем во тьме, но, возможно, существуют и силы тьмы, которых не способен воспринять наш разум. И это отнюдь не ведьмы и колдуны, духи и гоблины или подобные им порождения фантазии представителей примитивных культур, а силы несравнимо более могучие и страшные, выходящие далеко за рамки нашего понимания.

Имя Амоса Пайпера должно быть знакомо тем, кто интересуется вопросом происхождения человека. Они, возможно, помнят сборник докладов по антропологии, опубликованный около десяти лет назад и снабженный его комментариями. Моя первая встреча с Амосом Пайпером произошла в 1933 году. В сопровождении своей сестры Абигейл он появился в моем кабинете. Это был высокий мужчина довольно приятной наружности, производивший впечатление некогда очень полного, но за короткое время сильно потерявшего в весе человека. Случай был действительно интересным и на первый взгляд требовал не столько психиатрического, сколько общего медицинского обследования. Однако из пояснений его сестры я понял, что все врачи, к которым они ранее обращались, сходились во мнении, что его болезнь протекает в сфере ментальной и находится вне их ком-

петенции. И несколько моих коллег рекомендовали меня в качестве консультанта-психоаналитика.

Пока Амос Пайпер готовился в приемной, его сестра в нескольких словах обрисовала мне ситуацию. Пайпер оказался жертвой устрашающих галлюцинаций, которые, стоило ему закрыть глаза — будь то днем или ночью, — сразу же начинали его преследовать. Он лишился сна и сильно сбавил в весе, что не могло не вызвать беспокойства у его близких. Мисс Пайпер также упомянула, что три года тому назад во время посещения театра ее брат неожиданно — скорее всего, на нервной почве — впал в коматозное состояние, от последствий которого окончательно избавился лишь около месяца назад, а спустя еще неделю начали появляться галлюцинации. Мисс Пайпер предполагала, что существует некая логическая связь между прошлой болезнью ее брата и постигшим его новым несчастьем. Лекарства на некоторое время возвращали сон, но и они не могли избавить его от видений, которые внушали доктору Пайперу такой ужас, что он не решался даже говорить о них.

Мисс Пайпер откровенно отвечала на все мои вопросы, но этих сведений было явно недостаточно для реальной оценки состояния ее брата. Она заверила, что у Амоса никогда не было приступов ярости, но он часто бывал рассеянным и отрешенным от мира сего, причем грань эта просматривалась совершенно четко, и порой он напоминал улитку, отгородившуюся от окружающих стенками своей раковины.

Вскоре мисс Пайпер удалилась, и я взглянул на вошедшего пациента. Он сел возле стола, глаза его были широко открыты и излучали какую-то гипнотическую энергию — мне показалось, что удерживать их открытыми стоило ему огромного усилия воли; белки были налиты кровью, а зрачки затуманены. Он пребывал в возбужденном состоянии и начал немедленно извиняться за свой визит ко мне, за решительную настойчивость своей сестры, которую он не разделял, понимая, что помочь ему не было никакой возможности.

Я осторожно заметил, что мисс Абигейл вкратце уже описала его проблему, и попытался несколько успокоить его. Я говорил так, как это бывает необходимо в подобных случаях. Пайпер слушал с подобающим уважением, очевидно начиная поддавать-

ся моим уговорам, и, когда я наконец спросил его, почему он не спит, он без колебаний ответил, что боится.

— Как только я смыкаю веки, передо мною возникают видения страшных геометрических фигур и рисунков; появляется туманное свечение, а затем — огромные и страшные существа, каких нормальному человеку и вообразить-то невозможно. Но самым чудовищным является то, что они разумны, хотя разум их бесконечно далек от нашего понимания.

Я попросил его подробнее описать этих существ, но с этим возникли трудности: его описание получилось очень неопределенным, хотя и весьма впечатляющим. Ни одно из этих существ как будто не имело четкой формы, за исключением, пожалуй, морщинистых конусообразных созданий то ли растительного, то ли животного происхождения. Он так живо и непосредственно рассказывал о преследующих его галлюцинациях, что я невольно проникся его волнением. Когда я упомянул о его прошлой болезни, он стал говорить свободнее, но при этом то и дело повторялся, путался и как бы предоставлял мне самому выстраивать по порядку хаотическое нагромождение его мыслей.

Это несчастье произошло с ним на сорок девятом году жизни, когда, находясь в театре на премьере мозмовского «Письма», он в середине второго акта внезапно потерял сознание. Его перенесли в служебное помещение, где попытались привести в чувство, а затем в карете медицинской помощи доставили домой, и там в течение нескольких часов подряд над ним безуспешно бились врачи. В конечном счете Пайпер был госпитализирован. Коматозное состояние продолжалось три дня, после чего сознание вернулось к нему.

С первых же минут стало заметно, что он несколько «не в себе» — личность его подверглась неожиданно глубокой трансформации. Врачи, наблюдавшие за ним, сходились во мнении, что это был приступ паралича, но симптомы, прямо подтверждающие диагноз, выявлены не были. Заболевание оказалось настолько серьезным, что некоторые вполне элементарные операции давались ему с огромным трудом. В его общем физическом состоянии не было отмечено серьезных нарушений, органы артикуляции в целом работали нормально, но в то же время движения, когда он пытался взять какой-либо предмет, больше на-

поминали крабьи; кроме того, ему вновь приходилось учиться ходить и говорить. Вместо звуков у него получалось нечто напоминающее свист, при этом было заметно, что он очень обеспокоен своей неспособностью вступить в контакт с окружающими. Однако его интеллектуальные способности серьезно не пострадали, свидетельством чему может служить тот факт, что он смог всего за неделю восстановить утраченные навыки.

Гораздо хуже обстояли дела с его памятью. Здесь были сплошные пробелы. Он не узнавал сестру, коллег по университету, город, в котором жил, и почти ничего не помнил о Соединенных Штатах. Таким образом, его нужно было учить всему заново. При этом Пайперу потребовалось менее месяца, для того чтобы овладеть всеми необходимыми знаниями об окружающем мире, демонстрируя при этом воистину феноменальные способности. Особенно впечатляла скорость, с какой он усваивал огромные объемы информации, хотя до приступа он не мог похвастаться столь же великолепной памятью.

Только три года спустя, уже оправившись от своей «болезни», Пайпер осознал в полной мере всю странность своего тогдашнего поведения, определив его как «нечто необъяснимое». В тот период он оставил работу в Мискатоникском университете и увлекся путешествиями, воспоминания о которых, однако, полностью изгладились из его памяти после окончательного «исцеления». Он побывал в самых удаленных уголках планеты — в Аравийской пустыне, на просторах Внутренней Монголии, за Полярным кругом, на многих островах Полинезии, включая Маркизские, в горной стране инков и во многих других местах. По выздоровлении он не помнил, чем занимался во время своих путешествий; мало что могли подсказать и немногие сувениры, которые были обнаружены в его багаже. В большинстве своем они представляли собой сколки камней с иероглифическими письменами на них, которые являются атрибутом коллекции чуть ли не каждого путешественника, возвращающегося из дальних странствий.

Во время коротких передышек между поездками он быстро и много читал, посещая крупнейшие библиотеки мира. Начав с библиотеки Мискатоникского университета, известной своим богатым собранием редких старинных книг, он позднее добрался

аж до Каирской библиотеки в Египте. Большую же часть свободного времени он проводил в библиотеке Британского музея и Национальной библиотеке Франции, не говоря уже о многочисленных частных книжных собраниях, куда обращался за консультациями по тому или иному вопросу.

Записи, которые он вел, свидетельствовали о том, что круг его чтения составляли исключительно древние манускрипты, о многих из которых до своей болезни он не имел ни малейшего представления. Среди них были, к примеру, «Пнакотические рукописи», «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда, «Unaussprechlichen Kulten» фон Юнцта, «Cultes des Goules» графа д'Эрлетта, «De Vermis Mysteriis» Людвиг Принна, «Текст Р'льеха», «Семь сокровенных книг Хсана», «Песни дхоллов», «Liber Ivonis», «Тексты с Целено» и ряд других; причем многое из того, что он читал, сохранилось только в отрывках, которые были разбросаны по разным частям света. Порядок его занятий в каждой библиотеке был неизменен — сначала легенды, книги о сверхъестественном, затем книги по истории и антропологии. Это не могло не наводить на мысль о том, что Пайпер интересовался историей человечества с незапамятных времен и искал сведения об этом в книгах, содержащих учения оккультного свойства.

Замечу, что во время своих путешествий он общался с людьми, которых прежде не знал. Встречи эти происходили как бы по заранее намеченной схеме. Люди эти были одинаковых с ним убеждений, занимались странными научными изысканиями и преподавали в колледжах либо университетах. Впоследствии, общаясь с ними по телефону, Пайпер выяснил, что все они пережили недуг, во многом схожий с его собственным.

Подобный образ жизни ни в коей мере не был свойствен Пайперу до начала болезни. Путешествия длились долгих три года. Два месяца на Понапе, месяц в Ангкор-Вате, три месяца в Антарктике, конференция в Париже и короткие приезды в Аркхем на отдых — в таком режиме прошли эти три года, предшествовавшие полному выздоровлению, за которым, однако, вновь последовала болезнь, стершая из его памяти все события последнего трехлетия и породившая в нем тот самый страх, когда, едва закрыв глаза, он начинал видеть картины самого невероятного и жуткого свойства.

II

Мне потребовались три встречи с Амосом Пайпером, чтобы на основании его рассказов получить более-менее отчетливое представление о характере видений, которые постоянно его преследовали, лишив покоя и сна. Как правило, видения эти походили одно на другое, но все они были фрагментарны и отрывочны, что, впрочем, ничуть не умаляло их значения. Чаще всего Пайпер видел картину одного и того же места. Я попытаюсь в точности воспроизвести то, что он мне рассказал.

«Я работал в поражающем своими размерами здании библиотеки. Зал, в котором я вел какие-то записи на необычном языке, был настолько велик, что находившиеся в нем столы были размером с обычную комнату. Стены были из базальта, а книжные стеллажи вдоль них — из какого-то темного дерева неизвестной мне породы. Книги являли собой не типографскую продукцию, а голографические изображения, в большинстве своем содержавшие тексты на уже упомянутом странном языке. Однако часть текстов была написана на языках, хорошо мне знакомых или вдруг ставших понятными: на санскрите, греческом, латинском, французском и на различных вариантах английского — от языка средневековых хроник до современного. Освещалась комната шаровидными кристаллическими лампами, рядом с которыми на столах возвышались неясного назначения устройства, состоявшие из стекловидных трубок и круглых металлических стержней без каких-либо соединительных проводов.

Несмотря на огромное количество книг на стеллажах, комната казалась голой и неуютной. На поверхности базальтовых простенков виднелись причудливые математические диаграммы и надписи, сделанные все на том же загадочном языке. Кладка здания напоминала кладку древних культовых сооружений: большие каменные блоки выгнутой формы были уложены один на другой выпуклой стороной вверх. Пол комнаты был вымощен восьмиугольными базальтовыми плитами. Кроме уже упомянутых рисунков на стенах, какие-либо иные декоративные украшения отсутствовали. Между огромными, от пола до потолка,

стеллажами размещались столы, за которыми мы работали стоя. В библиотеке не было стульев, да и желания присесть, по правде сказать, тоже не было.

Днем за окнами виднелся лес, состоявший из папоротникообразных деревьев, а по ночам я наблюдал звезды, которых не мог узнать, так как ни одно из созвездий не походило на те, которые являются ночными спутниками Земли. Это приводило меня в ужас, ибо я понимал, что нахожусь в абсолютно чуждом мне месте, неимоверно далеком от привычных земных условий, которые являлись мне теперь только в воспоминаниях. Однако меня не оставляло ощущение раздвоенности, как будто одна часть меня принадлежала окружающему, а другая — нет. Меня приводил в смущение еще и тот факт, что материал, над которым я работал, был посвящен современной истории Земли, а именно — XX столетию. Я записывал все в мельчайших подробностях, как будто собирался проводить на эту тему научное исследование.

Цель данной работы некоторое время оставалась для меня тайной — вероятно, речь шла о пополнении новыми сведениями этого гигантского хранилища. Но цель эта, как выяснилось впоследствии, была не единственной и далеко не главной. Из разговоров, которые велись вокруг меня, я понял, что подневольные историки трудились на благо возвращения на Землю Великой Расы — расы, к которой принадлежали окружавшие меня создания и отчасти я сам. Земля была местом ее исторического проживания еще до начала войны с Великими Древними, которая и послужила причиной ухода Великой Расы в глубины космоса.

Тревога и откровенный страх постоянно сопутствовали мне в работе. Я боялся смотреть на свое тело, дабы не испытать ужасного разочарования. Мне казалось, что нечто подобное я уже переживал когда-то в прошлом. Возможно, меня пугала моя внешняя схожесть с соседями по библиотеке. Все они представляли собой огромные — около десяти футов высотой — морщинистые конусы, по структуре тканей напоминавшие растения. Их головы и клешнеобразные конечности располагались в верхней части конуса. Перемещались они, сжимая и расширяя толстую вязкую „подшву“ в основании конуса. Общение шло на не-

известном мне языке, которым я, к своему удивлению, овладел очень быстро — буквально в первый же день моего пребывания там. Их речь даже отдаленно не напоминала человеческий голос — это было странное сочетание посвистов, щелкающих звуков и скрежета огромных клешней, расположенных на концах двух из четырех гибких отростков, начинавшихся у вершины конуса.

Особенно угнетал меня тот факт, что я, по сути, был узником вдвойне — узником, заключенным в чужое конусообразное тело, которое в свою очередь было обречено томиться в стенах этой гигантской библиотеки. Я тщетно пытался обнаружить там какую-нибудь земную вещь. Но ничто вокруг меня не напоминало Землю. Время от времени появлялись надзиратели, или, правильнее сказать, контролеры. Хотя внешне они и выглядели точно так же, как все остальные, но властная манера держаться сразу же выделяла их из толпы. Они медленно прохаживались между нами и зачастую помогали в работе. От них не исходило угроз, напротив, они были очень обходительны, но в то же время настойчивы и непреклонны.

Контролерам запрещалось вступать с нами в разговор, но среди них был один, на которого этот запрет, по всей видимости, не распространялся. Вероятно, он был у них старшим. В его движениях чувствовалось больше важности, и я заметил, что остальные контролеры относились к нему с почтением, не только ввиду занимаемой им должности, но и оттого, что — как я узнал впоследствии — ему было суждено умереть прежде, чем Великая Раса двинется в обратный путь. Кроме меня, новенького, он хорошо знал всех работающих здесь и поэтому частенько задерживался возле моего стола, поначалу ограничиваясь одобряющими замечаниями, а затем вступая со мной во все более долгие беседы.

От него я узнал, что Великая Раса населяла Землю и планеты других систем еще за миллионы лет до появления человека. Форму морщинистых конусов они приняли только несколько столетий назад. В действительности же их внешний облик подобен лучу света, так как они являются расой свободного сознания и могут вследствие этого существовать в рамках любого физического тела.

Они обитали на Земле до тех пор, пока не оказались втянутыми в войну между Старшими Богами и Великими Древними за господство в космосе, которая нашла свое отражение в христианских мифах, но в силу ограниченности человеческого воображения описывалась в них как борьба между Добром и Злом. С Земли Великая Раса отправилась в космос, сперва на Юпитер, а потом еще дальше — к планете, на которой они находились сейчас, темной планете созвездия Тельца, где им постоянно приходится опасаться нападения враждебных сил с берегов озера Хали, ставшего местом изгнания Хастура — одного из Великих Древних. Сейчас планета умирала, и они готовились к массовому исходу на новую планету с одновременным перемещением вперед или назад во времени, чтобы воплотиться в тела существ, имеющих лучшие перспективы существования и развития, нежели ныне населяемые ими конусы.

Подготовка заключалась во временной замене сознаний существ, населявших Вселенную в разные времена: среди „пленников“, наряду со мной, здесь были сознания древоподобных людей с Венеры и полурастительной расы из Антарктики; представителей великой цивилизации инков и человеческих существ, которые будут жить на Земле после ядерной катастрофы, подвергнувшись жутким мутациям в результате выпадения радиоактивных осадков после взрывов водородных и кобальтовых бомб; разумных муравьев с Марса, древних римлян и далеких потомков современных людей, которые будут жить через пятьдесят тысяч лет. Одним словом, там были представители огромного числа рас и разных форм жизни из миров, о которых я знал, и миров, отстоявших от моего на многие тысячелетия. Великая Раса могла свободно путешествовать в пространстве и времени, а нынешние конусообразные тела были всего лишь ее кратковременным пристанищем, как и намеченный перенос сознаний в одну из ныне изучаемых форм жизни, чтобы уже потом отыскать место и время, подходящее для более продолжительного пребывания.

Все мы, работающие в огромной библиотеке, пополняли ее архивы сведениями о том историческом периоде времени, в котором жил каждый из нас. Отправляя своих посланцев в космос, Великая Раса могла воочию убедиться, какой была жизнь

в иные времена и на иных планетах, и одновременно получить отчет от существ, чьи сознания были временно замещены сознаниями посланцев и перенесены в обратном направлении на планету в созвездии Тельца, где они находились в чужих им телах вплоть до завершения миссии.

Великой Расой была создана машина, с помощью которой они перемещались во времени и пространстве. Машина эта ничем не походила на машину времени, созданную воображением человека, — она отделяла сознание от тела и перемещала его в выбранную точку времени и пространства. Таким образом, при массовой миграции они отправлялись в путь ничем не отягощенные — все оставалось в прошлом, в точке, которую они покинули. На новом месте вновь начиналось созидание цивилизации в надежде избежать катастрофы, которая неминуемо последует, если Древние — Хастур Невыразимый, покоящийся в морских глубинах Ктулху, Ньярлатхотеп-Посланник, Азатот, Йог-Сотот и их последователи, освободившись от пут, вновь вступят в борьбу со Старшими Богами где-то в безбрежных просторах космоса».

Таковы были галлюцинации, постоянно преследовавшие Пайпера. На самом деле это был один и тот же повторяющийся сон — отдельные, обрывочные видения, которые изо дня в день обрастали дополнительными деталями и в результате приняли логически завершенный вид. По возвращении в свое нормальное состояние у него первое время наблюдались реакции, сходные с теми, что наблюдались в начальный период болезни, — он пытался разговаривать жестами и брать предметы таким образом, как будто вместо рук у него были клешни. Примечательно, что эти реакции имели место сразу после выздоровления, еще до того, как у Пайпера начали появляться галлюцинации, и, следовательно, не могут быть объяснены их воздействием.

Другой поведенный им сон являлся логическим продолжением предыдущего. Пайпер снова находился в помещении гигантской библиотеки, заключенный в конусообразном теле, и вел беседу со старшим контролером, расспрашивая его о Великой Расе.

«Я спросил, каким образом им удастся хранить в тайне свои планы, временно обмениваясь сознанием с другими расами. Контролер ответил, что это достигается двумя путями. Во-первых, у „пленного сознания“ уничтожаются все участки памяти, связанные с местом его временного пребывания, независимо от того, из прошлого или будущего оно было сюда перемещено. Во-вторых, если какие-то следы и сохраняются, то увязать их в единое целое не представляется возможным, но если даже допустить и это, то все равно окружающими подобные факты будут восприниматься лишь как игра больного воображения. Посланцам Великой Расы позволено самим выбирать себе временную телесную оболочку. Замещенное же сознание направляется по обратному маршруту в тело представителя Великой Расы. Сознание пришельца между тем начинает приспосабливаться к жизни в новых условиях и заниматься поисками следов древней культуры, существовавшей до начала войны Древних со Старшими Богами. Его главная задача: обнаружить присутствие в данном мире потомков Древних, могущих представлять опасность для Великой Расы, представители которой всегда стремились к обособленности, но при этом были более тесно связаны со Старшими Богами. Иногда уже после возвращения „пленного сознания“ на свое прежнее место за ним вслед направлялся еще один посланец, дабы убедиться, что в памяти его не сохранилось никаких сведений о Великой Расе. В противном случае осуществлялся повторный перенос сознания и более тщательная „чистка“ его памяти.

Контролер водил меня по подземным помещениям библиотеки. Повсюду были книги — все как на подбор голографические. Контейнеры с книгами были уложены аккуратными стопками и перевязаны лентами из неизвестного мне светящегося металла. Архивы располагались в порядке усложнения форм жизни. Я заметил, что конусоподобные существа стояли на порядок выше, чем человек; а человек находился рядом с рептилиями — своими предшественниками на Земле. Контролер пояснил, что контакт с Землей поддерживался по одной причине — она некогда была главной ареной битвы Богов и Древних, и потомки последних продолжали незримо присутствовать на планете: глубоководные — на дне океана, люди-рыбы — в Поли-

незии и в районе Инсмута, что в штате Массачусетс, страшный народ чо-чо — в Тибете, шантаки — в Кадате посреди ледяной пустыни, а также многие другие, столь же таинственные народы в других труднодоступных местах Земли. Эти сведения были особенно важны для Великой Расы, так как она планировала возвращение на зеленую планету, некогда бывшую ее домом. Буквально вчера, продолжал контролер (тамошние сутки примерно равнялись земной неделе), с Марса прибыл один из разведчиков и сообщил, что планета быстро гибнет, тем самым лишая Великую Расу еще одного возможного пристанища.

Из подземных помещений мы направились на верхний этаж огромной башни со стекловидным куполом, откуда можно было наблюдать простирающийся внизу пейзаж. Лишь там я понял, что папоротниковый лес, виденный мною прежде, состоял только из сухих стволов и листьев, а вдаль, за кромкой леса, лежала мрачная пустыня, простиравшаяся до темного залива ныне уже несуществующего океана. Их солнце попало в сферу притяжения новой звезды и теперь медленно отдалялось. Как странно было видеть все это — деревья, остановившиеся в росте, гигантские мегалитические здания, и ни одной пролетающей птицы, ни облачка, ни дымки. Едва доходящие до планеты лучи солнца оставляли ее вечно погруженной в сумеречное небытие.

Я содрогнулся при виде всего этого».

Видения Пайпера, с каждым разом ужасавшие его все более, существовали в двух основных планах, один из которых был связан с Землей, а другой — с далекой планетой на орбите умирающей звезды. Еще одна тема, звучавшая несколько раз в его рассказах, была связана с огромной круглой комнатой в самом низу гигантской башни, в которую он якобы однажды попал. В комнате находилась машина, испускавшая бледный и неровный голубой свет, отчасти напоминавший электрический. Отдельные ее детали соединялись между собой каким-то непонятным образом, без помощи проводов. Когда пульсация света на машине усиливалась, то находившееся на столе перед ней конусообразное существо впадало в состояние комы, в котором и пребывало некоторое время, пока не исчезал свет и не прекращался гул машины. Затем конус приходил в себя, и немедленно начиналась вакханалия свистящих и щелкающих звуков. Пайпер понимал

их речь и на основании услышанного сделал вывод, что в каждом таком случае он был свидетелем возвращения представителя Великой Расы и отправки назад его «дублера». Суть сообщений сводилась во всех случаях к одному — доклад в сжатой форме о событиях в далеких мирах. В одном из случаев представитель вернулся с Земли, где в течение пяти лет пребывал в облике английского антрополога и будто бы обнаружил несколько мест, где затаились до поры до времени приспешники Древних. Некоторых из них удалось уничтожить — к примеру, на каком-то острове недалеко от Понапе в Тихом океане, на рифе Дьявола вблизи Инсмута или в горной расселине и озере близ Мачу-Пикчу, — но остальные, хоть и разобщенные, пока еще были живы. Сами же Древние, оставшиеся на Земле, находились в заточении под пятиконечной звездой — знаком Старших Богов. Среди планет, о которых сообщалось как о потенциально возможном прибежище Великой Расы, Земля занимала одно из первых мест, несмотря даже на угрозу ядерного конфликта.

Со слов Пайпера можно было заключить, что Великая Раса готовилась к очередной миграции на далекую планету или звезду и что безлюдные места зеленой планеты — ее полярные снега и песчаные пустыни — казались ей раем по сравнению с нынешним обиталищем. В целом видения Пайпера были единообразны: здание из огромных базальтовых блоков, нескончаемый труд странных существ, не нуждающихся во сне, ощущение себя пленником чуждой расы, а по пробуждении — всепоглощающий страх, от которого он никак не мог избавиться.

В медицинском заключении я отметил у Пайпера серьезные нарушения психики, неспособность соотносить сон и реальность, вымысел и действительность. Впрочем, я не был полностью удовлетворен сделанными выводами. А насколько я был прав, усомнившись в своих соображениях, мне предстояло вскоре узнать.

III

Амос Пайпер был моим пациентом только три недели. За этот период я мог лишь констатировать ухудшение его состояния. Галлюцинации или то, что я считал таковыми, начали разви-

ваться в направлении параноидальной шизофрении. Подобное развитие болезни максимально проявило себя в письме Пайпера ко мне, переданном с посыльным. Вероятно, оно писалось в большой спешке.

«Дорогой доктор Кори!

В связи с невозможностью увидеть Вас вновь, спешу сообщить Вам, что не питаю никаких иллюзий насчет своего выздоровления. Я заметил, что с некоторых пор вновь нахожусь под наблюдением представителей Великой Расы, ибо теперь я окончательно убедился в том, что мои сны являются отголосками моего действительного трехлетнего пребывания в чужой телесной форме — пребывания «вне себя», как выражается моя сестра. Великая Раса существует помимо моих снов. Она существует дольше, чем это может себе представить человек. Я не знаю, где она сейчас — на темной планете в созвездии Тельца или где-то еще. Но они собираются вернуться, и по крайней мере один из них уже здесь. В промежутках между нашими встречами я не сидел сложа руки и обнаружил массу связей между моими снами и повседневностью. Как по-вашему, что в действительности произошло в Инсмуте в 1928 году? Что заставило правительство провести серию подводных взрывов возле рифа Дьявола в том районе? Что послужило причиной ареста и последующей высылки половины жителей этого городка? Какова связь между полинезийцами и жителями Инсмута? Что же на самом деле обнаружила Антарктическая экспедиция Мискатоникского университета в 1930–1931 годах в Хребтах Безумия? Что заставляло их держать в тайне от человечества это открытие? Какое иное объяснение может быть дано сообщению Йохансена, кроме того, что оно напрямую связано с легендами о Великой Расе? И нет ли чего-нибудь подобного в древних учениях инков и ацтеков?

Я мог бы продолжить этот список, но на это нет времени. Я обнаружил десятки подобных взаимосвязанных фактов, большинство из которых замалчиваются, хранятся в тайне или вовсе позабыты, дабы еще больше не будоражить и без того взволнованный мир. Человек в конечном счете является лишь одним — и далеко не самым значительным — из проявлений жизни в бескрайнем космосе. Только Великая Раса знает секрет вечной жиз-

ни, перемещаясь во времени и пространстве, меняя одно место обитания на другое, становясь то животным, то растением, то насекомым — как того требуют обстоятельства.

Но я должен спешить — у меня так мало времени. И поверьте мне, дорогой доктор, уж я-то знаю, о чем пишу...»

По прочтении сего меня не очень удивило сообщение мисс Абигейл Пайпер о том, что вскоре после отправки этого письма ее брат снова впал в коматозное состояние. Я тотчас же поспешил домой к Пайперу — и увидел своего пациента встречающим меня у дверей. Но это был совершенно другой человек. Он демонстрировал передо мной такую самоуверенность, какой я не замечал в нем с самого начала нашего знакомства. Он заявил, что наконец-то справился со своей болезнью, что видения исчезли и он может теперь спокойно спать и ничто его отныне не тревожит. Я все больше убеждался в том, что дело шло на поправку. Однако меня по-прежнему смущало одно обстоятельство: почему, если верить записке мисс Пайпер, момент исцеления совпал с новым приступом комы. Исцеление это выглядело еще более удивительным на фоне все увеличивающихся страхов, галлюцинаций, усиливающейся нервозности и, наконец, его последнего письма, свидетельствовавшего о том, что он был уже близок к полной потере рассудка.

Я был рад его исцелению и поздравил его с этим событием. Он принял мои поздравления со слабой улыбкой, а затем, сославшись на занятость, начал прощаться. Я пообещал навестить его где-нибудь через неделю-другую для того, чтобы справиться о состоянии его здоровья — на предмет появления прежних симптомов болезни.

Десять дней спустя я побывал у него в последний раз. Он был приветлив и любезен. Мисс Абигейл Пайпер тоже присутствовала при нашем разговоре; выглядела она немного странной, но ни на что не жаловалась. Пайпера больше не мучили сны и видения, и он мог откровенно говорить о своем «заболевании»; при этом он начисто отрицал возможность каких-либо «переселений» и «перемещений» сознания и советовал мне выбросить из головы эти мысли с настойчивостью, какой я ранее не мог в нем предполагать. Мы провели за весьма оживленной беседой

целый час, и я покинул его дом с одним убеждением: больной Пайпер, разумеется, был человеком незаурядных способностей, но «выздоровевший» Пайпер обладал прямо-таки феноменальным интеллектом, намного превосходя в этом плане меня самого.

Во время визита он удивил меня своим заявлением о том, что собирается в экспедицию, направляющуюся в Аравийскую пустыню. Тогда мне и в голову не пришло соотнести его планы с тем, о чем он мне рассказывал ранее. Но последующие события заставили меня это сделать.

Спустя двое суток, среди ночи, в моем кабинете была совершена кража. Исчезли все бумаги, связанные с Амосом Пайпером. К счастью, в свое время я успел сделать копии всех документов, в том числе и письма, которое тоже исчезло. До этих бумаг, как мне казалось, никому не было дела, кроме разве что самого Пайпера. Однако Пайпер ныне был в здравом уме, и посему найти рациональное объяснение этой странной краже было делом чрезвычайно затруднительным. Вдобавок ко всему, я узнал, что Пайпер должен был отправиться в экспедицию уже на следующий день, что, впрочем, не могло помешать ему выступить в роли орудия (я употребляю слово «орудие» намеренно) этого, на первый взгляд нелепого, преступления.

Но для выздоровевшего Пайпера эти бумаги вряд ли представляли какую-то ценность. С другой стороны, вновь заболевший Пайпер вполне мог желать того, чтобы бумаги были уничтожены. Не произошел ли и впрямь вторичный перенос сознания, с той только разницей, что новый пришелец был уже ранее знаком с образом мыслей и действиями обычного человека и ему не было нужды овладевать этими навыками с самого начала? Как бы то ни было, я решил провести свое собственное расследование и найти ответы на поставленные в письме вопросы. Я планировал потратить на это неделю, от силы две, а потратил месяцы и к концу года пребывал в еще большей растерянности, чем прежде. Более того, я находился на краю той же пропасти, которая так страшила Пайпера.

В 1928 году в районе Инсмута действительно произошло что-то необычайное — не зря же эти события привлекли столь пристальное внимание властей. Об этом ходили только слухи —

о каких-то похожих на лягушек людей, якобы прибывших туда с острова Понапе, но никаких официально признанных версий не существовало. Не так давно в храме Ангкор-Ват были сделаны какие-то потрясающие воображение открытия, указывающие на связь культур полинезийцев и североамериканских индейцев. Также не стали до сих пор достоянием гласности открытия, совершенные экспедицией Мискатоникского университета в Хребтах Безумия.

Существуют десятки подобных фактов, окутанных покровом молчания и неизвестности. А книги — те самые запретные книги, о которых упоминал Пайпер и которые я просмотрел в библиотеке Мискатоникского университета, — действительно содержали в себе информацию, во многом схожую с его «безумными» рассуждениями. Все это невольно наводило на мысль, что где-то и впрямь существует раса, далеко превосходящая нас по уровню развития — назовем ее Расой Богов или Великой Расой, какая разница! — которая может посылать сознания путешествовать во времени и пространстве. Если это принять на веру, то можно действительно предположить, что сознание Пайпера повторно было заменено другим, дабы на сей раз уже окончательно стереть в нем всякое воспоминание о пребывании среди Великой Расы.

Но самые интересные факты стали всплывать на свет только недавно. Я взял на себя труд ознакомиться с составом участников экспедиции, к которой примкнул Пайпер. Среди них были английский антрополог, палеонтолог-француз, философ-китаец, известный египтолог и много других. Но всех их объединяло одно — за последнее десятилетие все они так или иначе пережили процедуру «замены сознания», подобно Пайперу.

И где-то на дальней границе Аравийской пустыни они все разом исчезли с лица Земли.

* * *

Вполне возможно, что проводимое мною расследование могло встревожить представителей Великой Расы. Вчера ко мне в клинику приходил человек — его взгляд напоминал взгляд Пайпера, когда я видел его в последний раз: та же надменность, самоуверенность, плохо скрываемое чувство собственного превосход-

ства... Я также отметил — и это заставило меня мысленно содрогнуться — странно неловкие движения его рук. Прошлой ночью я увидел его вновь прогуливающимся под фонарем близ моего дома. Затем еще раз этим утром — слезка была слишком уж откровенной для того, чтобы жертва ее не заметила...

А сейчас я вижу, как он переходит через улицу, направляясь к двери моего дома...

* * *

Разбросанные в беспорядке страницы данной рукописи были обнаружены на полу кабинета доктора Натаниэля Кори, когда, встревоженная шумом за дверью, медсестра была вынуждена вызвать полицию. Ворвавшись в кабинет, стражи порядка стали свидетелями следующей картины: доктор Кори и неизвестный пациент стояли на коленях и тщетно старались передвинуть разбросанные по полу листки бумаги в сторону горящего камина.

Казалось, они не могли захватить листы пальцами и вместо этого толкали их вперед неуклюжими движениями, напоминающими движения краба. Не обращая никакого внимания на полицейских, они продолжали в сумасшедшей спешке двигать по полу распавшиеся страницы рукописи. Никто из них не мог вразумительно ответить на вопросы полицейских и прибывших вслед за ними врачей. От них вообще не удалось добиться сколько-нибудь связной речи.

Тщательное обследование обоих выявило у них полнейшую трансформацию личности, после чего они были отправлены на длительное лечение в Институт Ларкина — знаменитую частную лечебницу для умалишенных...

ЛАМПА АЛЬХАЗРЕДА

Эта лампа перешла в собственность Уорда Филлипса через семь лет после исчезновения его деда Уиппла. Лампа, а также дом на Энджелл-стрит, где теперь жил Филлипс, раньше принадлежали деду. В дом Филлипс переехал сразу же после того, как исчез дед, однако лампа до истечения семи лет, необходимых по закону для официального признания факта смерти, хранилась у поверенного — таковы были распоряжения деда, отданные им на случай непредвиденных обстоятельств (внезапной смерти или чего-нибудь в этом роде), с тем чтобы у Филлипса было достаточно времени для изучения обширной библиотеки Уиппла. Только прочитав многочисленные тома, стоявшие на полках, он был бы окончательно готов унаследовать «самое бесценное сокровище» деда, как именовалась лампа в завещании старого Уиппла.

К тому времени Филлипсу исполнилось тридцать, и у него было неважно со здоровьем, причем мучили его все те же недуги, которые столь часто омрачали его детские годы. Он родился в относительно богатой семье, но все средства, накопленные еще дедом, были растрачены на разные неразумные прожекты, и Филлипсу в наследство достались только дом на Энджелл-стрит и его обстановка. Филлипс стал пописывать для бульварных журнальчиков, а кроме того, обрабатывал целые горы почти безнадежно графоманской прозы и лирики, присылавшейся ему писателями-дилетантами, надеявшимися, что волшебное перо Филлипса поможет им увидеть свои произведения в печати, — все это позволяло ему вести довольно-таки независимый образ жизни. В то же время сидячая работа уменьшила его способность

противостоять болезни. Он был долговяз, худощав, носил очки и по слабости организма представлял собой легкую добычу для простуд, а однажды, уже в зрелом возрасте, к своему великому смущению, даже заболел корью.

В теплые дни он брал с собой работу и выходил на живописный речной берег, поросший лесом, — это место было любимым еще в детские годы. Берег реки Сиконк с тех пор совсем не изменился, и Филлипс, живший в основном прошлым, считал, что лучший способ победить чувство течения времени — хранить верность дорогим с детских лет местам, не изменившим своего тогдашнего облика... Объясняя свой образ жизни, он писал одному из своих корреспондентов: «Среди этих лесных тропинок, так хорошо мне знакомых, разница между настоящим и 1899 или 1900 годом полностью исчезает, и иногда, выходя на опушку, я почти готов увидеть город таким, каким он был в конце прошлого века». Кроме берегов Сиконка, он еще любил забираться на холм Нентаконхонт и подолгу сидеть там в ожидании восхитительных видов, по мере наступления ночи открывавшихся на город с его острыми шпилями и двускатными крышами, которые переливались оранжевыми, малиновыми, перламутрово-зелеными отблесками, в то время как мелькавшие тут и там огоньки превращали широко раскинувшийся внизу пейзаж в волшебную страну, к которой Филлипс был привязан гораздо сильнее, чем к собственному городу.

В результате этих каждодневных экскурсий Филлипс засиживался за работой далеко за полночь, а поскольку он, дабы не истощать свои и без того скудные средства, давно отказался от электричества, старая масляная лампа могла принести ему определенную практическую пользу, не говоря уже о той ценности, какую представляло собой это искусное изделие древних мастеров. В письме, сопровождавшем последний дар деда, чья привязанность к внуку была неизменной, а после ранней смерти родителей мальчика возросла еще больше, говорилось, что лампа была извлечена из аравийской гробницы, воздвигнутой еще на заре истории. Некогда она принадлежала какому-то полусумасшедшему арабу, известному под именем Абдул Альхазред, и была изготовлена мастерами легендарного племени ад, одного из

четырех таинственных племен Аравии, обитавшего на юге полуострова, в то время как племя тхамуд кочевало на севере, а тасм и джадис — в центральной его части. Давным-давно лампу обнаружили в заброшенном Иреме, Городе Столбов, возведенном Шедадом, последним из полновластных вождей племени ад. Некоторые знают его как Безымянный город, находившийся где-то в районе Хадрамаута. Другие же считают, что он был погребен вечно движущимися песками аравийских пустынь и, невидимый обычным глазом, иногда случайно открывается взору избранных людей — любимцев Пророка. В заключение своего длинного письма Уиппл писал: «Она может принести радость, будучи как зажженной, так и потушенной; и точно так же она может принести боль. Это источник блаженства и ужаса».

Лампа Альхазреда имела необычную форму, напоминая по виду небольшой продолговатый горшок, с одной стороны к которому была прикреплена ручка, а с другой находилось отверстие для фитиля. Лампа была изготовлена из металла, похожего на золото, и украшена множеством странных рисунков, а также букв и знаков, складывавшихся в слова на языке, незнакомом Филлипу, чьи знания охватывали несколько арабских диалектов, но были явно недостаточны для того, чтобы прочесть надпись. Это был даже не санскрит, а гораздо более древний язык, состоявший из букв и иероглифов, среди которых наличествовали пиктограммы. Весь день Филлипс чистил и драил лампу — и наконец налил в нее масло.

Тем вечером, отставив в сторону свечи и керосиновую лампу, столько лет помогавшие ему в работе, он зажег лампу Альхазреда. Его приятно удивили присущая лампе теплота, постоянство пламени и яркость света. Однако у него не было времени на изучение всех достоинств этого светильника. Нужно было срочно закончить работу, и Филлипс погрузился в правку объемистого стихотворного опуса, начинавшегося следующим образом:

Мне ведомо, что было до меня —
 Далекая заря земного дня
 Рождалась из стихийного огня,
 Чтоб жизнью стать — задолго до меня...¹

¹ Перевод В. Дорогокупли.

И так далее в том же духе — тяжеловесным архаичным слогом, уже давно вышедшим из употребления. Впрочем, архаика импонировала Филлипу. Он до такой степени жил прошлым, что разработал целое мировоззрение, скорее, даже собственное философское учение, о воздействии прошлого на настоящее. Ему было ведомо бесстрастное величие отрицающей время и пространство фантазии, которая с первых проблесков сознания была настолько тесно связана с его сокровенными мыслями и чувствами, что любое дословное их выражение выглядело бы в высшей степени искусственным, экзотическим и выходящим за рамки общепринятых представлений, независимо от того, насколько все это походило на правду. Десятилетиями грезы Филлипа были наполнены тревожным ожиданием чего-то необъяснимого, связанного с окружающим пейзажем, архитектурой, погодой. Все время перед его глазами стояло воспоминание о том, как он, будучи трехлетним ребенком, смотрел с железнодорожного моста на наиболее плотно застроенную часть города, ощущая приближение какого-то чуда, которое он не мог ни описать, ни даже достаточно полно осознать. Это было чувство удивительной, волшебной свободы, скрытой где-то в неясной дали — за проспектами древних улиц, тянувшихся через холмистую местность, или за бесконечными пролетами мраморных лестниц, завершающихся ярусами террас. Однако намного сильнее Филлипа тянуло укрыться во времени, когда мир был моложе и гармоничнее, в XVIII веке или еще дальше, когда можно было проводить долгие часы в утонченных беседах, когда люди могли одеваться с некоторой элегантностью, не лоя при этом на себе подозрительные взгляды соседей, когда не было нужды сетовать на недостаток фантазии в редактируемых им строках, на скудость мыслей и жуткую скуку — все то, что делало эту работу совершенно невыносимой. Отчаявшись выжать что-либо путное из этих мертвых стихов, он наконец отодвинул их в сторону и откинулся на спинку кресла.

А затем — затем он ощутил едва уловимые изменения в окружающей обстановке.

На столь знакомую сплошную стену книг, перемежающуюся лишь оконными проемами, которые Филлипс имел привычку занавешивать так плотно, что ни один луч света снаружи не мог

проникнуть в его святилище, падали странные тени, причем не только от аравийской лампы, но и от каких-то предметов, видневшихся в ее свете. На фоне освещенных книжных полок происходили такие вещи, которые Филлипс не мог бы вообразить в самых буйных порывах своей фантазии. Но там, где лежала тень — например, за высокой спинкой кресла, — не было ничего, кроме темноты, в которой смутно угадывались очертания книг.

Филлипс в изумлении наблюдал за разворачивавшимися перед ним картинами. У него мелькнула мысль, что он стал жертвой необычного оптического обмана, но таким объяснением он довольствовался недолго. Да он и не нуждался в объяснениях. Произошло чудо, и его интересовало только оно. Ибо мир, развернувшийся перед ним в свете лампы, был миром великой и непостижимой тайны. Ничего подобного он до сих пор не видел, ни о чем подобном не читал и даже не грезил во сне.

Это напоминало одну из сцен Сотворения мира, когда Земля была молода, когда огромные клубы пара вырывались из глубоких расщелин в скалах и повсюду виднелись следы гигантских пресмыкающихся. Высоко в небе летали перепончатые чудовища, которые дрались между собой и рвали друг друга на части, а из отверстия в скале на берегу моря высовывалось ужасное щупальце, угрожающе извиваясь в тускло-красном свете этого далекого дня, — образ, как будто вышедший из-под пера писателя-фантаста.

Постепенно картина изменилась. Скалы уступили место продуваемой всеми ветрами пустыне, среди которой, словно мираж, возник заброшенный город, утерянный Город Столбов, легендарный Ирем, и Филлипс знал, что, хотя нога человека уже давно не ступала по этим улицам, здесь — среди древних каменных зданий, сохранившихся в почти неизменном виде с тех пор, как обитатели города были уничтожены или изгнаны неведомо откуда явившимися безжалостными врагами, — все еще скрывались таинственные и зловещие существа. Однако никого из них не было видно; был только подспудно затаившийся страх перед неизвестностью — как тень, упавшая на эту землю из глубины давно минувших времен. А далеко за городом, на краю пустыни, возвышались покрытые снегом горы, и, когда он смотрел на них,

названия сами возникали у него в голове. Город назывался Безымянным, а снежные вершины — Хребтами Безумия или, быть может, Кадатом Ледяной Пустыни. И он с упоительной легкостью дарил этим местам имена, которые приходили к нему сразу, как если бы они всегда блуждали по периметру его мыслей, ожидая минуты воплощения.

Он сидел долго, чары рассеивались, а на смену им приходило ощущение легкой тревоги. Пейзажи, пробегавшие перед глазами, были лишь видениями, но в них тем не менее присутствовала какая-то неясная пока угроза, исходившая от чудовищных обитателей этих миров, следы присутствия которых встречались повсюду. В конце концов он не выдержал и, погасив лампу, чуть дрожащими руками зажег свечу, успокаиваясь при ее пусть неярком, но таком привычном и умиротворяющем мерцании.

Он долго раздумывал над тем, что увидел. Дед называл лампу своим «самым бесценным сокровищем», следовательно, он был знаком с ее свойствами. И важнейшим из этих свойств, судя по всему, была наследственная память и волшебный дар откровения, когда в ее свете можно было увидеть далекие страны и города, в которых бывали ее прежние владельцы. Филлипс мог поклясться, что видел пейзажи, знакомые еще самому Альхазреду. Но не мог же он и впрямь удовлетвориться подобным объяснением! Чем больше он размышлял об увиденном, тем больше запутывались его мысли. В конце концов он вернулся к отложенной им работе, погрузившись в нее с головой и позабыв все фантазии и страхи, настоятельно требовавшие осмысления.

На следующий вечер, в свете осеннего солнца, Филлипс покинул город. Доехав на трамвае до конечной остановки на краю жилого района, он продолжил путь пешком и вскоре остался наедине с природой. Место, куда он попал, было почти на милю дальше тех, где ему случалось гулять раньше. Он двигался по тропе на северо-запад от Плейнфилд-Пайк, огибая западное подножие Нентаконхонта, и взору его открывалась идиллическая панорама холмистых лугов, старинных каменных стен, вековых рощ и редких крыш отдаленных ферм. Находясь менее чем в трех милях от центра города, он имел возможность, подобно первым колонистам, наслаждаться видами старинной сельской Новой Англии.

Перед самым заходом солнца он взобрался на холм по крутой дороге, проходившей вдоль опушки старого леса, и с головокружительной высоты перед ним раскинулся ошеломляющий по красоте вид — мерцающие ленты рек, далекие леса, оранжевый край неба с огромным солнечным диском, медленно погружающимся в плотный слой перистых облаков. Войдя в лес, он увидел закат сквозь деревья и повернул на восток, чтобы прийти туда, где он особенно любил бывать, — на склон холма, обращенный к городу. Никогда прежде не осознавал он огромности Нентаконхонта. Этот холм был самым настоящим миниатюрным плато или даже плоскогорьем со своими долинами, гребнями и вершинами, менее всего походя на обыкновенный холм. С небольших лугов на возвышенных частях Нентаконхонта он любовался поистине чудесными видами города, протянувшегося вдоль линии горизонта, — сказочными шпилями и куполами, как бы плывущими в воздухе и окутанными таинственной дымкой. Верхние окна самых высоких башен отражали свет давно уже скрывшегося за горизонтом солнца, являя собой загадочное, странное и обворожительное зрелище. Затем он увидел, как в осеннем небе среди колоколен и шпилей плывет огромный круглый лунный диск, в то время как над переливающейся оранжевыми красками линией заката сверкают Венера и Юпитер. Тропа на плато шла зигзагами — иногда он оказывался в его средней части, а иногда выходил на заросший лесом склон, откуда к равнине спускались темные ущелья, а огромные гладкие валуны на верхушках скалистых утесов создавали на фоне сумерек образ чего-то призрачного и колдовского.

Наконец он добрался до хорошо знакомого места, где поросший травой край старого заброшенного акведука создавал иллюзию древнеримской дороги. Он снова стоял на обращенном к востоку гребне, который помнил с самого раннего детства. Перед ним в сгущающихся сумерках, словно огромное созвездие, лежал сверкающий огнями город. Лунный свет проливался потоками белого золота, и на фоне блекнущего заката все усиливалось мерцание Венеры и Юпитера. Путь домой лежал по крутому склону к трамвайным путям, а далее вагон доставил его в привычный, прозаический мир городской суеты.

Но все эти безмятежно проведенные часы не заставили Филлипса позабыть о том, что произошло в его комнате накануне вечером, и он не мог отрицать того, что по мере наступления темноты его нетерпение заметно возрастало. Смутная тревога уравновешивалась ожиданием удивительных ночных приключений, подобных которым он никогда еще не переживал.

Быстро покончив со своим скромным ужином, он сразу прошел в кабинет, где его молча приветствовали знакомые ряды книг, поднимавшиеся от пола до самого потолка. На этот раз он даже не взглянул на ожидавшую его работу, а сразу зажег лампу Альхазреда. Затем уселся и стал ждать.

Мягкий свет лампы отбрасывал на заставленные книгами стены желтоватые блики. Свет не мерцал, пламя было постоянным, и, как и прежде, Филлипс сразу ощутил приятную, убаюкивающую теплоту. Постепенно полки и книги на них стали покрываться дымкой, таять и в конце концов сменились картинами из других миров и времен.

Этой ночью час проходил за часом, а Филлипс все смотрел и смотрел. Он давал незнакомым местам имена, извлекая их из доселе неведомой области своего воображения, как бы проснувшегося при свете старинной лампы. Он увидел необычайной красоты здание на окутанном морскими туманами крутом мысе, напоминавшем мыс в окрестностях Глостера, и назвал его «загадочным домом на туманном утесе». Он увидел старинный город с двускатными крышами, по которому протекала темная река; город, похожий на Салем, но более таинственный и жуткий, и назвал его Аркхемом, а реку — Мискатоником. Он увидел окутанный тьмой прибрежный город Инсмут, а подле него — риф Дьявола, узрел глубокие воды Р'льеха, где покоится мертвый бог Ктулху. Он видел продуваемое всеми ветрами плато Ленг, и темные острова южных морей — таинственные острова грез, и много других пейзажей. Он видел далекие космические миры и уровни бытия, существовавшие в других временных слоях, которые были старше самой Земли и откуда следы Древних вели к Хали, в начало всех начал и даже дальше.

Но все эти картины он наблюдал как бы через окно или через дверь, казалось манившие его покинуть суетный мир и отправиться в путешествие по этим волшебным просторам. Иску-

шение росло и росло, он дрожал от желания повиноваться, отбросить все, чем он жил до сих пор, и попробовать стать кем-то другим, еще неизвестным себе самому, — но вместо этого, сделав над собой усилие, он погасил лампу и вновь увидел уставленные книгами стены кабинета дедушки Уиппла.

И весь остаток ночи, при свечах, отказавшись от запланированных им на сегодня рутинных занятий, он писал рассказ за рассказом, перенося на бумагу картины и явления, увиденные им в свете лампы Альхазреда.

Всю эту ночь он писал и, измученный, проспал весь следующий день.

А всю следующую ночь он опять писал, однако нашел время ответить своим корреспондентам и подробно обрисовать им свои «сны», не зная, были ли видения, прошедшие перед его глазами, реальностью или игрой воображения. Как он вскоре заметил, его собственный духовный мир причудливо переплетался с мирами, являвшимися ему в свете лампы, и образы, еще с детских лет нашедшие приют в потаенных уголках его сердца, возрождаясь, проникали в неведомые доселе глубины Вселенной.

Много ночей с тех пор Филлипс не зажигал лампу.

Ночи превращались в месяцы, месяцы — в годы.

Он постарел, его произведения проникли в печать, и мифы о Ктулху, о Хастуре Невыразимом, о Йог-Сототе и Шуб-Ниггурате, о Черном Козле из Лесов с Легионом Младых, о боге сна Гипносе, о Великой Расе и ее тайных посланцах, о Ньярлатхотеппе — все это стало частью знания, хранившегося в самых сокровенных недрах его человеческой сущности, и удивительного мира теней, лежащего далеко за пределами познаваемого. Он перенес Аркхем в действительность и описал «загадочный дом на туманном утесе»; он писал о зловещем мороке над Инсмутом и о таинственном шепоте во мраке, о грибах с планеты Юггот и ужасах древнего Данвича, и все это время в его стихах и прозе ярко горел свет лампы Альхазреда, несмотря на то что Филлипс давно уже ее не зажигал.

Так прошло шестнадцать лет, и вот однажды вечером Уорд Филлипс подошел к лампе, стоявшей за грудой книг на одной

из нижних полок библиотеки дедушки Уиппла. Он взял ее в руки, и на него сразу же снизошло забытое очарование. Вычистив лампу, он поставил ее на стол. За последнее время здоровье Филлипса сильно пошатнулось. Он был смертельно болен и знал, что дни его сочтены, и он вновь захотел увидеть прекрасные и пугающие миры в сиянии лампы Альхазреда.

Он зажег лампу и посмотрел на стены.

Но случилось странное. На стене, там, где раньше появлялись картины, связанные с жизнью Альхазреда, возник чарующий образ страны, милой сердцу Уорда Филлипса, — но находилась она не в реальности, а в далеком прошлом, в старом добром времени, когда на берегах Сиконка он беззаботно разыгрывал в своем детском воображении сюжеты из древнегреческих мифов. Он вновь увидел зеленые лужайки своего детства, тихие речные заводы и беседку, некогда построенную им в честь великого бога Пана, — вся безмятежная, счастливая пора его детства проявилась на этих стенах; лампа возвращала ему его же собственные воспоминания. И к нему сразу пришла мысль о том, что лампа, возможно, воскрешала в нем память о прошлом — память, передающуюся ему через деда, прадеда и еще более далеких предков Уорда Филлипса, которые могли когда-то видеть места, появившиеся в свете лампы.

И вновь ему показалось, что он глядит через дверь. Картина манила его, и он, с трудом ковыляя, подошел к стене.

Он колебался лишь мгновение — и сделал последний шаг.

Неожиданно вокруг него вспыхнули солнечные лучи. Как будто сбросив оковы лет, он легко побежал по берегу Сиконка туда, где его поджидали воспоминания детства и где он мог возродиться, начать все заново, еще раз пережив чудесное время, когда весь мир был молодым...

* * *

Вплоть до того дня, когда какой-то любознательный поклонник его творчества не приехал в город с визитом, никто не замечал исчезновения Уорда Филлипса, а когда заметили, то решили, что он ушел бродить по окрестным лесам, где его и застигла смерть, — ведь соседи по Энджелл-стрит были прекрасно освещены.

домлены о его образе жизни, да и его неизлечимая болезнь также не была ни для кого секретом.

Несколько специальных поисковых партий обследовали район Нентаконхонта и берега Сиконка, но никаких следов Уорда Филлипса обнаружено не было. В полиции считали, что когда-нибудь его останки все равно найдутся. Однако они не нашлись, и со временем неразрешенная загадка была погребена в полицейских и газетных архивах.

Прошли годы. Старый дом на Энджелл-стрит был отдан под снос, библиотеку раскупили букинисты, а всю домашнюю утварь продали с торгов — в том числе и старомодную арабскую лампу, которой никто не нашел применения в этом технологическом мире, несовместимом с фантастическими мирами Филлипса.

КОМНАТА С ЗАКОЛОЧЕННЫМИ СТАВНЯМИ

I

В сумерки унылая необитаемая местность, лежащая на подступах к местечку Данвич, что на севере штата Массачусетс, кажется еще более неприветливой и угрюмой, нежели днем. Надвигающаяся темнота придает бесплодным полям и округлым пригоркам какой-то странный, резко отличный от соседних сельских районов облик; и атмосфера настороженной враждебности окутывает старые кряжистые деревья с растрескавшимися стволами и неимоверно густыми кронами, узкую пыльную дорогу, окаймленную кое-где развалинами каменных стен и буйными зарослями шиповника, болота с мириадами светляков и призывными криками козодоев, которым вторят пронзительные песни жаб и кваканье неугомонных лягушек, извивы верховьев Мискатоника, откуда его темные воды начинают свой путь к океану. Все это давит на сознание забредшего сюда путника, который начинает ощущать себя пленником суровой местности и в глубине души уже не надеется на счастливое избавление...

Эту давящую атмосферу вновь ощутил Эбнер Уэйтли на пути в Данвич — он еще помнил свое детство, когда, охваченный ужасом, он умолял маму, чтобы та увезла его прочь из Данвича и от дедушки Лютера. Как давно это было, он уже потерял счет годам! И тем не менее окрестности Данвича снова вызвали в его душе какую-то неясную тревогу, переключавшуюся с прежними детскими страхами, — и это несмотря на то, что после многих лет, проведенных в Лондоне, Каире и Сорбонне, в нем ничего не осталось от того робкого мальчика, который, замирая от страха, переступил когда-то порог невообразимо старого дома с примыкавшей к нему мельницей на берегу Мискатоника, где жил его

дед Лютер Уэйтли. Долгие годы разлуки с родными местами внезапно отступили прочь, будто их и не было вовсе.

Все его родные давно уже умерли — и мать, и старый Лютер Уэйтли, и тетя Сари, которую он ни разу не видел, хотя точно знал, что она очень долго жила в какой-то из комнат того старого дома. Не стало также уродливого кузена Уилбера и его жуткого брата-близнеца, о существовании которого и вовсе никто не ведал до тех самых пор, пока он вдруг не объявился, чтобы затем сгнуться на Часовом холме... Миновав туннель крытого моста, соединявшего между собой берега Мискатоника, Эбнер въехал в поселок, который за время его многолетнего отсутствия совершенно не изменился — все так же лежала в утрюмой тени Круглой горы его главная улица, такими же трухлявыми выглядели его двускатные крыши и такими же неухоженными стояли его дома, а единственная на весь поселок лавка по-прежнему располагалась в старой церквушке с обломанным шпилем. Дух всепобеждающего тлена мрачно парил над Данвичем.

Свернув с главной улицы, он направил автомобиль по ухабистой дороге, что шла вдоль реки. Старый дом показался довольно скоро. Он узнал его сразу — внушительное строение с мельничным колесом на обращенной к реке стороне. Отныне этот дом был его, Эбнера, собственностью. Он вспомнил завещание, в котором ему предписывалось занять дом и «предпринять шаги, заключающие в себе некоторые меры разрушающего свойства, кои не были исполнены мною». Более чем странное условие, подумал Эбнер; впрочем, старик Лютер всегда отличался самыми необъяснимыми причудами, — видимо, сказывалось пагубное воздействие болезнетворной атмосферы Данвича.

Эбнер до сих пор не мог свыкнуться с мыслью о том, что после череды лет жизни за границей он вновь очутился в этом богом забытом поселении — очутился, чтобы исполнить волю своего покойного деда в отношении какого-то ничемного имущества. Да и то сказать — что еще, кроме дедовского завещания, могло завлечь его сюда? К здешним своим родственникам он не испытывал ни малейшей привязанности, да и те вряд ли были склонны принять его с распростертыми объятиями, видя в нем

посланца враждебного, неведомого им большого мира, к которому все обитатели этой деревенской глуши относились с настороженностью и страхом, особенно после тех ужасных событий на Часовом холме, что выпали на долю деревенской линии рода Уэйтли.

Дом, казалось, совершенно не изменился с тех пор, как Эбнер видел его в последний раз. Его обращенная к реке сторона была отдана под мельницу, которая давным-давно бездействовала, поскольку большинство полей вокруг Данвича заросло бурьяном. Он опять подумал о тете Сари, остановив свой взор на покосившихся оконных проемах той части строения, что выходила на Мискатоник. Именно это заброшенное и необитаемое еще в пору его детства крыло дома стало местом ее заточения. Подчиняясь воле своего отца, она ни разу не покинула пределов таинственной комнаты с заколоченными ставнями, и только смерть сделала ее наконец свободной.

Жилая часть дома (вернее сказать, являвшаяся таковой в бытность Эбнера ребенком) была окружена чудовищно запыленной и затянутой паутиной верандой. Эбнер достал из кармана связку ключей, выданную ему в юридической конторе, и, подбрав нужный, открыл входную дверь. Электричества в доме не было — старый Лютер не доверял всем этим новомодным штуковинам, — и для освещения Эбнер воспользовался найденной на полке у входа керосиновой лампой. Тусклый огонек осветил небольшое помещение, в котором Эбнер узнал кухню, и ее знакомый интерьер поразил его, словно громом, ибо что-то невероятно зловещее было в этой многолетней неизменности окружавшей его обстановки. Обшарпанные стены и потолок, грубо сколоченные стол и стулья, древние часы на каминной полке, истертая половая щетка — все это напомнило ему о давно забытых детских годах и намертво связанных с ними страхах перед этим огромным неуютным домом и его суровым хозяином — отцом его матери.

Приблизившись к кухонному столу, Эбнер увидел на нем небольшой конверт из грубой серой бумаги, на котором стояло его имя, написанное корявым почерком старого, немощного человека — Лютера Уэйтли. Позабыв об оставленных в машине

вещах, Эбнер уселся за стол, предварительно смахнув с него пыль, вскрыл конверт и впился глазами в неровные строки адресованного ему послания. Тон письма был скупым и суровым — под стать покойному деду, каким он остался в памяти Эбнера. Начиналось оно с короткого сухого обращения, без обычных в подобных случаях сантиментов:

«Внук!

Ты прочтешь это письмо спустя несколько месяцев после моей смерти. Может быть, тебя разыщут даже позже, хотя это уже не столь важно. Я оставил тебе в наследство некоторую сумму — все, что удалось мне скопить за свою жизнь, — и ты получишь эти деньги, которые я поместил на твое имя в банке Аркхема. Я сделал это не только потому, что ты мой единственный внук, но также и потому, что из всего рода Уэйтли — рода, над которым тяготеет проклятие, — ты единственный, кому удалось вырваться из этого выморочного поселка и получить образование; посему я надеюсь, что ты воспримешь все должным образом, ибо мозг твой не обременен ни суеверием невежества, ни предрассудками, свойственными излишней учености. Позже ты поймешь, о чем я говорю.

Я призываю тебя исполнить мою последнюю волю и разрушить мельницу и ту часть строения, что примыкает к ней. Сделай так, чтобы это крыло дома было разобрано буквально по доскам, и, если ты обнаружишь там какое бы то ни было живое существо, я торжественно заклинаю тебя лишить его жизни; и неважно, какой оно будет величины и какого обличья. Пусть даже оно будет напоминать человека — ты все равно должен убить его, иначе ты погубишь и себя, и бог знает сколько других людей, тебя окружающих.

Сделай это обязательно.

Если же мои слова покажутся тебе безумием, вспомни о том, что наш род поражен куда более худшим пороком; но из всех Уэйтли лишь мне одному удалось избежать этой участи, хотя дело тут не только во мне, — и я хочу, чтобы ты знал: упрямое нежелание поверить в то, что на первый взгляд кажется тебе невероятным, равно как и отрицание вещей, недоступных твоему разумению, есть признак безумия гораздо более верный

в сравнении с теми, что характеризуют представителей нашего рода, которые виновны в проведении жутких богохульных опытов и которым отныне уже никогда не будет прощения от Господа.

Твой дед

Лютер С. Уэйтли».

«Как это все похоже на деда Лютера!» — подумал Эбнер, читая письмо, и вспомнил, как однажды его мать случайно обмолвилась о тете Сари и тут же испуганно осеклась, а когда он, Эбнер, подбежал к деду с вопросом: «Дедушка, а где тетя Сари?» — тот посмотрел на внука долгим завораживающим взглядом, а затем голосом, от которого у него все похолодело внутри, ответил: «Мальчик, в этом доме не принято говорить о тете Сари».

Наверное, тетя Сари когда-то смертельно обидела старика, и с того времени (еще до первого появления Эбнера в дедовском доме) от нее, приходившейся его матери старшей сестрой, осталось одно только имя. Она была заперта в большой комнате над мельницей и безвылазно сидела в четырех стенах, за глухими тяжелыми ставнями, а Эбнеру и его матери было запрещено даже замедлять шаги, проходя мимо заколоченной комнаты. И все же как-то раз мальчик прокрался к запретной двери и, приложив ухо к замочной скважине, попытался распознать доносившиеся оттуда звуки. Он услышал не то всхлипы, не то тяжелое дыхание какого-то огромного, как ему тогда показалось, существа; впрочем, он уже давно не сомневался в том, что тетя Сари обладает внушительными размерами, — достаточно было взглянуть на те объемистые тарелки, которые старый Лютер дважды в день собственноручно относил в ее комнату: они были с горкой наполнены сырым мясом. Должно быть, тетя Сари готовила его сама, коль скоро дед не утруждал себя этим; слуг же в доме не водилось с тех далеких времен, когда вышла замуж мать Эбнера, а случилось это вскоре после того, как тетя Сари вернулась из Инсмута от своих дальних родственников — вернулась сама не своя.

Эбнер сложил письмо по сгибам и сунул в конверт. Только сейчас он почувствовал, как сильно устал. Надо забрать вещи из машины, вспомнил он и направился к стоявшему у веранды автомобилю. Оставив принесенные узлы в кухне и прихватив

лампу, он двинулся по коридору, не задержавшись перед дверью гостиной, — дед всегда держал ее запертой на ключ и открывал только по случаю прихода гостей, коими являлись исключительно представители рода Уэйтли — носители других фамилий не были вхожи к старому Лютеру.

Раздумывая, где бы ему устроиться на ночь, Эбнер вошел в спальню деда и увидел большую двуспальную кровать, заботливо прикрытую старыми номерами «Аркхем эдвертайзер» с выцветшей уже типографской краской. Под газетами оказалось тонкое покрывало с красивым тканым узором — наверняка семейная реликвия Уэйтли. Эбнер решил заночевать здесь — в конце концов, он стал новым хозяином дома и с полным правом мог теперь занять ложе своего предшественника. Кровать оказалась застланной чистым свежим бельем: было очевидно, что кто-то из родственников деда присматривал за домом после его кончины и подготовил спальню к приезду Эбнера.

Эта комната, куда Эбнер перенес свои вещи из кухни, располагалась в дальнем от улицы углу дома и выходила окнами на реку, хотя вид из крайних окон перекрывала стоявшая у самой воды мельница. Он открыл только одно из них, с сеткой на нижней половине, присел на кровать и погрузился в раздумья об обстоятельствах, спустя столько лет вновь приведших его в Данвич.

Он чувствовал себя совершенно разбитым. Долгая дорога из Бостона сильно его утомила, да и лицезрение этого убогого захолустья действовало на него не самым лучшим образом. И все же в его приезде сюда был свой резон, ибо исследования древних тихоокеанских цивилизаций, которыми Эбнер занимался вот уже много лет, почти свели на нет его скромные сбережения, так что деньги, завещанные старым Лютером, должны были прийти очень кстати. Кроме того, нельзя было забывать и о родственных чувствах — все-таки старый Лютер Уэйтли, каким бы суровым и нелюдимым он ни был, приходился Эбнеру родным дедом по материнской линии.

Из окна спальни Эбнер видел темную громаду Круглой горы — впрочем, ее близкое присутствие он, как и в далеком детстве, ощущал не только зрительно. Разросшиеся деревья сада подступали к самому дому, и из густой листвы в толщу теплого

сумрачного воздуха вырывался призывный, как звук колокола, крик ночной совы. Эбнер откинулся на постель и лежал, внимая совиной песне, которая постепенно его убаюкивала. Тысячи мыслей и миллионы воспоминаний роились у него в голове. Он опять увидел себя маленьким ребенком и вспомнил, как боялся этих мрачных окрестностей и как радовался каждый раз, когда мать увозила его отсюда, несмотря на то что вскоре после отъезда его почему-то тянуло обратно.

Эбнер расслабился и закрыл глаза, но заснуть не удалось — мысли о предстоящих делах не давали покоя. Нужно браться за них сразу же, без лишней раскачки, размышлял он, намереваясь как можно быстрее исполнить дедовский наказ, при всей его кажущейся нелепости, ибо перспектива торчать в этой дыре еще бог знает сколько времени отнюдь его не прельщала... Поднявшись с постели, Эбнер снова зажег потушенную было лампу и отправился осматривать дом.

Из спальни он прошел в столовую, расположенную рядом с кухней и обставленную такой же неуклюжей самодельной мебелью, а затем остановился у дверей гостиной, за которыми девятнадцатый век уступал место восемнадцатому — настолько старинной была обстановка этой комнаты. Когда Эбнер открыл массивную дверь и переступил порог, он первым делом подивился царившей здесь чистоте. Тщательно пригнанные двери не оставляли ни малейшей щели, сквозь которую могла бы проникнуть пыль, густым слоем покрывавшая другие комнаты этого неухоженного особняка. Выйдя из гостиной, Эбнер поднялся по лестнице на второй этаж и заглянул в другие спальни — все запыленные, с выцветшими занавесями. Не иначе, ими перестали пользоваться еще задолго до кончины старого Лютера Уэйтли.

Далее он миновал несколько переходов и очутился перед дверью той таинственной комнаты с заколоченными ставнями, в стенах которой отбывала некогда свое бессрочное заточение несчастная тетя Сари. Эбнер вспомнил, сколько страхов пережил он однажды в детстве, стоя под дверью этой комнаты и вслушиваясь в доносившиеся оттуда непонятные звуки, и трудно сказать, кого он тогда боялся больше — старого Лютера, могущего в любую минуту застать его за этим запретным занятием, или

неведомого существа по ту сторону двери... Поднимаясь по шатким ступеням, Эбнер вновь ощутил в душе смутный страх перед этой зловещей комнатой — образ загадочной узницы и былой дедовский запрет все еще продолжали действовать на него.

Впрочем, сейчас бояться было уже нечего. Перепробовав несколько ключей из связки, он нашел нужный, открыл замок и толкнул дверь, которая подалась с трудом, словно протестуя против его вторжения. Подняв лампу высоко над головой, Эбнер вошел внутрь.

Сколько он себя помнил, комната с заколоченными ставнями всегда представлялась ему чем-то вроде дамского будуара — и тем сильнее был он поражен убожеством здешней обстановки: разбросанное по углам грязное белье, подушки на полу, огромных размеров блюдо с присохшими к нему остатками пищи. В комнате стояла какая-то странная рыбная вонь, настолько омерзительная, что Эбнера едва не стошнило. Внушительные залежи пыли и густая сеть паутины на стенах и потолке довершали картину многолетней мерзости запустения.

Эбнер водрузил лампу на отодвинутый от стены комод и, подойдя к окну, что находилось над мельничным колесом, приподнял вверх застекленную раму. Затем он хотел распахнуть ставни, но вспомнил, что они приколочены; тогда он вышиб их пинком. С треском оторвавшись от окна, ставни полетели вниз, и Эбнер с облегчением ощутил хлынувший в комнату поток свежего вечернего воздуха. Со вторым окном Эбнер управился еще быстрее, хотя результатами своей работы остался не вполне доволен — он заметил, что вместе со ставнями в первом окне вылетел и кусок стекла. Впрочем, он тут же вспомнил, что, согласно дедовскому завещанию, эта часть дома все равно пойдет на слом. Стоило ли переживать из-за таких пустяков, как разбитое оконное стекло!

Тихий шуршащий звук, донесшийся откуда-то из-под плинтуса, заставил его насторожиться. Посмотрев себе под ноги, он успел разглядеть не то лягушку, не то жабу, которая прошмыгнула мимо него и с молниеносной быстротой забралась под комод. Он хотел было выгнать ее оттуда, но мелкая тварь спряталась под комодом основательно, а двигать его взад-вперед у Эбнера не было особого желания. Бог с нею, решил он, в конце

концов, это безобидное насекомоядное существо может сослужить хорошую службу в доме, кишящем пауками, тараканами и прочей нечистью.

Задерживаться в комнате дольше не имело смысла. Эбнер вышел, закрыл дверь на ключ и спустился вниз в дедовскую спальню. Первый, пускай и незначительный, шаг был сделан, разведка на местности состоялась. Отступившая было усталость навалилась на него с двойной силой, и он решил наконец-то лечь спать, чтобы хорошенько отдохнуть и назавтра встать пораньше. Нужно было осмотреть старую мельницу — может быть, там оставались еще какие-нибудь механизмы на продажу, да и за мельничное колесо можно было попытаться выручить хорошие деньги у коллекционеров.

Несколько минут он простоял на веранде, ошеломленный и оглушенный непрерывным стрекотом сверчков и кузнечиков в сопровождении монотонных песен лягушек и козодоев. Никаких других звуков — ни с реки, ни из поселка — не было слышно за этим доносившимся со всех сторон шумом. Когда нескончаемый гвалт вконец его утомил, он вернулся в дом, запер входную дверь и улегся в постель.

Однако уснуть ему удалось не сразу — целый час ворочался он с боку на бок, изводимый хором ночных голосов и мыслью о том, что же имел в виду его дед под «мерами разрушающего свойства» и почему он не смог предпринять их сам. Но постепенно усталость взяла свое, и он погрузился в зыбкий беспокойный сон.

II

Проснулся он на рассвете, не чувствуя себя отдохнувшим. Нелепые, странные сновидения терзали его всю ночь: то он оказывался в океанских глубинах среди невообразимых людей-амфибий, которые подхватывали его и в мгновение ока переносили в устье Мискатоника; то его взору представляли некие чудовищные, уродливые твари, населявшие величественный подводный город; то ему слышалась неестественно громкая музыка флейт, сопровождаемая причудливыми гортанными песнопениями; то он замирал от страха перед разъяренным дедом Лютером, кото-

рый грозился расправиться с ним за его дерзновенное вторжение в комнату тети Сари...

После всех этих снов на душе у него было беспокойно, но он постарался отвлечься от неприятных мыслей и отправился в поселок за продуктами, о которых он не позаботился заранее, спешно собираясь в Данвич. Начало дня выдалось просто замечательным; легкий прохладный ветер трепал густую листву, ярко светило повисшее на краю безоблачного неба солнце, и роса на изумрудной траве блестела в его лучах подобно тысячам рассыпанных чьей-то щедрой рукой алмазов. Петляя по узким извилистым тропинкам, что вели к главной улице, Эбнер с удовольствием внимал залиvistому пению чибисов и дроздов. Безмятежный утренний пейзаж вызвал в нем дремавший доселе оптимизм; насвистывая веселую мелодию, он уже предвкушал скорое выполнение своих обязательств перед покойным дедом и последующий отъезд из этой проклятой дыры.

Несмотря на приветливое солнечное утро, поселок выглядел так же мрачно, что и накануне, в сумерках: жалкое скопище уродливых темных лачуг, зажатых между Мискатоником и почти отвесным склоном Круглой горы. Казалось, время остановило здесь свой бег, так и не переступив порога двадцатого столетия. Веселый свист застыл у Эбнера на губах. Стараясь не смотреть на разваливающиеся под гнетом веков строения и на тусклые лица попадавшихся навстречу местных жителей, он быстро зашагал в сторону старой церквушки с ее единственной на весь Данвич универсальной лавкой, такой же грязной и неухоженной, как и сам поселок.

Зайдя в лавку, Эбнер спросил молока, яиц, кофе и ветчины. Однако лавочник, неопределенного возраста человек с худой, изборожденной морщинами физиономией, не торопился его обслужить. Он внимательно смотрел на своего утреннего посетителя, явно выискивая в его лице знакомые черты.

— А ведь вы Уэйтли, как пить дать Уэйтли, — сказал он наконец. — Меня-то вы, верно, не знаете, а? Я Тобиас, родственник ваш, стало быть. А сами вы чей будете?

— Я Эбнер Уэйтли, внук Лютера, — сухо ответил Эбнер, не горя желанием вступать в долгую беседу.

При этих словах лицо лавочника посуровело.

— А, так вы сын Либби — той самой, что вышла за кузена Джереми. Лютер-то помер, а родня его — вот она... Знать-то, опять хотите взяться за старое?

— Какая родня? — процедил Эбнер. — Я приехал сюда один. О чем еще речь, за что это — за старое?

— Не понимаете, ну и ладно, — хмыкнул лавочник. — Тогда и я помолчу.

Больше Тобиас Уэйтли не проронил ни слова, заворачивая продукты и получая деньги. Однако, направляясь к выходу, Эбнер чувствовал на себе его исполненный неприязни взгляд.

Сцена в лавке подействовала на Эбнера удручающе. Яркое утро будто враз померкло для него, хотя солнце все так же сияло с безоблачного неба. Он поспешно свернул с главной улицы и почти бегом направился в свой угрюмый дом на берегу Мискатоника.

Поглощенный нерадостными мыслями, он не сразу заметил, что у веранды его дома стоит ужасающе старая повозка с запряженной в нее дряхлой клячей, которую держал под уздцы худенький темноглазый мальчуган. В повозке сидел сурового вида седобородый старик, который, завидев приближавшегося Эбнера, подозвал к себе мальчика и, опираясь на его плечо, стал осторожно спускаться на землю.

— Это наш прадедушка Зебулон Уэйтли. Он хочет поговорить с вами, — сказал мальчишка подошедшему Эбнеру.

«Боже мой, так, значит, это Зебулон. Как же он постарел», — подумал Эбнер, разглядывая старика. Зебулон приходился родным братом покойному Лютеру и сейчас оставался единственным уцелевшим представителем старшего поколения Уэйтли.

— Прощу вас, сэр, — почтительно сказал Эбнер, подавая руку старику.

— Это ты, Эбнер, — произнес тот слабым, дрожащим голосом и, вцепившись в руку молодого Уэйтли, неуверенно заковылял к дому.

Мальчик поддерживал его с другой стороны. Дойдя до крыльца, старик глянул на Эбнера из-под кустистых седых бровей и тряхнул головой:

— Я бы не прочь присесть.

— Принеси стул с кухни, мальчик, — приказал Эбнер.

Мальчишка бегом поднялся на крыльцо и исчез в доме. Вскоре он показался обратно, неся стул. Старик осторожно уселся на него и некоторое время молчал, тяжело дыша, — даже несколько шагов от повозки до крыльца дались ему с трудом. Затем он поднял глаза на Эбнера и внимательно осмотрел его с ног до головы, задержав взгляд на костюме своего внучатого племянника, так непохожем на его домотканую одежду.

— Зачем ты приехал сюда, Эбнер? — спросил он наконец, и Эбнер поразился его голосу. Он был ясен и тверд — от недавней дрожи в нем не осталось и следа.

Коротко и четко Эбнер объяснил причину своего приезда.

— Эхе-хе, — покачал головой Зебулон, выслушав его. — Стало быть, ты знаешь не больше других и даже поменьше некоторых. Одному Богу ведомо, что было в мыслях у Лютера. А сейчас он умер и переложил все это на тебя... Эбнер, я каждый день молю Всевышнего, чтобы он поведал мне, зачем Лютер отгородился от всего Данвича в этом доме и запер Сари, когда она вернулась из Инсмута, но Всевышний не дает мне ответа, и уж видно, не даст его никогда. Но я скажу тебе, Эбнер, — за этим кроется что-то ужасное, да, ужасное... И не осталось никого, кто бы решился винить в том Лютера или бедняжку Сари... Ох, Эбнер, будь осторожен — тут дело нечисто.

— Я намереваюсь только исполнить волю деда, — сказал Эбнер.

Старик кивнул, но глаза его выражали тревогу за племянника.

— Как вы узнали, что я здесь, дядя Зебулон? — спросил Эбнер.

— Мне сказали, что ты приедешь. Слушай меня, Эбнер, слушай внимательно. Считай, что это мой долг — сказать тебе... Ты ведь тоже Уэйтли — так знай, что наш род проклят Богом. Все Уэйтли сейчас в аду, рядом с дьяволом, а иные из них знали с нечистым еще прежде, когда жили на земле. Они могли вызывать с небес ужасных тварей, и те слетались на их зов, да так, что воздух свистел, как во время урагана. А еще они общались не то с людьми, не то с рыбами: нет, эти твари были ни то ни другое, но жили они в воде и могли плавать очень далеко — аж в открытое море. А то еще были там другие твари — те вырастали

до жутких размеров и своим богомерзким обликом приводили в дрожь всех, кто их видел... Охо-хо, а что случилось тогда на Часовом холме! Это я про Уилбера, сына Лавинии; а потом еще та жуть у Часового камня с другим ее отродьем... Боже, меня дрожь пробирает, едва только вспомню об этом...

— Будет вам, дедушка, изводить себя понапрасну, — сказал мальчик с неожиданной строгостью в голосе.

— Не буду, не буду, — ответил старик дрожащим голосом. — Это все уже забыто, только я о том и помню, да еще те люди, что сняли с дороги знаки — ну, знаки, что указывали, как проехать к Данвичу. Они сняли их и сказали, что это слишком жуткое место и его надо забыть...

Сокрушенно покачав головой, Зебулон умолк.

— Дядя Зебулон, — сказал Эбнер, — я ни разу не видел тетю Сари.

— Конечно, мой мальчик, — она ведь сидела взаперти. Твой дед закрыл ее в той комнате еще до того, как ты родился, сдается мне.

— Зачем?

— Одному Лютеру это ведомо — да Всевышнему. Но Лютера больше нет с нами, а Всевышний, похоже, давным-давно и думать позабыл о Данвиче.

— А что делала Сари в Инсмуте?

— Навещала родню.

— Тоже Уэйтли?

— Да нет, не Уэйтли. Маршей. Главным в том семействе был старый Абед Марш, что приходился двоюродным братом нашему отцу. У него еще была жена — он нашел ее во время плаванья, где-то на острове Понапе, ежели ты слыхал о таком.

— Слышал, — кивнул Эбнер.

— Вот оно как? — удивился Зебулон. — Надо же, а я так вот слыхом о нем не слыхивал до тех пор, пока с Сари не приключилась вся эта история. Она ведь ездила к Маршам — то ли к сыну Абед, то ли к его внуку, точно не знаю. А вот когда она вернулась оттуда, так ее будто подменили. Она ведь была такая ласковая да милая, просто загляденье. А тут она стала вдруг беспокойной. Дичилась, грубила отцу. И он запер ее в комнате над мельницей, где она так и просидела до самой своей смерти.

— Когда же он ее запер?

— Да месяца эдак через три, а то и через четыре после того, как она заявила от Маршей. А за что — этого Лютер никогда не говорил, нет. И никто после того больше ее не видел — только на похоронах, когда она, бедная, лежала уже в гробу, а померла-то она года два-три назад. А перед тем, как Лютер ее запер, в доме что-то случилось — такие оттуда доносились крики, да вопли, да грохот, что волосы на голове шевелились. Весь Данвич тогда их слышал... Да, слышать-то все слышали, а вот пойти да поглядеть, что там такое творится, — так на то духу не хватило ни у кого. Ну а на следующий день Лютер всем рассказал, что это шумела Сари, в которую вселился бес. Может статься, так оно все и было. А может, тут было что-то еще...

— Что, дядя Зебулон?

— Тут не обошлось без дьявола, — понизил голос старик. — Не веришь мне? Да, я и забыл, что голова у тебя забита учением, а ведь немногие Уэйтли могут этим похвастаться. Да только что в том хорошего? Вот Лавиния — она читала эти богохульные книги, да и Сари тоже их почитывала. И что доброго из того вышло? Уж по мне, вся эта ученость ни к чему — только жить мешает, а?

Эбнер улыбнулся.

— Ты что, смеешься надо мной? — вспыхнул старик.

— Нет, что вы, дядя Зебулон. Вы все правильно говорите.

— То-то и оно, что правильно. А коли так, то не теряйся, когда сам столкнешься с этой дьявольщиной. Не стой и не думай попусту, а действуй.

— С какой дьявольщиной?

— Если бы я знал, Эбнер... Но я не знаю. Бог — тот знает. Лютер знал. И бедная Сари. Но они уже ничего не скажут, нет. И никто ничего не скажет. Будь у меня сил побольше, я бы каждый час молился о том, чтобы и ты ничего не узнал обо всей этой нечисти... Эбнер, если эта дьявольщина застигнет тебя, не раздумывай долго — твое учение тут не поможет, — а просто делай то, что нужно. Твой дед вел записи — найди же их, может быть, из них ты узнаешь, что за люди были эти Марши. Они ведь не были похожи на нас с тобой — что-то ужасное произо-

шло с ними, и, может статься, с бедняжкой Сари случилось то же самое...

Слушая старика, Эбнер чувствовал, что невидимая стена, сложенная из кирпичиков недосказанности и неизвестности, разделяет их. Непонятный подсознательный страх охватил вдруг его, и лишь усилием воли ему удалось убедить себя в том, что чувства его обманывают.

— Я выясню все, что смогу, дядя Зебулон, — пообещал Эбнер.

Старик кивнул и подал знак мальчику, который тут же поспешил ему на помощь. Усевшись в повозку, Зебулон Уэйтли повернулся к Эбнеру и сказал, тяжело дыша:

— Если я понадобится тебе, Эбнер, дай мне знать через Тобиаса. Я приду... уж постараюсь прийти.

Мальчик стегнул лошадь, и повозка со скрипом и дребезжанием тронулась в обратный путь. Эбнер проводил ее долгим взглядом. Туманные предостережения старого Зебулона не на шутку встревожили его — какая-то неизвестная ему семейная трагедия скрывалась за ними, и он был всерьез раздосадован на своего деда, который, вместо того чтобы посвятить Эбнера в тайну их рода, ограничился в своем письме лишь мольбами и заклинаниями, не сочтя нужным объяснить их скрытый смысл. «Дед наверняка сделал это намеренно, — размышлял Эбнер, — возможно, он просто не хотел пугать меня раньше времени». Во всяком случае, ничего более правдоподобного Эбнер придумать не мог.

И все же это объяснение устраивало его не до конца. Оно не давало ответа на вопрос, в чем же все-таки заключалась та дьявольщина, о которой Эбнеру следовало узнать лишь постольку, поскольку волею старого Лютера он оказался к ней причастным. А если дед все же удосужился оставить ключ к разгадке где-нибудь в доме?.. Нет, на это вряд ли стоило рассчитывать, решил Эбнер, Лютер слыл натурой прямой и бесхитростной, и не в его правилах было запутывать дела, о которых можно было просто умолчать.

Постояв еще немного у крыльца, Эбнер вошел в дом, разложил по полкам свои покупки и уселся за стол — нужно было набросать план действий. Первым делом он решил пройтись по

помещениям внутри мельницы и посмотреть, не осталось ли там каких-нибудь механизмов, которые можно было бы выгодно сбыть. Затем следовало подыскать рабочих для сноса мельницы и комнаты над нею. А уж после оставалось только продать уцелевшую часть дома со всей его обстановкой и утварью, хотя Эбнер ясно сознавал, что отыскать охотника поселиться в таком отдаленном уголке Массачусетса, как Данвич, будет не так-то просто.

После этого он сразу же приступил к выполнению своего плана.

Оказавшись на мельнице, он обнаружил там полное отсутствие каких бы то ни было механизмов, за исключением разве что тех железных деталей, на которых крепилось колесо. Впрочем, этого и следовало ожидать — львиную долю суммы, что была помещена в банке Аркхема на имя Эбнера, наверняка составляла именно выручка от продажи мельничных машин и приспособлений. Должно быть, старик распорядился снять и продать оборудование еще задолго до своей смерти; во всяком случае, на мельницу уже давным-давно никто не заходил, о чем свидетельствовали многолетние нетронутые залежи пыли, которая покрывала пол таким плотным ковром, что Эбнер не слышал своих шагов. С каждым его движением вверх вздымалось целое облако; пыль набивалась в глаза, нос и рот, не давая вздохнуть полной грудью, и потому, выбравшись на свежий воздух, он почувствовал огромное облегчение. Отдышавшись и наскоро отряхнувшись, Эбнер двинулся осматривать мельничное колесо.

К станине колеса вел узкий деревянный настил. Эбнер осторожно прошел по нему, каждую секунду опасаясь того, что старые доски не выдержат и он полетит вниз, в воду. Однако настил оказался достаточно прочным, и вскоре он уже стоял у колеса и внимательно рассматривал его, не в силах сдержать своего восхищения. Это был замечательный образец работы середины XIX века, и Эбнер подумал, что сломать его было бы непростительным варварством — лучше было попытаться снять его и поместить где-нибудь в музей или в усадьбе какого-нибудь богача, коллекционирующего старинные изделия новоанглийских мастеровых.

Постояв немного, он повернулся и двинулся было обратно, как вдруг его взгляд упал на цепочку мелких следов, оставленных на лопасть колеса чьими-то мокрыми лапками. Он наклонился, чтобы разглядеть их получше, но ничего особенного не увидел: обыкновенные лягушачьи или жабы следы, успевшие уже наполовину высохнуть — должно быть, их обладатель вскарабкался на колесо еще до восхода солнца. Подняв глаза наверх, Эбнер увидел, что оставленные на колесе отпечатки вели к выломанным ставням, что скрывали когда-то комнату над мельницей.

Несколько секунд Эбнер раздумывал над тем, что бы это значило. Он вспомнил жабоподобную тварь, увиденную им тогда в комнате, — не она ли улизнула сквозь сломанное окно? А может, что еще более вероятно, другая тварь одного с нею вида почуяла присутствие собрата и поднялась наверх, в комнату, прямо из реки? Слабая догадка мелькнула у него в голове, но он в раздражении отогнал ее прочь — человеку его уровня не пристало становиться пленником мистических суеверий, которые держали в страхе старого Лютера.

И все же он решил заглянуть в комнату над мельницей. С колющимся от волнения сердцем он приблизился к запертой двери, повернул в замке ключ и шагнул в помещение, пребывая в твердой уверенности, что сейчас увидит в нем какие-то зловещие изменения. Но тщетно — кроме ярких пятен солнечного света на полу, которых не было, да и не могло быть накануне вечером, он не увидел в комнате ничего нового.

Он подошел к окну.

На подоконнике тоже были следы. На этот раз Эбнер различил сразу две цепочки отпечатков: одни вели внутрь комнаты, другие из нее. По своим размерам они явно отличались друг от друга: следы, ведущие наружу, были крошечными, не более полудюйма в длину, а те, что вели внутрь комнаты, были больше первых раза в два. Эбнер наклонился, чтобы рассмотреть их получше, и застыл в изумлении, не в силах оторвать глаз от увиденного.

Он не был профессиональным зоологом, но кое-какие познания в этой области у него имелись. Следы на подоконнике не

были похожи ни на что виденное им прежде. Если исключить наличие перепонок между пальцев, они представляли собой совершенно точные отпечатки человеческих ступней и ладоней в миниатюре.

Он бегло осмотрел помещение, не особо, впрочем, надеясь найти тварь, оставившую эти странные следы. Так оно и оказалось — он не встретил нигде даже признаков ее пребывания. Эбнеру стало не по себе. Он вышел из комнаты и тщательно закрыл за собой дверь, уже сожалея о давешнем порыве, заставившем его вторгнуться сюда и выломать ставни, которые до поры до времени надежно отгораживали заколоченную комнату от внешнего мира.

III

Эбнер не особенно удивился тому, что во всем Данвиче не нашлось ни одного охотника принять участие в разрушении мельницы. За это дело не желали браться даже те плотники, которые вот уже долгое время бедствовали без работы. Не решаясь отказать Эбнеру напрямую, они отнекивались под разными благовидными предложениями, но за ними легко угадывался суеверный страх перед домом старого Лютера. Отчаявшись найти добровольцев в Данвиче, Эбнер отправился в Эйлсбери, где ему довольно скоро удалось отыскать трех крепких парней и договориться с ними о выполнении работ, предусмотренных дедовским завещанием. Плотники, однако, не поехали в Данвич в тот же день, как того хотел Эбнер, а упросили его подождать неделю-полторы (у них еще были кое-какие дела в Эйлсбери), дав обещание по истечении этого срока появиться в поселке.

Эбнер вернулся в старый дом и в ожидании приезда работников взялся за изучение книг и бумаг покойного Лютера. Книги он решил со временем просмотреть основательно — среди них могли оказаться издания большой ценности. Многочисленные кипы старых газет — в основном это были «Аркхем эдвертайзер» и «Эйлсбери трэнскрипт» — он отложил в сторону, с тем чтобы в дальнейшем предать их огню; такая же участь постигла бы и толстую связку писем, найденную в ящике дедовского сто-

да, если бы не фамилия «Марш», мелькнувшая на странице одного из посланий. Он тут же впился глазами в строки письма и прочел следующее:

«Лютер, то, что случилось с кузеном Абедом, — это предмет особого разговора. Даже и не знаю, что сообщить тебе об этом. Боюсь, ты все равно не поверишь ни единому моему слову. Впрочем, я и сам не знаю всех деталей. Вполне возможно, что весь этот вздор выдуман от начала до конца лишь для того, чтобы скрыть какую-нибудь скандальную ситуацию, в которую попали Марши, — ты ведь знаешь, что они всегда были склонны к преувеличениям и отличались большими способностями к вранью. Да к тому же они на редкость изворотливы — впрочем, такова уж их натура.

Но я немного отвлекся. Так вот, как рассказал мне кузен Элайза, он был еще совсем молодым, когда Абед и с ним еще несколько жителей Инсмута совершили на торговом корабле плавание в Полинезию и обнаружили на одном из островов странных людей, которые называли себя „глубоководными“ — дело в том, что они могли жить и в воде, и на суше. Как амфибии. Можешь ли ты в это поверить? Я — нет. Но самое потрясающее было в том, что Абед и еще кое-кто из его товарищей по плаванию взяли в жены женщин из этого племени и стали жить с ними.

В общем, такова легенда. А вот факты. Начиная с того времени Марши стали самыми удачливыми и процветающими из всех морских торговцев. Далее, жена Абед, миссис Марш, никогда не покидала пределов своего дома, за исключением случаев, когда она посещала закрытые собрания Тайного Союза Дагона. Говорят, что Дагон — это какой-то морской бог. Впрочем, об этих языческих верованиях я ничего не знаю, да и знать не хочу. Дети Маршей отличались очень странным обликом. У них были невероятно широкие рты, лица без подбородков и такие огромные выпуклые глаза, что они больше походили на лягушек, чем на людей, — я не преувеличиваю, Лютер! Но, по крайней мере, у них не было жабр в отличие от „глубоководных“ — говорят, те обладали жабрами и поклонялись Дагону или еще какому-то там морскому божеству, чье имя я даже не могу выго-

ворить, хотя оно у меня где-то записано. Ладно, это неважно. В конце концов, Марши могли все это выдумать, преследуя только им одним известные цели, и все же... Представь себе, Лютер, все суда капитана Марша: бриг „Хетти“, бригаantina „Колумбия“ и барк „Королева Суматры“, — часто ходившие аж в Ост-Индию, всегда возвращались из рейсов без единой поломки! Можно было подумать, что Марш заключил сделку с самим Нептуном. И потом, все эти странные действия в открытом море, вдали от берега, где жили Марши... Купания по ночам, например, — а заплывали они аж на риф Дьявола, за полторы мили от Инсмутской гавани! Люди держались от них подальше; разве что Мартини да еще кое-кто из тех, кто ходил с Маршем в торговые рейсы в Ост-Индию, продолжали водить с ними дружбу. Сейчас, после смерти Абеда — надеюсь, что и миссис Марш последовала за ним, поскольку со времени кончины мужа никому не доводилось встречать ее в Инсмуте и окрестностях, — дети и внуки капитана Марша ведут такой же странный образ жизни...»

Далее в письме следовали банальные общие места и сетования по поводу цен, которые слегка позабавили Эбнера — сейчас эти более чем полувекковой давности цифры казались просто смешотворно низкими. Составленное еще в ту пору, когда Лютер Уэйтли был молодым неженатым человеком, письмо было подписано неизвестным доселе Эбнеру именем — «кузен Эрайя». Хотя все эти сведения о Маршах ничуть не приблизили Эбнера к разгадке семейной тайны, он чувствовал, что содержание только что прочитанного им письма могло бы объяснить ему многое, если не все, обладай он ключевой информацией о своей таинственной родне. Но как раз ее-то и не было у Эбнера, а были только разрозненные ее частицы.

Но если Лютер Уэйтли поверил во всю эту дребедень, то как он мог много лет спустя позволить своей дочери отправиться в Инсмут в гости к Маршам? Нет, тут было что-то не так.

Он просмотрел другие бумаги: счета, расписки, открытки, скучнейшие письма с описаниями поездок в Бостон, Ньюберипорт и Кингспорт — и наконец дошел до другого письма от кузена Эрайи, написанного, судя по дате, вскоре после первого,

с содержанием которого только что ознакомился Эбнер. Эти два письма разделяли десять дней, и за этот срок Лютер вполне мог дать ответ на первое из них.

Эбнер с нетерпением достал письмо из конверта.

Первая страница содержала рассказ о свадьбе одной из родственниц Эрайи, скорее всего его родной сестры. На второй Эбнер нашел пространные рассуждения о перспективах торговли в Ост-Индии и небольшой абзац, посвященный новой книге Уитмена — очевидно, Уолта, — а вот текст на третьей странице явно был ответом на гипотетическое письмо деда Лютера:

«Ну ладно, Лютер, допустим, что антипатия к Маршам вызвана расовыми предрассудками. В конце концов, я знаю, как люди относятся порою к представителям чуждой им расы. К сожалению, это имеет место, но это можно объяснить обычным недостатком образования. Однако Марши — это совершенно особый случай. Во всяком случае, я ума не приложу, что за раса могла придать потомкам Абеда столь странный облик. Аборигены Ост-Индии — из тех, с кем мне довелось сталкиваться, — имеют примерно те же черты лица, что и мы, и отличаются от нас только цветом кожи: он у них бронзового оттенка. Правда, однажды я видел туземца, внешностью своей очень напоминавшего детей Марша, но он никоим образом не был типичным представителем своей расы, и его сторонились как матросы, так и местные портовые грузчики. Сейчас я уже не помню точно, где это было — кажется, на Понапе.

Эти Марши — тут надо отдать им должное — держались сплоченно, общаясь только между собой или с семьями, которые оказались в таком же положении изгоев, что и они. Сказать по правде, хоть их и было немного, страху они нагоняли на весь город. Да и опасаться-то было чего. Вот, например, как-то раз один из членов городского управления выступил было против них — и очень скоро после того утонул в заливе. Не думаю, что это простая случайность. Хотя город часто сотрясали и куда более зловеющие происшествия, я все же возьму на себя смелость заявить, что именно те, кто не скрывал своей неприязни к Маршам, в основном и становились жертвами этих злодеяний.

Впрочем, я догадываюсь, что твой холодный аналитический ум не приемлет всего вышеизложенного, а посему не стану более утомлять тебя своими рассуждениями».

И далее ни слова на эту тему. Тщательно просмотрев всю остальную связку писем, Эбнер с разочарованием обнаружил в них полное отсутствие какой-либо информации о Маршах и иже с ними: видимо, досужие измышления об этом странном семействе изрядно надоели Лютеру Уэйтли и он в одном из своих писем ясно дал понять это. Даже в молодости дед отличался суровостью и непреклонностью, отметил про себя Эбнер... В ходе дальнейших поисков ему удалось отыскать еще кое-какие сведения, связанные с инсмутскими тайнами, но они относились к гораздо более позднему периоду и содержались не в письме, а в газетной вырезке, где приводился довольно путанный репортаж о правительственном мероприятии, имевшем место в 1928 году: тогда были предприняты попытки разрушить риф Дьявола и взорвать отдельные участки береговой линии, а также были произведены повальные аресты Маршей, Мартинов и прочих им подобных. Но эти события и ранние письма Эрайи были отделены друг от друга десятками лет.

Письма о Маршах Эбнер отложил в карман пиджака, а все остальные сжег в огне костра, который развел на берегу реки. Письма сгорели довольно быстро, но Эбнер еще долго не решался отойти от костра, опасаясь, что его искры могут воспламенить траву, не по сезону сухую и желтую. К щекочущему ноздри дыму костра примешивался другой, гораздо более противный запах, который, как удалось определить Эбнеру, исходил от гниющей кучи обглоданных рыбьих скелетов — остатков пиршества какого-то животного, скорее всего выдры.

Эбнер отвел взгляд от огня и в задумчивости уставился на громаду старой мельницы. Боже мой, подумал он, да эту развалину пора было снести еще много лет назад. И действительно, древняя эта постройка производила угнетающее впечатление — покосившиеся стены, пустые глазницы оконных проемов, осколки стекла из выбитых им окон на лопастях мельничного колеса... Эбнер вздрогнул и поспешно повернулся к огню.

Пламя костра тихо догорало, сливаясь с вечерним заревом. День близился к концу. Эбнер вернулся в дом, наскоро проглотил скудный ужин и, бросив взгляд на очередную кипу неразобранных документов, решил отложить до лучших времен поиски дедовских записей, о которых говорил Зебулон Уэйтли, — все эти бумаги уже порядком действовали ему на нервы. Он вышел на веранду понаблюдать за сгущающимися сумерками под неистовое пение лягушек и козодоев и вдруг ощутил сильнейшую усталость.

Пройдя в спальню, Эбнер разделся и лег в постель, но сон упорно не шел к нему. Сквозь распахнутое окно в комнату не проникало ни малейшего дуновения ночного воздуха, который не успел еще остыть после знойного дня. Но не только духота не давала покоя Эбнеру — его слух терзали неведомые доселе звуки; и если вопли жителей лесов и болот, которые он воспринимал как нечто само собой разумеющееся, буквально врывались в его мозг, то таинственные звуки старого дома вползали в его сознание крадучись, тихой сапой. Поначалу ему почудились только степенные скрипы и потрескивания массивного деревянного дома, которые в чем-то даже гармонировали с наступившей темнотой. Потом он стал различать отрывистые шаркающие звуки, напоминавшие возню крыс под полом. Наверняка это и были крысы, решил Эбнер, на старой мельнице их было предостаточно, и в этих приглушенных и доносившихся как будто откуда-то издали звуках не было ничего сверхъестественного. А затем ему померещился звон разбитого стекла — этот нехарактерный для необитаемого дома звук сопровождался привычным уже скрипом старого дерева. Эбнеру показалось, что стеклянный звон исходил из комнаты над мельничным колесом; впрочем, в этом у него не было твердой уверенности. Усмехнувшись про себя, он с удовлетворением констатировал, что с его появлением здесь разрушение дедовского дома заметно ускорилося — и он, Эбнер Уэйтли, явился своего рода катализатором этого процесса. В какой-то степени это было даже забавно — получалось, что он в точности исполняет волю усопшего Лютера Уэйтли, не предпринимая для того решительно никаких действий. И с этой мыслью он обрел наконец-то долгожданный сон.

Проснулся он рано утром от бешеного звона телефонного аппарата, который был специально установлен в спальне на время его пребывания в Данвиче. Машинально поднеся трубку к уху, он услышал резкий женский голос и понял, что звонили не ему, а другому абоненту, подключенному к той же линии. Однако усиленный мембраной голос звучал с такой пронзительной категоричностью, что его рука просто отказывалась положить трубку обратно на рычаг.

— ...А я вам говорю, миссис Кори, я опять слышала ночью эти ворчания из-под земли, а потом где-то около полуночи такой раздался визг: никогда бы не подумала, что корова может так верещать — ну что твой кролик, только что побасовитей. Это ведь была корова Люти Сойера — нынче утром ее нашли всю обглоданную...

— Послушайте, миссис Бишоп, а вы не думаете, что... ну, в общем, что вся эта жуть начинается по новой?

— Не знаю, не знаю. Надеюсь, что нет... не дай-то бог. Но уж больно это смахивает на прежнюю дьявольщину.

— И что же, только одна корова и пропала?

— Ну да, только она одна. Про других-то я ничего не слышала. Но, миссис Кори, ведь в прошлый раз все это начиналось точно так же.

Эбнер хмыкнул и положил трубку на рычаг. Идиотские суеверия обитателей Данвича вызвали у него саркастическую усмешку; впрочем, он ясно сознавал, что невольно подслушанный им разговор был еще далеко не самой яркой иллюстрацией дремучего невежества жителей этого захолустья.

Однако раздумывать на эту тему ему было недосуг — нужно было отправляться в поселок за провизией. Встав с постели, он быстро умылся, оделся и вышел из дому. Проходя по залитым ярким утренним солнцем улочкам и тропинкам, он ощутил знакомое чувство облегчения, которое неизменно возникало у него, когда он хотя бы ненадолго отлучался из стен своего угрюмого дома.

В лавке он застал одного лишь Тобиаса Уэйтли, необычно мрачного и молчаливого. Но не только это не понравилось Эбнеру в настроении лавочника — гораздо больше его встревожило то очевидное обстоятельство, что Тобиас был изрядно чем-то

напуган. Эбнер попытался завязать с ним непринужденную беседу, однако Тобиас тупо молчал и лишь изредка ограничивался нечленораздельным бормотанием. Но едва только Эбнер принялся излагать своему собеседнику содержание недавно подслушанного телефонного разговора, как Тобиас обрел дар речи.

— Я знаю об этом, — отрывисто произнес он и впервые за все время беседы поднял глаза на Эбнера, заставив того буквально остолбенеть — ибо на лице его деревенского родственника застыла маска неопишемого ужаса.

Несколько секунд они стояли, не сводя друг с друга глаз; затем лавочник отвернулся и принялся пересчитывать полученные от Эбнера деньги. В лавке воцарилось напряженное молчание, которое первым нарушил Тобиас.

— Зебулона видали? — спросил он, понизив голос.

— Да, он приезжал ко мне, — отозвался Эбнер.

— Был разговор?

— Да, мы поговорили.

Казалось, это не очень удивило Тобиаса — он как будто и ожидал, что у Эбнера и старика Зебулона должны были найтись темы для беседы с глазу на глаз; и тем не менее, наблюдая за Тобиасом, Эбнер почувствовал, что тот никак не может взять в толк, почему же все-таки случилось то, что случилось, — то ли старый Уэйтли не просветил Эбнера до конца, то ли сам Эбнер пренебрег советами Зебулона? Так или иначе, Эбнер чувствовал, что туман, окутавший тайну их рода, сгустился для него еще сильнее; а уж такие вещи, как исполненный суеверных страхов утренний телефонный разговор, загадочные намеки дядюшки Зебулона и странное поведение Тобиаса, и вовсе его обескуражили. К тому же хотя оба — и Тобиас, и Зебулон — в целом и производили впечатление людей довольно искренних, но в разговорах они избегали называть вещи своими именами, будто рассчитывая на то, что Эбнер и без того все знает.

Эбнер покинул лавку и быстро зашагал домой, исполненный решимости как можно скорее разделаться с обязанностями, возложенными на него покойным дедом, и убраться восвояси из этого убогого поселения с его забитыми, суеверными обитателями, многие из которых являлись, как это ни прискорбно, его родственниками.

Вернувшись домой, он наскоро перекусил и тут же взялся разбирать дедовские вещи. Но только к полудню удалось ему найти то, что он искал, — старую потрепанную амбарную книгу, исписанную неровным крючковатым почерком Лютера Уэйтли.

IV

Устроившись за кухонным столом, Эбнер принялся лихорадочно перелистывать страницы найденного им гроссбуха. В нем не доставало нескольких начальных листов, но вырваны они были неаккуратно, и по фрагментам текста, сохранившегося на прихваченных нитью обрывках бумаги, он заключил, что на первых порах эта книга служила для ведения домашней бухгалтерии, а уж после дед Лютер, найдя ей иное применение, просто-напросто выдрал ненужные ему записи.

Придя к такому выводу, Эбнер углубился в чтение дедовских заметок. С самого начала ему пришлось изрядно поломать голову над малопонятными односложными фразами, из которых состояло большинство текстов. Даты в записях совершенно отсутствовали — вместо них дед указывал только дни недели.

«В эту субботу получил от Эрайи ответ на свои вопросы. С. видели неск. раз с Рэлсой Маршем. Правнук Абеда. По ночам плавали вместе».

Эта запись шла первой и, по всей вероятности, представляла собой лаконичное изложение некоторых деталей, почерпнутых из письма кузена Эрайи, в котором тот, откликнувшись на просьбу Лютера, подробно описал поведение Сари в Инсмуте во время ее визита к Маршам. Но что побудило Лютера наводить справки о собственной дочери? Этого Эбнер не мог понять. Он достаточно хорошо знал характер своего деда и догадывался, что Лютер собирал информацию о Сари отнюдь не из чистого любопытства, — видимо, после поездки в Инсмут с нею действительно случилось нечто такое, что основательно встревожило его.

Но что?

Следующий текст представлял собой вклеенную страницу отпечатанного на машинке письма:

«Из всего семейства Марш Рэлса, пожалуй, самый отвратительный. Он выглядит как полный дегенерат. И даже если твои слова правда и Сари далеко до Либби в смысле красоты, я все равно не могу представить, как она могла сойтись с такой мерзостью, как Рэлса. Это же средоточие всех мыслимых и немыслимых уродств, которыми так или иначе отмечено потомство Абеда Марша и его жены-полинезийки! Впрочем, сами Марши всегда отрицали полинезийское происхождение супруги Абеда, но я-то знаю, что он ходил туда в торговые рейсы, и меня не проведешь всеми этими рассказами о не указанном на картах острове, где он якобы отдыхал в перерывах между плаваниями.

Насколько мне удалось выяснить — как-никак сейчас прошло уже более двух месяцев после отъезда Сари из Инсмута, — эти двое ни на шаг не отходили друг от друга. Удивляюсь, почему Эрайя не написал тебе об этом. Ты ведь сам понимаешь, что никто из нас был не вправе запретить Сари встречаться с Рэлсой: как-никак они родственники, и к тому же она гостила у Маршей, а не у нас...»

Эбнер догадался, что это письмо написала одна из многочисленных кузин Лютера. Женщина была явно обижена на него за то, что Сари, гостя в Инсмуте, останавливалась у Маршей, а не в их семействе. Похоже было, что и у нее старик Лютер пытался кое-что разузнать.

Третья запись вновь была сделана рукой деда и подытоживала содержание очередного письма, полученного от Эрайи.

«Суббота. Эрайя утверждает, что глубоководные — это секта или нечто вроде религиозной группы. Гуманоиды. Живут якобы в морских глубинах и поклоняются Дагону. Еще одно божество — Ктулху. Обладают жабрами. Внешне напоминают жаб или лягушек, но глаза — как у рыб. Эрайя считает, что покойная жена Абеда была из их числа. Дети Абеда якобы обладают теми же признаками. Марши с жабрами? Иначе как они могут заплывать на риф Дьявола — три мили туда и обратно? Марши могут подолгу обходиться без воды и пищи, при этом

быстро уменьшаясь или увеличиваясь в размерах, в зависимости от питания».

Напротив последнего предложения Лютер, видимо будучи не в силах сдержать своего презрения, водрузил четыре восклицательных знака.

Эбнер усмехнулся и продолжил чтение.

«Зейдок Аллен божится, что видел, как Сари плыла на риф Дьявола в окружении Маршей, все обнаженные. Утверждает, что у Маршей необычно жесткая, потрескавшаяся кожа, покрытая мелкими круглыми наростами, а у некоторых вместо кожи вообще чешуя! Божится, что видел, как они гонялись за рыбинами, ловили их и поедали, разрывая на части, — совсем как морские звери!»

Ниже этой записи было подклеено письмо, написанное, несомненно, в ответ на одно из посланий Лютера Уэйтли.

«Ты спрашиваешь, кто именно распускает все эти „дурацкие“ слухи о Маршах. Но подумай сам, Лютер, как можно выделить кого-то одного или пусть даже десяток из ни много ни мало нескольких поколений таких сплетников. Согласен, что старый Зейдок Аллен не в меру болтлив и любит выпить, так что от него впору ждать всяких небылиц. Но он лишь один из многих, кто так говорит. А дело-то в том, что эти легенды — или „бредни“, как ты их называешь — разрастались на протяжении трех поколений. Стоит только взглянуть на потомков капитана Абеда, и вопрос об их источнике отпадет сам собой. Говорят, что на иных отпрысков этого семейства и посмотреть-то страшно. Бабушкины сказки? Хорошо, но как быть с рассказом доктора Джилмена? Как-то раз д-р Роули Марш слег и по сей причине был не в состоянии принять роды у одной из женщин в семействе Марш. Это вместо него сделал Джилмен, и, по его словам, плод, которым его пациентка разрешилась от бремени, меньше всего напоминал нормального младенца, рожденного женщиной от мужчины. И никому впоследствии не доводилось видеть этого самого Марша, а посему никто не знает, что же все-таки выросло из того чудовищного плода; однако мне доводилось слышать о неких странных существах, которые *передвигались на двух ногах, но при этом не были людьми*».

За этим пассажем следовало лаконичное, но совершенно недвусмысленное замечание, состоящее всего из двух слов: «Наказал Сари». Должно быть, эта запись была сделана в день заточения Сари Уэйтли в комнату над мельницей.

Эбнер пробежал глазами еще несколько заметок, но уже не встретил в них ни единого упоминания о Сари. Записи эти не были датированы даже днями недели и, судя по разноцветью чернил, делались в разное время, хотя и размещались все в одном абзаце.

«Много лягушек. Собираются у мельницы. Кажется, их там больше, чем в болотах вокруг Мискатоника. Не дают спать. Козодоев тоже стало больше; а может, мне это только кажется. Вчера вечером насчитал у крыльца 37 лягушек».

Подобных заметок было немало. Эбнер внимательно ознакомился со всеми из них, но так и не понял, к чему же все-таки клонил его дед. Лягушки... рыба... туманы... их перемещения по Мискатонику... Все эти данные явно не имели отношения к загадке, связанной с тетей Сари, и Эбнер недоумевал, зачем это вдруг старику понадобилось заносить их в свою тетрадь.

После этих записей шел большой пробел, который заканчивался одной-единственной фразой:

«Эрайя был прав!»

Эбнер долго смотрел на эту жирно подчеркнутую фразу. «Эрайя был прав...» — но в чем? И что заставило Лютера прийти к такому выводу? Ведь, если судить по тетрадным записям, Эрайя и Лютер прекратили переписку задолго до того, как последний убедился в правоте своего кузена. А может быть, Эрайя написал Лютеру письмо, не дожидаясь от него ответа на свое предыдущее? Нет, решил про себя Эбнер, не стал бы Эрайя отписывать своему сумасбродному братцу, не получив прежде ответа на свое послание.

На следующих страницах Эбнер обнаружил наклеенные газетные вырезки. Их содержание как будто не имело отношения к семейной тайне, над разгадкой которой столь безуспешно бился Эбнер, но, по крайней мере, благодаря им он определил, что

в течение почти двух лет дед вообще не вел никаких записей. А прерывался этот хронологический провал совершенно непонятной фразой:

«Р. опять сбежал».

Но если Лютер и Сари были единственными обитателями дома, то откуда же взялся загадочный «Р»? Или это был Рэлса Марш, который заявился сюда с визитом? Эту версию Эбнер тут же отбросил — ибо ничто не говорило о том, что Рэлса Марш продолжал питать нежные чувства к своей кузине после ее отъезда из Инсмута; во всяком случае, ни одна из записей деда Лютера не подтверждала эту гипотезу.

Следующая фраза опять-таки была более чем странной:

«Две черепахи, одна собака, останки сурка. Бишопы — две их коровы найдены на краю пастбища на берегу Мискатоника».

Потом следовали такие данные:

«За полный месяц: 17 коров, 6 овец. Жуткие изменения; рост пропорционален кол-ву съеденного. Был З. Весьма обеспокоен слухами».

Могло ли «З.» означать «Зебулон»? Скорее всего, да, решил Эбнер. Видно, тот заходил к Лютеру в надежде услышать от него объяснения по поводу происходивших в округе загадочных событий, но ушел ни с чем; по крайней мере, в своей недавней беседе с Эбнером старик так и не смог толком объяснить ситуацию вокруг комнаты с заколоченными ставнями, ограничившись лишь намеками да недомолвками. Нет нужды говорить, что дед и не думал посвящать Зебулона в содержание своего дневника, хотя не считал нужным скрывать от него самый факт существования этих записей.

Вообще же Эбнер не мог отделаться от ощущения, что рукопись, которую он держал сейчас в руках, создавалась Лютером в качестве черновой. Дед наверняка намеревался когда-нибудь возвратиться к этим записям и оформить их в надлежащем виде; в теперешнем же своем обличье они были неряшливы и фрагментарны, а их смысл доступен только тому, кто обладал ключе-

вой информацией, то есть только самому Лютеру Уэйтли. Стиль изложения был бесстрастен и лаконичен, однако в последних сообщениях уже явственно сквозили тревожные нотки.

«Пропала Эйда Уилкерсон. Остался след — будто ее тело тащили волоком. В Данвиче паника. Джон Сойер грозил мне кулаком — стоя на другой стороне улицы, где я не мог его достать.

Понедельник. На этот раз Ховард Уилли. Нашли только ногу, обутую в башмак!»

Ближе к концу рукописи Эбнер обнаружил, что в ней недостает многих страниц: они были вырваны рукой деда Лютера — вырваны в исступлении, с корнем, хотя ничто, казалось бы, не указывало на причину столь неожиданной ярости. Да, это мог сделать только Лютер Уэйтли: видно, почувствовав, что написал лишнее, он решил изъять из тетради факты, проливавшие свет на тайну заточения несчастной тети Сари, дабы вконец запутать того, в чьих руках окажутся эти заметки. Что ж, это ему удалось на славу, подумал Эбнер.

Он продолжил чтение уцелевших записей. В следующей фразе опять говорилось о таинственном «Р.»:

«Р. наконец-то вернулся».

И затем:

«Заколотил ставни в комнате Сари».

Последняя же запись выглядела следующим образом:

«Когда он сбросит вес, держать его на строгой диете и регулировать размеры».

Пожалуй, эта фраза была самой непонятной из всех. «Он» — это и есть «Р.» либо же это кто-то другой? И кем бы «он» ни был, зачем понадобилось держать «его» на диете? И что имел в виду старик Лютер под «регулированием размеров»? Эти вопросы казались Эбнеру совершенно неразрешимыми, так что прочитанные им письма и записи ни на йоту не приблизили его к разгадке этой несусветной галиматии.

Эбнер в раздражении отодвинул в сторону гроссбух, с трудом подавляя в себе желание спалить его в камине. Дедовских записей, на которые он возлагал такие большие надежды, оказалось явно недостаточно для того, чтобы раскрыть обитавшую в этих старых стенах зловещую тайну рода Уэйтли. Его раздражение усиливалось зародившимся в душе смутным страхом — он чувствовал, что малейшее промедление в разгадке этой тайны может обернуться для него самым печальным образом.

Он выглянул в окно. На Данвич уже опустилась безлунная летняя ночь; всепроникающий гам лягушек и козодоев привычно оглушил его. Отбросив надоедливые мысли, крутившиеся вокруг только что прочитанного дедовского дневника, он принялся лихорадочно вспоминать бытовавшие в его семье старинные предания и поверья. Козодои... совы... лягушки... крики в ночи... кажется, песнь совы означала чью-то скорую смерть... Мысли о лягушках невольно вызвали в его сознании ассоциации с кланом Маршей, представители которого, если верить найденным в доме старого Лютера письмам, так походили на этих земноводных. Он вдруг явственно представил себе уродливые, карикатурные физиономии своей дальней инсмутской родни и вздрогнул от охватившего его отвращения.

Как ни странно, именно эта, казалось бы, совершенно случайная мысль о лягушках вызвала у него в душе непередаваемый испуг. Душераздирающие вопли амфибий заполняли всю округу — и что-то невероятно зловещее почудилось Эбнеру в их несмолкающем хоре. Он пытался успокоить себя: эти ничем не примечательные твари всегда в изобилии водились в здешних местах, и, может статься, участок вокруг старинного дома с мельницей был облюбован ими еще задолго до его приезда в Данвич. Разумеется, его присутствие здесь ни при чем — огромное количество амфибий объяснялось просто-напросто близостью Мискатоника и множеством заболоченных участков вдоль его русла.

Возникшее в душе Эбнера раздражение понемногу прошло; следом за ним улетучились и нелепые страхи, вызванные лягушачьими воплями. Сейчас он чувствовал только усталость. Взяв со стола дедовский дневник, он бережно уложил его в один из

своих чемоданов, намереваясь еще раз просмотреть все записи в более спокойной обстановке — он еще не терял надежды на раскрытие тайны старого особняка и заколоченной комнаты над мельницей. Все равно где-то есть ключ к разгадке; во всяком случае, если в округе имели место какие-то ужасные события, то они наверняка должны найти отражение в свидетельствах более подробных, нежели скудные, невразумительные заметки Лютера Уэйтли. Но где добыть эти свидетельства? В разговорах с обитателями Данвича? Об этом нечего было и думать — Эбнер уже заранее знал, что их реакцией будет упрямое и непреодолимое молчание: никто из них не станет выговариваться перед странным городским чужаком, каким в их глазах, несмотря на какие бы то ни было родственные узы, был Эбнер Уэйтли, внук покойного Лютера.

И тогда он вспомнил о кучах старых газет, которые собирался было сжечь. Усталость отступила прочь; не теряя времени, он принес в комнату несколько связок «Эйлсбери трэнскрипт» — в этой газете существовала специальная рубрика под названием «Новости из Данвича» — и после часа лихорадочных поисков отложил в сторону три статьи, которые заинтересовали его тем, что перекликались с записями деда Лютера. Первая заметка шла под заголовком: «ДАНВИЧ: ОВЦЫ И КОРОВЫ ПАЛИ ЖЕРТВАМИ ДИКОГО ЖИВОТНОГО». Вот что в ней говорилось:

«Несколько овец и коров, содержавшихся на отдаленной ферме в предместьях Данвича, стали жертвами нападения неустановленного дикого зверя. Следы, обнаруженные на месте побоища, позволяют предположить, что нападение совершено хищником довольно крупных размеров, однако д-р Бетнэлл, профессор антропологии Мискатоникского университета, считает, что злодеяние вполне могло быть совершено стаей волков, которая, вероятно, обитает где-нибудь в безлюдной холмистой местности недалеко от Данвича. Другие специалисты утверждают, что, судя по оставленным следам, нападавшее животное не относится ни к одному из известных видов, обитающих на восточном побережье Северной Америки. Власти округа ведут расследование».

Эбнер внимательно просмотрел другие газеты, но так и не нашел продолжения этой истории. Тогда он обратился ко второй статье:

«Эйда Уилкерсон, 57-летняя вдова, жившая на отшибе в своем доме на берегу Мискатоника, вероятно, стала жертвой преступления. Это произошло три дня назад, когда она должна была нанести визит одному своему знакомому в Данвиче. Не дождавшись миссис Уилкерсон, тот решил навестить ее сам и обнаружил у нее в доме страшный беспорядок. Входная дверь была взломана, мебель в комнатах перевернута и искорежена, как будто там происходила отчаянная борьба. Сама же Эйда Уилкерсон бесследно исчезла. Свидетели отмечают, помимо всего прочего, такую деталь, как сильнейший мускусный запах, распространявшийся на довольно большое расстояние вокруг дома. О дальнейшей судьбе миссис Уилкерсон до сих пор не поступало никаких известий».

В следующих двух абзацах коротко сообщалось, что власти пока не могут сказать ничего определенного по поводу случившегося. И на этот раз возникли гипотезы о «крупном животном» и о волчьей стае; это частично объяснялось тем фактом, что у исчезнувшей леди в равной степени не было ни врагов, ни денег, а следовательно, не было и сколько-нибудь серьезных мотивов убивать или похищать ее.

После этого Эбнер перешел к отчету об убийстве Ховарда Уилли, который подавался под заголовком «КОШМАРНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ДАНВИЧЕ».

«В ночь на 31-е Ховард Уилли, 37 лет, житель Данвича, был зверски убит по пути домой. М-р Уилли возвращался с рыбной ловли и, проходя по небольшой рощице, что в полутора милях вниз по течению от имения Лютера Уэйтли, был атакован неизвестным существом. Видимо, он оказал яростное сопротивление, так как грунт на этом месте беспорядочно взрыхлен в разных направлениях. В конце концов нападавший одержал верх и зверски расправился со своей несчастной жертвой, буквально вырвав ей конечности из суставов, о чем свидетельствует единственное,

что осталось от м-ра Уилли, — его правая нога, обутая в башмак. Очевидно, нападавший обладал необычайной физической силой.

Наш корреспондент в Данвиче отмечает, что здешние жители, в целом очень необщительные, в равной мере разгневаны и напуганы, подозревая в косвенной причастности к случившемуся кое-кого из местных. В то же время они упрямо отрицают возможность того, что непосредственный убийца м-ра Уилли или миссис Уилкерсон, бесследно исчезнувшей две недели тому назад, является членом их общины».

Отчет завершился сведениями о семейных связях Ховарда Уилли, а после него шли совершенно пустые материалы, должные, по-видимому, заполнить информационный вакуум вокруг свершившихся в Данвиче злодеяний. Властям, полиции и журналистам сказать было нечего — все их усилия разбивались о каменную стену молчания, которым все без исключения аборигены встречали малейшую попытку заговорить с ними о случившихся ужасных событиях. Но один многозначительный штрих все же не ускользнул от пытливых глаз исследователей: в обоих случаях следы с места преступления вели к водам Мискатоника, и это позволяло предположить, что существо, виновное в смерти двух несчастных жителей этой глухой деревни, обитало где-то в реке.

Несмотря на полуночный час, спать Эбнеру совсем не хотелось. Собрав просмотренные газеты, он вышел на берег реки, свалил их там в кучу и поджег. Постояв немного у костра, он двинулся обратно в дом. Пожара он не опасался — ночной воздух был абсолютно недвижим, да и трава еще с прошлого раза выгорела на много ярдов вокруг.

Громкий треск ломаемого дерева так внезапно вклинился в почти оглушившее его жуткое крещендо лягушек и козодоев, что он вздрогнул и поспешно шагнул обратно к костру. «Заколоченная комната», — пронеслось у него в голове. В тусклых отблесках костра ему показалось, что окно над мельничным колесом стало шире, чем прежде. Неужели это древнее строение может рухнуть сейчас, прямо у него на глазах? От этой мысли он непроизвольно зажмурился, но за какое-то мгновение до этого уловил краем глаза бесформенную тень, мелькнувшую и исчезнувшую где-то за мельничным колесом. Почти одновременно с этим по-

слышались размеренные всплески воды. Больше Эбнеру ничего услышать не удалось — голоса лягушек, которые за последнюю минуту будто взбесились, заглушили все остальные звуки.

Эбнер постоял в раздумье. Бог с ней, с тенью, сказал он себе, да и вообще, никакая это не тень, а просто отблески пламени догоравшего костра. Что касается плеска воды, то эти звуки вполне могла издать стая крупных рыб, стремительно мчавшихся вниз по течению Мискатоника. И все же, и все же... Покачав головой, он решительно направился в комнату с заколоченными ставнями.

По пути он зашел в кухню, прихватил там керосиновую лампу и уже затем двинулся наверх. Повернув в замке ключ, он распахнул дверь и едва не упал в обморок от жуткого смешения запахов, которые плотной волной хлынули в коридор. Аромат речной воды Мискатоника и резкая болотная вонь, тошнотворный запах слизи, остающейся на прибрежных камнях и корягах после ухода воды, и чудовищное зловоние гниющих останков животных самым кошмарным образом перемешались в этом омерзительном помещении.

Несколько секунд Эбнер стоял, не решаясь переступить порог комнаты. Причудливая, ни на что не похожая комбинация запахов в очередной раз вызвала в его душе смутную тревогу, но он постарался, насколько мог, отогнать ее. В конце концов, запахи могли свободно проникнуть сюда с реки сквозь незакрытый оконный проем. Подняв лампу повыше, он осветил стену и окно, что располагалось над колесом. Он все еще стоял у порога, но даже оттуда было видно, что из оконного проема исчезло не только стекло, но и рама. И даже оттуда было видно, что раму выломали изнутри!

Пораженный этим неожиданным открытием, Эбнер стремительно выскочил в коридор, захлопнул дверь, повернул в замке ключ и чуть ли не кубарем скатился вниз по лестнице, чувствуя, что вот-вот сойдет с ума.

V

Внизу ему удалось взять себя в руки. Все увиденное им в верхней комнате дополняло каталог загадочных явлений, с первыми из которых он столкнулся сразу же по приезде в дедовский дом. Сейчас он четко осознавал, что все эти необъяснимые стран-

ности, будучи явлениями одного плана, весьма тесно связаны между собой, и, если ему удастся докопаться до самой сути, все обязательно станет на свои места.

Однако, располагая большим количеством данных, он не мог увязать их воедино — этому мешал его академический ум, не позволявший принять в качестве основополагающей гипотезы дерзкую, почти невероятную и при этом верную догадку, которая могла бы объяснить все от начала до конца. Теперь он уже не сомневался, что в комнате наверху нашла себе пристанище какая-то неведомая тварь. Было бы просто глупо верить в то, что сильнейший запах с реки может сам по себе проникнуть в одну комнату и совершенно не ощущаться при этом в других помещениях: в кухне, спальне... Да, слишком глубоко засела в нем привычка к рациональному мышлению, с сожалением отметил про себя Эбнер.

Достав из кармана прощальное письмо деда Лютера, он принялся в который уже раз его перечитывать.

«...Ты единственный, кому удалось вырваться из этого выморочного поселка и получить образование; посему я надеюсь, что ты воспримешь все должным образом, ибо мозг твой не обременен ни суеверием невежества, ни предрассудками, свойственными излишней учености...»

Дед был прав: разгадка леденящей кровь тайны рода Уэйтли лежала за пределами досягаемости рационального мышления.

Его беспорядочные мысли были внезапно прерваны резким телефонным звонком. Эбнер поспешно сунул письмо в карман и схватил трубку.

Дрожащий от ужаса, умоляющий о помощи мужской голос вихрем ворвался в его мозг. Он четко выделялся на фоне голосов других абонентов, которые, прильнув к своим аппаратам, жадно ловили каждое слово человека, внезапно застигнутого трагическим поворотом событий. Один из слушающих (Эбнер не различал их по голосам, так как все они были для него равно близкими) определил звонившего:

— Это Люк Лэнг!

— Вызовите сюда отряд полиции, да поскорее! — верещал Люк Лэнг. — Эта тварь ползает у меня под дверью! Подлаживается, как бы ее высадить. Уже пыталась влезть в окно!

— Что за тварь, Люк? — слышался женский голос.

— Господи! Да откуда мне знать? Какая-то страшная, мерзкая тварь, каких я отродясь не видывал. Шлепает вокруг дома, как кисель! Ох, вы поскорей там с полицией, а то будет поздно. Она уже сожрала моего пса...

— Повесь трубку, Люк, а то мы не сможем вызвать полицию, — сказал кто-то.

Но охваченный ужасом Люк был уже не в состоянии прислушиваться к советам:

— О боже, она ломает дверь! Дверь уже вся прогнулась...

— Люк! Люк! Ты слышишь? Повесь трубку!

— Она лезет в окно! — орал обезумевший от страха Люк. — Выбила стекло! Боже! Боже! Не оставь же меня! О, эта рука! Какая жуткая ручища! Боже! Какая у нее морда!..

Голос Люка перешел в леденящий душу вопль. В трубке слышался звон разбитого стекла и треск дерева, а затем все внезапно стихло — и в доме Люка Лэнга, и на телефонной линии. Но уже секунду спустя хор голосов взорвался вновь:

— Скорее на помощь!

— Встречаемся у Бишопов!

— Проклятье! Это все делишки Эбнера Уэйтли!

Невероятная, жуткая догадка парализовала его мозг. С великим трудом он заставил себя оторвать трубку от уха, опустить ее на рычаг и отключиться от воющего телефонного бедлама. Он был расстроен и напуган. Оказывается, деревенские жители всерьез считали его виновником происходивших в округе ужасов, и он интуитивно чувствовал, что эти подозрения имели под собой нечто большее, нежели традиционная неприязнь к чужаку.

Он и думать не хотел о том, что происходило сейчас в доме Люка Лэнга — да и в других данвичских домах, — однако искаженный предсмертным ужасом голос Люка все еще звучал у него в ушах. Бежать, бежать отсюда как можно скорее — эта мысль сверлила ему мозг, не давая ни секунды покоя... А невыполненные обязательства перед покойным Лютером?.. Бог с ними, с этими распроклятыми обязательствами — тем более что кое-что все-таки сделано: он просмотрел все дедовские бумаги, за исключением книг; он договорился с эйлсберийскими плотниками о сносе мельницы; а что касается продажи этого дряхлого особняка, то это можно сделать через какое-нибудь агентство.

Бросившись в спальню и лихорадочно растолкав по чемодам свои вещи, он отнес их в машину. Кажется, ничего не забыто, в том числе и дневник Лютера, так что можно трогаться в путь. Но следом за этой мыслью у него возникла другая: а почему, собственно? Почему он должен тайно, по-воровски, убегать отсюда? За ним нет никакой вины — и пусть кто-нибудь попытается доказать обратное. Он вернулся в дом и, устроившись за кухонным столом, достал из кармана письмо деда Лютера. В доме стояла тишина, которую нарушал лишь доносившийся снаружи кошмарный хор лягушек и козодоев. Но на сей раз Эбнеру было не до ночных криков — он с головой погрузился в содержание дедовского послания.

Это письмо он перечитывал уже, наверное, в сотый раз, но от этого оно не становилось понятнее. Что, например, означала фраза «дело не только во мне», которую Лютер написал при упоминании о безумии рода Уэйтли? Ведь сам-то он до конца дней своих сохранил здравый ум. Жена Лютера скончалась задолго до рождения Эбнера, тетя Джулия умерла молодой девушкой, а что касается матери Эбнера, то ее жизнь ничем не была запятнана. Оставалась тетя Сари. В чем же состояло ее безумие? Ведь именно ее имел в виду Лютер, когда писал о том, что род Уэйтли поражен безумием. За какие деяния старик заточил ее в верхней комнате, откуда она так и не вышла живой?

И что скрывалось за странной просьбой убить какое бы то ни было живое существо, которое встретится ему, Эбнеру, на мельнице? «Неважно, какой оно будет величины и какого обличья...» Даже если это всего-навсего безобидная жаба? Паук? Муха? Черт бы побрал этого Лютера Уэйтли с его манерой говорить загадками, что уже само по себе выглядит как вызов нормальному образованному человеку. А может, старик все же считал Эбнера жертвой «суеверия учености»? Но, боже правый, ведь старая мельница кишмя кишела жуками, пауками, сороконожками и прочими подобными тварями; кроме того, там, несомненно, обитали и мыши. Неужели Лютер Уэйтли всерьез предлагал своему внуку уничтожить всю эту живность?

Внезапно за его спиной послышался звон разбитого стекла и раздался глухой стук, как будто на пол упало что-то тяжелое. Эбнер вскочил на ноги и бросился к окну, но злоумышленник

уже успел скрыться в ночном мраке, и до ушей Эбнера донесся только быстрый удаляющийся топот ног.

На полу вперемешку с осколками стекла лежал булыжник, к которому куском обычной бечевки, что используется в магазинах и лавках, был привязан сложенный в несколько слоев клочок оберточной бумаги. Отвязав бечевку, Эбнер развернул бумагу и увидел грубые каракули: «Уберайся отседа пока тибя не кокнули». Оберточная бумага и оберточная бечевка. Это могло быть и угрозой, и дружеским предостережением, но в любом случае было ясно, что записку эту написал и подбросил Тобиас Уэйтли. Презрительно усмехнувшись, Эбнер скомкал бумагу и швырнул ее на середину стола.

Все еще пребывая в смятении, он тем не менее решил про себя, что бежать отсюда очертя голову совершенно ни к чему. Он останется здесь — и не только для того, чтобы убедиться в правильности своих догадок о судьбе Люка Лэнга (как будто после того жуткого телефонного монолога могли еще оставаться какие-то сомнения), но и для того, чтобы предпринять последнюю попытку разгадать тайну, которую старик Лютер унес с собой в могилу.

Потушив лампу, он в крошечной темноте отправился в спальню и, не снимая с себя одежды, с наслаждением растянулся на кровати. Однако заснуть он не смог — ему не давала покоя мысль о том, что он безнадежно запутался в огромном количестве фактов, которые стали известны ему за последние несколько дней; а ведь достаточно было найти одно-единственное ключевое звено, чтобы, потянув за него, распутать всю цепь. Эбнер был абсолютно уверен в существовании такого звена — более того, он интуитивно чувствовал, что оно, до сих пор незамеченное, лежит прямо у него перед глазами.

Вот уже добрых полчаса он ворочался с боку на бок, борясь с охватившей его бессонницей, как вдруг за пульсирующим хором лягушек и козодоев ему послышался размеренный плеск воды. Доносившийся, несомненно, с Мискатоника, он приближался с каждой секундой и в конце концов зазвучал мощно, как шум океанского прибоя. Эбнер сел в кровати, напряженно вслушиваясь в непонятный звук; но тут шум воды внезапно прекратил-

ся, сменившись другим звуком, от которого у Эбнера по коже забегали мурашки: он услышал, как кто-то карабкается наверх по мельничному колесу. Недолго думая, Эбнер вскочил на ноги и выскользнул из спальни.

Он услышал звук тяжелых, приглушенных шагов, исходивший со стороны заколоченной комнаты. Затем раздалось нечто вроде глухого сдавленного плача, похожего на детский, который несколько минут спустя совершенно неожиданно оборвался. После этого воцарилась полная тишина — казалось, даже неистовые вопли лягушек и козодоев не в силах были нарушить ее.

Эбнер вошел в кухню и зажег керосиновую лампу. Освещая себе путь, он осторожно поднялся наверх и остановился у запертой двери. Первые несколько секунд он не слышал ничего, но затем уловил легкий шорох, который прозвучал для него подобно удару грома.

В комнате кто-то дышал!

С трудом подавив в себе страх, Эбнер вставил в скважину ключ и осторожно повернул его. Держа лампу высоко над головой, он рывком распахнул дверь, переступил порог — и остановился, обьятый ужасом.

Его взору предстала стоявшая посреди комнаты кровать, на которой сидела на четвереньках некая чудовищная тварь с безволосой и грубой, будто дубленой, шкурой — омерзительный гибрид человека и лягушки. Видимо, Эбнер застал его за трапезой — тупая жабья физиономия монстра и перепончатые, почти человеческие, ладони, которыми завершались его мощные, длинные передние конечности, выставившие из туловища наподобие лягушачьих лапок, были густо измазаны кровью. Холодные рыбы глаза чудовища уставились на Эбнера...

Эта немая сцена продолжалась не более секунды.

С леденящим душу горловым клекотом — *«Йе-йя-а-а-а-уа-уа-ха-ха-а-а-нга-га-а-хву-у-у-у...»* — тварь поднялась на дыбы и ринулась на Эбнера, вытянув перед собой свои громадные страшные лапищи.

Реакция Эбнера была молниеносной — словно providение подсказало ему, как нужно действовать в этот кошмарный момент истины. Он размахнулся и изо всех сил швырнул керосиновую лампу в набегавшего монстра.

Яркое пламя мгновенно охватило жуткую телесную оболочку жабоподобной твари. Остановившись как вкопанная, она принялась яростно терзать свою плоть, тщетно пытаясь сбросить с себя пожиравший ее огонь. Глухое, низкое рычание внезапно сменилось пронзительным визгом:

— Ма-ма-ма-ма — ма-а-а-ма-а-а-а-а-а!..

Эбнер с силой захлопнул дверь и опрометью бросился вниз. Он летел по коридорам и комнатам, слыша громкий стук сердца, которое готово было вот-вот выскочить из груди. Даже оказавшись в автомобиле, где можно было чувствовать себя в относительной безопасности, он долго не мог прийти в себя. Лишенный почти всяких чувств и почти ослепленный неопишущим ужасом, он включил зажигание и, дав полный газ, помчался, не разбирая дороги, прочь от этого проклятого места.

Старые бревна постройки занялись как сухой трут, и вскоре густой белый дым, клубившийся над особняком, сменился высоко взметнувшимся в ночное небо столбом яркого пламени. Но этого Эбнер уже не видел. Вцепившись в рулевое колесо, он как одержимый гнал машину, полузакрыв глаза, будто стремясь навсегда избавить свое сознание от увиденной им чудовищной картины, а вслед ему летели с вершин черных холмов издевательские крики козодоев и доносилось с болот ехидное кваканье лягушек.

Но ничто было не в силах заставить его забыть сцену того поистине безумного катаклизма, коим завершились его долгие попытки раскрыть тайну старого дома. То, что он наконец-то узнал о заколоченной комнате, буквально обжигало его мозг — настолько ужасной была подоплека всех событий и явлений, так или иначе связанных с этим зловещим помещением. Он вспомнил свои далекие детские годы; вспомнил огромные, наполненные кусками сырого мяса блюда, которые дед Лютер ежедневно относил в заколоченную комнату. Наивный — он думал, что тетья Сари сама готовит это мясо; но сейчас он знал, что его поедали сырым. Он вспомнил упоминания о «Р.», который «наконец-то вернулся» после внезапного бегства — вернулся под единственную известную ему крышу. Он вспомнил и заметки Лютера об исчезнувших овцах и коровах и об останках диких животных, а также восстановил в памяти записи, касавшиеся способности

«быстро уменьшаться или увеличиваться в размерах в зависимости от питания» и «регулирования» этих размеров за счет «строгой диеты». Совсем как у глубоководных! После смерти Сари Лютер окончательно перестал кормить того, кого ранее держал «на строгой диете», надеясь, что бессрочное заточение без воды и пищи убьет узника заколоченной комнаты. И все же он не верил в это до конца — именно поэтому он так настойчиво убеждал Эбнера лишить жизни «какое бы то ни было живое существо», которое тот обнаружит в стенах комнаты над мельницей. И Эбнер действительно обнаружил эту тварь, но, не придав значения дедовскому предостережению, не стал преследовать ее. Выломав ставни и неосторожно разбив окно в заколоченной комнате, он дал ей свободу, и за какие-то несколько дней отпущенное на волю существо, питаясь сначала пойманной в Мискатонике рыбой, а затем, по мере своего дьявольского роста, различными крупными животными и, наконец, человеческой плотью, выросло в то самое чудовище, от которого едва удалось спастись Эбнеру; чудовище, являющее собой жуткий гибрид человека и земноводного, но в то же время сохранившее в себе такие человеческие черты, как привязанность к родному дому и к матери, которую оно призывало на помощь перед лицом неминуемой смерти; чудовище, порожденное нечестивым союзом Сари Уэйтли и Рэлсы Марша; чудовище, которое навсегда останется в памяти Эбнера Уэйтли, — его кузен Рэлса, приговоренный к смерти железной волей деда Лютера, вместо того чтобы давным-давно быть отпущенным в морские глубины для встречи с глубоководными, коим благоволят великие Дагон и Ктулху!

РЫБАК С СОКОЛИНОГО МЫСА

На океанском побережье Массачусетса ходит много слухов о Енохе Конгере; как правило, люди передают их полупамятками, при этом опасливо понижая голос. Эти слухи разнесли по всему побережью моряки из порта Инсмут, ибо жил Конгер всего в нескольких милях от него, на Соколином мысу, получившем свое название из-за огромного количества пернатых хищников — соколов, сапсанов, а порой и крупных кречетов, которые во время сезонных птичьих миграций кружат над этой полоской суши, врезавшейся далеко в море.

Он был силен и широкоплеч, с мощной грудью и длинными мускулистыми руками. Еще в молодости он отпустил бороду и длинные волосы. Его глубоко посаженные глаза отливали холодным голубым светом, лицо было квадратным; облаченный в дождевик и зюйдвестку, он походил на моряка, сошедшего со шхуны лет сто назад. Человеком он был молчаливым и жить предпочитал в одиночестве в доме из камня и плавника, который сам построил на продуваемом всеми ветрами клочке суши, где постоянно слышались крики чаек и крачек, шум ветра и плеск волн, а иногда — во время перелетов — с поднебесья доносились голоса зачастую невидимых в вышине обитателей дальних стран. Говорили, что иногда он с ними перекликался, что он умел разговаривать с птицами, ветром и волнами, а также с неведомыми существами, которые обитали далеко в море и издавали звуки, похожие на крики огромных лягушек, да только подобные твари не водятся в обычных болотах и заводях.

Конгер пробавлялся рыбной ловлей и жил более чем скромно, но, судя по всему, был такой жизнью вполне доволен. Ночью

и днем забрасывал он в море свои сети, а потом продавал улов в Инсмуте, Кингспорте или где-нибудь еще дальше. Но однажды лунным вечером он не принес в Инсмут очередной улов, а прибежал с пустыми руками, широко раскрыв немигающие глаза, словно долго смотрел на солнце и ослеп. Он вбежал в свою любимую таверну на окраине города, заказал пива, схватил кружку и молча уселся за столик. Видя, что с ним что-то стряслось, несколько любопытных завсегдатаев подсели к столу и заказали еще выпивки, чтобы его разговорить; в конце концов это им удалось, хотя беседовал он словно сам с собой, глядя в пространство невидящими глазами.

По словам Конгера, в эту ночь он видел чудо из чудес. Он доплыл на лодке до рифа Дьявола — что примерно в миле от Инсмута — и забросил сеть, а когда через некоторое время начал ее вытаскивать, в сети было полно рыбы — и не только рыбы, ибо там оказалась женщина; правда, это была не совсем женщина, но она заговорила с ним вроде как человек, только с призывками, похожими на лягушачье кваканье, и еще с каким-то свистом или хлюпаньем, какое можно услышать по весне на болотных топях; у нее был широкий целеобразный рот, тусклые глаза навывкате и длинные волосы, а за ушами виднелись щели, вроде как жабры; и эта тварь умоляла отпустить ее на волю, взамен обещая свою помощь, когда ему это понадобится.

— Русалка, — со смехом сказал один из слушателей.

— Нет, это была не русалка, — возразил Енох Конгер, — у нее были ноги, только с перепонками, и руки у нее были тоже с перепонками, кожа у нее на лице такая же, как у меня, а тело цвета моря.

Тут все принялись смеяться и зубоскалить, но Конгер, казалось, ничего не слышал. Не смеялся только один человек — от стариков Инсмута он уже слышал странные рассказы о клиперах, ходивших отсюда в Ост-Индию, о браках между мужчинами Инсмута и морскими женщинами с островов южной части Тихого океана, о странных событиях, происходивших в океане недалеко от Инсмута. Этот человек не смеялся, он просто сидел и слушал, а потом потихоньку выскользнул из таверны, пока остальные весело перебрасывались шутками. А Енох Конгер, не обратив внимания ни на этого человека, ни на грубые шутки

завсегдатаев таверны, продолжал рассказывать о том, как вынул морскую тварь из сети и взял ее на руки, как почувствовал прикосновение ее холодной и гладкой кожи, как опустил морскую женщину, которая поплыла в сторону темных камней рифа Дьявола, а потом вдруг высунулась из воды, помахала ему обеими руками и скрылась в волнах.

После той ночи Енох Конгер редко заглядывал в таверну; когда же он приходил, то молча сидел за столиком в полном одиночестве, не отвечая на вопросы любопытствующих о «русалке» и не реагируя на их шуточки по поводу того, не сделал ли он ей предложение руки и сердца перед тем, как отпустить в море. Посидев в полном молчании и допив пиво, Конгер обычно вставал и уходил. Однако все уже знали, что он больше не рыбачит возле рифа Дьявола, а забрасывает сети ближе к Соколиному мысу, и, хотя люди шептались, что он попросту боится новой встречи с существом, попавшим в его сети в ту лунную ночь, кое-кто видел, как Конгер стоял на самом краешке мыса и смотрел вдаль, словно пытаясь разглядеть, не появится ли на горизонте корабль, а может быть, томительно ожидая прихода того заветного «завтра», которое для большинства подобных мечтателей так и не приходит никогда.

Енох Конгер все больше замыкался в себе. Через некоторое время он вовсе перестал появляться в таверне на окраине Инсмута, предпочитая отвозить рыбу на рынок и оттуда, быстро пополнив свои запасы, напрямую возвращаться домой. Тем временем рассказы о его русалке разползлись по всему побережью и в глубине штата, достигнув Аркхема и Данвича на реке Мискатоник и даже более отдаленных мест — поросших густыми лесами холмов, обитатели которых были менее всего склонны высмеивать такого рода истории.

Прошел год, потом другой и третий, и вот однажды по Инсмуту прокатился слух, что Енох Конгер серьезно ранен во время рыбалки и что спасли его два рыбака, заметившие лодку, в которой нашли Конгера в совершенно беспомощном состоянии. Рыбаки отвезли его домой, на Соколиный мыс, потому что он сам их об этом просил; затем они поспешили в Инсмут, к доктору Джилмену, но, когда рыбаки и доктор вернулись в хижину, Конгера там уже не было.

Доктор Джилмен предпочел не распространяться на сей счет, однако двое рыбаков шепотом «по секрету» поведали всему городу подробности случившегося: когда они вошли в хижину Конгера, там все было мокрым, включая стены, дверную ручку и даже постель, на которую они ранее уложили Конгера; на полу виднелись странные следы, похожие на отпечатки перепончатых лап; следы вели от моря к хижине и обратно, причем обратные отпечатки были гораздо глубже вдавлены в песок, словно оставивший их нес что-то тяжелое, вроде тела Еноха.

Но рыбакам никто не поверил; их подняли на смех, поскольку на песке осталась лишь одна цепочка следов, а Енох Конгер был слишком большим и тяжелым, чтобы его можно было в одиночку донести до воды. Доктор Джилмен предпочел молчать, вскользь заметив только одно: у некоторых известных ему жителей Инсмута на ногах тоже имеются перепонки, а ноги Еноха — за это он ручается, ибо сам его осматривал — были совершенно нормальными. Тогда несколько любопытных отправились в дом старого рыбака, чтобы самолично выяснить, что там произошло, однако вернулись они разочарованными — в хижине не осталось никаких следов, что только подлило масла в огонь, и на злополучных рыбаков обрушилась новая волна злых насмешек, после чего бедняги совсем замолчали, ибо в городе нашлись и такие, кто начал распускать слухи о расправе над Енохом Конгером, к которой якобы были причастны рассказчики.

Как бы то ни было, Енох Конгер уже не вернулся в свой дом на Соколином мысу, заботу о котором взяли на себя погода и ветер, постепенно отдирая от него черепицу и доски, расшатывая кирпичную кладку трубы и оконные рамы. Пролетающие над домом чайки и соколы более не слышали ответного крича старого рыбака, а по побережью поползли сначала осторожные слухи, а потом и недвусмысленные намеки на убийство или какие-то темные дела еще более жуткого свойства.

Однажды почтенный Джедедия Харпер, патриарх местных рыбаков, по возвращении с ночного промысла клятвенно заявил, что недалеко от рифа Дьявола он видел группу странных существ — наполовину людей, наполовину лягушек; их было около двадцати, мужчин и женщин. Старик рассказал, что существа подплыли совсем близко к лодке, и их тела блестели в свете

луны, как у тех светящихся тварей, что обитают в глубинах Атлантики. Полулюди-полулягушки плавали вокруг лодки и, как ему показалось, пели гимны во славу Дагона; среди них — он готов поклясться — плавал и Енох Конгер, совсем голый, и тоже восхвалял Дагона. Старик в изумлении окликнул Еноха по имени, тот обернулся, и Джедедия отчетливо разглядел его лицо. После того вся стая — и Конгер вместе с ними — канула в глубину и больше не возвращалась.

Но когда рассказ старика стал известен всему городу, в дело немедленно вмешались семейства Марш и Мартин, которые, как говорили, связаны родством с морскими жителями, и Харперу заткнули рот. Больше он ничего не рассказывал, да и в море уже не выходил, ибо с тех пор у него не переводились деньги; замолкли и те, кто был с ним тогда в лодке.

Прошло много времени, и как-то раз, в такую же лунную ночь, к инсмутскому причалу подошла лодка, в которой находился молодой мужчина, знававший Еноха Конгера еще в детстве, и он рассказал следующее: когда вместе со своим сыном он проплыл мимо Соколиного мыса, из воды внезапно возник голый мужчина, который находился так близко от лодки, что до него можно было дотянуться веслом. Не обращая внимания на людей, мужчина высунулся из воды по пояс, словно кто-то поддерживал его снизу, и устремил тоскливый взгляд на развалины, оставшиеся от хижины на Соколином мысу. У этого мужчины было лицо Еноха Конгера; по его длинным волосам и бороде стекала вода, капли блестели на его теле, а за ушами виднелись длинные темные щели. Затем, столь же внезапно, как и появился, мужчина скрылся под водой.

Вот почему по всему океанскому побережью Массачусетса — и особенно в Инсмуте — ходят странные слухи о Енохе Конгере, которые люди передают друг другу полунамеками, при этом опасливо понижая голос...

ВЕДЬМИН ЛОГ

Сельская окружная школа под номером семь располагалась у самой границы пустынных и диких земель, простирающихся далеко на запад от Аркхема. Школьное здание было окружено небольшой рощей, состоявшей в основном из дубов и вязов, среди которых затерялись два-три старых клена; проходившая через рощу дорога вела в одном направлении к Аркхему, а в другом, становясь с каждой милей все менее наезженной, — вглубь дремучих лесов, темной массой маячивших на западном горизонте. Само здание с первого взгляда произвело на меня неплохое впечатление, хотя в архитектурном плане оно ничем не отличалось от сотен других сельских школ, встречающихся здесь и там по всей Новой Англии, — весьма неуклюжее приземистое строение, стены которого, окрашенные в строгий белый цвет, издавна виднелись в просветах меж толстых стволов окружающих деревьев.

Когда в первых числах сентября 1920 года я прибыл сюда в качестве нового учителя, дом этот был уже очень стар, так что сейчас — учитывая проведенную в последние годы реорганизацию и укрупнение школьных округов — он, скорее всего, заброшен либо вообще снесен. Тогда же местные власти еще кое-как поддерживали эту отдаленную школу скудными финансовыми подачками, умудряясь экономить на каждой мелочи, а нередко и на вещах крайне необходимых. К моменту моего приезда основным учебным пособием здесь была «Эклектическая хрестоматия» Мак-Гаффи, причем в изданиях предыдущего столетия. В общей сложности моим заботам вверялось двадцать семь юных душ; все это были отпрыски окрестных фермерских семей —

Аллен, Уэйтли, Перкинс, Данлок, Эббот, Тэлбот; среди прочих был там и Эндрю Поттер.

Сейчас я не могу припомнить в точности все обстоятельства, при которых я впервые обратил особое внимание на Эндрю Поттера. Это был довольно рослый и крепкий для своих лет мальчик с неизменно угрюмым выражением лица, отстраненно блуждающим взглядом и густой копной вечно взъерошенных черных волос. Первое время, встречаясь с ним глазами, я не мог отделаться от какого-то тревожного ощущения; позднее я начал к этому привыкать, но все равно каждый раз в таких случаях чувствовал себя не очень уютно. Эндрю учился в пятом классе, хотя при желании мог бы легко перейти сразу в седьмой, а то и в восьмой. Вся беда была в том, что желание это у него напрочь отсутствовало. К другим ученикам он относился сдержанно, чтоб не сказать равнодушно; они же, в свою очередь, избегали с ним ссориться, хотя и не проявляли особого дружелюбия — порой мне казалось, что они просто боятся иметь с ним дело. Вскоре я понял, что это его подчеркнуто безразличное отношение к своим сверстникам в равной степени распространяется и на меня самого.

Вполне естественно, что столь необычный вызов со стороны одного из учеников заставил меня приглядеться к нему повнимательнее, причем я старался делать свои наблюдения украдкой, насколько это было возможно в условиях школы, где все дети помещаются в одной не слишком-то просторной классной комнате. В конце концов мне удалось подметить весьма озадачившую меня деталь: иной раз прямо посреди урока Эндрю Поттер вдруг слегка вздрагивал, как вздрагивают, услышав неожиданный резкий окрик, и настораживался, словно воспринимая какие-то слова или звуки, недоступные слуху остальных, — отчасти это напоминало поведение животных, когда они реагируют на звуковые волны, не улавливаемые человеческим ухом.

Не видя иного способа удовлетворить свое любопытство, я счел нужным навести кое-какие справки. Один из учеников восьмого класса, Уилбер Данлок, имел привычку задерживаться после уроков, чтобы помочь мне прибраться в классе.

— Уилбер, — обратился я к нему однажды вечером, — насколько я заметил, ты и другие ребята как будто сторонитесь Эндрю Поттера. Почему?

Он замялся с ответом, взглянул на меня подозрительно и наконец, пожав плечами, нехотя выдавил:

— Он не такой, как все.

— Что ты имеешь в виду?

Уилбер покачал головой:

— Ему наплевать, будем мы с ним водиться или не будем. Для него все мы — пустое место.

Он явно не был расположен продолжать разговор на эту тему, и мне стоило немалых трудов извлечь из него хоть какую-нибудь информацию. Как выяснилось, семья Поттер жила за холмами на запад отсюда, в той стороне, куда вела поросшая травой, почти всегда безлюдная проселочная дорога. Небольшую долину, где размещалась их ферма, здешние жители называли Ведьминым Логом. По словам Уилбера, это было «недоброе место». Жили Поттеры вчетвером — Эндрю, его старшая сестра и их родители. Они почти не общались с другими людьми в окрестностях, даже с Данлоками, своими ближайшими соседями, чей дом стоял в полумиле от школы и откуда до Ведьмина Лога было по прямой через лес мили четыре.

Ничего больше он не смог — а скорее, не пожелал — мне сообщить.

Спустя неделю после этого разговора я попросил Эндрю Поттера остаться в школе по окончании занятий. Он ничуть не удивился и не попытался возражать, отнесясь к моей просьбе как к чему-то само собой разумеющемуся. Когда все дети ушли, он приблизился к моему столу и замер, глядя на меня выжидающе; при этом на его полных губах показалось слабое подобие улыбки.

— Я просмотрел твои последние работы, Эндрю, — сказал я, — и пришел к выводу, что тебе достаточно будет совсем небольшого усилия для того, чтобы перейти сразу в шестой или даже в седьмой класс. Хочешь ли ты предпринять это усилие?

Он пожал плечами.

— Что ты вообще намерен делать, когда окончишь школу?

Ответом был все тот же неопределенный жест.

— Ты не собираешься продолжить учебу в одном из аркхемских колледжей?

Внезапно с его лица сошло ставшее уже привычным скучающее выражение, взгляд сделался жестким и пронзительным.

— Мистер Уильямс, я нахожусь здесь только потому, что есть закон, который заставляет меня здесь быть, — сказал он. — Но нет закона, который заставлял бы меня поступать в колледж.

— А самому тебе это не нужно? — продолжал я гнуть свое.

— Нужно, не нужно — какая разница? Все решают мои предки.

— Что ж, тогда есть резон поехать к ним и поговорить на эту тему, — сказал я решительно. — Прямо сейчас. Заодно и тебя подвезу.

На мгновение что-то похожее на тревогу промелькнуло в его глазах, но сразу же вслед за тем он принял свой обычный равнодушный вид, вновь пожал плечами и отошел к двери, дожидаясь, пока я соберу тетради и книги в портфель, который по привычке всегда носил с собой. Потом он молча проследовал до машины и уселся в нее с насмешливой и, как мне показалось, высокомерной улыбкой.

По дороге мы не разговаривали, что вполне соответствовало тому настроению, которое овладело мной, едва автомобиль достиг поросших лесом западных холмов. Ветви огромных деревьев низко нависали над дорогой, и чем дальше мы ехали, тем темнее становилось вокруг — короткий октябрьский день был уже на исходе, а густые кроны, смыкаясь и переплетаясь друг с другом, почти закрывали доступ и без того неяркому свету. Первое время еще встречались небольшие поляны, но и те очень скоро исчезли — начиналась по-настоящему глухая чаща. Все так же молча Эндрю ткнул пальцем вперед, указывая на едва заметное ответвление от основной дороги. Свернув, мы очутились в тесном — чуть шире обычной тропы — лесном коридоре, на который с обеих сторон наступали заросли кустарника и странные, уродливо искривленные деревья. Несмотря на все мои познания в ботанике, мне не удалось определить большую часть из попадавшихся на нашем пути растений; лишь однажды я разглядел нечто весьма отдаленно напоминавшее побеги камнеломки — возможно, это была какая-то ее мутация. Но мне уже некогда было раздумывать о подобных вещах — заросли внезапно расступились, и я, не успев даже просигнализировать, въехал во двор перед домом Поттеров.

Солнце уже скрылось за темным массивом леса, строения фермы были погружены в сумрак. Позади них по дну долины цепочкой тянулись возделанные поля; на ближайшем был виден сложенный в скирды хлеб, далее — жнивье, а на третьем поле — тыквенные грядки. В облике самого дома было что-то угрюмое и даже зловещее: невысокий (причем второй этаж занимал лишь половину длины здания), с двускатной крышей и тяжелыми ставнями на окнах, он стоял в окружении нескольких потемневших от времени и, судя по их виду, давно уже заброшенных построек. Упадок и запустение чувствовались повсюду; лишь несколько кур, лениво ковырявшихся в отбросах на заднем дворе, хоть как-то оживляли эту унылую картину.

Если бы дорога, по которой мы ехали, не обрывалась именно здесь, я бы, пожалуй, вообще усомнился в том, что мы прибыли на ферму Поттеров. Эндрю искоса взглянул на меня, словно пытаюсь по выражению лица догадаться о моих мыслях, а затем легко выпрыгнул из машины. Чуть замешкавшись, я двинулся за ним.

Еще на крыльце я услышал его голос, предвещающий мое появление.

— Привел учителя, мистера Уильямса, — громко сказал он. Ответа не последовало.

Войдя внутрь, я оказался в полутемной комнате, освещенной одной только старинной керосиновой лампой. Все семейство Поттер было в сборе: отец — внушительного роста, слегка сутулый, с рано поседевшей головой, в первый момент показавшийся мне много старше своих сорока с небольшим лет; мать — безобразно располневшая, почти бесформенная женщина, и стройная девочка-подросток с тем же странным отсутствующим взглядом, какой я еще ранее подметил у ее брата.

Эндрю в нескольких словах представил нас друг другу, и все четверо молча уставились на меня, видом своим недвусмысленно намекая: мол, давай, не тяни, выкладывай, с чем пришел, да и ступай себе прочь.

— У меня к вам разговор насчет Эндрю, — сказал я. — Он делает большие успехи и мог бы уже в ближайшее время перейти в следующий класс, если, конечно, немного постарается.

Это сообщение не вызвало у присутствующих энтузиазма.

— Он и сейчас, пожалуй, не сплеховал бы среди восьмиклассников, — добавил я для убедительности.

— Если он будет сейчас в восьмом классе, — подал голос Поттер-старший, — тогда потом его наверняка пошлют в колледж — ведь он будет слишком мал, чтобы совсем кончать учебу. Я знаю, есть такой закон.

Слушая его, я невольно вспомнил все, что мне говорил Уилбер Данлок о замкнутом образе жизни этого семейства, и тотчас же уловил внезапно возникшую в комнате напряженность. В их отношении ко мне намечалась пока еще неясная перемена. К тому моменту, когда отец закруглил свою мысль, внимание всех четверых уже было поглощено чем-то происходившим не столько вокруг, сколько внутри них самих. Я не был уверен в том, что они вообще расслышали мои возражения.

— Не думаете же вы, что такой способный парень, как Эндрю, должен всю жизнь прозябать на этой ферме, — сказал я.

— Здесь ему не так уж плохо, — отрезал глава семьи. — Кроме того, это *наш* сын. И незачем вам соваться в наши дела, мистер Уильямс.

Его неожиданно угрожающий тон привел меня в замешательство. Одновременно я начал все явственнее ощущать атмосферу враждебности, исходившей, впрочем, не от самих людей, а откуда-то со стороны, от окружавшей меня обстановки, от низкого потолка и темных стен этого мрачного помещения.

— Благодарю вас, — сказал я. — Пожалуй, мне пора.

Повернувшись, я быстро вышел из дома. За мной увязался Эндрю.

— Зря вы расспрашивали о нас, мистер Уильямс, — сказал он мне на улице. — Отец просто сам не свой делается, когда узнает о таких вещах. Вы ведь говорили с Уилбером Данлоком.

Я обернулся, уже занеся одну ногу в машину.

— Это он сам тебе сказал?

Эндрю мотнул головой и, уже сделав пару шагов обратно к дому, бросил через плечо:

— Это сказали *вы*, мистер Уильямс. А знает он куда больше, чем вы смогли из него вытянуть.

Прежде чем я успел задать еще один вопрос, он исчез за дверью.

Несколько секунд я простоял в нерешительности. Так или иначе, мой выбор был уже сделан. В сумерках старый дом представлялся мне огромным и злобным чудовищем, а окружавшие его леса, казалось, были готовы надвинуться и раздавить меня, словно жалкую букашку. Я слышал отчетливый скрип ветвей и шорох листвы, хотя воздух вокруг был абсолютно неподвижен — ни малейшего дуновения ветра. Я чувствовал, как неведомая враждебная сила отталкивает, гонит меня прочь от этого дома. И все время, пока я вел машину по узкой лесной дороге, мне чудилось за спиной яростное дыхание незримых преследователей.

До своей комнаты в Аркхеме я добрался уже в совершенно разбитом состоянии. Вне всякого сомнения, я был подвергнут сильнейшему психическому воздействию — иного объяснения происшедшему я просто не находил. Возможно, я, сам того не ведая и не желая, вторгся в некую запретную область, а моя неподготовленность к подобному обороту событий лишь усугубила полученное мною потрясение. Мне не давала покоя мысль о том, что же все-таки происходило на старой ферме в Ведьмином Логе, какая таинственная сила привязывала всю семью к этому месту и не позволяла Эндрю Поттеру — при его, безусловно, редкой одаренности — променять мрачную лесную долину на более светлый и жизнерадостный мир.

Почти всю ночь я пролежал без сна, мучимый неясными страхами и предчувствиями, а когда все же уснул, сознание мое тотчас заполнили самые невероятные образы; я видел внезапное появление каких-то свирепых и отвратительных существ, перед моим мысленным взором происходили вселенские катастрофы — безумный ужас и смерть царили повсюду. По пробуждении я долго не мог прийти в себя; мне казалось, будто волею случая я соприкоснулся с чужим страшным миром, бесконечно далеким от окружающей меня реальной действительности.

В то утро я приехал в школу раньше обычного и, к своему удивлению, застал у дверей Уилбера Данлока. Во взгляде, которым он меня встретил, читался горький упрек. Никогда прежде я не видел этого обычно дружелюбного и веселого мальчика таким расстроенным.

— Не стоило вам говорить Эндрю Поттеру о той нашей беседе, — промолвил он вместо приветствия.

— Я ничего ему и не говорил.

— Я могу ручаться только за себя. Раз я этого не сделал, стало быть, сделали вы. Больше некому, — сказал он и после паузы добавил: — Шесть наших коров были убиты этой ночью. И весь хлев разрушен.

Я не сразу нашелся с ответом:

— Может, это внезапная буря...

— Прошлой ночью не было бури, — оборвал он меня. — А коров расплющило так, что и смотреть жутко.

— Да, но при чем здесь Поттеры, Уилбер! — вскричал я. — Не думаешь же ты...

Он посмотрел на меня устало и печально, как смотрит тот, кто понимает, на того, кто не желает или не может понять.

Станный этот разговор подействовал на меня еще сильнее, нежели все события предыдущего вечера. Уилбер был убежден в наличии связи между моими расспросами насчет Поттеров и неожиданной гибелью полудюжины коров на ферме своего отца. Убеждение это засело в нем так глубоко, что я, видя всю безнадёжность затеи, даже и не попытался хоть как-то его поколебать.

Когда в классе появился Эндрю Поттер, я не заметил в его внешности и поведении никаких перемен, могущих подтвердить догадки Уилбера Данлока. Как всегда, он с невозмутимым и безразличным видом держался чуть в стороне от остальных ребят.

Кое-как дотянув до конца учебного дня, я не мешкая отправился в Аркхем, где первым делом зашел к редактору местной газеты, с которым у меня еще ранее сложились неплохие отношения — будучи членом окружной коллегии просвещения, он в свое время очень помог мне с обустройством на новом месте. Я полагал, что этот умудренный годами — ему было уже под семьдесят — и находящийся в курсе всех местных новостей человек сможет лучше кого бы то ни было ответить на беспокоившие меня вопросы. Вероятно, я выглядел несколько возбужденным, ибо не успел я перешагнуть порог редакторского кабинета, как он, недоуменно шевельнув бровями, поинтересовался:

— Какие-нибудь неприятности, мистер Уильямс?

Я не стал углубляться в детали, поскольку боялся, что в данной обстановке рассказ мой может прозвучать неубедительно. Вместо этого я лишь спросил:

— Скажите, вам ничего не известно о Поттерах — тех, что живут в Ведьмином Логе, к западу от моей школы?

Он посмотрел на меня с удивлением:

— А сами вы будто ни разу не слышали о старом Колдуне Поттере? — И тут же спохватился: — Ну конечно, откуда. Вы ведь из Братлборо. Вряд ли до жителей Вермонта доходят слухи о том, что творится в здешних краях. Он жил когда-то в Логе и был уже древним стариком к тому времени, когда я впервые его увидел. Нынешние Поттеры — его дальние родственники, они перебрались сюда из Верхнего Мичигана, когда Колдун Поттер скончался и завещал им все свое имущество.

— А что еще вы знаете о них? — спросил я.

— Не более того, что мог бы рассказать вам любой из местных старожилов. Когда они впервые здесь появились, это были милые приветливые люди. Сейчас же они ни с кем не общаются и вообще очень редко покидают свою усадьбу. И еще эти разговоры о гибели животных на окрестных фермах...

Так, слово за слово, я выведал все, что он знал о семействе Поттер. Это была удивительная мешанина из старых легенд, полусказочных историй и очень немногих достоверных фактов. Оказывается, Колдун Поттер состоял в отдаленном родстве с небезызвестным Колдуном Уэйтли, проживавшим где-то в районе Данвича, — «человеком дурным и опасным», как о нем отзывался редактор. Старый Поттер вел замкнутый образ жизни; о настоящем возрасте его ходили самые невероятные слухи, подтвердить либо опровергнуть которые не было никакой возможности, поскольку люди опасались иметь с ним дело и вообще избегали без особой на то нужды появляться вблизи Ведьмина Лога. Большая часть полученных мною сведений являлась, разумеется, чистейшим вымыслом. Это касается рассказов о каком-то неведомом существе, якобы спустившемся с небес и обитавшем в его доме или даже в самом теле старого Поттера вплоть до его смерти, об одиноком путнике, который был найден умирающим на лесной дороге и успел что-то пробормотать о внезапно набросившейся на него «гнусной слизистой твари

с присосками на щупальцах». Слушая эти и им подобные истории, мне оставалось лишь удивляться неисчерпаемому богатству людской фантазии.

Добросовестно пересказав мне все, что он когда-либо слышал о Поттерах, редактор тут же на первом попавшемся листке нацарапал записку, адресованную заведующему библиотекой Мискатоникского университета в Аркхеме.

— Скажите ему, что вы хотели бы взглянуть на эту книгу. Может статься, она вас заинтересует. Хотя, кто знает, — он пожал плечами, — нынешняя молодежь мало что принимает на веру.

Без промедления, даже не завернув никуда поужинать, я направился в университет. Мною двигало отнюдь не праздное любопытство — прежде всего меня занимала судьба Эндрю Поттера, и я надеялся так или иначе найти способ вызволить его из нынешнего состояния и открыть перед ним дорогу в большой мир.

В университетской библиотеке я отыскал старичка-заведующего и вручил ему записку. Прочитав ее, тот как-то странно взглянул на меня, попросил обождать и удалился за стеллажи, прихватив с собой связку ключей. Стало быть, эта книга хранилась у них под замком.

Ждать пришлось очень долго. Между тем чувство голода давало себя знать все сильнее, и я уже начал проклинать свою поспешность, которую, впрочем, в глубине души считал оправданной и даже необходимой — трудно сказать, на чем основывалась эта моя убежденность. Наконец появился библиотекарь с тяжелым старинным фолиантом в руках. Пройдя мимо меня, он молча положил книгу на ближайший стол — вероятно, с таким расчетом, чтобы я все время был у него на виду. Озаглавлена книга была на латыни — «Necronomicon», тогда как ее автор, некий Абдул Альхазред, судя по имени, был арабом, а сам текст был написан на весьма архаичном английском.

Я начал читать с интересом, который, однако, вскоре сменился недоумением. Книга рассказывала о каких-то мифических расах инопланетных завоевателей, называемых Старшими Богами и Великими Древними; чего стоили одни только их имена — Ктулху, Хастур, Шуб-Ниггурат, Азатот, Дагон, Итакуа, Вендиго,

Ктугха... Все они в разное время пытались захватить Землю, многим из них служили и поклонялись дочеловеческие земные расы — чо-чо, глубоководные и другие. Я листал страницу за страницей, магические заклинания и каббалистическая символика перемежались картинками грандиозных космических битв между Великими Древними и Старшими Богами, а также описаниями старинных религий и культов, остатки которых сохранились в труднодоступных районах не только нашей, но и многих других обитаемых планет. Я не мог понять одного — какое отношение имел весь этот вздор к семье Поттер, этих угрюмых затворников, столь ревностно оберегающих покой своей окруженной лесами фермы.

Неизвестно, сколько еще времени провел бы я за чтением, не произошли одна случайная встреча. Почувствовав на себе чей-то внимательный взгляд, я поднял голову и увидел стоявшего в стороне незнакомца, который, убедившись, что я его наконец заметил, тотчас приблизился к моему столу.

— Прошу прощения, — сказал он, — но я никак не возьму в толк, что в данной книге может представлять интерес для учителя сельской школы.

— Я и сам теперь удивляюсь, — признался я.

— Профессор Мартин Кин, — представился мой собеседник. — Скажу вам честно, эту книгу я знаю практически наизусть.

— Какая-то мистическая чушь.

— Вы так полагаете?

— Ну разумеется.

— Вы просто утратили способность удивляться, мистер Уильямс. Скажите, если это не секрет, что побудило вас заняться этой книгой?

Несколько секунд я колебался, но внешний вид и голос профессора внушали доверие.

— Давайте прогуляемся немного, если вы не против, — предложил я.

Он молча кивнул.

Я возвратил книгу библиотекарю, и мы вышли из здания университета. На улице я во всех подробностях — хотя, быть может, и не совсем последовательно — рассказал ему об Эндрю

Поттере, доме в Ведьмином Логе, моей поездке туда и связанных с этим ощущениях и даже о странной гибели скота на ферме Данлоков. Он слушал меня не перебивая, с очень серьезным и сосредоточенным видом. В конце рассказа я объяснил свой интерес к прошлому старой усадьбы в Логе единственно желанием как-то помочь одному из моих учеников.

— Коль уж речь зашла о вещах странных и таинственных, — сказал он, когда я закончил, — то здесь их долго искать не придется. В таких отдаленных местах, как Данвич или Инсмут — да и у нас в Археме, — вам расскажут массу подобных историй. Взгляните сюда, на эти старинные дома с плотно закрытыми ставнями, сквозь щели которых лишь кое-где пробивается слабый свет. Чего только не происходило под их крышами! Большую часть этих тайн мы никогда не узнаем. Вы можете ко всему относиться скептически, но ведь для того, чтобы поверить в существование Зла, вовсе не обязательно сталкиваться лицом к лицу с его непосредственным воплощением. Что же до этого вашего ученика, то я бы попробовал ему помочь. Вы не будете возражать?

— Конечно нет!

— Но учтите, это дело опасное — как для него, так и для вас.

— За себя я не очень боюсь.

— Для мальчика, впрочем, эта опасность не может быть большей, чем та, которой он подвергается в его настоящем положении. Даже смерть была бы для него не самым худшим исходом.

— Вы говорите загадками, профессор.

— Ничего, со временем все прояснится. Но вот и мое жилище. Прошу вас, заходите, мистер Уильямс.

Мы поднялись на крыльцо одного из старинных домов, о которых как раз перед тем говорил профессор Кин, и прошли через комнату, заполненную книгами и разного рода антикварными вещами. В гостиной хозяин предложил мне кресло, предварительно убрав с него стопку книг, и попросил подождать, пока он сходит на второй этаж.

Отсутствовал он недолго — я даже не успел как следует оглядеться и освоиться в непривычной обстановке. Когда он появился вновь, я заметил в его руках несколько камней, фор-

мой своей отдаленно напоминавших пятиконечные звезды. Профессор вручил мне один за другим пять таких камней.

— Завтра после занятий, если Поттер-младший будет в школе, попросите его задержаться и незаметно прикоснитесь к нему одним из этих предметов. Затем постарайтесь сделать так, чтобы камень постоянно находился в контакте с его телом. Есть еще два очень важных условия. Во-первых, хотя бы один такой камень должен всегда быть при вас, и во-вторых, избегайте наперед обдумывать свои действия. Эти твари обладают телепатическим чутьем и запросто могут прочесть ваши мысли.

Я вздрогнул, вспомнив, как Эндрю догадался о моем разговоре с Уилбером Данлоком.

— Можно хотя бы узнать, что это за штуки? — спросил я.

— Для начала вам не мешало бы избавиться от предубеждений, — усмехнулся профессор. — Впрочем, извольте — эти камни несут на себе печать Р'льеха, ими Старшие Боги запирали темницы, в которых они держали пленных Великих Древних.

— Мистер Кин, времена, когда люди верили подобным сказкам, давным-давно прошли, — возмутился я.

— Мистер Уильямс, во все времена люди будут стремиться к тому, чтобы раскрыть тайну жизни. Так уж устроен наш мир. Если эти камни не имеют той силы и того значения, которое я им приписываю, то они никак не подействуют на Эндрю Поттера. И не смогут защитить вас.

— Защитить от кого?

— От того, чью враждебность вы один раз уже ощутили, побывав в доме Поттеров. Или там вы имели дело все с той же мистической чушью? — Он улыбнулся. — Можете не отвечать. Я заранее знаю все, что вы скажете. Лучше мы с вами договоримся таким образом: если после того, как вы прикоснетесь камнем к этому мальчику, произойдет что-нибудь необычное, вы не дадите ему уйти домой, а привезете ко мне, в этот дом. Согласны?

— Согласен, — сказал я.

Следующий день показался мне невыносимо долгим и трудным, не только из-за всяких недобрых предчувствий, не дававших мне ни минуты покоя, но еще и потому, что мне приходилось постоянно быть настороже, контролируя каждую свою мысль и время от времени ощущая на себе пристальный взгляд Эндрю

Поттера. Когда подошел к концу последний урок, я попросил его остаться в классе.

Вновь, как и в прошлый раз, моя просьба была воспринята с почти оскорбительным равнодушием — у меня даже на миг возникло желание бросить всю эту дурацкую затею со «спасением». Однако я решил не отказываться от первоначальных намерений. Камни были спрятаны в моей машине, и я как бы между прочим предложил Эндрю выйти на свежий воздух.

В эти минуты я особенно остро осознавал всю нелепость своего положения. Образованный человек, выпускник колледжа, готовится к совершению неких магических действий, тем самым ставя себя на одну доску с каким-нибудь дикарем из африканских джунглей. Мы медленно пересекли лужайку перед школой, Эндрю держался чуть позади. Еще не поздно было выйти из игры — я мог сейчас посадить мальчика в машину и подвезти его домой. Простой и естественный жест.

Но я так не поступил. Вместо этого я, открыв дверцу, взял два заранее приготовленных камня, один опустил в свой карман, а другой, резко обернувшись, прижал ко лбу Эндрю.

Далее произошло то, чего я никак не ожидал.

Лицо его вмиг исказила гримаса боли и ужаса, глаза вылезли из орбит, затем он издал жуткий вопль, широко раскинул руки, разбросав свои тетради и книги, попятился — я также сделал несколько шагов, не отпуская руку с камнем от его лба, — и начал падать навзничь. Я едва успел его подхватить, и через пару секунд он затих, неподвижно распластавшись на земле; лишь в уголках его рта слабо пузырилась пена. Внезапно резкий порыв холодного ветра пронесся над лужайкой, смял вокруг нас траву и цветы, оборвал листья с ближайших деревьев и умчался на запад, к темневшим невдалеке лесным холмам.

Кое-как оправившись от первого потрясения, я перенес Эндрю на заднее сиденье автомобиля, положил камень ему на грудь и с рекордной быстротой преодолел семь миль, отделявших меня от Аркхема. Профессор Кин был дома и ничуть не удивился моему приезду. Более того, для Эндрю Поттера уже была готова постель; мы вдвоем осторожно перенесли его из машины, после чего профессор дал ему какое-то успокаивающее средство и, удостоверившись, что мальчик заснул, обратился ко мне:

— Теперь нельзя терять ни минуты. Они будут его искать — вероятно, девочка придет первой. Нам надо как можно скорее возвратиться в школу.

Только тут мне до конца открылся весь ужас того, что произошло с Эндрю Поттером. Какое-то время я находился в состоянии, близком к обмороку, так что мистеру Кину пришлось буквально на руках выносить меня из своего дома. Даже сейчас, много лет спустя, когда я вспоминаю события той ночи, меня пробивает невольная дрожь — я представляю себе одиночество и беспомощность человека, вдруг оказавшегося перед лицом необъятной и непостижимой Вселенной. В тот момент я понял, что все прочитанное мной в древней книге из Мискатоникской библиотеки отнюдь не являлось пустым и вздорным вымыслом, а, скорее всего, служило чем-то вроде ключа к таинственным знаниям, источник которых, возможно, был много старше самого человечества. Я боялся даже подумать о том, что могло скрываться за разговорами о «чудовищной твари», которую Колдун Поттер призвал в свой дом откуда-то из неведомых просторов космоса.

Очень слабо, как будто издалека, до меня доносился голос профессора; он советовал мне отбросить лишние эмоции и рассматривать все случившееся в сугубо научном аспекте. Казалось бы, я достиг своей цели: Эндрю Поттер был спасен. Но в действительности до полной победы было еще далеко — теперь нам предстояло иметь дело с остальными членами семейства, которые, без сомнения, уже шли по его следам. Мне было искренне жаль этих, по сути, ни в чем не повинных людей, переселившихся из Мичигана сюда, на уединенную ферму, для того только, чтоб оказаться во власти какой-то давно поджидавшей их потусторонней силы...

Но вот наконец мы подъехали к школе. Профессор велел мне зажечь в классе свет и сесть за стол, оставив входную дверь широко открытой, а сам притаился в засаде за углом дома. Памятуя о его предупреждении, я постарался думать о чем угодно, только не о предстоящей встрече с Поттерами.

Девочка пришла поздно вечером...

Все повторилось точь-в-точь как в случае с ее братом, а когда она, уже затихнув, лежала в проходе между столами, через по-

рог из темноты шагнул Поттер-старший с охотничьим ружьем в руках. Ему не нужно было ничего спрашивать — он знал, что здесь произошло. Молча он указал на свою дочь, на магический камень у нее на груди и качнул стволом ружья в мою сторону. Все было предельно ясно: или я убираю камень, или он будет стрелять. Такой поворот событий был, однако, предусмотрен профессором Кином; он возник в дверях за спиной Поттера и дотронулся до него одним из своих камней раньше, чем тот успел среагировать.

После этого мы прождали еще два часа, но все было напрасно — миссис Поттер не появилась.

— Она не придет, — сказал наконец профессор. — Похоже, она-то и служит здесь главной фигурой, и я ошибочно отводил эту роль ее мужу. Но теперь выбора нет — отправляемся в Ведьмин Лог! Эти двое пускай пока полежат, сейчас некогда с ними возиться.

Мы ехали через ночной лес с зажженными фарами, не таясь, ибо «эта тварь», по словам профессора, «знала» о нашем приближении, но не могла причинить нам вреда, так как мы были под защитой звездообразных талисманов. Машина наша буквально продиралась сквозь заросли — казалось, кусты и деревья, растущие по сторонам дороги, протягивают свои крючковатые ветви и пытаются нас задержать.

Когда мы въехали во двор усадьбы Поттеров, дом был погружен в темноту, за исключением лишь одного освещенного окна.

Профессор выскочил из автомобиля со своим саквояжем, в котором лежали магические камни, и быстро обошел вокруг дома, «запечатав» ими обе двери и все окна. Я издали заглянул в комнату и увидел хозяйку, сидевшую за кухонным столом; на сей раз, однако, она мало походила на ту женщину, с которой я встречался здесь совсем недавно. Теперь ей уже не было нужды притворяться — вместо вялой и рыхлой, ко всему безразличной толстухи передо мной был напряженно замерший, готовый к решительной схватке зверь, лишь до поры скрывающийся за человеческим обликом.

Закончив к тому времени свои манипуляции с камнями, мистер Кин принес откуда-то со двора охапку сухого хвороста, сва-

лил его на крыльце дома и поджег, не обращая внимания на мои достаточно громкие протесты.

Затем, подойдя к окну и взглянув на женщину, он объяснил мне, что только огонь способен уничтожить элементарную структуру существа, затаившегося внутри дома, но при этом сама миссис Поттер еще может быть спасена.

— Пожалуй, вам не стоит на это смотреть, Уильямс, — добавил он.

Однако я не внял его разумному совету, о чем горько сожалею по сей день. Я остался стоять перед окном и хорошо видел все, что происходило в комнате. Миссис Поттер — или же *некто*, обитавший в ее массивном теле, — поднялась с места и, неуклюже переваливаясь, пошла к задней двери, но, не дойдя, остановилась и отступила, затем двинулась было к окну, вновь отступила и, тяжело рухнув на пол в центре комнаты, между столом и нерастопленной печью, забилась в жестоких конвульсиях.

Комната медленно заполнялась дымом, клубившимся вокруг тусклой керосиновой лампы и скрывавшим очертания предметов, но я пока еще мог различить миссис Поттер — она каталась и корчилась на полу, в то время как от ее тела постепенно отделялась какая-то смутная аморфная масса; я успел увидеть лишь длинные щупальца и на миг ощутил волну пронзительного холода, о природе которого я не решаюсь судить, ибо ощущение это было не столько физическим, сколько, я бы сказал, подсознательным. Когда я снова взглянул в окно, женщина была уже неподвижна, а над ней в воздухе расплзалось подобие темного облачка, которое, проплыв несколько футов, исчезло в открытом жерле печи.

— Мы забыли о дымоходе! — закричал профессор Кин и отпрянул назад.

А сверху, над трубой дома, уже возникло и начало, уплотняясь, обретать форму *нечто*, своей темной выделявшееся даже на фоне ночного неба. Еще секунда — и черная комета прорезала небосвод, стремительно уносясь к далеким созвездиям, туда, откуда она однажды была вызвана Колдуном Поттером, чтобы стать частью его самого, а затем, дождавшись приезда ничего не подозревающих наследников, продолжить свое земное существование уже в новом обличье.

Нам удалось спасти миссис Поттер, вытащив ее из горевшего дома; теперь ее и впрямь было не узнать — настолько сильно она уменьшилась в объеме.

Вряд ли имеет смысл подробно рассказывать о дальнейших событиях этой ночи: о том, как профессор после пожара разыскивал на пепелище свои древние талисманы; о воссоединении семьи Поттер, навсегда избавленных от мрачной участи пленников Ведьмина Лога, куда они решили больше не возвращаться; об Эндрю, который, когда мы пришли его будить, говорил во сне о «битве великих ветров» и о «славном месте на берегах озера Хали, где они живут свободно и бесконечно».

С тех пор я ни разу не пытался узнать что-либо о таинственном существе, обитавшем некогда на ферме Колдуна Поттера, — в иных случаях неведение есть величайшее благо, и я мог бы сейчас пользоваться им в полной мере, не забрось меня как-то судьба на самую границу дикого лесного края, в сельскую окружную школу под номером семь, и не окажись среди моих учеников странного мальчика по имени Эндрю Поттер.

ТЕНЬ В МАНСАРДЕ

I

Мой двоюродный дед Урия Гаррисон был не из тех людей, кому вам захотелось бы стать поперек дороги, — вечно угрюмый, темнолицый, с косматыми бровями и копной жестких черных волос, он являлся неизменным и весьма деятельным участником всех моих детских ночных кошмаров. Мне довелось встречаться с ним лишь в очень юном возрасте. Позднее он и мой отец крупно повздорили по какому-то поводу, и вскорости отец умер — умер внезапно и странно, задохнувшись в собственной постели за сотню миль от Аркхема, где жил двоюродный дед. Моя тетка София открыто порицала последнего и после этого прожила недолго — бедняжка свалилась с лестницы, запнувшись о какое-то невидимое препятствие. Кто знает, сколько еще людей подобным же образом поплатилось за собственную неосторожность? Рассказы о темных силах, с которыми якобы знался Урия Гаррисон, передавались из уст в уста с оглядкой и только опасливым шепотом.

Я не берусь судить, в какой степени эти рассказы имели под собой реальные основания, а в какой были всего лишь пустыми злонамеренными сплетнями. Никто из членов нашей семьи не виделся с ним после смерти отца, а моя мать с тех пор и до конца своих дней питала к родному дяде глубокую неприязнь, даже ненависть; но при этом она никогда не забывала о его существовании. Не забывал и я — как его самого, так и его старинный особняк на Эйлсбери-стрит, в той части Аркхема, что лежит на южном берегу реки Мискатоник, неподалеку от известного пригорка Палача с его заросшим вековыми деревьями кладбищем. Ручей, берущий начало на этом пригорке, протекает через земли

моего деда, также почти сплошь занятые лесом. Он жил один в своей обширной усадьбе, если не считать какой-то женщины, которая — как правило, по ночам — делала уборку в доме. Я хорошо помнил эти комнаты с высокими потолками, небольшие окна, из которых в большинстве случаев были видны только густые заросли деревьев и кустарника; помнил полукруглый оконный проем над входной дверью и вечно запертую глухую мансарду, куда почему-то никто не решался заходить в дневное время и где строго запрещалось появляться с лампой или свечой после наступления темноты. Дома, подобные этому, не могут не оставить след в детском сознании, и действительно, все время, пока я в нем жил, меня тревожили странные фантазии, а порой и кошмарные сновидения, спасаясь от которых я обычно бежал в мамину спальню. В одну из таких ужасных ночей я, свернув по ошибке не в тот коридор, наткнулся на дедушкину экономку; мы молча уставились друг на друга, ее неподвижное лицо не выражало никаких эмоций — мне оно показалось как бы висящим в бесконечной дали пустого пространства. Оправившись от первого потрясения, я развернулся и бросился наутек, подгоняемый новым кошмаром вдобавок к тем, что увидел во сне.

Я никогда не скучал по своему двоюродному деду. Мы не были с ним особо близки в ту пору, когда я жил в его доме; позднее же наши контакты сводились к ежегодной отправки мною двух коротких поздравительных открыток — в день рождения старика и на Рождество, — которые неизменно оставлялись им без ответа.

Тем большим сюрпризом явилось для меня сообщение о том, что именно я по завещанию унаследовал всю его собственность, причем без каких-либо условий и оговорок, кроме разве что одного пункта, который обязывал меня провести летние месяцы первого года после смерти Урии Гаррисона в его усадьбе. Выполнение этой стариковской причуды не должно было доставить мне особых хлопот — он недаром предусмотрительно упомянул о летних месяцах, прекрасно зная, что в остальное время я буду занят своей преподавательской работой вдали от Аркхема.

Я не делал секрета из своих планов относительно этого неожиданного наследства. Аркхем к тому времени заметно разросся, и городская черта, некогда удаленная от дедовского дома,

ныне подошла к нему почти вплотную, так что в желающих приобрести эту землю недостатка не было. Я не питал особой любви к Аркхему, хотя он и представлял для меня определенный интерес благодаря своей старинной архитектуре, в которой, казалось, оживали новоанглийские легенды двухвековой давности. В любом случае перебираться сюда надолго я не собирался. Но прежде, чем продать усадьбу старого Гаррисона, я должен был, согласно условиям завещания, провести в ней три летних месяца.

И вот в июне 1928 года я — невзирая на протесты и просьбы своей матери, уверявшей, что над Урией Гаррисоном и всей его собственностью тяготеет какое-то ужасное проклятие, — переселился в старый дом на Эйлсбери-стрит. Мне не потребовалось много времени для обустройства — по приезду из Братлборо я застал в доме чистоту и порядок. Очевидно, старой экономке в свое время были даны соответствующие указания.

Разъяснения на этот счет я надеялся получить у мистера Сэлтонстола, поверенного в делах моего двоюродного деда, к которому я направился, дабы изучить все подробности завещания. Однако престарелый адвокат, по сей день сохранивший приверженность к высоким воротничкам и строгим черным костюмам, отговорился полным неведением.

— Я никогда не бывал внутри дома, мистер Дункан, — сказал он. — Если ваш дед распорядился содержать дом в порядке, он должен был передать кому-то второй ключ. У меня имелся только один — тот самый, что я переслал вам. О существовании других ключей от дома мне ничего не известно.

Что касалось последней воли Урии Гаррисона, то здесь все было предельно ясно. Я должен был провести в доме три месяца — июнь, июль и август — либо девяносто дней с момента моего приезда, если дела задержат меня в Братлборо после первого июня. Никаких иных условий, ограничивающих свободу моих действий, в завещании указано не было — в том числе и запрета на посещение таинственной мансарды.

— Первое время у вас, возможно, будут нелады с соседями, — предупредил меня мистер Сэлтонстолл. — Ваш двоюродный дед был человеком странным и малопривычным в общении. Он не позволял никому появляться вблизи дома и в последние

годы практически не выходил за пределы усадьбы, если не считать регулярных прогулок на старое кладбище. Злые языки поговаривали, что он предпочитает компанию мертвецов обществу живых людей.

— А как он выглядел в последнее время? — спросил я.

— Вы же знаете, это был очень крепкий, энергичный старик, — сказал адвокат, — но, как это часто бывает, однажды заболев, он очень быстро сдал и скончался неделю спустя. «Умер от старости», как заключил местный доктор.

— А его рассудок?

Сэлтонстоул натянуто улыбнулся:

— Ну, мистер Дункан, коль уж речь зашла о здравости его рассудка, вам должно быть известно, что у людей имелись на сей счет серьезные сомнения. Взять хотя бы его интерес к ведьмам, колдовству и прочей демонической дребедени. На одно только исследование Салемского ведьмовского процесса он истратил целую кучу денег. Впрочем, вы и сами убедитесь, когда заглянете в его библиотеку — она забита книгами подобного сорта. А в остальном, если не брать во внимание эти его причуды, он был достаточно разумным, я бы даже сказал, расчетливым человеком.

Судя по этому описанию, Урия Гаррисон нисколько не изменился за последние годы — с тех пор, как я видел еще в далеком детстве. Не изменился и дом. Он, как и прежде, казался застывшим в напряженном ожидании, подобно человеку на обочине дороги, который, кутаясь в плащ под дождем, вглядывается в даль, откуда вот-вот должна появиться почтовая карета — именно карета, поскольку никакое другое, более современное средство передвижения не вязалось с этим двухсотлетним домом, где по сей день отсутствовали такие обычные ныне вещи, как электрическое освещение и водопровод. За исключением мебели и кое-каких элементов отделки, старое здание не представляло ни малейшей ценности — дело было в самом земельном участке, который рос в цене по мере того, как к нему все ближе придвигались городские кварталы.

Старинная мебель из вишневого, орехового и красного дерева сравнительно неплохо сохранилась, и я был почти уверен в том, что Рода — моя невеста — пожелает перевезти ее в наш

новый дом, который я намеревался построить на средства, вырученные от продажи аркхемской усадьбы. Наших совместных доходов — я работал на факультете английского языка и литературы, а Рода преподавала филологию и археологию — вполне хватило бы на содержание приличного особняка.

Я решил, что в течение трех месяцев как-нибудь проживу без электричества и водопровода; труднее было обойтись без телефона, поэтому я в первый же день отправился в Аркхем и договорился о скорейшем проведении в усадьбу телефонной линии. По пути я завернул на телеграф и отправил послания моей матери и Роде, в которых сообщил о своем благополучном вселении в дом Гаррисона и, кроме того, пригласил Роду приехать сюда на досуге и осмотреть мою новообетенную собственность. Плотно пообедав в ресторане, я закупил еще кое-какие продукты для завтрака — хоть меня и не особо вдохновляла перспектива растопки старой чугунной плиты на кухне — и поехал обратно в свою временную резиденцию.

В то время я работал над докторской диссертацией и захватил с собой необходимые книги и документы; кроме того, к моим услугам была библиотека Мискатоникского университета, расположенного всего лишь в миле от усадьбы, — там я мог найти все недостающие сведения о Томасе Гарди и топографии его Уэссекса. Просидев за работой до вечера, я почувствовал усталость и отправился в спальню деда, которая, в отличие от комнаты для гостей, находилась на втором этаже. Так завершился первый день моего пребывания в доме Урии Гаррисона.

II

Рода приятно удивила меня, без предварительного уведомления прибыв уже на следующий день за рулем своего двухместного автомобиля. Рода Прентис — это чопорное имя никак не шло столь жизнерадостной и энергичной девушке. Я не слышал шума двигателя и скрипа отворяемой двери и вздрогнул от неожиданности, когда в холле раздался знакомый голос:

— Адам! Ты здесь?

Выйдя из кабинета, где я сидел за книгами (при свете лампы, поскольку день был пасмурным и надвигалась гроза), я увидел

ее: дождевые капли блестят в распушенных по плечам светлых волосах, тонкие губы полуоткрыты, а голубые глаза с любопытством изучают обстановку дома.

Обнимая свою невесту, я почувствовал, как по телу ее пробежала легкая дрожь.

— Неужели ты должен будешь три месяца жить в этом доме?! — вскричала она.

— Он как будто специально предназначен для написания докторских диссертаций, — улыбнулся я. — Здесь никто меня не беспокоит.

— Но меня беспокоит сам дом, — сказала Рода с необычной для нее мрачной серьезностью. — Здесь как-то жутко.

— Все, что было здесь жуткого, теперь уже мертво. Я говорю о своем двоюродном деде. Когда он был жив, этот дом и впрямь казался мне средоточием зла.

— Он кажется таким и сейчас.

— Ты что, действительно веришь в призраков?

Она хотела сказать что-то еще, но я сменил тему разговора.

— Ты подросла как раз к обеду. Едем в Аркхем, там неподалеку от Французского холма есть недурной старомодный ресторанчик.

Она промолчала, хотя по ее нахмуренным бровям я видел, что ей не терпится высказать какую-то мысль. За обедом ее настроение улучшилось, и мы добрых два часа просидели в ресторане, говоря о работе и планах на будущее. По возвращении в усадьбу я предоставил Роде на ночь комнату для гостей, которая находилась как раз под моей спальней, так что она могла просто постучать в потолок, если ей, как я выразился, «будут слишком уж досаждать всякие призраки».

Шутки шутками, но я и впрямь почувствовал, как после приезда моей невесты в атмосфере дома появилась какая-то напряженность. Казалось, дом пробудился от спячки и теперь внимательно следил за каждым моим шагом, словно был осведомлен о моих намерениях продать дедовскую собственность и догадывался об опасности, грозившей ему в этом случае, ибо новый владелец почти наверняка распорядился бы о его сносе. Ощущение это необъяснимым образом завладевало мной, усиливаясь на протяжении всего вечера. Впрочем, если подумать, здесь не

было ничего особо странного — любой дом с годами накапливает своего рода энергию, получая ее от людей, которые поколение за поколением живут и умирают в его стенах. Соответственно, чем старше дом, тем сильнее проявляется его энергетическое поле. Именно обилие старинных зданий придает Аркхему его неповторимую атмосферу, и дело здесь не только в архитектуре города, но и в людях, чьи дела, помыслы и судьбы наложили незримый отпечаток на дома и вещи, окружавшие их при жизни.

В этот момент мои мысли приняли иной оборот — а что, если тревожившие меня ощущения были вызваны не просто импульсивной реакцией Роды на мрачную обстановку дома, а самим фактом ее появления здесь, ускорившим развитие событий, которые при иных обстоятельствах подготавливались бы исподволь, медленно и незаметно?

Было уже довольно поздно, когда мы разошлись по своим комнатам. Я уснул почти сразу, благо дом находился в стороне от проезжей дороги; кроме того, насколько я успел заметить, здесь никогда не было шорохов и скрипов, обычных для большинства старых домов. Засыпая, я слышал, как Рода внизу беспокойно ходит по комнате — она еще не леглась.

Далеко за полночь я внезапно открыл глаза.

Несколько секунд я лежал неподвижно, силясь понять, что послужило причиной моего пробуждения. Звуки собственного дыхания? Чье-то постороннее присутствие? Или то и другое вместе?

Я вытянул руку и тотчас наткнулся — ошибки быть не могло — на обнаженную женскую грудь! Одновременно я почувствовал рядом с собой жаркое прерывистое дыхание, еще миг — и кровать опустела, и я скорее угадал, чем услышал, как кто-то открыл дверь и вышел прочь из моей спальни.

Окончательно проснувшись, я сбросил легкую простыню — ночь была душной и влажной, и я спал без одеяла, — выбрался из постели, слегка трясущимися руками зажег лампу и долго в одном белье стоял посреди комнаты, не зная, что предпринять дальше.

Признаться, я сперва подумал было о Роде, что лишь доказывает степень моей растерянности, поскольку подобный поступок был совсем не в ее духе — пожелай она провести ночь в моей

постели, она бы прямо так и сказала; это случалось между нами уже не раз. И потом, женская грудь, которую я нащупал рукой, была не упругой и восхитительно округлой, как у моей невесты, а старой и вялой, с большими дряблыми сосками. Прикосновение к ней не вызвало у меня никаких чувств, кроме ужаса и отвращения.

Взяв лампу, я вышел из комнаты, намереваясь обыскать дом. В тот момент, когда я достиг центрального холла, где-то высоко вверх и, как мне показалось, вне дома раздался истошный женский вопль, в котором явственно слышались боль и страх. Звук этот, медленно угасая, проплыл над домом и вскоре окончательно растаял в вышине. Все это продолжалось не более тридцати секунд, в течение которых я стоял совершенно неподвижно, а затем, развернувшись, медленно отступил в свою спальню.

Прошло еще около часа, прежде чем я вновь задремал, а когда на рассвете проснулся, воспоминания о ночных событиях перемешались в моей голове с обрывками сновидений, так что я уже готов был усомниться в их реальности.

Однако, появившись на кухне, где Рода была занята приготовлением завтрака, я по выражению ее лица сразу догадался, что здесь не все ладно.

— Этой ночью в доме была посторонняя женщина! — сказала она, даже не ответив на мое приветствие.

— Значит, это мне не приснилось! — вскричал я.

— Кто она такая? — Рода смотрела на меня в упор.

— Понятия не имею.

— Что за причуда — затевать уборку в доме среди ночи, — продолжила она. — Эта женщина...

— Так ты ее видела?

— Видела, разумеется. А что, тебя это удивляет?

— И как она выглядела?

— Она показалась мне довольно молодой, но только сначала — потом у меня возникло впечатление, будто я вижу перед собой древнюю старуху. Ее лицо было лишено всякого выражения — словно окаменело, и только глаза казались живыми.

— А она тебя заметила?

— Вряд ли. По крайней мере, я в этом не уверена.

— Все точно! — воскликнул я. — Это была экономка моего двоюродного деда! Когда я сюда приехал, в доме была чистота, ни одной пылинки. Да и сейчас — посмотри вокруг. Старик не отменил своих прежних распоряжений, и она продолжает приходить сюда каждую ночь. Однажды в детстве я ее уже видел...

— Чушь какая-то! Урия Гаррисон умер в марте — больше трех месяцев назад. Самый последний дурак давно бы уже сообразил, что, раз хозяина нет в живых, приходить сюда незачем. В конце концов, кто ей платит?

И действительно — кто? Я ничего не мог на это ответить.

Разумеется, я не стал распространяться обо всех подробностях ночных событий. Я только заверил Роду, что ни разу не видел этой женщины со времени той первой и единственной встречи, когда еще малолетним ребенком застал ее за ночной уборкой.

— Я хорошо запомнил ту же самую особенность, о которой говорила ты, — странную невыразительность ее лица.

— Адам, это было более двадцати лет назад, — сказала Рода. — Вряд ли мы с тобой видели одну и ту же женщину.

— Почему бы нет? Во всяком случае, я не исключаю такой возможности. Как бы то ни было, у нее имеются ключи от дома. А мистер Сэлтонстолл уверял меня в обратном.

— Сейчас это не так уж важно. Мне хотелось бы знать другое... Впрочем, ты приехал сюда лишь накануне и просто не успел бы нанять прислугу.

— Я и не пытался.

— В это я верю. Ты не пошевелишь и пальцем, чтобы убрать пыль, даже если будешь сидеть в ней по самые уши. — Она пожала плечами. — Обязательно выясни, кто эта женщина, и запрети ей здесь появляться. Вовсе незачем давать людям лишний повод для сплетен.

Покончив с этой темой, мы наконец приступили к завтраку, после которого Рода должна была отправляться в обратный путь.

За едой мы почти не разговаривали. Рода казалась чем-то озабоченной и отвечала на мои вопросы лишь односложными репликами, а потом ни с того ни с сего воскликнула:

— О Адам! *Разве ты не чувствуешь это?*

— Чувствую что?

— Что дом хочет тобой завладеть. Не ты им, а он тобой — я это чувствую. Он тебя как будто подстерегает.

После минутного замешательства я начал с самым серьезным видом втолковывать ей, что дом этот является неодушевленным объектом и что, кроме меня да еще, быть может, мышей, здесь нет ни одного живого существа, а само по себе здание не может что-либо хотеть или не хотеть.

Как ни странно, ее мои слова не убедили, и, когда час спустя она собралась уезжать, я вдруг услышал ее умоляющий голос:

— Адам, поехали вместе — прямо сейчас.

— Ты хочешь, чтобы я лишил нас обоих целого состояния ради одной твоей прихоти?

— Это вовсе не прихоть, Адам. Будь осторожен.

На том мы и расстались. Рода обещала заехать ко мне еще через некоторое время и попросила писать ей чаще и подробнее обо всем, что здесь будет происходить.

III

События этой ночи пробудили во мне воспоминания далекого детства — я вновь живо представил себе зловещий и мрачный облик Урии Гаррисона и припомнил свои детские фантазии и страхи, связанные с наглухо закрытой мансардой, куда не смел входить никто из нашей семьи, за исключением деда. И вот я решил, что настала пора проникнуть в мансарду и разобраться наконец со всеми дедовскими секретами.

Вчерашняя дождливая погода сменилась ярким солнцем, которое, врываясь в раскрытые окна, придавало внутреннему убранству дома оттенок спокойной и благородной старины, не имевшей ничего общего с теми зловещими образами, что прежде рисовало мне воображение. Этот день был как будто специально создан для того, чтобы раз и навсегда покончить с темными загадками прошлого. Недолго думая, я взял связку ключей, переданную мне мистером Сэлтонстоллом, и отправился наверх, прихватив с собой керосиновую лампу, поскольку в лишенной окон мансарде не было никакого естественного освещения.

Что касается ключей, то они не понадобились. Мансарда была не заперта.

«И пуста», — подумал я, перешагнув порог и оглядываясь по сторонам. Впрочем, не совсем пуста. Посреди комнаты стоял один-единственный стул, на котором лежали предметы женской одежды и резиновая маска — из числа тех, что отливают по форме человеческого лица. Поставив лампу на пол, я приблизился, чтобы внимательно рассмотреть эти вещи.

Вот что я обнаружил: простое домашнее платье из хлопчатобумажной ткани, очень старомодного фасона и расцветки, с преобладанием серых и темных тонов; передник; пару резиновых перчаток; чулки с подвязками; комнатные туфли и, наконец, маску. Последняя оказалась вполне обычным изделием подобного рода, если не считать прикрепленного к ней парика, — необычным был лишь сам факт нахождения ее среди этих вещей. Одежда, скорее всего, принадлежала экономке Урии Гаррисона, — вероятно, она пользовалась этой комнатой для переодевания. С другой стороны, если это делалось с ведома старика, мне было непонятно, почему он позволял уборщице так запросто входить в мансарду, являвшуюся запретной зоной даже для его близких родственников.

С маской тоже было не все ясно. Вряд ли она завалилась здесь по чистой случайности; на ощупь резина была не затвердевшей, а мягкой и гибкой, — стало быть, ею пользовались еще сравнительно недавно. Потрогав рукою пол, я убедился, что мансарда, как и весь дом в целом, содержалась в безукоризненной чистоте.

Закончив осмотр одежды, я поднял лампу повыше и только сейчас заметил рядом со своей тенью другую, огромную тень, захватывавшую всю высоту стены и часть скошенного потолка мансарды, — темное расплывчатое пятно, как будто выжженное на дереве языками пламени. Приглядевшись, я обнаружил в ее очертаниях сходство с человеческой фигурой, точнее — с уродливо искаженной человеческой фигурой, поскольку на месте головы у нее было какое-то непропорционально маленькое бесформенное пятно.

Когда я попытался подойти к стене поближе, контуры тени расплылись и почти исчезли. Насколько я мог судить, дерево

в этом месте и впрямь было опалено чем-то похожим на струю пламени. Отступив на несколько шагов, я прикинул угол падения тени и, сделав нехитрый расчет, пришел к выводу, что источник пламени должен был находиться где-то на уровне пола.

Повернувшись кругом, я тщательно исследовал противоположную сторону комнаты и обнаружил в искомой точке, прямо напротив тени, небольшое отверстие в том месте, где пол мансарды сходил с крыши, — в этой части дома между полом и скатом крыши не было промежуточной перегородки. Отверстие по размерам не превосходило обычную мышиную норку, да оно и не могло быть ничем иным. Куда больше меня заинтересовали начертанные на полу красным мелом или масляной краской странные геометрические фигуры, расположенные таким образом, что мышиная нора оказывалась как бы притягивающим их центром. Я вспомнил о черной магии, к которой, по слухам, был равнодушен мой покойный родственник, однако в этих рисунках не было ничего похожего на пентаграммы, тетраэдры и круги, связанные в моем представлении с различными колдовскими действиями, — скорее наоборот.

Я поднес лампу поближе и увидел лишь беспорядочное переплетение линий, которые — стоило мне отойти на несколько шагов назад, к самому центру мансарды — вновь сложились в рисунок, расположенный как будто в иной пространственной плоскости. Когда был сделан рисунок — тридцать, а может, и сто лет назад, определить я не смог, хотя его давнее происхождение было вполне очевидным.

По мере того как я обследовал сначала огромную тень, а после — загадочные линии на полу перед мышиной норой, я чувствовал постепенно нараставшее напряжение, которое, казалось, исходило отовсюду; у меня возникло впечатление, будто мансарда — как ни странно это звучит — *затаила дыхание*, наблюдая за моими действиями. Огонек фитиля задрожал и начал коптить, темнота вокруг заметно сгустилась. На какой-то миг я ощутил себя как бы висящим в бездонном пространстве космоса, тогда как Земля, вращаясь в обратную сторону, исчезала где-то далеко внизу, — но этот момент прошел, нормальное вращение Земли восстановилось, комната вновь была освещена, фитиль горел ярко и ровно.

Мое отступление из мансарды сильно смахивало на бегство; в памяти вновь ожили фантастические чудовища из моих детских кошмаров — казалось, будто они преследуют меня по пятам. Очувтившись на лестнице, я отер со лба и висков капли холодного пота, погасил лампу и, понемногу приходя в себя, начал спускаться вниз. На сей раз тревожные предчувствия моей невесты уже не представлялись мне лишенными всякого повода. Тем не менее я не собирался отказываться от дедовского наследства и потому должен был провести в старом доме все три долгих летних месяца, каких бы тревог и волнений мне это ни стоило.

Я не без оснований горжусь своим методическим складом ума. Иногда в шутку Рода называет меня «маленьким педантом» — имея в виду, разумеется, мое пристрастие к абсолютно точному и достоверному изложению фактов, касающихся книг, писателей и вообще всех обстоятельств литературной жизни. Если уж я за что-то берусь, то не успокаиваюсь, пока не доведу дело до конца. И вот теперь передо мной стояла задача — найти разумное объяснение ночному происшествию и тому, что мне довелось увидеть и пережить в мансарде. Неужели я в обоих случаях оказался жертвой галлюцинаций?

Прежде всего следовало разобраться с экономкой.

Телефонный разговор с мистером Сэлтонстоллом не внес в это дело ясности. Он лишь вновь подтвердил то, что сказал мне накануне, — он ни разу не слышал, чтобы Урия Гаррисон нанимал кого-нибудь для ухода за домом, и ничего не знал о наличии второго ключа.

— Впрочем, вам, мистер Дункан, должно быть известно, — сказал он напоследок, — что ваш двоюродный дед был очень скрытным и необщительным человеком. Если он не хотел, чтобы люди знали о каких-то его делах, то, можете не сомневаться, именно так оно и случалось. Хотя почему бы вам не поспрашивать у соседей? Я-то бывал в доме лишь пару раз, а они год за годом торчат поблизости. Соседи, знаете ли, народ любопытный — от них мало что может укрыться.

Поблагодарив его за совет, я попрощался и повесил трубку.

С соседями все обстояло не так уж просто. К ним нужно было найти особый подход. Я уже отмечал, что усадьба Гаррисона стояла на отшибе; ближайший дом находился в сотне метров

отсюда и первое время казался мне вообще необитаемым. Однако на сей раз, выглянув из окна, я заметил на его крыльце человека, который грелся на солнышке, сидя в кресле-качалке.

Так и не придумав никакого подходящего повода для знакомства, я решил вести разговор напрямик. Выйдя из дома, я быстрым шагом пересек лужайку, разделявшую две усадьбы. Человек в качалке оказался глубоким старцем.

— Доброе утро, сэр, — приветствовал я его. — Не могли бы вы помочь мне в одном вопросе?

— А кто вы, собственно, такой? — прозвучало в ответ.

Я представился, объяснив, что являюсь наследником мистера Гаррисона.

Мой собеседник тотчас оживился.

— Дункан, говорите? Старик ни разу вас не поминал. Да и, сказать по правде, беседовал-то я с ним всего раз десять за эти годы. Чем могу быть полезен?

— Я бы хотел найти женщину, которая при нем занималась уборкой в доме.

Он быстро взглянул на меня из-под прищуренных век.

— Молодой человек, я и сам был бы не прочь взглянуть на нее поближе — из чистого любопытства. Она не появляется нигде, кроме дома вашего деда.

— Вы видели, когда она приходит?

— Нет. Видел ее только в окнах, по ночам.

— А когда она покидает дом?

— Не знаю. Я не видел ее ни входящей, ни выходящей. Вообще не видел ее при свете дня. Может, она живет где-то внутри — откуда мне знать?

Его слова меня порядком озадачили. Сперва я подумал было, что старик намеренно вводит меня в заблуждение, но вскоре отбросил эту мысль, убедившись в его искренности.

— Это еще не все, Дункан. Вы видели голубой свет?

— Не видел.

— А слышали что-нибудь странное?

Я замешкался с ответом.

— Значит, слышали, — ухмыльнулся старик. — Ну-ну. Старый Гаррисон любил заниматься такими вещами. Не удивлюсь, если он и сейчас занимается ими.

— Мой двоюродный дед скончался еще в марте, — напомнил я.

— А чем вы мне это докажете? — спросил он. — Нет, конечно, я видел, как из дома вытащили гроб и отнесли его на кладбище, — но это все, что мне известно. Я не знаю, кто или что находилось в гробу.

Старик продолжал разглагольствовать в том же духе, но, кроме своих догадок и подозрений, не смог сообщить ничего конкретного. Многие из сказанного я уже слышал раньше: о нелюбимости моего деда, о его занятиях «дьявольскими штучками» и о том, что мертвый Урия Гаррисон гораздо лучше живого — «если только он и вправду мертв». Старик назвал усадьбу деда «дурным местом» и в заключение признал, что, если ее хозяина оставляли в покое, тот не причинял никакого вреда соседям. А беспокоить его опасались с тех пор, как старая миссис Бартон однажды вздумала пойти к нему в дом и выбрать его за то, что он тайком от людей держит у себя какую-то женщину. На следующее утро миссис Бартон была найдена мертвой в своей спальне — «разрыв сердца от испуга», как объяснил ее смерть мой собеседник.

На примере этого разговора я убедился, что обращаться за информацией к соседям не имело смысла. Оставался еще один источник — личная библиотека моего покойного деда, где я обнаружил весьма солидную подборку книг, древних и современных, так или иначе связанных с черной магией и колдовством. Там были старинные издания Олауса Магнуса, Евнапия, де Рохаса, а также «Молот ведьм» и множество иных сочинений, названия которых мне ровным счетом ничего не говорили: «О природе демонов» Анания, «О ламии» де Виньята, «Бегство от Сатаны» Стампы и многие другие.

О том, что мой дед внимательно прочел все эти книги, свидетельствовали бесчисленные пометки и замечания, сделанные его рукой на полях. Я с трудом разбирал старинный шрифт, но главное было ясно: Урия Гаррисон интересовался не просто демонологией и колдовством в их распространенном понимании, но в первую очередь всем, что было связано с суккубами, а также с переходом некоей «сущности» из одного состояния в другое — перевоплощениями, двойниками и тому подобными вещами. Не-

мало пометок было сделано напротив магических формул и заклинаний, имевших своей целью причинение смерти кому-либо в отместку за нанесенную обиду.

Перелистывая страницу за страницей, я постепенно перестал обращать внимание на сам текст, сосредоточившись на замечаниях и сносках, в которых из книги в книгу повторялась одна и та же тема — о «сущности», «душе» или «жизненной силе», как это по-разному именовалось, о возможности обретения новой телесной оболочки путем изгнания оттуда прежней «души» и вселения на ее место иной, чужеродной «сущности». Нельзя сказать, чтобы я был очень удивлен, разбирая дедовские каракули, — в конце концов, мало ли какой еще вздор может прийти в голову престарелому одинокому человеку, находящемуся на самом пороге смерти.

Я все еще возился с книгами, когда раздался телефонный звонок. Это была Рода, и звонила она из Бостона.

— Бостон! — Я был в недоумении. — Не очень-то далеко ты успела отъехать к этому времени.

— Я задержалась здесь, чтобы посмотреть в библиотечных архивах некоторые редкие книги. Это касается твоего покойного родственника.

— А книги, наверное, о колдовстве, — догадался я.

— Да. Адам, я думаю, тебе лучше будет уехать из этого дома.

— И ни за что ни про что отказаться от целого состояния? Благодарю покорно.

— Не будь таким упрямым. Я тут провела небольшое исследование и кое-что выяснила. Только не перебивай, послушай меня серьезно. Твой дед неспроста выдвинул такое условие — ты был нужен ему для какой-то вполне определенной цели. Добра из этого не выйдет, вот увидишь. Как ты там вообще?

— Я в полном порядке.

— Ничего *такого* не случилось? Ты понимаешь, о чем я говорю.

Я в подробностях описал все события этого дня. Она слушала меня молча, а когда я закончил, снова взялась за свое.

— Ты должен немедленно уехать оттуда, Адам.

По мере того как она говорила, во мне нарастало раздражение. С какой стати она взяла на себя право распоряжаться

моими поступками? Она всерьез уверена, будто лучше меня самого знает, что идет мне во благо, а что во вред. Нет, это уж слишком!

— Я остаюсь здесь, — сказал я твердо.

— Но, Адам, эта тень в мансарде — ты разве не понял? — оттуда, из отверстия, появляется что-то неведомое и ужасное. Именно его тень выжжена на стене.

Я не выдержал и рассмеялся.

— Я всегда говорил, что женщины — создания нерациональные.

— Адам, то, что бродит ночью по дому, — это не человек. Я боюсь.

— Приезжай ко мне, — сказал я, — и не бойся. Я буду тебя защищать.

Она повесила трубку.

IV

Следующая ночь оказалась богатой на то, что я с недавних пор решил считать галлюцинациями. Все началось со звука шагов на лестнице вскоре после того, как я лег в постель. Несколько секунд я прислушивался, а затем, встав, осторожно прокрался к двери и, слегка приоткрыв ее, выглянул наружу.

Женщина только что миновала мою дверь и направилась на первый этаж. Я бросился назад к своему чемодану, вытащил из него халат — которым до сей поры еще не имел случая воспользоваться — и поспешил вниз, надеясь застать ее за работой.

Я старался двигаться как можно тише, нащупывая ногами ступени. Лампу я не взял, но лунный свет, проникая в окна, отчасти рассеивал мрак и позволял мне ориентироваться. На полу пути вниз я начал испытывать уже знакомое мне ощущение — за мной следили.

Я обернулся.

В темной пропасти позади и чуть выше меня неподвижно висел призрак Урии Гаррисона: заросшее бородой лицо, горящие глаза, копна густых волос, высокие, туго обтянутые кожей скулы — ошибиться было невозможно. С минуту мы молча смотрели друг на друга, а затем видение исчезло, сжалось, как проколотый

булавкой воздушный шарик; осталась лишь тонкая лента из какого-то темного вещества, которая, змееподобно извиваясь, поплыла вниз по лестнице и растаяла без следа в нескольких метрах от того места, где я стоял.

Выйдя из оцепенения, я попытался рассуждать здраво и в конечном счете пришел к выводу, что в данной галлюцинации не было ничего неожиданного, поскольку в течение целого дня мои мысли так или иначе вращались вокруг деда и его колдовских занятий. Странно только, что призрак явился мне наяву — или это все же был сон? Я долго соображал, как и зачем я очутился на лестнице, и уже направился было обратно в спальню, когда наконец вспомнил о ночной женщине. Я должен был ее выследить. Собравшись с духом, я зашагал по ступеням вниз.

На кухне горел свет — лампа была зажжена, но светила тускло и как-то неровно. Я подкрался к двери и заглянул внутрь.

Женщина была здесь и, как всегда, занималась уборкой. Настал момент заговорить с ней и потребовать объяснений.

Я уже открыл было рот, но что-то меня задержало. Эта женщина вызывала во мне инстинктивное отвращение. Я вдруг вспомнил прежнюю экономку, с которой однажды столкнулся в детстве, и, приглядевшись, узнал в нынешней ту же самую женщину. Ее неподвижное, лишенное выражения лицо несколько не изменилось за двадцать прошедших лет, движения были столь же размеренны и однообразны — и даже платье ее показалось мне тем же самым! Я уже не сомневался в том, что именно она прошлой ночью была у меня в постели.

С трудом преодолевая отвращение, я шагнул через порог, с моих губ уже готов был сорваться сердитый окрик.

Но я не издал ни звука. Она медленно повернула голову, и на несколько мгновений наши взгляды скрестились — я увидел страшную огненную бездну, глаза, не имевшие ничего общего с человеческими. Это было что-то непередаваемое — голод и похоть, ненасытная, всепоглощающая злоба пылали в ее взоре. В остальном эта встреча точь-в-точь повторяла ту, что запомнилась мне с детских лет, — женщина стояла совершенно неподвижно, лицо ее, за исключением глаз, не выражало ни малейших эмоций. Не в силах более выдержать этот взгляд, я попятился за порог, в спасительную темноту холла.

Одним духом взбежав вверх по лестнице, я закрыл за собой дверь комнаты и замер, прислонившись к ней спиной. По лицу моему струился пот, мысли были в ужасном смятении: да, конечно, это существо не могло быть обыкновенной женщиной; между ней и покойным дедом существовала какая-то особая связь, в силу которой она до сих пор каждую ночь приходит в дом и механически выполняет свою работу. Но вот откуда приходит — это оставалось загадкой.

Я все еще стоял за дверью, когда на лестнице вновь раздались шаги. Сперва я подумал, что она опять, как в прошлую ночь, направляется ко мне в спальню, и весь похолодел от ужаса. Но шаги миновали второй этаж и начали подниматься по лестнице, ведущей в мансарду.

По мере ее удаления ко мне возвращалась былая решимость, и в конце концов я отворил дверь и выглянул наружу.

Повсюду была темнота. Но нет — наверху, там, где заканчивался лестничный пролет, из-под двери мансарды пробивалось голубоватое свечение. Я медленно двинулся вверх, с каждым моим шагом свечение как будто ослабевало.

Дойдя до двери мансарды, я прижался к ней ухом. Ни звука. Я рывком распахнул дверь.

Женщины в комнате не было. И только у самого пола, в том месте, где он смыкался с крышей, разливалось пятно голубого света, который, словно вода из раковины, стремительно вытекал наружу через мышиную нору! В то же время окружавшие ее кабалистические рисунки светились сами по себе, и свет их также медленно угасал.

Я зажег спичку и огляделся. Женское платье, как и в прошлый раз, лежало на стуле. Здесь же была и маска.

Подойдя к стулу, я дотронулся рукой до маски.

Она была еще теплой.

Спичка догорела и обожгла мои пальцы.

Теперь меня обступала сплошная стена мрака. Но с той стороны, где была расположена мышиная нора, исходило необъяснимое притяжение, столь сильное, что я невольно опустился на колени и едва не устремился вслед за исчезнувшим голубым сиянием. Вновь земля подо мной перестала вращаться, время

остановилось, и дикий, безумный страх окончательно парализовал мою волю.

Я замер, не в силах двинуться с места.

И тогда из глубины мышиной норы в комнату снова хлынул поток яркого голубого света. С его появлением я враз освободился от сковывавших меня незримых пут и как был, на карачках, бросился прочь из мансарды. В дверях я обернулся, ожидая увидеть преследующее меня по пятам сверхъестественное чудовище.

Но позади меня была лишь темнота — неподвижная, непроницаемая темнота.

Добравшись до своей комнаты, я упал на кровать и устался в пространство перед собой, ожидая дальнейших событий. Я понимал, что Рода была права — мне следовало уехать, но одновременно что-то во мне сопротивлялось отъезду; это была уже не просто боязнь лишиться наследства, а нечто иное, какая-то жуткая связь, возникающая между мной и этим домом.

Ожидание затянулось, никакие посторонние звуки не нарушали тишины, если не считать шума ветра за стенами дома да хриплого плача совы где-то в районе старого кладбища.

В конце концов я задремал и увидел во сне, как голубое сияние заполняет мансарду, течет вниз по ступеням лестницы, проникает в мою спальню, а из мышиной норы наверху одна за другой вырастают фигуры женщины-экономки: то одетой и с маской на лице, то в виде безобразной старухи, то полностью обнаженной, ослепительно красивой девушки, — и вслед за ней мой двоюродный дед Урия Гаррисон, заполняющий собою весь дом, мою комнату и, наконец, меня самого. Я проснулся в холодном поту уже на исходе ночи — небо за окнами начинало светлеть.

А разбудил меня громкий стук в парадную дверь дома. Я чувствовал себя совершенно обессиленным и не без труда спустился вниз.

На крыльце перед дверью стояла Рода.

— Что случилось, Адам?! — вскричала она. — Ты выглядишь ужасно.

— Убирайся, — сказал я ей. — Ты нам не нужна.

В первый момент я сам удивился своим словам, но я и вправду был возмущен ее несвоевременным появлением — можно было подумать, я не смогу обойтись без ее дурацких назиданий.

- Стало быть, я опоздала, — вздохнула она.
- Убирайся, — повторил я. — Оставь нас в покое.

Она оттолкнула меня и вошла в дом. Я последовал за ней. Она сразу направилась в кабинет и вскоре вышла оттуда с моими дневниками и рукописью диссертации о Томасе Гарди.

- Тебе это уже не понадобится? — спросила она.
- Забирай, — сказал я. — Забирай это все.

Она пошла к двери.

- До свиданья, Адам.
- До свиданья, Рода.

К моему удивлению, она и впрямь безропотно удалилась. Не скажу, что я вовсе не был этим встревожен, но где-то в глубине души я испытал удовлетворение — такой оборот дела меня устраивал.

V

Большую часть дня я провел в полном бездействии, с нетерпением ожидая прихода ночи. Сейчас я затрудняюсь описать тогдашнее мое состояние. Страх не было и в помине, оставалось лишь любопытство и страстное желание новой встречи.

День тянулся бесконечно. Часть его я проспал; есть совсем не хотелось — у меня разыгрался аппетит иного рода, но это обстоятельство меня нисколько не тревожило.

Наконец наступила ночь. Я заранее предвкушал грядущие события и, не в силах усидеть на месте, долго расхаживал по первому этажу, то и дело бросая взгляд на лестницу, ведущую вверх, пока не сообразил, что мне следует находиться в комнате моего деда и там ждать появления ночных гостей.

Время шло, часы в холле пробили девять, потом десять, одиннадцать. Я сидел и ждал — вот-вот на лестнице послышатся шаги, шаги женщины, которую, как я знал, зовут Лилит; но прежде возникло голубое сияние, оно просочилось в щель под дверью и заполнило собой всю комнату, как это уже бывало во сне.

Только на сей раз я не спал, чувства мои были обострены до предела.

Голубой свет, становясь все ярче, слепил глаза, и я едва различал фигуру обнаженной женщины, появившуюся в центре ком-

наты. Рядом с ней обозначились хорошо знакомые черты моего двоюродного деда; темная змееподобная лента, плавно изгибаясь, потянулась от него к моей постели...

Но тут, к моему ужасу и отчаянию, ход событий был грубейшим образом прерван. Я почувствовал запах дыма, а затем характерный треск горящего дерева.

С улицы донесся голос Роды.

— Адам! Адам! — кричала она.

Видение начало на глазах распадаться. Последнее, что я успел заметить, было выражение дикой ярости на призрачном лице Урии Гаррисона; его спутница из очаровательной девушки в один миг превратилась в кипящую от бешенства старую каргу. Но мне теперь уже было не до них. Бросившись к окну, я распахнул его настежь и что было силы завопил:

— Рода!

Моя тревога оказалась напрасной — она позаботилась обо всем. К подоконнику была приставлена садовая лестница.

Старый дом сгорел дотла вместе со всем содержимым.

Пожар, однако, не внес изменений в порядок наследования. Мистер Сэлтонстолл подвел под это дело юридическую базу, пояснив, что я исправно выполнял последнюю волю моего деда вплоть до момента, когда не зависящие от меня стихийные обстоятельства сделали дальнейшее ее выполнение невозможным. Итак, я унаследовал земельный участок, тут же выгодно сбыв его с рук, и вскоре мы с Родой поженились.

Несмотря на все вполне очевидные недостатки ее характера.

— Я сама подожгла дом, — сказала она мне после. Оказывается, в тот день, прихватив мои записи, она отправилась в библиотеку Мискатоникского университета, знаменитого своей коллекцией редких старинных книг. Просмотрев те из них, которые имели отношение к колдовству и демонологии, она заключила, что призрак, населяющий дом, являлся духом Урии Гаррисона. По ее словам, тот самый пункт был внесен в завещание единственно для того, чтобы какое-то время держать меня в пределах досягаемости потусторонних сил, поскольку старый Гаррисон намеревался, ни много ни мало, завладеть моим телом, изгнав из него мою «сущность» и заменив ее своей собственной. Жен-

щина эта якобы была суккубом, возможно, его повелительницей, а мышинная нора являлась выходом в другое измерение.

Вот уж воистину — доверьте дело женщине, и она вмиг состряпает вам романтическую историю даже из такого, казалось бы, совсем не подходящего материала. Суккуб — это же надо придумать!

Временами ее рассуждения начинают действовать мне на нервы. А иногда я и впрямь сомневаюсь — кто я, в конце концов, такой: Адам Дункан или Урия Гаррисон? С Родой на эту тему лучше не заговаривать. Один раз я попробовал, и вот что она мне ответила:

— Знаешь, Адам, тебе этот опыт в чем-то даже пошел на пользу.

Нет, что ни говорите, женщины — создания нерациональные. Рода упрямо не желает отказываться от этих нелепых суеверий. К сожалению, я не могу предложить ей более разумную, научно обоснованную версию происшедшего. Я все ищу и не нахожу ответа на те вопросы, что порой задаю сам себе, сидя в одиночестве и вспоминая странные события, участником — или жертвой? — которых мне однажды случилось стать.

НОЧНОЕ БРАТСТВО

Вероятно, для широкой общественности навсегда останется загадкой ряд обстоятельств, сопутствовавших пожару, в результате которого был уничтожен старый заброшенный дом на берегу реки Сиконк, в малолюдном районе Провиденса между Красным и Вашингтонским мостами. Как обычно бывает в подобных случаях, среди местных жителей нашлось несколько чудачков, предложивших полиции свои версии происшедшего. Из числа упомянутых доброжелателей особенную настойчивость проявил некий Артур Филлипс, отпрыск весьма почтенной ист-сайдской фамилии, долгое время проживавший на Энджелл-стрит. Этот несколько эксцентричный, но в целом пользующийся неплохой репутацией молодой человек представил отчет о событиях, которые, по его мнению, явились непосредственной причиной пожара. В ходе расследования полицией были допрошены все лица, упоминаемые в записях мистера Филлипса, но никто из них — если не принимать в расчет заявление библиотекаря, подтвердившего лишь сам факт встречи мистера Филлипса с мисс Розой Декстер в читальном зале «Атенеума», — не признал его утверждения соответствующими действительности. Рукопись отчета прилагается.

I

Ночные улицы любого из городов Восточного побережья являют собой совершенно особый, причудливый и жутковатый мир, о самом существовании которого не имеет понятия большинство добропорядочных обывателей. Мир этот населен че-

довеческими существами иного сорта: опустившиеся, старые, больные или же просто одинокие люди, по каким-то неясным причинам избегающие дневного света, с наступлением темноты покидают свои убежища в полуподвальных этажах и старинных мансардах и блуждают по улицам в поисках себе подобных либо же просто надеясь отвлечься от своих мучительных мыслей и воспоминаний. Среди них нередко люди, не оправившиеся после жестоких ударов судьбы, искалеченные физически и морально; встречаются и такие, кого влечет в этот мир интерес к таинственному и запретному: подобные вещи неизменно присутствуют в тех местах, с которыми была связана жизнь хотя бы нескольких человеческих поколений, однако увидеть их можно лишь в темное время суток, в определенные дни и часы и при определенном стечении обстоятельств.

В детстве я, часто болея, не имел возможности полноценно общаться со своими сверстниками и, будучи предоставлен самому себе, рано приобрел привычку к ночным бдениям; сперва я покидал дом лишь ненадолго, бродя по улицам, прилегающим к Энджелл-стрит, но со временем начал увеличивать продолжительность прогулок, заходя во все более отдаленные районы Провиденса. Иной раз я даже предпринимал вылазки за городскую черту или — когда позволяло здоровье — с двумя достаточно близкими приятелями устраивал игры в так называемом клубе, сооруженном общими усилиями в перелеске неподалеку от города. Еще одним моим увлечением были книги; я мог часами сидеть в огромной библиотеке своего деда, читая все подряд — от греческих философов до истории английской монархии, от секретов древних алхимиков до новейших открытий Нильса Бора, от расшифрованных египетских папирусов до сочинений Томаса Гарди. Надо сказать, что мой дед, имея чрезвычайно широкий круг интересов, составлял свою библиотеку без какой-либо четкой системы и нередко при выборе книг руководствовался самыми неожиданными мотивами или же просто сиюминутной прихотью.

Со временем ночные прогулки стали неотъемлемой частью моей жизни; подолгу болея, я был лишен возможности регулярно посещать школу, что делало меня еще более замкнутым и одиноким. Я и сам не смог бы толком объяснить, чем именно

привлекал меня полуночный город, что я искал среди теней на старинной Бенефит-стрит или в темных проулках близ Пострит, о существовании которых не ведают большинство жителей Провиденса, и почему я с такой надеждой вглядывался в лица редких ночных бродяг, торопившихся проскользнуть мимо меня, чтобы тотчас исчезнуть во мраке подворотен и проходных дворов. Возможно, я таким образом хотел отвлечься от унылых реальностей дневной жизни и одновременно дать больший простор своей любознательности и богатому от природы воображению.

Окончание средней школы практически не отразилось на моем укладе жизни. По состоянию здоровья я не смог поступить в Брауновский университет, как рассчитывал первоначально, и, будучи предоставлен самому себе, начал вдвое больше времени проводить за книгами и с каждым разом все увеличивал продолжительность ночных прогулок, нередко ложась спать уже на расвете. При всем том я еще умудрялся ежедневно общаться с матерью, к тому времени уже овдовевшей, и не обделять вниманием своих теток, также поселившихся в нашем доме. Былые товарищи по детским играм, повзрослев, отдалились от меня, но мне повезло в другом: я встретил Розу Декстер. Эта милая черноглазая девушка принадлежала к одному из самых уважаемых семейств Провиденса; ее предки значились среди первых поселенцев, основавших некогда этот город. Вскоре она уже стала неизменной спутницей моих ночных прогулок. Вдвоем мы по долгу бродили по темным пустынным улицам, вновь осматривали мои прежние находки и не упускали случая сделать новые интересные наблюдения.

Впервые я познакомился с Розой в старом здании «Атенеума», и с той поры мы встречались там каждый вечер, чтобы от крыльца библиотеки начать свой очередной поход в ночь. Сперва она сопровождала меня просто из любопытства, но понемногу тоже вошла во вкус, и мы с ней составили превосходную пару бродяг-полуночников. Роза, надо отдать ей должное, не была склонна к пустой болтовне и неумеренным проявлениям эмоций, так что мы очень быстро научились понимать друг друга почти без слов.

Прошло уже несколько месяцев со времени нашей первой встречи, когда однажды ночью на Бенефит-стрит к нам обратился незнакомый джентльмен в длинном плаще с капюшоном, небрежно накинутом поверх старого, порядком изношенного костюма. Я заметил его еще издали, как только мы вышли из-за угла, — он стоял на тротуаре далеко впереди; когда же мы сблизились почти вплотную, лицо этого человека показалось мне странно, тревожаще знакомым. Где-то я уже несомненно видел эти глубоко посаженные глаза, эти усы и живописную шевелюру — голова его была непокрыта, и длинные волосы беспорядочно путались на ветру. Мы уже прошли мимо него, когда человек, сделав несколько шагов, дотронулся до моего плеча и заговорил.

— Прошу прощения, сударь, — сказал он, — вы не могли бы указать мне дорогу к старому кладбищу, которое посещал некогда Эдгар По?

Я объяснил ему, как туда пройти, а затем, неожиданно для самого себя, вызвался его проводить, и в следующую минуту мы шли по улице уже вдвоем. Все произошло очень быстро, но от меня, однако, не ускользнул тот внимательный — я бы сказал, оценивающий — взгляд, каким этот человек одарил мою спутницу. Во взгляде его, впрочем, не заключалось ничего оскорбительного — он был каким-то отстраненно-критическим, без малейшего намека на чувственность. Я в свою очередь также не упускал возможности получше рассмотреть незнакомца в те редкие моменты, когда нам случалось проходить через круги света, отбрасываемого уличными фонарями. С каждым разом я все больше убеждался в том, что уже видел этого человека прежде, не помню только когда и где.

Одет он был во все черное, если не считать белого воротничка рубашки и старомодного галстука; костюм был давно не глажен, однако сравнительно чист. Лицо его, с высоким крутым лбом, из-под которого пристально смотрели темные, почти неподвижные глаза, постепенно сужалось книзу, заканчиваясь небольшим, чуть скошенным подбородком. Волосы его были гораздо длиннее тех, что принято носить у людей моего поколения, хотя сам он вряд ли был старше меня более чем на пять лет. Но особенно необычной мне показалась его одежда; при ближай-

шем рассмотрении я убедился в том, что она была сшита не так уж давно — во всяком случае, материал выглядел совсем новым и не потерял даже на сгибах. Первоначальное же впечатление зановенности создавалось, скорее всего, из-за фасона костюма, который вышел из моды как минимум несколько десятилетий тому назад.

— Вы, должно быть, недавно приехали в Провиденс? — спросил я его.

— Недавно, — кратко ответил он.

— Интересуетесь Эдгаром По?

Он кивнул.

— И много вы о нем знаете?

— Очень мало, — сказал мой собеседник. — Быть может, вы меня просветите?

Уж тут-то я не нуждался во вторичном приглашении. По возможности сжато пересказав биографию своего любимого писателя — родоначальника детективного жанра и непревзойденного мастера по части таинственных и ужасных историй, я более подробно остановился на его романтической связи с миссис Сарой Хелен Уитмен, поскольку здесь дело касалось Провиденса и их совместной прогулки на то самое кладбище, куда мы в данный момент направлялись. Я заметил, что он слушает меня с сосредоточенным вниманием и как будто пытается запомнить каждую мелочь из сказанного, хотя по его бесстрастному лицу было трудно понять, нравится ему то, что я говорю, или нет.

В свою очередь Роза чувствовала его интерес к себе, но не была смущена этим обстоятельством, не видя в поведении незнакомца никаких намеков на непристойность. Я, наверное, так и не догадался бы спросить его имя, если бы он не обратился с аналогичным вопросом к Розе Декстер. Сам же он представился как «мистер Аллан»; в эту минуту мы как раз проходили под одним из фонарей, и я увидел, как Роза едва заметно улыбнулась.

Узнав наши имена, он больше ни о чем не спрашивал, и всю остальную дорогу до кладбища мы проделали в полном молчании. Я полагал, что мистер Аллан захочет пройти внутрь, за ограду, но он не выразил такого желания, заявив, что хотел лишь установить местонахождение кладбища, с тем чтобы прийти сю-

да уже в дневное время. Решение это было вполне разумным, ибо — я знал это по собственному опыту — ночью здесь трудно было найти что-либо действительно интересное.

Пожелав друг другу спокойной ночи, мы расстались у кладбищенских ворот.

— Где-то я уже видел этого типа, — сказал я Розе, едва мы отошли на достаточное расстояние. — Но никак не припомню, где именно. Возможно, в библиотеке?

— Разумеется, в библиотеке, — подхватила Роза с характерным для нее гортанным смешком. — Вспомни портрет на боковой стене.

— Не может быть! — вскричал я.

— Ты наверняка заметил сходство, Артур! — Она тоже повысила голос. — Возьми хотя бы его имя. Он выглядит точь-в-точь как Эдгар Аллан По.

Она была совершенно права. В тот же миг я восстановил в памяти все детали хорошо знакомого мне портрета и, недолго думая, причислил мистера Аллана к разряду вполне безобидных фанатиков, обожающих Эдгара По и старающихся во всем, вплоть до покроя платья, быть похожими на своего кумира. Таким образом, мы познакомились с еще одним оригинальным представителем ночной жизни Провиденса.

— Пожалуй, эта встреча была самой странной из всех, что у нас случались за время совместных прогулок, — сказал я.

Ее рука крепко сжала мою.

— Послушай, Артур, тебе не показалось, что этот... что с ним *что-то не так*?

— То же самое можно сказать практически о каждом любителе ночных прогулок, — усмехнулся я. — В известном смысле все мы не очень-то нормальны.

Я еще не успел договорить эту фразу, когда понял, *что именно* она имела в виду: мистер Аллан был изначально, в самой сути своей неестествен. Какой-то налет фальшивости присутствовал во всем облике этого человека, и прежде всего в его речи, начисто лишенной интонаций, почти механической. Ни разу за все время разговора он не улыбнулся, выражение его лица оставалось неизменным, а голос звучал отчужденно и равнодушно, существуя как бы сам по себе, независимо от своего хозяина.

Даже тот интерес, который он проявлял к Розе, не имел ничего общего с обычным мужским интересом к женщине — в нем было нечто сугубо практическое или, если угодно, клиническое.

Я открыл было рот, собираясь высказать вслух результаты своих наблюдений, но вместо этого переменял тему разговора и, взяв Розу под локоть, зашагал по направлению к ее дому.

II

Вероятно, наша повторная встреча с мистером Алланом была неизбежной. По крайней мере, я ничуть не удивился, когда две ночи спустя увидел его стоящим в нескольких шагах от дверей моего дома.

Я приветствовал его весело и дружелюбно, как старого знакомого; он ответил, подстраиваясь под мой тон, но при этом на его лице — я специально заметил — не промелькнуло ни тени улыбки, ни одной живой искры во взгляде. Присмотревшись к нему теперь, я убедился в его разительном сходстве с портретом Эдгара По; у меня даже, признаюсь, промелькнула мысль, не является ли он его родственником, а может статься — кто знает? — даже прямым потомком.

В конце концов я счел это не более чем забавным совпадением, тем более что на сей раз мистер Аллан не заводил разговор о покойном классике или каких-то событиях, связанных с его пребыванием в Провиденсе. Он вообще был на редкость немногословен, предпочитая слушать мою довольно бессвязную болтовню. Возможно, он просто пытался найти новые точки соприкосновения наших интересов; во всяком случае, когда я упомянул о своем сотрудничестве с местной еженедельной газетой, где я вел колонку астрономических наблюдений, он заметно оживился и наш разговор, носивший до сих пор характер монолога, быстро превратился в диалог.

Как я сразу же убедился, мистер Аллан не был новичком в астрономии. Внимательно следя за ходом моих рассуждений, он то и дело дополнял их своими, порой крайне оригинальными репликами. Мимоходом, как совершенно очевидную и не требующую доказательств, он высказал мысль о возможности космических путешествий и о том, что некоторые планеты нашей

Солнечной системы, а также бесчисленное множество миров в других звездных системах населены живыми существами.

— Человеческими существами? — переспросил я не без скептической усмешки.

— Разве это так обязательно? — в свою очередь спросил он. — Уникальна сама жизнь в целом, но уж никак не человек, являющийся всего лишь одной из ее форм, которых, кстати, на одной только этой планете можно найти предостаточно.

Я поинтересовался, не приходилось ли ему читать труды Чарльза Форта. Оказалось, что нет. Он вообще ни разу не слышал об этом исследователе, и я по его просьбе вкратце пересказал некоторые из теорий Форта, упомянув также фактические сведения, которыми тот оперировал в качестве доказательств своей правоты. Неоднократно по ходу рассказа я замечал, как мой собеседник слегка кивает, словно соглашаясь; при этом лицо его оставалось абсолютно бесстрастным.

Только один раз он, не удержавшись, вставил короткое замечание:

— Да, верно. Этот человек знает, что говорит.

В тот момент речь шла о неопознанных летающих объектах, замеченных над морем у берегов Японии во второй половине прошлого века.

— Как вы можете утверждать это с такой уверенностью! — вскричал я.

В ответ он разразился пространной фразой, суть которой сводилась к тому, что, мол, всякий ученый, достаточно глубоко проникший в тайны астрономии, не может не понимать того факта, что наличие жизни на Земле отнюдь не является чем-то исключительным; если же допустить, что на некоторых планетах существуют хотя бы примитивные формы жизни, то почему не пойти дальше и не признать, что на каких-то иных, возможно, более отдаленных планетах могут существовать формы жизни, намного превосходящие по уровню развития земные, и что они могут, освоив межпланетные полеты, установить постоянное наблюдение за живыми существами на Земле или в иных обитаемых мирах.

— Но с какой целью? — спросил я. — Чтобы нас завоевать?

— Высокоразвитым цивилизациям нет нужды прибегать к столь простым и грубым формам вмешательства, — сказал он. — Они наблюдают за нами точно так же, как мы наблюдаем поверхность Луны или пытаемся уловить радиосигналы из космоса. Отличие состоит только в том, что масштабы и уровень их исследований намного превосходят наши.

— Вы говорите об этом так, будто знаете все из первых рук.

— Просто я не сомневаюсь в своей правоте. Уверен, что когда-нибудь и вы придете к сходным заключениям.

— Может быть, — сказал я.

— Вы считаете себя человеком без предрассудков?

Не понимая, куда он клонит, я на всякий случай кивнул.

— Сможете вы отнестись непредвзято к некоторым доказательствам, если они будут вам предъявлены?

— Разумеется, — сказал я, но уже с ноткой недоверия, которая вряд ли ускользнула от его внимания.

— Отлично, — сказал он тем не менее. — В таком случае, если вы позволите мне и моим братьям посетить ваш дом на Энджелл-стрит, мы беремся убедить вас в существовании космической жизни — разумеется, отличающейся от человека по своему внешнему облику и многократно превосходящей его интеллектуально.

Уверенность, с которой он говорил, порядком меня позабавила, но я ничем не выдал своих чувств. Мистер Аллан, как и всякий человек, одержимый какой-либо бредовой идеей, безусловно, должен был стремиться обратить иных людей в свою веру — такова уж психология всех этих чудаков, которых я немало повидал за время ночных странствий по городу.

— Заходите, когда вам будет угодно, — сказал я. — Хотя нет, лучше попозже, когда моя мать уже будет в постели. Я не хотел бы ее пугать разного рода экспериментами.

— Ночь с понедельника на вторник вас устроит?

— Договорились.

После этого мой спутник вновь замолчал, предоставив мне говорить все, что взбредет в голову; вероятно, ничего особенно интересного мистер Аллан больше не услышал, ибо через три квартала он, коротко распрощавшись, свернул в боковую аллею и вскоре исчез в темноте.

«Неплохо было бы узнать, где он живет», — подумал я и, ускорив шаг, обогнул квартал и укрылся в тени домов, откуда хорошо был виден выход из аллеи.

Не успел я перевести дух, как появился мистер Аллан. Вопреки моим ожиданиям, он не проследовал дальше по аллее, а, свернув, направился вниз по улице в сторону реки. Я пошел за ним, держась на приличном расстоянии, что, впрочем, было не столь уж необходимым, ибо он ни разу не оглянулся. Время давно уже перевалило за полночь, и я не сомневался, что он возвращается к себе домой.

Еще в детстве я часто бывал в этом районе города и сейчас без труда ориентировался в переплетениях узких улочек. Немного не доходя набережной Сиконка, мистер Аллан поднялся на вершину пологого холма и исчез в дверях стоявшего на отшибе, давным-давно заброшенного дома. Я подождал еще несколько минут в надежде увидеть свет в одном из окон, но тщетно, — видимо, мой ночной приятель улегся в постель, не утруждая себя возней с керосиновой лампой.

Последнее предположение, как вскоре выяснилось, было ошибочным: по счастью, я все это время стоял в тени, иначе не избежать бы мне столкновения нос к носу с мистером Алланом, который, по всей вероятности, воспользовался черным ходом и, успев обойти вокруг квартала, вновь приблизился к дому с той же стороны, что и накануне. Он прошел мимо, не заметив меня, и скрылся в доме; окна так и остались неосвещенными.

Простояв в своем укрытии еще минут пять, я решил, что ждать здесь больше нечего, и зашагал по направлению к Энджелл-стрит, чувствуя себя вполне удовлетворенным, поскольку был уверен, что мистер Аллан в прошлый раз точно так же выслеживал меня до дверей моего дома и наша нынешняя встреча не была случайной. Теперь я отплатил ему той же монетой.

Представьте себе мое удивление, когда уже на подходе к Бенефит-стрит я увидел идущего мне навстречу — кого бы вы думали? — все того же вездесущего мистера Аллана! Пока я стоял в полном ошеломенении, силясь сообразить, каким образом сей джентльмен умудрился, сделав немалый крюк, оказаться на этой улице раньше меня, он преспокойно проследовал мимо, даже не показав виду, что меня узнает.

И все же это был он, я не мог ошибиться — то же лицо и тот же нелепый старомодный наряд, тщательно скопированный с портрета Эдгара По. Я уже готов был его окликнуть, но сдержался и долгое время молча наблюдал, как он удаляется вниз по улице, не поворачивая головы, ровным спокойным шагом, — даже походка его, вне всяких сомнений, была той же самой. Превосходно зная все здешние улицы и проходные дворы, я вновь и вновь прокручивал в голове возможные варианты его маршрута и с каждым разом все больше убеждался в том, что он мог меня опередить, только проделав весь путь бегом; но вот вопрос — зачем он это сделал? Ради того только, чтобы, повстречавшись, разойтись со мной без единого слова или хотя бы кивка головы? Все это выходило за рамки моего понимания.

Как бы я ни был заинтригован событиями этой ночи, но еще больший сюрприз ждал меня сутки спустя в «Атенеуме», куда я отправился на очередное свидание с Розой. Она пришла раньше обычного и, едва я показался в дверях, поспешила навстречу.

— Ты виделся накануне с мистером Алланом? — были первые ее слова.

— Да, прошлой ночью, — сказал я и только было собрался продолжить, но она меня опередила:

— Я тоже, представь себе! Он проводил меня от библиотеки до самого дома.

Тут я решил повременить со своим рассказом и сперва послушать ее. Дело обстояло следующим образом: когда поздно вечером она вышла из «Атенеума», мистер Аллан стоял на ступенях крыльца. Он вежливо поздоровался и, удостоверившись, что меня нет поблизости, предложил ей свои услуги в качестве провожатого. В течение часа они вместе гуляли по улицам, почти не разговаривая, если не считать нескольких поверхностных замечаний об архитектуре некоторых старинных зданий и о прочих вещах, так или иначе связанных с историей Провиденса. Расстались они у самых дверей ее дома. Выходит, мы с Розой в одно и то же время общались с этим человеком в двух удаленных друг от друга районах города — и никто из нас ни на секунду не усомнился в том, что имеет дело с подлинным мистером Алланом.

— Я видел его после полуночи, — сказал я. Это была только часть всей правды, но я не хотел вдаваться в подробности, поскольку Роза и без того казалась чересчур взволнованной.

Несомненно, у этого парадоксального совпадения была какая-то логически обоснованная разгадка. Я вспомнил, что мистер Аллан мельком упомянул о своих «братьях» — следовательно, у него вполне мог быть близнец. Но вот зачем им понадобилось затевать столь хитроумный розыгрыш? В любом случае кто-то из этой парочки был не тем мистером Алланом, с которым мы беседовали в первый раз. Но кто именно? Если говорить о моем спутнике, то он не дал мне ни малейшего повода для сомнений.

Небрежно, как бы между прочим, я вновь завел разговор о мистере Аллане, надеясь, что по ходу его Роза упомянет какую-нибудь незначительную на первый взгляд подробность, уцепившись за которую я смогу изобличить в ее провожатом ловкого притворщика. Однако здесь меня ждало разочарование — Роза была искренне убеждена в том, что оба раза встречалась и беседовала с одним и тем же человеком, который вдобавок без конца ссылаясь на свои впечатления от предыдущей прогулки. Впрочем, у нее и не было особых причин сомневаться, поскольку я ни словом не обмолвился о своих подозрениях. Несомненно, у братьев в отношении нас были какие-то особые, пока неясные намерения, не имевшие ничего общего с любовью к ночным прогулкам и интересом к тем сторонам городской жизни, которые становятся заметны лишь с наступлением темноты и бесследно исчезают на рассвете.

Мой спутник, однако, договорился со мной о следующей встрече, тогда как человек, сопровождавший Розу, ничего подобного ей не предлагал. Какова же была его цель? Внезапно до меня дошло, что ни один из «мистеров Алланов», виденных мною в ту ночь, не мог быть спутником Розы — достаточно было сопоставить время наших встреч и расстояние отсюда до ее дома. Мне стало как-то не по себе. Выходит, братьев было трое — или, может быть, четверо? — и все на одно лицо. Нет, четверо — это уж слишком. Без сомнения, второй мистер Аллан являлся одновременно и первым; что же касается третьего, то здесь вероятность повторной встречи все с тем же человеком была уже чисто теоретической.

Итак, несмотря на все старания, мне не удалось сколько-нибудь существенно приблизиться к разгадке. Оставалось ждать еще двое суток — до ночи с понедельника на вторник, когда у меня дома должна была состояться назначенная мистером Алланом встреча.

III

В течение этих двух дней я неоднократно возвращался мыслями к волновавшей меня проблеме, но, когда пришло время, оказался плохо готов к визиту братьев. Они появились в пятнадцать минут одиннадцатого; моя мать только что ушла в свою спальню. Я предполагал увидеть максимум троих, но крупно просчитался — их было семеро, и все похожи друг на друга, как горошины из одного стручка. Я так и не смог распознать среди них того мистера Аллана, с которым дважды гулял по ночным улицам Провиденса, и в конце концов вполне произвольно выбрал на эту роль самого активного и разговорчивого из братьев.

Они всей гурьбой прошли в гостиную и, расставив стулья полукругом, расположились в ее центре. Мистер Аллан пробормотал что-то о «сущности эксперимента», но я все еще не оправился от потрясения при виде семи абсолютно идентичных людей, каждый из которых к тому же был вылитым Эдгаром Алланом По, и поэтому не смог должным образом воспринять сказанное. Присмотревшись к гостям при свете газовой лампы, я отметил еще несколько интересных особенностей. Так, лица всех семерых имели тот бледный восковой оттенок, какой бывает характерен для людей, страдающих определенными заболеваниями — малокровием или чем-нибудь в этом роде. Затем я обратил внимание на их глаза — очень темные и совершенно неподвижные, они были лишены всякого выражения и казались незрячими, однако никто из пришельцев не испытывал каких-либо затруднений с ориентацией в незнакомой им обстановке. Чувство, которое я испытал в первые минуты общения, нельзя было в полной мере назвать страхом; скорее, здесь следует говорить о любопытстве с большой примесью недоумения, ибо я имел дело с чем-то несовместимым не только с моим прежним

жизненным опытом, но и — тут нет преувеличения — с самой сутью человеческой природы.

Все эти мысли промелькнули в моей голове за то время, пока гости занимали места по периметру полукруга, в центре которого, лицом к себе, они поместили восьмой стул.

— Не присядете ли здесь, мистер Филлипс? — предложил мне тот, кого я отметил за главного.

Последовав его совету, я немедленно оказался в фокусе четырнадцати глаз — именно в фокусе, а не в поле зрения, поскольку все они были направлены не на меня, а в какую-то одну точку, находившуюся внутри моего тела.

— Мы собрались здесь, — сказал мистер Аллан, — для того, чтобы предъявить вам определенные доказательства существования внеземной жизни. Постарайтесь расслабиться и следите внимательно за всем, что сейчас будет происходить.

— Я готов, — сказал я.

Признаться, я ожидал, что они попросят притушить свет, как это обычно делается во время спиритических сеансов, но ничего подобного не произошло. Несколько минут мы сидели в полной тишине — если не считать тиканья стенных часов и последних слабых шумов засыпающего за окнами города, — а затем послышалось то, что я с некоторой натяжкой мог бы назвать пением. Это был низкий однообразный гул, постепенно набирающий силу и перемежаемый членораздельными сочетаниями звуков, которые напоминали слова какого-то незнакомого мне языка. И сама песня, и манера исполнения — в минорном ключе, с тональными интервалами, аналогов которым я не встречал ни в одной из известных мне мелодических систем, — были явно чужеродными, хотя порой в них смутно угадывалось нечто экзотически-восточное.

Еще не успев как следует вслушаться в звуки неведомой музыки, я вдруг ощутил сильнейшее головокружение и слабость во всем теле; лица сидевших напротив людей поплыли перед моими глазами и слились в одну огромную неподвижную маску. По всей вероятности, я был подвергнут своеобразному гипнотическому воздействию, что, впрочем, не так уж сильно меня встревожило; в целом мои ощущения нельзя было назвать неприятными, хотя в них постоянно присутствовал какой-то диссонирую-

щий элемент — словно пространство, лежавшее за пределами видимых мною объектов, таило в себе нечто иное, холодное и неумолимо враждебное. Понемногу стены комнаты, горящая лампа и все прочие знакомые детали обстановки расплывались и исчезали, и, хотя я по-прежнему сознавал, что нахожусь у себя дома на Энджелл-стрит, одновременно перед моим мысленным взором все явственнее проступали контуры чужого далекого мира, отделенного от меня чудовищной бездной пространства и времени. Наконец настал момент, когда я как бы балансировал на грани: казалось, еще немного, и фантастические образы возьмут верх над реальностью, после чего мое обратное перемещение на Землю станет уже невозможным. Я сказал «на Землю», потому что открывшийся мне пейзаж был явно не земного происхождения. Зрелище было воистину величественным, однако оно не вызывало восторга; из всех испытываемых мною чувств преобладающими являлись страх и инстинктивное, органическое отращение.

В самом центре открывшейся мне гигантской пространственной перспективы располагалась группа однообразных сооружений кубической формы, растянувшихся по краю глубокой пропасти, на дне которой медленно вращалась светящаяся фиолетовая масса. Между этими сооружениями сновали фигуры более чем странных живых существ — их громадные, переливавшиеся всеми цветами радуги конусообразные тела достигали высоты десяти футов при столь же широком основании конуса, толстая складчатая кожа была покрыта подобием чешуи, а из верхушки конуса выступали четыре гибких отростка, каждый толщиной в фут, имевших ту же складчатую структуру, что и сами тела. Отростки эти могли сжиматься почти до минимума и вытягиваться, достигая десятифутовой длины. Два из них имели на концах нечто вроде огромных клешней, третий оканчивался четырьмя ярко-красными раструбами, а последний нес желтоватый шар диаметром примерно в два фута, по центральной окружности которого располагались три громадных темно-опаловых глаза. Когда я получил возможность поближе рассмотреть этих существ, которые, судя по всему, выполняли какие-то работы по обслуживанию кубических сооружений, я заметил у них на головах тонкие серые стебельки с утолщениями, напоминав-

шими по виду цветочные бутоны, а чуть пониже — восемь гибких бледно-зеленых щупалец. Эти последние находились в непрестанном движении, изгибаясь, вытягиваясь и сжимаясь, — причем функционировали они как бы сами по себе, вне всякой видимой связи с деятельностью остальных органов и частей тела конусообразных монстров. Вся эта более чем странная картина была освещена тусклым красноватым светом угасающей звезды, который по яркости заметно проигрывал фиолетовому излучению, исходившему из глубины таинственного провала.

Сказать, что я был глубоко потрясен открывшимся мне видением, значило бы не сказать ничего; у меня возникло ощущение моего личного присутствия в ином временном и пространственном измерении, в чужом умирающем мире, перед обитателями которого — я осознал это совершенно отчетливо — стоял выбор: либо покинуть планету, либо обречь свою цивилизацию на полное исчезновение. В этот миг я как будто начал понимать истинный смысл той угрозы, что доселе присутствовала где-то в глубине моего сознания и теперь стала выдвигаться на первый план. Последним усилием воли я все же успел вырваться из объятий гипноза и, преодолев оцепенение, с диким протестующим воплем вскочил на ноги. Позади меня с грохотом опрокинулся стул.

Все фантастические видения рассеялись как дым; я вновь находился в своей комнате, а передо мной молча и неподвижно сидела семерка гостей — вылитых Эдгаров Алланов По.

Понемногу я приходил в себя, пульс успокаивался, дыхание стало ровнее.

— Только что вы наблюдали картину жизни иной планеты, — сказал мистер Аллан. — Она расположена очень далеко отсюда — в другой вселенной. Вас это не убедило?

— Я видел вполне достаточно, — почти выкрикнул я.

Лица гостей не выражали ни удовольствия, ни разочарования — никаких чувств вообще. Они разом поднялись со стульев.

— Тогда, если вы не возражаете, мы удалимся, — произнес, чуть заметно кивнув, мистер Аллан.

Молча, один за другим, они перешагнули порог и исчезли в ночной темноте.

Признаться, я был совершенно сбит с толку — безусловно, все увиденное мной являлось лишь галлюцинацией, но с какой целью был устроен столь необычный сеанс гипноза? Я размышлял над этим, машинально приводя в порядок гостиную, и не находил ответа. Нечто сверхъестественное было уже в самом появлении передо мной семи абсолютно идентичных людей. Пять близнецов, хотя и крайне редко, но все же встречаются в природе, однако о семи близнецах мне слышать не приходилось. И уж совсем невозможным казалось наличие семи братьев, родившихся в разное время — пусть даже с минимально допустимым интервалом, поскольку на вид все они были одного возраста, — и обладающих идеальным внешним сходством.

Много непонятного было связано и с характером моих галлюцинаций. Каким-то образом мне стало известно, что кубические сооружения на деле являлись живыми существами, для которых фиолетовая радиация создавала необходимую среду обитания, а конусообразные монстры играли роль охраны или прислуги, — в чем конкретно заключались их функции, я так и не успел разобраться. Вполне допуская, что подобная картина могла быть порождена высокоорганизованным сознанием и затем передана мне телепатическим путем, я никак не мог уяснить реальный смысл эксперимента. Нельзя же было и впрямь считать видения, возникшие под действием гипноза, доказательством существования вездесущих цивилизаций.

Осознавая всю нелепость происшедшего, я в то же время не мог отделаться от какого-то тревожного чувства. Задремать мне удалось лишь перед рассветом.

IV

Увы, утро не принесло облегчения — я буквально не находил себе места. Казалось бы, привычка к разного рода странным знакомствам, каких у меня случалось немало во время ночных прогулок по Провиденсу, должна была сказаться и на моем теперешнем состоянии, однако мистер Аллан и его братья целиком завладели моими мыслями, не давая сосредоточиться ни на чем другом.

В конце концов я отложил все свои дела и решительно направился к дому на прибрежном холме, собираясь напрямик поговорить с его обитателями. Уже издали мне бросились в глаза приметы запустения; некоторые из окон были закрыты ставнями, в других виднелись выцветшие полустлевшие шторы. Я постучал в дверь и стал ждать.

Никакого ответа. Я постучал снова, на сей раз громче.

Из глубины дома не донеслось ни звука.

Я попробовал ручку, дверь легко подалась под нажимом. Прежде чем войти, я огляделся по сторонам — вокруг не было ни души, соседние дома казались необитаемыми. Если даже за мной и велось наблюдение, то никаких его признаков я не обнаружил.

Войдя в дом, я несколько мгновений стоял неподвижно, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку, а затем осторожно миновал вестибюль и оказался в небольшой комнате, по углам которой скромно ютилось то, что еще пару десятилетий тому назад можно было бы назвать мебелью. Судя по всему, в этом помещении давно уже никто не жил, однако люди здесь, несомненно, бывали; я заметил дорожку следов, пересекавшую пыльный пол комнаты, и, двигаясь по ней, прошел через гостиную прямо на кухню. Здесь также наблюдалось полное запустение: никаких съестных припасов, многолетний слой пыли на кухонном столе, — но зато на полу и на ступенях ведущей наверх лестницы я увидел множество следов ног.

Самые же удивительные открытия поджидали меня на задней половине дома, где находилась только одна большая комната — впрочем, некогда их явно было три, но перегородки между ними были разобраны, и теперь остались лишь отметины в местах стыка с внешней стеной. Мельком оглядев комнату, я сразу устремился к тому, что находилось в ее центре и являлось источником разливавшегося вокруг мягкого фиолетового свечения. Это был длинный стеклянный ящик, который вместе с другим точно таким же, но не светящимся ящиком стоял в окружении приборов и механизмов самого невероятного, прямо-таки фантастического вида.

Я старался двигаться как можно тише, опасаясь, что мое непрошеное вторжение будет вот-вот раскрыто, однако в комнате

никого не оказалось. Подойдя к светящемуся ящику, я прежде всего обратил внимание на большой, в натуральную величину, фотоснимок человека, расположенный под стеклом, — то был снимок Эдгара Аллана По, озаренный, как и все вокруг, пульсирующим фиолетовым светом, источник которого я так и не сумел обнаружить. Только рассмотрев хорошенько портрёт, я перевел взгляд на то, что, собственно, и составляло содержимое ящика. В тот же миг вопль изумления и ужаса едва не сорвался с моих губ — там, поверх Эдгара По, стояла уменьшенная копия одного из конусообразных чудовищ, пригрезившихся мне накануне во время гипнотического сеанса! И волнообразные движения щупалец на его голове — или как там она называлась — совершенно недвусмысленно указывали на то, что существо это было живым!

Я попытался прочь, успев только краем глаза взглянуть на второй ящик, соединенный с первым множеством металлических трубок; этот второй ящик был пуст. Затаив дыхание, я проскочил в обратном порядке череду комнат, отделявших меня от входной двери, — после всего увиденного у меня почему-то пропало желание встречаться с братьями, которые, видимо, отдыхали где-нибудь на втором этаже. Никто меня не окликнул и не попытался задержать; уже удаляясь от дома, я оглянулся и заметил, как что-то похожее на портретный облик По на миг показалось в одном из верхних окон и тут же исчезло за шторой. Ни разу не остановившись, я бегом пересек район города, лежащий между реками Сиконк и Провиденс, и замедлил шаги лишь на многолюдных центральных улицах, не желая привлекать к себе внимание прохожих.

На ходу я попытался привести в порядок свои мысли. Интуитивно я чувствовал, что тайна, с которой мне довелось соприкоснуться, несет в себе какую-то страшную угрозу; однако суть ее была недоступна для моего понимания. По складу мышления я не был человеком науки; обладая кое-какими познаниями в астрономии и химии, я в то же время не мог хотя бы приблизительно представить себе назначение сложных приборов и механизмов, находившихся в той комнате. Мне даже не по силам было описать чисто внешние детали их устройства; единственное — да и то на редкость неудачное — сравнение, которое мне

пришло в голову, было сравнение с динамо-машиной, однажды виденной мною на местной электростанции. С определенной долей уверенности я мог утверждать только то, что все эти странные аппараты были подсоединены к стеклянным — если, конечно, это вещество было стеклом — ящикам или контейнерам, один из которых был пуст, а в другом под лучами фиолетовой радиации шевелилось покрытое морщинами коническое тело невиданного на Земле существа.

В любом случае члены этого ночного братства, появляясь на улицах Провиденса в обличье Эдгара Аллана По, руководствовались совершенно иными мотивами, нежели те, что побуждали меня покидать свой дом с наступлением темноты. Не думаю, чтобы их так уж интересовали особенности ночной жизни города; скорее всего, темнота просто была для них более привычной средой, нежели дневной свет. Намерения их были неясными, но определенно зловещими. Что же касается моих дальнейших действий, то здесь я пребывал в полной растерянности. Что я мог предпринять?

Дойдя до ближайшего перекрестка, я повернул в сторону библиотеки — мне пришла в голову мысль поискать ключ к разгадке этой тайны на ее полках. Но и тут меня постигла неудача. Я просидел в читальном зале до вечера, пересмотрел гору литературы, включая даже все сведения о посещении Эдгаром По нашего города, и не обнаружил ничего — ни малейшей зацепки, ни одного достойного внимания намека.

В тот же вечер я вновь как бы случайно повстречался с мистером Алланом. Я не был уверен, знал ли он что-нибудь о моем дневном визите в его дом — ведь лицо в окне наверху вполне могло померещиться мне с перепугу, — и поэтому нервничал еще больше. Однако в его отношении ко мне, по крайней мере внешне, не произошло никаких изменений. Лицо его, как обычно, было лишено всяческого выражения — ни насмешки, ни гнева, ни недовольства нельзя было обнаружить в этих застывших чертах.

— Надеюсь, вы уже оправились после нашего эксперимента, мистер Филлипс, — сказал он после дежурного обмена любезностями.

— Да, я в полном порядке, — сказал я, погрешив против истины, и добавил что-то о внезапном приступе головокружения, столь некстати помешавшем проведению сеанса.

— Вы видели лишь один из внеземных миров, — продолжил мой собеседник. — Обитаемых планет очень много, десятки и сотни тысяч. Разум, вложенный в телесную оболочку человека, отнюдь не является исключительной привилегией Земли. Жизнь на других планетах порой принимает формы, которые людям показались бы просто невероятными. Точно так же обитатели этих миров воспринимают представителей человечества.

На сей раз мистер Аллан был на удивление разговорчив; мне лишь изредка удавалось вставить слово в сплошной поток его речи. Чувствовалось, что он искренне убежден в существовании других обитаемых миров; особенно подробно он остановился на тех формах жизни, которые, находясь в непрерывном поиске новых планет с подходящими для их проживания природными условиями, научились принимать облик, привычный для жителей этих планет.

— Та звезда, которую вы мне показали, — вмешался я, выждав наконец паузу, — была умирающей звездой.

— Да, — ответил он односложно.

— Вы тоже ее видели?

— Я видел ее, мистер Филлипс.

Я почувствовал некоторое облегчение. Не допуская и мысли о том, что человек может в действительности наблюдать жизнь, происходящую на иных планетах, я в то же время не исключал возможности групповой галлюцинации, возникающей одновременно у нескольких людей во время сеанса гипноза. Хотя данное объяснение показалось мне слишком уж простым и поверхностным, за неимением лучшего я решил пока остановиться на нем.

Вежливо попрощавшись с мистером Алланом, я сразу поспешил в «Атенеум», надеясь застать Розу Декстер, однако ее там не оказалось. Подойдя к стоявшему в холле телефонному аппарату, я набрал ее домашний номер.

Трубку подняла сама Роза, что, должен сознаться, очень меня обрадовало.

— Ты видела сегодня мистера Аллана? — спросил я.

— Да, — послышалось в трубке, — но только мимоходом, по дороге в библиотеку.

— И я тоже.

— Он пригласил меня как-нибудь вечером зайти к нему домой, чтобы принять участие в эксперименте, — продолжала она.

— Ты не должна туда ходить, — быстро сказал я.

Пауза на другом конце провода затянулась.

— Почему бы и нет? — услышал я наконец; в голосе ее прозвучали вызывающие нотки.

— Не ходи в этот дом, так будет лучше, — повторил я настойчиво.

— А вам не кажется, мистер Филлипс, что в некоторых случаях я могу обойтись и без ваших советов?

Я начал сбивчиво оправдываться, уверяя, что я вовсе не собирался ограничивать ее свободу действий, но что участие в этих экспериментах может оказаться далеко не безопасным.

— Почему?

— Это будет трудно объяснить по телефону, — сказал я, прекрасно понимая всю неубедительность такого аргумента. Но не мог же я, в самом деле, говорить сейчас о вещах столь необычных и фантастических, что в них все равно не поверил бы ни один здравомыслящий человек.

— Хорошо, я об этом подумаю, — сказала Роза почти безразлично.

— Когда мы увидимся, я попробую тебе все объяснить, — пообещал я.

Она отрывисто попрощалась и повесила трубку, оставив меня наедине с моими опасениями и недобрыми предчувствиями.

V

Не без колебаний приступаю я к изложению финальной части этой удивительной истории, предвидя почти неизбежные обвинения в пустом фантазерстве, а то и прозрачные намеки на мое якобы душевное нездоровье. И тем не менее я продолжаю утверждать, что события, свидетелем и непосредственным участником которых я являлся, могут в будущем роковым образом повлиять на развитие всей человеческой цивилизации.

На другой день после своего не слишком удачного телефонного разговора с Розой Декстер я попытался было заняться работой, но в конце концов не выдержал и ближе к вечеру отправил-

ся в библиотеку, где обычно происходили наши встречи. Устроившись за столом напротив входа в читальный зал, я прождал ее более часа, после чего решил, что она сегодня может вообще не прийти, и вновь направился к телефону. Мне было необходимо с ней увидеться и поговорить обо всем этом деле начистоту.

Однако на сей раз трубку сняла жена ее старшего брата и сообщила, что Роза недавно ушла.

— Перед тем к ней заходил какой-то джентльмен, — добавила она.

— Вы не знаете, кто это был? — спросил я.

— Нет, мистер Филлипс.

— И не слышали, как Роза называла его по имени?

Нет, она этого не слышала. В сущности, она лишь мельком видела гостя, когда открывала ему дверь, но после моих настойчивых расспросов припомнила только, что у этого человека были усы.

Мистер Аллан! Теперь я в этом не сомневался.

Повесив трубку, я минуту-другую простоял в нерешительности. Возможно, Роза и мистер Аллан просто отправились на вечернюю прогулку по Бенефит-стрит. Но с таким же успехом они могли быть сейчас в том самом таинственном и зловещем доме. Одна только мысль об этом привела меня в сильнейшее волнение.

Выбежав из библиотеки, я что было сил помчался по направлению к Энджелл-стрит. Около десяти часов я достиг дверей своего дома; по счастью, мать уже отошла ко сну, и мне удалось незаметно пробраться в отцовский кабинет и завладеть его старым револьвером. Теперь мой путь лежал к холму на берегу реки; одинокие ночные прохожие шарахались в стороны, заведя бегущего по улице явно невменяемого человека, но сейчас меня мало заботили их удивленные взгляды — я сознавал страшную опасность, нависшую над Розой, да и, пожалуй, не только над ней одной.

Когда я приблизился к дому, угрюмая темнота и безжизненность его фасада несколько охладили мой пыл. Я остановился в тени, чтобы перевести дух и немного успокоиться, а затем крадучись двинулся в обход здания. В окнах его задней стороны также не было видно ни малейшего проблеска света, но зато до

моих ушей донесся низкий вибрирующий звук, напоминавший гудение натянутых проводов во время сильного ветра. Вскоре у самого дальнего конца стены я заметил слабое свечение, однако это был не обычный желтоватый свет лампы, а какое-то бледно-лиловое излучение, исходившее, казалось, от самой поверхности стеной кладки.

В памяти моей вновь ожила картина, увиденная накануне внутри этого здания. Но теперь уже я не собирался ограничивать себя ролью пассивного наблюдателя. Возможно, Роза как раз сейчас находилась в большой комнате, где стояли два стеклянных ящика, окруженных неведомой мне аппаратурой.

Быстро вернувшись к главному входу, я поднялся по ступеням крыльца и толкнул дверь. Как и в прошлый раз, она была не заперта. С револьвером в руке я шагнул в вестибюль и здесь задержался, прислушиваясь к отдаленному гулу; теперь я различил на его фоне знакомые звуки песни — той самой, под которую начинался гипнотический сеанс в моем доме.

Все это могло означать одно: мистер Аллан и его братья проводили очередной эксперимент, и на сей раз объектом его была Роза!

Не теряя более ни секунды, я устремился вперед и, ворвавшись в комнату, застал картину, которая отныне уже никогда не изгладится из моей памяти. Мистер Аллан и все его двойники, расположившись прямо на полу вокруг стеклянных ящиков, старательно выпевали свое сатанинское заклинание. Позади них к стене был прислонен огромный портрет Эдгара По, который я прежде видел лежащим под стеклом. Однако причиной испытанного мной в этот миг ужасного нервного потрясения были отнюдь не эти многократно повторяющиеся усатые лица — гораздо страшнее было то, что я увидел внутри стеклянных ящиков!

В одном из них, озарявшем комнату яростно пульсирующим фиолетовым излучением, лежала Роза, полностью одетая и абсолютно неподвижная — она явно находилась под воздействием гипноза. На груди ее, активно манипулируя всеми своими конечностями, восседало омерзительное конусообразное существо — то, что в прошлый раз сидело поверх снимка Эдгара По. А рядом, в другом стеклянном ящике — даже сейчас я не могу

вспоминать об этом без содрогания, — *в той же позе лежала точная копия, стопроцентный двойник Розы Декстер!*

Дальнейшие события я помню довольно смутно. Потеряв контроль над собой, я разрядил револьвер в стеклянную поверхность и, видимо, нанес повреждения одному или обоим ящикам. Во всяком случае, фиолетовое сияние погасло и комната погрузилась в крошечную темноту, из которой доносились испуганные и тревожные крики мистера Аллана и компании. Затем последовала серия взрывов в аппаратуре, среди которых я на ощупь добрался до ящика и, схватив тело Розы Декстер, выбежал с ним на улицу.

Оглянувшись, я увидел за окнами дома яркие языки пламени, после чего его северная стена раскололась и некий объект — я не смог определить, что это было такое, — вырвался из горящего здания и стремительно исчез в вышине. С Розой на руках я бросился бежать вниз по улице, подальше от проклятого холма.

Придя в себя, Роза начала биться в истерику, но вскоре мне удалось ее успокоить, и она, затихнув, больше не проронила ни слова. Я доставил ее домой и, хорошо представляя, какие страхи ей довелось пережить, решил отложить объяснения до того времени, когда она окончательно оправится.

В течение следующей недели я несколько раз ходил к дому на холме, пытаясь выяснить что-либо о судьбе его обитателей. Однако выдвинутое против меня обвинение в поджоге — основной уликой при этом был револьвер, брошенный мною во время бегства из дома, — заслонило в глазах полиции все остальные, куда более важные вопросы. Напрасно я умолял их подождать, пока Роза Декстер выздоровеет и сможет подтвердить правоту моих слов. Эти полицейские чины попросту не принимали меня всерьез.

Они утверждали, что обгоревшие останки, найденные на пепелище, — по крайней мере, большая их часть — не могли быть останками человеческих тел. Но что они ожидали увидеть? Семь трупов Эдгара Аллана По? Я объяснял им, что существа, населявшие этот дом, были пришельцами из другого мира, с далекой умирающей планеты, обитатели которой стремятся захватить нашу Землю, принимая с этой целью облик самых обычных людей. Безусловно, только по чистой случайности первой моделью для

них послужил портрет Эдгара По — они ведь не могли знать, что этот весьма характерный образ плохо подходит для конспирации. То, что полиция обнаружила под развалинами дома, не было телами людей именно потому, что материалом для этих дубликатов послужила живая плоть уродливой инопланетной твари, которая все это время обитала в излучающем фиолетовый свет прозрачном контейнере. По словам полицейских, они не смогли идентифицировать находившийся внутри дома аппарат или комплекс аппаратов, поскольку от них после взрыва уцелели лишь отдельные разрозненные детали. Не думаю, что они преуспели бы в этом больше, останься устройство неповрежденным, — ведь назначением его было не что иное, как трансформация живой материи конусообразного существа в телесную оболочку человека!

«Мистер Аллан» сам дал мне ключ к разгадке, хотя в тот вечер я еще не мог до конца понять, что он имел в виду, когда на мой вопрос, не собираются ли инопланетяне завоевать Землю, ответил: *«Высокоразвитым цивилизациям нет нужды прибегать к столь простым и грубым формам вмешательства»*. Разве эти слова недостаточно проясняют цель появления «братьев» в заброшенном доме на берегу Сиконка? Теперь я уже не сомневаюсь в том, что странные видения, посещавшие меня во время эксперимента, представляли собой реальную картину жизни далекой планеты — родной планеты моих ночных гостей.

И наконец, последнее — я понял, зачем им нужна была Роза Декстер. Воспроизводя себя в образе обычных мужчин и женщин, они смогут медленно и незаметно — в течение десятилетий, а то и веков — смешиваться с жителями Земли, подготавливая почву для массового переселения этих существ еще до того, как их старый мир окончательно прекратит свое существование.

Бог знает, сколько их уже теперь находится здесь, среди нас!

Р. С. За все время, прошедшее с той жуткой ночи, я еще ни разу не имел возможности поговорить с Розой. Вот и сейчас я сижу перед телефоном и не решаюсь набрать ее номер. Меня терзают страшные, мучительные сомнения. Вновь и вновь я восстанавливаю в памяти обстановку той комнаты, фиолетовый свет, неподвижные лица «ночных братьев», затем выстрелы моего револьвера, хаос и крошечный мрак. Я пытаюсь и не могу найти

ответа на один страшный вопрос: где гарантия того, что в те безумные минуты я вынес из объятого пламенем дома *настоящую* Розу Декстер? Сегодня вечером все должно решиться. Если я тогда допустил роковую ошибку — да смилостивится Господь над моим городом и над всем нашим несчастным миром!

* * *

Нижеследующая заметка была опубликована в номере «Провиденс джорнел» за 17 июля того же года:

«ДЕВУШКА ДАЕТ ОТПОР НАСИЛЬНИКУ

Роза Декстер, дочь мистера Элайджи Декстера, проживающая в доме № 127 по Беневолент-стрит, вчера ночью, обороняясь от нападения, убила молодого человека, который, по ее словам, внезапно набросился на нее посреди безлюдной улицы. Когда мисс Декстер была задержана на площади перед собором Святого Иоанна, она находилась в состоянии, близком к истерике. Нападение произошло неподалеку от примыкающего к собору старого кладбища.

Нападавший был опознан; им оказался знакомый девушки, некто Артур Филлипс...»

ТАЙНА СРЕДНЕГО ПРОЛЕТА

Эта рукопись была обнаружена в ходе официального расследования обстоятельств исчезновения Амброза Бишоп. Ее извлекли из бутылки, найденной неподалеку от сгоревшего дома и, вероятно, выброшенной оттуда во время пожара. Рукопись по сей день хранится в сейфе у шерифа города Аркхем, штат Массачусетс.

I

На седьмой день после отъезда из Лондона я прибыл в тот уголок Америки, куда мои предки переселились из Англии более двух веков тому назад. Забравшись в самое сердце глухой, безлюдной местности, простирающейся вдоль верховьев реки Мискатоник к северу от Данвича, что в штате Массачусетс, и миновав каменные стены, ограждающие на пару с кустами шиповника довольно длинный участок дороги за пиком Эйлсбери, я очутился в царстве могучих вековых деревьев, заслоняющих солнце, среди плантаций ежевики и развалин покинутых жилищ, изредка проглядывающих сквозь густой подлесок. Я чуть было не прошел мимо нужного мне дома, так как его не было видно за деревьями и кустами, а дорожка, ведущая к нему, заросла травой, и если бы не полуосыпавшийся каменный столб на обочине дороги с тремя последними буквами фамилии Бишоп, то я, пожалуй, так бы и не разыскал усадьбу своего двоюродного деда Септимуса Бишоп, пропавшего без вести почти два десятилетия тому назад. Еще добрых полмили мне пришлось карабкаться вверх по склону холма, продираясь сквозь заросли

шиповника и ежевики и перелезая через обломанные ветви деревьев, тянувшихся по обе стороны тропинки.

Дом стоял неподалеку от вершины и представлял собой приземистое двухэтажное сооружение, сложенное частью из каменных блоков, частью из бревен. Деревянная часть строения была некогда выкрашена в белый цвет, но с течением времени краска слезла, обнажив дощатую облицовку стен. При первом же взгляде на дом я пораился тому, насколько хорошо он сохранился: в отличие от тех руин, что я встретил по дороге, он был совершенно целехонек — ни выбоин в каменной кладке, ни разбитых окон. Единственной частью строения, пострадавшей от времени и непогоды, была его деревянная надстройка, в особенности же венчавший ее круглый купол, где я различил несколько прорех, образовавшихся, видимо, в тех местах, где прогнила древесина.

Дверь была открыта, однако расположенная перед ней крытая веранда надежно защищала внутренность дома от непогоды. Бегло оглядев помещение, я убедился в том, что в отсутствие хозяина сюда никто не заходил — вся мебель была на месте, на столе в кабинете лежала открытая книга, и если бы не толстый слой пыли и плесени, покрывавший все предметы, и не тяжелый затхлый дух, который, казалось, не изгнать отсюда никакими проветриваниями, то можно было подумать, что здесь по-прежнему живут люди.

Чтобы приобрести все необходимое для приведения дома в порядок, мне надо было вернуться в деревню, а потому я спустился на проезжий тракт, представлявший собой обычную лесную тропу с колеей, сел в автомобиль, взятый напрокат в Нью-Йорке, и поехал обратно в Данвич — убогую деревушку, уютившуюся меж мутными водами реки Мискатоник и угрюмой громадой Круглой горы, из-за которой в поселке царил вечный полумрак. Прибыв на место, я направился в единственный в округе универсальный магазин: он располагался в здании бывшей церкви и был снабжен вывеской с именем своего владельца — Тобиаса Уэйтли.

Несмотря на некоторый опыт общения с жителями глухих деревень в самых разных уголках планеты, я никак не был готов к приему, оказанному мне хозяином лавки, — обслуживая меня, этот седобородый старец с худым изможденным лицом не про-

ронил ни слова, и только после того, как я выбрал все необходимые мне товары и расплатился, он впервые поднял на меня глаза и произнес:

— Сдается мне, что вы нездешний.

— Точно, — подтвердил я. — Я из Англии. Но у меня тут жила родня. Бишопы. Может, слышали?

— Бишопы, — повторил он шепотом. — Вы сказали: Бишопы? — И, обращаясь скорее к себе, нежели ко мне, добавил, на этот раз чуть громче: — Ну да, вроде есть тут такие. Хотите сказать, что вы их родственник?

— Именно так, — ответил я. — Я внучатый племянник Септимуса Бишопы.

При звуках этого имени с бледного лица Уэйтли сошла последняя краска. Подавшись к прилавку, он сделал такое движение, будто хотел смахнуть с него купленные мною предметы.

— Э, нет! — остановил я его. — Это мой товар, я за него заплатил.

— Можете взять свои деньги обратно, — буркнул хозяин. — Я не имею дела с родней Септимуса Бишопы.

Для меня не составило особого труда вырвать из слабых рук старика свои покупки. Он отступил от прилавка и прислонился спиной к полкам.

— Но вы не пойдете к нему в дом? — спросил он, снова перейдя на шепот. На лице его появилось беспокойное выражение.

— Это уж мне решать, — сказал я.

— Никто из наших туда не ходит. Оставьте дом в покое, — проговорил он раздраженно.

— С какой стати? — возмутился я.

— А то вы не знаете!

— Знал бы, не спрашивал. Мне известно лишь то, что мой двоюродный дед пропал при невыясненных обстоятельствах девятнадцать лет назад, и я прибыл сюда на правах его законного наследника. Где бы он теперь ни находился, он наверняка мертв.

— Он уже тогда был мертв, — произнес хозяин, снова повысив голос. — Его убили.

— Как убили? Кто?

— Люди. Те, что жили по соседству. Обоих прикончили.

— Но мой двоюродный дед жил один.

Этот деревенский олух со своими суеверными страхами начинал действовать мне на нервы. Судя по тому, как мало он знал о Септимусе Бишопе, можно было с уверенностью заключить, что его точка зрения представляет собой типичную реакцию темного, невежественного человека на образованность и ученость, каковыми в полной мере обладал мой двоюродный дед.

— Ночью... заживо зарыли в землю... — бормотал Уэйтли. — Обоих... а те их проклинали... потом их дома обрушились, и они один за другим поумирали...

На этой мрачной ноте я покинул магазин, поклявшись, что впредь буду ездить за покупками только в Аркхем. Однако слова старика не выходили у меня из головы, а потому я решил отправиться в город немедленно, чтобы посмотреть там старые подшивки «Аркхем эдвертайзер». Увы, мое благое намерение не получило достойного вознаграждения: просмотрев все номера за июнь соответствующего года, я нашел всего две корреспонденции из Данвича, и лишь в одной из них говорилось о Септимусе:

«До сих пор нет никаких известий о Септимусе Бишопе, исчезнувшем из своего дома в окрестностях Данвича десять дней назад. Мистер Бишоп не был женат, вел замкнутый образ жизни и за свои якобы сверхъестественные способности прослыл в округе знахарем и колдуном. Внешность: высок, худощав. Возраст: 57 лет».

Вторая заметка представляла собой довольно любопытное сообщение о ремонте одной из опор среднего пролета заброшенного моста через Мискатоник к северу от Данвича. Работа, по всей видимости, осуществлялась силами частных лиц, так как окружная администрация в ответ на критические замечания, раздававшиеся в ее адрес по поводу починки давно уже не используемого моста, категорически отвергла свою причастность к этому мероприятию.

Сопоставив содержание первой корреспонденции с тем, что я слышал от Тобиаса Уэйтли, я еще раз убедился в том, что причина его странного поведения лежит в суевериях, распростра-

ненных среди коренных жителей. Старик всего-навсего выражал общепринятые взгляды — взгляды, безусловно, смехотворные, с точки зрения любого образованного человека в наш просвещенный век, когда вера в то, что не поддается научному объяснению, — например, во врачевание посредством наложения рук или в колдовство — считается признаком невежества. Мой двоюродный дед Септимус Бишоп получил образование в Гарварде, и представители английской ветви семьи Бишоп знали его как человека большой учености и непримиримого противника каких бы то ни было суеверий.

Уже смеркалось, когда я вернулся в усадьбу старого Бишоп. Мой двоюродный дед не удосужился провести в дом ни электричества, ни газа, зато свечей и керосиновых ламп здесь было в достатке, причем в некоторых из последних еще оставался керосин. Я зажег одну из ламп и приготовил скромный ужин. Потом я расчистил себе место в кабинете, где можно было улечься без особых неудобств, и сразу отошел ко сну.

II

С утра я занялся уборкой. Несмотря на летнюю жару, в доме стояла такая сырость, что все предметы — в том числе и книги в кабинете, где я ночевал, — были подернуты плесенью, и, чтобы просушить эту часть здания, мне пришлось затопить камин.

Затем я протер мебель и подмел пол на первом этаже, где располагались кабинет с прилегавшей к нему спальней, кухня, кладовая и столовая, служившая, скорее, в качестве книгохранилища, на что указывали горы книг и кипы бумаг. Управившись с первым этажом, я поднялся на второй, но, прежде чем заняться им, проследовал в помещение купола по узкой лестнице, на которой не смогли бы разминуться два человека.

Купол оказался чуть просторнее, чем я предполагал, глядя на него снаружи, — в нем можно было стоять и перемещаться, не нагибаясь. Судя по наличию телескопа, купол использовался для астрономических наблюдений, хотя, на мой взгляд, это не могло служить достаточным объяснением тому факту, что пол в нем был покрыт всевозможными чертежами, состоявшими по большей части из кругов, пятиугольников и звезд. Среди много-

численных книг по астрономии я, к удивлению своему, обнаружил несколько трудов по астрологии, причем довольно древних — один из них датировался аж 1623 годом. Несколько текстов было на немецком языке, но большинство — на латыни. Все они, без сомнения, принадлежали моему двоюродному деду, но зачем они ему понадобились, осталось для меня загадкой.

Помимо застекленного обзорного люка в северной части купола в нем было еще отверстие для телескопа, закрытое изнутри щитом. Несмотря на многочисленные щели, образовавшиеся в тех местах, где под воздействием дождя и снега прогнила древесина, — именно на них я обратил внимание, подходя к дому, — в помещении не было ни пыли, ни плесени, и, поразмыслив, я пришел к выводу, что если я все же решусь обосноваться здесь хотя бы на короткое время, то починка купола обойдется мне сравнительно дешево.

Но прежде надо было проверить, насколько хорошо сохранилась подвальная часть здания. Бегло осмотрев второй этаж — он состоял из двух спален, двух чуланов и кладовой, причем только одна из спален была меблирована, да и то выглядела так, будто ею ни разу не пользовались по назначению, — я спустился на первый этаж и далее в подвал, куда вела дверь из кухни.

Стены обширного подвального помещения были сложены из известняка и, как показывали оконные проемы, имели толщину полтора фута. Что касается пола, то он был не земляной, как в подвалах большинства старых домов, а кирпичный. Это несколько озадачило меня, но, внимательно обследовав его при свете лампы, я пришел к выводу, что кирпич был настелен не при постройке дома, а значительно позже — вероятно, уже при моем двоюродном деде Септимусе.

В противоположных концах подвала виднелись два квадратных люка с большими железными кольцами. Один из них, судя по подведенной к нему из стены трубе и стоявшему здесь же насосу, прикрывал резервуар для воды. Под вторым, скорее всего, была яма для фруктов или овощей. Желая убедиться в правильности своего предположения, я приблизился к нему, взялся за кольцо и рванул крышку на себя.

Моему удивлению не было предела, когда вместо ямы моя лампа осветила ряд уходящих вниз кирпичных ступеней. Спус-

тившись по ним, я очутился в туннеле, который, насколько я мог судить, был прорыт в толще холма и уводил далеко за пределы дома в северо-западном направлении. Пригнувшись, я двинулся вперед по туннелю, миновал поворот и остановился, теряясь в догадках относительно предназначения этого подземного коридора.

Не без оснований рассудив, что туннель был прорыт по инициативе моего двоюродного деда, я уже было собрался повернуть назад, как вдруг свет моей лампы упал на какой-то металлический предмет на небольшом расстоянии впереди, и, сделав еще несколько шагов, я очутился перед новым люком. Открыв его, я увидел под собой большую круглую комнату, в которую вело семь кирпичных ступеней.

Не в силах противиться искушению, я сошел вниз и огляделся по сторонам, высоко подняв лампу. Посреди комнаты высились какие-то загадочные сооружения из камня, образуя композицию в виде алтаря и ряда скамей. А на кирпичном, как и в подвале, полу виднелось множество небрежно выполненных схем, весьма напоминающих те, что я видел в доме. Но если наличие астрономических чертежей под куполом объяснялось тем, что оттуда открывался вид на небо, то для чего они были нужны здесь, осталось для меня тайной.

Зато я ничуть не удивился, когда увидел в полу перед алтарем очередной люк. Сблазн взяться за большое железное кольцо был велик, но интуиция подсказала мне не делать этого. Я ограничился тем, что приблизился к нему, однако и этого оказалось достаточно, чтобы ощутить сквозняк и сделать вывод, что под этой подземной комнатой есть потайной ход, ведущий наружу. Я вернулся в туннель, но не пошел обратно в дом, а проследовал дальше.

Пройдя примерно три четверти мили, я достиг массивной деревянной двери, запертой на засов с моей стороны. Я поставил лампу на пол, снял засов, толкнул дверь и увидел перед собой густые заросли, благодаря которым вход в туннель был надежно замаскирован от посторонних глаз. Я двинулся напролом через чащу, и вскоре мне открылся великолепный вид на сельскую местность, расстилавшуюся далеко во все стороны от подножия холма, на склоне которого я стоял. На некотором расстоянии впереди поблескивал Мискатоник с перекинутым через него

каменным мостом; тут и там виднелись развалины заброшенных ферм — и ни единого дома с признаками жизни. С минуту я стоял, замороженно глядя на развернувшуюся передо мной панораму, а затем пустился в обратный путь, размышляя на ходу о предназначении хитроумного туннеля, подземной комнаты и того, что в ней находилось. Если все это служило в качестве потайного хода из дома, то зачем и кому он понадобился?

Вернувшись в дом, я решил, что вторым этажом займусь как-нибудь в другой раз, а пока попытаюсь навести порядок в кабинете. Бумаги, разбросанные на столе и вокруг него, отодвинутый в спешке стул — все указывало на то, что мой двоюродный дед был срочно куда-то вызван и покинул кабинет, оставив в нем все как есть, с тем чтобы никогда больше в него не вернуться.

Я знал, что Септимус Бишоп, будучи человеком состоятельным, всецело посвятил себя научным изысканиям. Не исключено, что предметом этих изысканий была астрономия, в том числе и те ее области, где она соприкасается с астрологией, хотя последнее было маловероятно. Все это я мог бы разузнать точнее, если бы он постоянно переписывался с кем-нибудь из своих братьев, живших в Англии, или вел дневник, — но, увы, ни в письменном столе, ни среди бумаг я не обнаружил ничего подобного. Содержание самих бумаг было для меня темным лесом. Бесчисленные графики и чертежи состояли сплошь из одних дуг и загогулин, в которых я ничего не понял, а потому, недолго думая, причислил их к геометрии. Текстовая же часть была выполнена не на английском, а на каком-то древнем языке, абсолютно мне незнакомом, — притом что я свободно читаю по-латыни и еще на полудюжине европейских языков.

По счастью, в бумагах оказалась аккуратная связка писем, и после легкого обеда, состоявшего из сыра, хлеба и кофе, я взялся за их разборку. Первое же из писем повергло меня в изумление. Оно было без адреса и имело заголовок «Звездная мудрость». Вот содержание этого письма, начертанного жирным затыливым почерком:

«Дорогой Брат Бишоп!

Именем Азатота, силой знака Сияющего Трапецоэдра, ты постигнешь все, как только призовешь Духа Тьмы. Дождись наступления ночи и не зажигай света, ибо Тот, кто следует тропею тьмы,

не показывает себя и сторонится света. Ты узнаешь все тайны Рая и Ада. Все загадки миров, неведомых живущим на Земле, откроются тебе.

Храни терпение и помни, что, несмотря на многие невзгоды, мы по-прежнему благоденствуем — втайне от всего мира — здесь, в Провиденсе».

В конце стояла подпись — «Эйсенаф Баун» (или Браун — я точно не разобрал). Остальные письма были примерно в том же духе, представляя собой послания самого эзотерического толка. В них трактовались мистические материи, занимавшие умы людей в Средние века — в эпоху расцвета всевозможных суеверий — и канувшие в небытие вместе с той эпохой, а потому ничего не говорившие современному человеку. Какое было дело до них моему двоюродному деду — если, конечно, он специально не изучал проблему возрождения мистической культовой практики в наши дни, — осталось для меня загадкой.

Я прочел все письма до одного. Моего двоюродного деда приветствовали в них от имени Великого Ктулху, Хастура Невыразимого, Шуб-Ниггурата, Белиала, Вельзевула и так далее. Создавалось впечатление, что корреспондентами старого Бишопа только и были что одни знахари и шарлатаны, а также маги-самоучки и священники-расстриги. Одно письмо выделялось среди прочих тем, что имело отчасти научный характер. Почерк был весьма неразборчив: хорошо читались лишь подпись — Уилбер Уэйтли, дата — 17 января 1928 года и место написания — окрестности Данвича. С остальным текстом мне пришлось изрядно помучиться, но мои усилия были вознаграждены, и в конце концов я прочел следующее:

«Дорогой мистер Бишоп!

Да, применив формулу Дхо, можно увидеть внутренний город на магнитных полюсах. Когда будете в Данвиче, загляните ко мне на ферму, и я открою Вам формулу Дхо. А заодно и Дхо-Хна. И еще я сообщу Вам углы плоскостей и формулы между Йр и Нххнгр.

Пришельцы из воздуха не могут обходиться без человеческой крови. Как Вам известно, они получают из нее тело. Вы и сами сможете сделать это, если будете уничтожены не Знаком,

а иначе. В наших краях кое-кому известно о Знаке и его силе. Не болтайте попусту. Держите язык за зубами, даже на Шабаше.

Я видел Вас — и того, кто ходит за Вами в образе женщины. Но силой зрения, которым меня наделили те, кого я вызывал, я видел его истинный лик — Вам он тоже должен быть известен. А потому, я полагаю, недалек тот день, когда Вы сможете лицезреть то, что я вызову, в моем собственном обличье. Надеюсь, что Вас это не испугает.

Преданный Вам во имя Того, Кого Не Должно Называть Вслух».

Автор письма, без сомнения, был членом той же семьи, что и Тобиас, который так боялся этого дома. Теперь мне стал понятен источник одолевавших беднягу суеверий и страхов: имея такого родственника, трудно было остаться здравомыслящим человеком. А раз мой двоюродный дед Септимус находился в дружеских отношениях с этим Уилбером Уэйтли, то неудивительно, что другой представитель рода Уэйтли считал его одного поля ягодой с Уилбером — что бы тот собой ни представлял. Только какая тут могла быть дружба? Видно, многого я еще не знал о своем двоюродном деде.

Перевазав письма, я убрал их на место и занялся конвертом с газетными вырезками, взятыми, судя по шрифту, из «Аркхем эдвертайзер». Они оказались не менее интригующими, нежели письма, поскольку сообщали о таинственных исчезновениях в окрестностях Данвича и Аркхема, жертвами которых были в основном дети и молодые люди, а однажды, вероятно, стал и мой двоюродный дед Септимус. В одной из заметок речь шла о том, как озлобленные местные жители заподозрили в похищениях одного из своих соседей, имя которого не сообщалось, и грозились расправиться с ним и как местная полиция предотвратила самосуд. Похоже, мой двоюродный дед живо интересовался этими событиями.

Просмотрев вырезки, я отложил их в сторону и погрузился в раздумья. Одно место из письма Уилбера Уэйтли не давало мне покоя. «Я видел Вас — и того, кто ходит с Вами в образе женщины». В связи с этим местом мне вспомнилась фраза, оброненная Тобиасом Уэйтли, когда он говорил о Септимусе Бишопе:

«Обоих прикончили». Прикончили. Кто знает, может быть, суеверные жители Данвича возложили вину за исчезновения на моего двоюродного деда, а потом и вправду его прикончили?

Внезапно у меня возникло непреодолимое желание хотя бы ненадолго покинуть дом. День был в самом разгаре, и после многочасового сидения в затхлом помещении дала о себе знать потребность в свежем воздухе. Я вышел из дома, спустился на дорогу и почти инстинктивно повернул в противоположную от Данвича сторону. Мне не терпелось узнать, что находится за домом Бишопа, а заодно и посетить ту часть речной долины, которую я разглядывал со склона холма неподалеку от входа в туннель.

Как я и ожидал, местность оказалась глухой и безлюдной. Дорога с нависавшими над ней с обеих сторон деревьями выглядела совсем запущенной — вряд ли ею пользовался кто-нибудь, кроме сельского почтальона. Изредка в поле моего зрения попадала гряда холмов, простиравшаяся по левую сторону тракта, в то время как справа тянулась извилистая лента Мискатоника, то приближаясь к дороге и следуя параллельно ей, то вновь отходя далеко в сторону. Места были совершенно необитаемые, но временами мне попадались ухоженные поля, из чего я сделал вывод, что сюда наезжают фермеры из других мест. Жилых зданий не было — одни только развалины да покинутые хозяевами фермы; не было и скота; не было вообще ничего, что бы указывало на недавнее пребывание здесь людей, если не считать дороги, которая, возможно, вела в какой-то населенный пункт.

На одном из тех участков пути, где до реки было довольно далеко, вправо от основной дороги отходило боковое ответвление, обозначенное на покосившемся указательном столбе как «Крэйри-роуд» и перегороженное ржавым, заросшим травой шлагбаумом, на котором висел щит с надписью «Проезд закрыт». Ниже была приделана еще одна дощечка, предупреждавшая о том, что мост вышел из строя. Прочтя эту вторую надпись, я без колебаний свернул на боковую дорогу и шел по ней чуть больше полумили, продираясь сквозь кустарник и заросли ежевики, пока наконец не выбрался к реке и каменному мосту.

От старого моста сохранился только средний пролет, опиравшийся на два каменных быка. Один из них был заметно толще

другого за счет бетонного упрочнения, на котором неведомый строитель вырезал большую пятиконечную звезду. В центр звезды был вделан камень, в общих чертах воспроизводящий ее форму. Оба крайних пролета вместе с концами моста покоились на дне реки, и только средний пролет продолжал стоять как ни в чем не бывало, напоминая о том, что в этой долине некогда кипела жизнь. Как знать, подумалось мне вдруг, может быть, это и есть тот самый мост, о котором я читал в «Аркхем эдвертайзер».

Мост был построен в чисто утилитарных целях и с эстетической точки зрения представлял собой довольно примитивное сооружение, и тем не менее я не мог оторвать от него взгляда, ибо сама древность его имела для меня притягательную силу. Безобразный бетонный нарост, покрывавший одну из его опор от основания почти до самого верха, усугублял общее впечатление убожества и безвкусицы, в то же время вряд ли способствуя прочности сооружения. В любом случае мосту — или тому, что от него осталось, — не суждено было продержаться долго, ибо река в этом месте при очевидно небольшой глубине имела внушительную ширину, и быстрое течение упорно подтачивало основания быков, поддерживавших средний пролет.

Я стоял и глядел на мост, пытаюсь определить его возраст, как вдруг неожиданно стемнело, и, обернувшись, я увидел огромные серые лохмотья дождевых облаков, угрожающе надвигавшиеся с востока и северо-востока и постепенно обволакивавшие небо. Я поспешил обратно в дом.

С моей стороны это было весьма благоразумно, ибо не прошло и часа, как сверкнула молния, а за ней еще одна, и еще одна; всю ночь бушевала буря с громом и молниями; всю ночь каскады дождя низвергались с небес и ручьями струились по скатам крыши.

III

Вследствие ли того, что за окном стояло свежее, омытое дождем утро, или по какой-то иной, неведомой мне причине, но первое, о чем я вспомнил по пробуждении, был мост. Ливень уже три часа как прекратился; ручьи превратились в тоненькие струй-

ки; крыша обсыхала под лучами утреннего солнца, и уже через час-другой должны были полностью просохнуть травы и кусты.

В полдень я отправился взглянуть на мост. Интуиция подсказывала мне, что за ночь там все переменялось, и она меня не обманула: пролета не было и в помине; поддерживающие его быки рассыпались на куски, и даже грандиозная бетонная опухоль вся покособилась и растрескалась — вероятно, в нее попала молния. Глядя на реку — непомерно раздувшуюся, мутно-коричневую, — я живо представил себе тот разъяренный поток, что бушевал здесь ночью, когда уровень воды, как показывали отметины на берегах, поднимался на два с лишним фута. Неудивительно, что мощь взбесившейся реки и попадание молнии нанесли последний, сокрушительный удар старому мосту, по которому в не столь далеком прошлом мужчины, женщины и дети переправлялись в ныне опустевшую долину на противоположном берегу.

Камни, из которых были сложены быки, снесло на изрядное расстояние вниз по течению, а некоторые из них даже выбросило на берег, и только бетонное упрочнение — все в сколах и трещинах — осталось стоять на месте среднего пролета. Глядя вниз по течению на разбросанные камни, я вдруг заметил что-то белое, лежавшее далеко впереди на моем берегу почти у самой воды. Я направился туда, и то, что я там увидел, явилось для меня полной неожиданностью.

А увидел я кости, побелевшие, выпцветшие кости, — вероятно, они долго пролежали в воде и их только недавно выбросило на берег. Может быть, они остались от чьей-нибудь коровы, утонувшей в незапамятные времена. Но не успела эта догадка прийти ко мне в голову, как я тут же отмел ее, ибо часть костей, лежавших предо мной, явно принадлежала человеку, и, пошарив вокруг глазами, я увидел человеческий череп.

Но не все кости были человеческими. Среди них были и такие, каких мне не случалось видеть никогда раньше. Это были длинные и гибкие, как плети, кости, которые, похоже, принадлежали какому-то не до конца сформировавшемуся организму. При этом они так переплелись с костями человека, что невозможно было определить, где кончаются одни и начинаются другие.

В любом случае все эти кости надлежало предать земле, а для этого надо было прежде поставить в известность кого следует.

Я огляделся по сторонам в поисках какой-нибудь тряпки и увидел рванный холщовый мешок, тоже, вероятно, выброшенный на берег во время бури. Я сходил за ним, вернулся и растелил еще не просохшую мешковину рядом с костями. Затем я принялся разбирать их. Вначале я разложил их на несколько кучек, состоявших из переплетенных между собой костей, потом стал отделять их одну от другой, пока не разложил все по косточкам. Завершив эту работу, я связал четыре конца мешка, отнес его в дом и временно спустил в подвал, намереваясь во второй половине дня отвезти кости в Данвич, а то и в Аркхем. Задним числом я сообразил, что для официального расследования было бы лучше, если бы я не трогал эти кости и оставил их на берегу в том виде, как обнаружил.

Теперь я подхожу к наиболее неправдоподобной части своего повествования. Я уже упоминал о том, что снес кости в подвал. Ничто не мешало мне оставить их на веранде или хотя бы в кабинете, но я почему-то сразу прошел в подвал и оставил мешок там. Затем я вернулся в дом и занялся приготовлением пищи, о чем не успел побеспокоиться с утра. Пообедав, я спустился в подвал за костями, намереваясь отвезти их в город и предъявить соответствующим органам.

Судите сами, как я был ошеломлен, когда развернул мешок, лежавший на том самом месте, где я его оставил час назад, и обнаружил, что он совершенно пуст. Кости исчезли. Я не поверил своим глазам. Поднявшись на первый этаж, я зажег лампу, спустился с ней в подвал и обыскал в нем каждую пядь. Безрезультатно. Ничто не изменилось в подвале с тех пор, как я впервые побывал в нем: окна были все так же затянуты паутиной, и, стало быть, к ним никто не прикасался; никто, похоже, не трогал и крышку люка, ведущего в туннель. И тем не менее кости исчезли бесследно.

Я вернулся в кабинет окончательно сбитым с толку. Может быть, никаких костей не было вовсе? Но как же не было, когда я сам их нашел и принес в дом? Единственное возможное объяснение, каким бы искусственным оно ни выглядело, заключалось в том, что кости были не такими прочными, как мне пока-

залось, и после кратковременного пребывания на открытом воздухе превратились в пыль. Но в таком случае хотя бы эта пыль должна была остаться! Между тем я прекрасно помнил, что мешковина была совершенно чистой.

Разумеется, я не мог обратиться к властям с такой сказкой — меня бы просто посчитали за сумасшедшего. Но ничто не могло помешать мне навести справки, а потому я поехал в Данвич, где из чувства противоречия первым делом зашел в магазин Уэйтли.

Увидев меня, Тобиас осклабился.

— Ничего я вам не продам! — предупредил он меня прежде, чем я успел раскрыть рот. Потом он повернулся к другому посетителю — пожилому субъекту неряшливого вида — и нарочито громко произнес: — Вот он, этот самый Бишоп!

Сказанного было достаточно для того, чтобы субъект поспешно ретировался.

— Я хочу задать вам один вопрос, — начал я.

— Валяйте!

— Я хотел узнать, нет ли на берегу реки за старым мостом какого-нибудь кладбища?

— Не слыхал о таком. А что? — спросил он с подозрением.

— Да нет, ничего, — ответил я. — Просто то, что я там нашел, заставило меня предположить, что где-то рядом есть кладбище.

Глаза хозяина сузились и заблестели. Он закусил нижнюю губу. Потом он вдруг побелел как полотно и прошептал:

— Кости! Вы нашли кости!

— Я ничего такого не говорил, — возразил я.

— Где вы их нашли? — потребовал он не терпящим возражений тоном.

Я развел руками и показал ему ладони.

— Как видите, никаких костей у меня нет, — сказал я и вышел из лавки.

Я направился к небольшой церквущке, которую приметил в переулке по пути в магазин. Овернувшись, я увидел, что Уэйтли запер его и теперь торопливо удалялся вниз по центральной улице — вероятно, с тем чтобы повсюду рассказать о подозрениях, которые он мне только что высказал.

Надпись на почтовом ящике оповещала о том, что местного священника зовут Абрахам Даннинг. Он как раз оказался дома

и сам открыл мне дверь — этакий пухлый коротышка с румяными щечками и очками на носу. На вид ему было лет шестьдесят пять. Я с некоторым облегчением заметил, что мое имя ровным счетом ничего ему не сказало, и с ходу предупредил, что хочу навести кое-какие справки.

— Я к вашим услугам, мистер Бишоп, — произнес он, как только мы очутились в гостиной, служившей ему, вероятно, и в качестве кабинета.

— Скажите мне, ваше преподобие, не приходилось ли вам слышать о том, что в окрестностях Данвича есть колдуны?

Священник сомкнул пальцы и откинулся на спинку стула. На лице его заиграла снисходительная улыбка.

— Видите ли, мистер Бишоп, у нас такой суеверный народ! Здесь многие верят в ведьм, колдунов и всякую нечисть из потустороннего мира, особенно после того, что произошло в тысяча девятьсот двадцать восьмом году, когда умер Уилбер Уэйтли и тот, кого называли его братом-близнецом. Уэйтли воображал себя волшебником и все время твердил о том, что якобы кого-то там вызывает из воздуха. На самом деле он имел в виду брата — говорят, что тот был страшно уродлив вследствие родовой травмы. Но все эти слухи очень запутанны и противоречивы.

— Вы знали моего двоюродного деда, покойного Септимуса Бишопа?

Он покачал головой:

— Нет, он умер еще до моего приезда сюда. Среди моих прихожан есть семья Бишоп, но я не думаю, что они его родня. Это простые, неграмотные люди. И потом, между ними нет никакого внешнего сходства.

Я заверил его, что эти Бишопы не приходятся родственниками нашей семье. К этому времени стало ясно, что здесь я не узнаю ничего полезного, а потому я поспешил откланяться. Преподобный Даннинг отпустил меня с явной неохотой: по всему было видно, что в этой глуши он страшно стосковался по обществу образованных людей.

Отчаявшись узнать что-либо новое в Данвиче, я вернулся домой и спустился в подвал, чтобы еще раз удостовериться в том, что кости исчезли. Тут меня впервые посетила мысль о крысах. Но если кости действительно утащили крысы, то почему

тогда я не застал их там, внизу? Значит, из подвала должен быть еще один вход!

Захватив с собой лампу, я снова спустился в подвал и тщательно обшарил его на предмет отверстия, которым могли бы воспользоваться крысы. Я не терял надежды найти какое-нибудь естественное объяснение пропаже костей. Однако ничего похожего на такое отверстие не оказалось. Мне ничего не оставалось, как смириться с исчезновением костей, и весь остаток дня я старался о них не думать.

Но как только я заснул, меня стали преследовать кошмары: я видел, как принесенные мною кости складываются в скелет и как этот скелет облекается плотью. Я видел, как те кости, что походили на плети, срastaются в нечто не от мира сего и как это нечто постоянно меняет обличья, становясь то живым воплощением вселенского ужаса, то огромной черной кошкой, то гигантским спрутом, то обнаженной блудницей, то громадной свиньей, то тощей сукой, прижимающейся к ногам своего хозяина. Я проснулся весь в поту и тут же услышал какие-то странные звуки — вначале сопенье и хныканье, доносившиеся, казалось, глубоко из-под земли, а потом дикий скрежет и треск, наводившие на мысль о какой-то разрушительной деятельности.

Чтобы стряхнуть с себя наваждение, я встал с постели и принялся расхаживать в темноте по дому, то и дело замирая у окна, чтобы поглядеть на залитый лунным светом пейзаж. Поначалу это вроде бы помогло, но спустя некоторое время меня вновь принялись терзать галлюцинации — мне показалось, что на опушке леса, почти вплотную подступающего к дому, стоит высокая худая фигура, а о ее ноги трется какая-то уродливая, бесформенная тварь. Видение продолжалось всего несколько секунд, после чего оба призрака скрылись в лесной чаще, куда не проникал свет луны. Вот когда я пожалел о том, что не наделен тем здравым смыслом, каким, должно быть, отличался мой двоюродный дед Септимус, ибо это новое видение было намного натуральнее тех снов, от которых мне с таким трудом удалось избавиться, и даже тех звуков, что доносились из-под земли.

Когда уже начало светать, я, поддавшись неясному побуждению, взял лампу и спустился в подвал. Я без труда нашел туннель и прошел по нему к подземной комнате. При этом я дейст-

вовал не столько по собственной воле, сколько под влиянием некой силы, которой не мог противиться. Когда я подошел к люку, ведущему в подземную комнату, мне показалось, что на земле перед ним виднеются отпечатки не только моих ног. Между чужими следами виднелась также широкая полоса, тянувшаяся по туннелю со стороны выхода в лес, как если бы оттуда по земле волочили какой-то тяжелый предмет. Спускаясь вниз, я ощущал сильнейшую тревогу. Но я беспокоился понапрасну, ибо в комнате никого не было.

Высоко подняв лампу, я огляделся по сторонам. Все осталось без изменений — каменные скамьи, кирпичный пол, алтарь... Алтарь! На нем что-то темнело, какое-то большое пятно с неровными краями. В прошлый раз его там не было, это я помнил точно. Не знаю, что заставило меня приблизиться к алтарю. Я во все не хотел этого делать, но было уже поздно, ибо я понял: то, что издали казалось темным пятном, на самом деле было лужей крови, она даже еще не просохла и влажно поблескивала при свете лампы.

Только теперь, впервые стоя так близко от алтаря, я увидел, что он весь покрыт пятнами, такими же темными бурыми пятнами, как и то, что было у меня перед глазами, но только гораздо более старыми. Стало быть, кровь проливалась здесь неоднократно.

Потрясенный увиденным, я бросился вон из комнаты, промчался по туннелю и поднялся по лестнице в подвал. Там я остановился, чтобы перевести дух, и в этот момент до меня донеслись звуки шагов. Наверху кто-то был! Стараясь ступать неслышно, я поднялся на первый этаж.

Шаги доносились из кабинета. Я затушил лампу, ибо даже того света, что пробивался в дом через сомкнутый строй вековых деревьев, было более чем достаточно, и направился в кабинет.

За столом сидел высокий худой мужчина мрачной наружности. С его плеч ниспадала мантия. Он сверлил меня взглядом.

— Вылитый Бишоп, — произнес он. — Только кто именно?

— Амброз, — ответил я, сглотнув слюну, — сын Уильяма, внук Питера. Приехал распорядиться именем своего двоюродного деда Септимуса. А вы?

— А я и есть твой двоюродный дед Септимус, внучек.

Что-то зашевелилось позади него и мелькнуло за спинкой стула. Он заслонил то, что там находилось, краем мантии, но я успел разглядеть жуткую чешуйчатую тварь с лицом миловидной женщины.

В ту же секунду я упал без чувств.

Когда я немного очухался, мне показалось, что он стоит рядом и обращается к кому-то со словами: «Нам придется дать ему еще немного времени».

Приоткрыв глаза, я поглядел в ту сторону, откуда раздавался голос.

Там никого не было.

IV

Спустя четыре дня я впервые получил номер «Аркхем эдвертайзер» — почтальон оставил его на возвышавшемся у ворот обломке указательного столба, придавив сверху камнем. Я забыл упомянуть о том, что во время своего посещения аркхемской библиотеки я оформил шестимесячную подписку на эту газету, таким способом отблагодарив редакцию за предоставленное мне право просмотреть старые подшивки, где я искал материалы, касавшиеся моего двоюродного деда. Газета как таковая меня совершенно не интересовала, и поначалу я даже хотел зашвырнуть ее куда подальше, но потом передумал и принес в дом.

Я не имел желания читать местную прессу, но тут мне на глаза попался набранный крупным шрифтом заголовок, который гласил: «Исчезновения в Данвиче возобновились». Почуввав недоброе, я прочел следующие строки:

«Поступило сообщение об исчезновении восемнадцатилетнего Сета Фрая, работавшего на ферме у Говарда Коула, расположенной к северу от Данвича. Последний раз его видели три дня назад по пути из города на ферму. А два дня назад пропал без вести двадцатилетний Гарольд Сойер, проживающий на окраине Данвича. Шериф Джон Хоктон и его помощники прочесывают округу, но пока без видимых успехов. Люди, близко знавшие этих юношей, утверждают, что у тех не было веских причин, чтобы скрываться; таким образом, есть основания предполагать, что дело пахнет преступлением.

Наши старые читатели, наверное, еще помнят волну подобных исчезновений, имевшую место более двадцати лет назад и увенчавшуюся пропажей Септимуса Бишопа летом 1929 года.

Данвич — типичное захолустье с довольно скандальной репутацией. Он нередко фигурирует в сводках новостей в связи с какой-нибудь загадочной историей, первой из каковых было дело Уэйтли в 1928 году...»

Я уронил газету на колени. Мой рассудок отказывался принять то единственное объяснение, которое напрашивалось само собой. Именно в этот момент я и принял решение предать бумаге все, что знал и чему был свидетелем. Я надеялся, что, расположив все события по порядку, я смогу увидеть их в истинном свете. Пока что у меня в голове царил полный хаос: я вспоминал то об исчезнувших из подвала костях, то о словах Уилбера Уэйтли в письме к моему двоюродному деду: «Пришельцы из воздуха не могут обходиться без человеческой крови. Они получают из нее тело... вы тоже сможете это делать...», то о таинственном возвращении и не менее таинственном повторном исчезновении Септимуса Бишопа, который с тех пор, как я встретил его в кабинете, больше не появлялся.

Я швырнул газету на пол. В голове у меня воцарился еще больший хаос, чем прежде: предания о колдунах и чародеях мешались со всевозможными поверьями вроде того, что в проточной воде могут обитать духи, ведьмы и прочая нечисть. Мой здравый смысл задышался под натиском суеверий и предрассудков. Внезапно меня охватило непреодолимое желание узнать обо всем как можно больше. Я выбежал из дома, изрядно исцарапавшись о кусты ежевики, спустился по тропинке к автомобилю и поехал в Данвич.

Едва я ступил ногой в магазин Тобиаса Уэйтли, как он набросился на меня с криками.

— Убирайтесь! Я не стану вас обслуживать! — орал он, брызгая слюной и сверкая глазами. — Это все вы, вы!

Он не давал мне открыть рта.

— Убирайтесь вон из города, пока это не повторилось! Мы сделали это тогда — сделаем и теперь. Я знал того парня, Сета. Он был мне как родной сын. Это вы во всем виноваты, вы и все ваше бишоповское отродье!

Перед лицом такой лютой злобы мне ничего не оставалось, как убраться восвояси. Пока я шел к автомобилю, я видел, как другие жители Данвича, сбившись в кучки вдоль улицы, смотрят мне вслед с неприкрытой ненавистью.

Я сел в автомобиль и покинул город. Впервые в жизни я воочию убедился в том, какую власть над человеком имеет страх неведомого — страх, перед которым отступает здравый смысл.

Вернувшись в дом Бишопа, я взял лампу, спустился в туннель и прошел по нему к люку, ведущему в подземную комнату. Едва я приподнял крышку, как на меня дохнуло таким смрадом, что я почел за благо остаться наверху. Запах, скорее всего, исходил от того, второго, отверстия, в которое я ни разу не удосужился заглянуть, ибо в самой комнате — насколько я мог видеть при тусклом мерцании лампы — ничто не изменилось со времени моего последнего посещения.

Я опустил крышку люка и поспешил вернуться тем же путем, каким пришел.

Вопреки всем доводам здравого смысла, теперь я знаю, какой ужас, сам того не желая, я навлек на Данвич — ужас, который до поры до времени таился в среднем пролете...

* * *

Позже. Мой двоюродный дед Септимус только что оторвал меня от кошмарных снов, положив мне на плечо свою тяжелую руку. Открыв глаза, я различил во тьме его смутный силуэт, а за ним — белую фигуру обнаженной женщины с длинными волосами и горящим взором.

— Внук мой, мы в опасности, — сказал дед. — Уходим.

Они оба развернулись и вышли из кабинета.

Я вскочил с постели, на которой спал одетым, и теперь спешу дописать эти заключительные строки в свой отчет о происшедшем.

Отсюда мне видны огни множества факелов. Там, на лесной опушке, собрались озлобленные жители Данвича. Я знаю, что у них на уме.

Мой дед Септимус и его спутник ждут меня в туннеле. Это единственный путь к спасению.

Если только преследователи не знают о существовании той двери, что выходит в лес...

* * *

На этом рукопись Бишопы обрывается.

А через одиннадцать дней после того, как дом старого Бишопы сгинул в огне пожара, «Аркхем эдвертайзер» опубликовала следующую заметку (любители курьезов найдут ее на развороте):

«ДАНВИЧЦЫ В СВОЕМ АМПЛУА

Вскоре после таинственного исчезновения Амброза Бишопы данвичцев вновь одолел строительный зуд. Старый мост по Крэйри-роуд, который полностью снесло во время недавнего кратковременного разлива реки Мискатоник, по-видимому, имеет в глазах жителей Данвича какую-то особую прелесть, иначе вряд ли они стали бы отстраивать заново — и притом в бетоне — один из центральных быков, да еще и украшать его тем, что местные старожилы именуют „Знаком Старших Богов“. Все попытки нашего репортера добиться от данвичцев хоть сколько-нибудь вразумительного объяснения этому факту не имели успеха...»

ИНСМУТСКАЯ ГЛИНА

Рассказ о событиях, связанных с судьбой моего покойного друга, скульптора по имени Джеффри Кори — если в данном случае уместно слово «покойный», — следует начать с осени 1927 года, когда Кори вернулся из Парижа и решил снять коттедж на побережье, к югу от приморского городка под названием Инсмут. Кори происходил из старинной семьи, что состояла в родстве с семейством Марш, проживавшем в этом небольшом портовом городе; впрочем, родство было очень дальним, и Кори не считал нужным завязывать отношения со своими родственниками. О Маршах, ведущих крайне замкнутый образ жизни в Инсмуте, штат Массачусетс, издавна ходили недобрые слухи, и все это не вызывало у Кори желания поближе с ними познакомиться.

Я навестил его в декабре, спустя месяц после его возвращения в Штаты. Кори был еще сравнительно молодым человеком (без малого сорока лет) шестифутового роста, с гладкой и чистой кожей лица, лишенной таких украшений, как усы и борода, хотя волосы он носил длинные — как это принято у художников в Латинском квартале. Яркие голубые глаза и худое, вытянутое лицо со впалыми щеками выделяли его в любой толпе; но особо примечательными в нем были даже не эти пронзительные глаза, а странные складки кожи под подбородком, за ушами и на шее. При этом Кори вовсе не был уродом; наоборот, его необычное, с тонкими чертами лицо оказывало какое-то гипнотическое воздействие на большинство людей, которые находили Кори просто очаровательным. К моменту моего визита он уже обосновался в коттедже и начал работать над новой скульпту-

рой — статуей Рима, «девушки-птицы», обещавшей стать истинным шедевром.

Накануне моего приезда Кори побывал в Инсмуте, где закупил все необходимые припасы на месяц вперед. Я нашел его гораздо более словоохотливым, чем обычно, и основной темой разговоров были его дальние родственники, о которых шептались во всех лавках Инсмута. Будучи людьми скрытными, Марши, естественно, сделались предметом всеобщего интереса, и, поскольку любопытство окружающих ничем не удовлетворялось, о них начали сочинять всякие небылицы, начиная с первых представителей семейства, занимавшихся торговлей где-то в южных районах Тихого океана. Все, что болтали о Маршах, для Кори не имело никакого смысла, хотя за этими историями явно таилось нечто загадочное. Кори был уверен, что в обозримом будущем узнает еще немало подробностей на сей счет, даже сам того не желая. Дело в том, объяснил он, что, поскольку об этой тайне говорит весь город, не обращать на нее внимания просто невозможно.

Кори рассказывал мне о предстоящей выставке своих работ, о парижских друзьях и годах учебы, о великолепной скульптуре Эпштейна и о политических страстях, кипевших во Франции. Из этого перечисления вы поймете, что в ту пору Кори был абсолютно нормальным человеком. По его приезде из Европы мы виделись всего один раз — в Нью-Йорке, да и то лишь мельком, так что та беседа в декабре 1927 года была первой за долгое время.

Наша следующая встреча состоялась в марте, но перед этим Кори прислал мне странное письмо, весь смысл которого заключался в последних строках, тогда как остальная часть была всего лишь прелюдией.

«Ты, вероятно, читал о странных событиях, произошедших в Инсмуте в феврале. Не знаю точно, что там произошло, но об этом наверняка писали в газетах других штатов, тогда как в Массачусетсе пресса упорно молчит на сей счет. Мне известно немного: в наш город внезапно нагрянул отряд федеральной полиции; полицейские схватили и увезли с собой нескольких горожан, в том числе и кое-кого из моих родственников, хотя кого именно, я не знаю, поскольку ни разу не удосужился выяснить,

сколько их и кого как зовут — или *звали*, что также вполне возможно. Мне удалось выяснить, что их забрали из-за каких-то дел, связанных с торговыми рейсами в южную часть Тихого океана, которые якобы совершаются судами из Инсмута, — хотя как это может быть, если доки у нас давно заброшены и атлантические суда в них не заходят, предпочитая более крупные и современные порты? Не хочу гадать, чем были вызваны действия полиции; здесь важно другое — как только в Инсмуте появились представители власти, к нашему берегу подошли несколько военных кораблей, остановились возле рифа Дьявола и сбросили там множество глубинных бомб! За этим последовал столь сильный шторм, что с берега смыло все наносы песка и плавника, и у кромки воды объявился пласт удивительной голубой глины. Подобная глина, как я слышал, встречается в глубине страны; раньше из нее делали кирпичи — особенно в старину, когда еще не было налажено их промышленное производство. Так вот, пока не начался прилив, я набрал сколько мог этой глины и сейчас работаю над одной скульптурой — я назвал ее „Морская богиня“, это будет настоящее чудо. Если приедешь на следующей неделе, ты ее увидишь; я уверен, она понравится тебе больше, чем „Рима“».

Не знаю, почему Кори был так уверен, но его новая скульптура не понравилась мне с первого взгляда; я даже нашел ее странно отталкивающей. Изогнутое женское тело, слишком широкие, на мой взгляд, бедра, да еще и перепонки на ногах.

— А это зачем? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Кори. — Само получилось. Изначально я так не задумывал.

— А что это за следы у нее на шее? — спросил я. Эта часть статуи казалась еще недоделанной.

Кори вымученно рассмеялся, и в его глазах появилось какое-то странное выражение.

— Мне бы самому это хотелось знать, Кен, — сказал он. — Вчера утром я проснулся и обнаружил, что, наверное, работал во сне, потому что увидел у нее за ушами вот эти щели — с обеих сторон, вроде как... жабры. Я их сейчас убираю.

— Может быть, морская богиня должна иметь жабры, — сказал я.

— Это, наверное, из-за тех историй, что я наслушался, когда ездил в Инсмут. Там все только и говорят что о Маршах. Уже договорились до того, что приписали им какое-то физическое уродство, из-за которого они, видите ли, и прятались от людей; еще рассказывают легенду о том, что Марши породнились с островитянами из южных морей. Разумеется, все это выдумки, какие просто обожают деревенщины; только, знаешь, в них чувствуется что-то более необычное, чем в обычных морализаторских сказочках на иудейско-христианской основе. Я думал об этом всю ночь, даже во сне, и, наверное, во сне встал и принялся работать над «Морской богиней».

Мне это показалось странным, и все же я не придал особого значения словам Кори. Рассуждал он вполне логично, а меня, должен признаться, больше заинтересовали недавние события в Инсмуте.

Непонятым казалось и другое — та серьезность, с которой Кори воспринял всю эту историю. По-прежнему оставаясь живым и интересным собеседником, он иногда посреди разговора внезапно замолкал, и я видел, как на его лице появлялось отрешенное выражение, словно его тревожило что-то такое, чего он не мог понять сам и о чем не решался рассказать мне. Это проявлялось у него по-разному — мимолетное замешательство, пристальный взгляд в сторону океана, несколько сбивчивая речь и частая потеря нити разговора, словно мой друг находился во власти какой-то навязчивой мысли, лишавшей его возможности сосредоточиться.

Наверное, мне тогда следовало взять инициативу в свои руки и разузнать все о предмете, так явно занимавшем его мысли; однако я не считал возможным вмешиваться в его личные дела, считая, что они меня не касаются. Хотя мы и были давними приятелями, я не был уверен, что имею право на такие действия, к тому же Кори и сам не стремился посвящать меня в свои проблемы, поэтому я предпочитал делать вид, что ничего не замечаю.

Тем не менее, если мне будет позволено перейти наконец к событиям, связанным с исчезновением Кори и моим вступлением во владение его собственностью — согласно оставленному им завещанию, — то первым делом следует сказать, что именно в то время Кори начал делать необычные записи в своем днев-

нике, который ранее велся им исключительно для фиксирования этапов творческого процесса. Хронологически эти записи соотносятся с некоторыми фактами из последних месяцев жизни Джеффри Кори.

«7 марта. Прошлой ночью видел весьма странный сон. Кто-то велел мне преклонить колени перед „Морской богиней“. Утром обнаружил, что у статуи влажные голова и плечи, словно я облил ее водой. Сразу принялся устранять повреждения, словно кто-то меня к этому принуждал, хотя в тот день я планировал заняться „Римой“. Это внутреннее *принуждение* начинает меня беспокоить.

8 марта. Новый сон — я плаваю в окружении каких-то мужчин и женщин. Когда они подплывают ко мне, я вижу их лица, которые кажутся мне странно знакомыми — словно я видел их на фотографиях в старом альбоме. Я знаю, откуда этот сон — все из-за дурацких намеков, которых я наслушался в лавке Хэммонда; разумеется, речь шла о Маршах. Байка о том, что их прапрадедушка Джетро жил в море. И имел жабры! То же самое болтают об Уэйтах, Джилменах и Элиотах. Аналогичную чепуху услышал на железнодорожной станции, куда зашел, чтобы навести кое-какие справки. Эти басни местные жители пересказывают друг другу уже несколько десятилетий.

10 марта. Кажется, я и в самом деле хожу во сне, поскольку в „Морской богине“ кое-что изменилось. На ее теле появились странные отпечатки, словно статую сжимали чьи-то руки. Не понимаю, как это возможно, поскольку материал давно затвердел и оставить на нем следы можно лишь с помощью резца или подобного инструмента. Впечатление такое, что отпечатки рук были оставлены *еще на мягкой глине*. На сей раз статуя была мокрой с ног до головы.

11 марта. Ночью произошло нечто совершенно невероятное. Самый явственный сон из всех, какие я когда-либо видел. Я бы даже сказал, самый эротический. До сих пор испытываю волнение. Мне приснилась женщина — обнаженная. Когда я улегся в постель, она скользнула ко мне и оставалась со мной всю ночь. Мне снилось, что мы занимаемся любовью — или мне так казалось. После Парижа я не испытывал ничего подобного! И какие

ощущения — все было так живо, словно я вновь вернулся в наш квартал! Даже слишком живо, поскольку я проснулся совершенно измотанным. Я действительно провел бурную ночь — постель вся измята.

12 марта. Тот же сон. Крайняя усталость.

13 марта. Снова плавал во сне. В морских глубинах. Далеко внизу какой-то город. Р'ех или Р'льех? И еще нечто, именуемое Великим Тулу?»

Когда мы с Кори встречались в марте, он почти не рассказывал о своих снах. Выглядел он невероятно усталым, говорил, что плохо спит и что совсем не отдыхает — когда бы ни ложился в постель. Один раз он спросил, слышал ли я когда-нибудь названия «Р'льех» или «Тулу»; разумеется, ничего подобного я не слышал, хотя на второй день моего визита у меня появилась возможность их услышать.

В тот день мы отправились в Инсмут — короткая поездка длиной менее чем в пять миль, — и вскоре я обнаружил, что Кори затеял ее вовсе не для того, чтобы ходить по магазинам. Это больше напоминало изыскательскую экспедицию, в ходе которой он пытался собрать всевозможную информацию о своей семье и ради этого таскал меня из одного места в другое. Так, из лавки Феррана мы отправились в публичную библиотеку, где обнаружили древнюю старушку-библиотекаршу, оказавшуюся бесценным кладезем сведений о всех старинных семействах Инсмута и его окрестностей; под конец она назвала нам имена двух глубоких старцев, которые еще могли помнить давних Маршей, Джилменов и Уэйтов; найти старцев можно было в их обычном пристанище — салуне на Вашингтон-стрит.

Инсмут, при всем своем бедственном положении, таил в себе некое очарование, пред которым не смог бы устоять ни один любитель археологии или архитектуры, ибо возраст городка насчитывал более ста лет, и основная часть его построек — кроме тех, что находились в деловой части, — была не менее старой. Хотя многие из домов были заброшены, а некоторые и вовсе разрушены, их архитектурные черты по-прежнему отражали культуру, давно сошедшую с американской сцены.

В прибрежных кварталах, и в частности на Вашингтон-стрит, последствия произошедшей катастрофы были особенно заметны.

Лежавшие в руинах здания («Взорваны, — пояснил Кори, — по приказу федеральных чиновников, так мне говорили») никто и не думал разбирать, поскольку все соседние улицы были завалены битым кирпичом и проехать по ним было невозможно. Одна из улиц была практически стерта с лица земли; от всех примыкающих к докам старинных зданий, некогда использовавшихся в качестве складов, но уже давно заброшенных, остались одни руины. По мере того как мы приближались к берегу океана, в воздухе все сильнее чувствовался тошнотворный, удушливый запах гниющих водорослей и рыбы, запах гораздо более сильный и резкий, чем те, что обычно витают на морском побережье или возле внутренних водоемов.

Большая часть взорванных складов, по словам Кори, принадлежала семье Марш — так ему сказали в лавке Феррана. И в самом деле, семейства Уэйт, Джилмен и Элиот пострадали от нападения значительно меньше; основной удар федеральных властей обрушился именно на Маршей и их собственность в Инсмуте; впрочем, принадлежавшая им компания «Марш рифайнинг», занимавшаяся производством золотых слитков, не пострадала и по-прежнему давала работу тем, кто не занимался рыболовством, хотя формально управляли ею уже не выходцы из клана Маршей.

Наконец мы добрались до салуна, построенного, судя по его виду, еще в девятнадцатом веке; более того, за все это время в нем явно не производилось никаких перестроек, ибо это здание вполне можно было назвать ветхой лачугой. За стойкой бара сидел неряшливо одетый господин средних лет и читал «Аркхем эдвертайзер»; здесь же, на некотором расстоянии друг от друга, сидели еще двое мужчин; один из них дремал.

Кори заказал себе стакан бренди; я тоже.

Хозяин салуна бросал на нас осторожные взгляды.

— Где я могу найти Сета Эйкинса? — спросил его Кори.

Хозяин молча кивнул на спящего мужчину.

— Что он будет пить? — спросил Кори.

— Да что угодно.

— В таком случае бренди.

Хозяин плеснул в грязный стакан немного бренди и поставил его на стойку. Взяв стакан, Кори подошел к спящему и принялся его тормошить.

— Не хотите со мной выпить? — предложил он.

Старик поднял голову, явив нам сморщенное лицо и мутные глаза под шапкой нечесаных седых волос. Увидев перед собой стакан бренди, он схватил его, неуверенно хмыкнул и осушил одним глотком.

Кори для начала спросил, верно ли говорят, что он один из старейших жителей Инсмута, затем перешел к разговору о городе и окружающей сельской местности — вплоть до Аркхема и Ньюберипорта. Эйкинс отвечал охотно; Кори купил ему еще выпивки, потом еще.

Однако, как только Кори перешел к старинным семьям, в особенности — к Маршам, словоохотливость старика мгновенно улетучилась. Сразу насторожившись, он начал время от времени поглядывать на дверь, словно решил, что пора удирать. Но Кори наседал все сильнее, и старик сдался.

— Я так думаю, что вреда никому не будет, если я теперь об этом расскажу, — сказал он наконец. — Марши-то почти все пропали после того, как к нам важные господа из правительства заявили. Никто не знает, куда эти Марши делись, только все думают, что они уж не вернуться.

Немного отвлекшись, старик принялся болтать всякую чепуху, но вскоре вернулся к теме разговора — «торговле в Ост-Индии» и «кэпе Обиде Марше»:

— Он-то и заварил всю эту кашу. Были у него какие-то дела с остиндийцами — привез с собой женщин и держал их в большом доме, который сам построил, а потом у молодых Маршей появился этот странный взгляд, и доплывать они могли до самого рифа Дьявола и торчали под водой подолгу, целыми часами, — разве человек так может? Кэп Обид женился на одной из тех девок, а потом молодые Марши тоже съездили в Ост-Индию и привезли оттуда новых девок. А торговля у Маршей всегда процветала, не то что у всех остальных. У кэпа Обида было три судна — бриг «Колумбия», барк «Королева Суматры» и еще один бриг — «Хетти», и все они плавали в Ост-Индию и по Тихому океану, и ни разу с ними ничего не случилось. А потом они — остиндийцы и Марши — вроде как основали новую религию и назвали ее Орден Дагона, и никто не знал, чем они там занимаются на своих сборищах, а потом начали пропадать дети — не знаю, может быть, они просто заблудились, только их потом

больше не видели, и тогда люди заговорили, что Марши людей в жертву приносят, потому как у всех дети пропадали, а у Маршей, Джилменов, Уэйтсов и Элиотов — нет, а куда они делись, никто не знает. А потом пошли слухи о каких-то «Ръехе» и «Тулу», вроде как это и есть место Дагона, что ли...

В этом месте Кори прервал старика, попросив выразиться яснее; однако тот ничего не смог ответить. Что именно так заинтересовало Кори, я понял несколько позже.

Эйкинс продолжил свой рассказ:

— Люди начали шараться от Маршей — и от остальных тоже. Просто Марши были самыми странными. И страшными — такими, что иные из дома не выходили, разве что по ночам. Так они и делали — ночью шли к морю и там плавали. Люди говорили, плавали они, как рыбы, — сам я этого не видел, а те, кто много болтал, сразу куда-то исчезали, как те детишки, и больше их никто не видел. Кэп Обид много чего узнал на Понапе от тамошних туземцев, он узнал и о тех, которых называл «глубоководными», и будто живут они в море. Он привез оттуда всякие резные штучки, рыб каких-то странных, которые и на рыб не похожи — один бог знает, что это такое!

— А что он делал с этими резными штучками? — спросил Кори.

— Те, которые не потребовались Дагону, он продал — за хорошую цену, очень хорошую. Только теперь этих штучек ни одной не осталось, и Ордена Дагона больше нет, и Марши куда-то исчезли, когда подорвали их склады. Только их не арестовали, нет, сэр, кто-то видел, как они бежали к морю, а потом все разом бросились в воду и утонули. — Старик хрипло рассмеялся. — Только их тел так и не нашли, ни один утопленник не всплыл, так-то вот...

Когда Эйкинс произносил эти слова, с ним случилось нечто невероятное. Остановив блуждающий взгляд на моем друге, старик внезапно замолчал, а в следующую секунду, с отвисшей челюстью и дрожащими руками, едва не упав на пол, он слез со стула и, спотыкаясь, бросился вон из салуна, где в морозном воздухе прозвучал его отчаянный, полный ужаса вопль.

Сказать, что мы были изумлены, — это не сказать ничего. Внезапный побег Сета Эйкинса был столь неожиданным, что мы с Кори долго смотрели друг на друга в молчании. И только спустя

какое-то время я понял, что суеверного Эйкинса, скорее всего, потрясли странные складки на шее моего друга, поскольку во время разговора со стариком Кори приспустил толстый шарф, которым была обмотана его шея, чтобы защитить ее от холодного мартовского воздуха; шарф упал Кори на грудь, обнажив глубокие складки и шершавую кожу — отличительные черты шеи Джеффри Кори, наводящие на мысли о его преждевременном старении.

Так мы и сидели, ничего не понимая. Видя, как расстроен мой друг, и не желая расстраивать его еще больше, я молчал.

— Чушь какая-то! — воскликнул я, как только мы вновь оказались на Вашингтон-стрит.

Кори рассеянно кивнул, но я видел, как сильно подействовала на него выходка старика. Он натянуто улыбался, а на мои дальнейшие замечания отвечал лишь пожиманием плеч, словно не желал обсуждать вещи, которые мы только что услышали от Эйкинса.

Весь вечер Кори молчал, погрузившись в свои мысли; таким я не видел его ни разу. Мой друг явно не желал перекладывать на мои плечи хотя бы часть того тяжелого груза, что лежал у него на сердце, поскольку Кори сам принял это решение; к тому же, как я подозреваю, мысли, засевшие у него в голове, казались ему слишком странными и далекими от реальности, чтобы разделять их с нормальным человеком, не рискуя при этом быть осмеянным. Поэтому, после нескольких бесплодных попыток вызвать друга на откровенность, я перестал заводить разговор о Сете Эйкинсе и легендах Инсмута.

На следующее утро я вернулся в Нью-Йорк.

Еще несколько отрывков из дневника Джеффри Кори:

«18 марта. Утром проснулся с мыслью, что ночь я провел не один. Отпечатки на подушке и на постели. Пол в комнате и постель совершенно мокрые, словно их облили водой. Интуиция подсказывает, что со мной в постели была женщина. Но откуда? В голову закрадывается неприятная мысль о сумасшествии, наследственной болезни всех Маршей. На полу остались чьи-то следы.

19 марта. „Морская богиня“ исчезла! Дверь открыта. Должно быть, ночью кто-то забрался в комнату и унес статую. Это

очень странно, поскольку рисковать собой ради этой поделки не стоило. Больше ничего не взято.

20 марта. Всю ночь думал о том, что рассказал Сет Эйкинс. Видел во сне капитана Обида Марша, он плавал под водой! Вид глубокого старца. У него были жабры! Плавал где-то далеко, возле рифа Дьявола. С ним было много мужчин и женщин. У этого Марша такой странный взгляд! О, власть и слава!

21 марта. День весеннего равноденствия. Всю ночь сильно болела шея. Не мог спать. Встал и пошел к океану. Как он тянет меня к себе! Раньше я об этом не задумывался, а теперь вспоминаю, как ребенком представлял себе голоса моря — это я-то, который его и в глаза не видел! — шум волн, плеск воды, свист ветра. На душе тяжело».

Именно в этот день — двадцать первого марта — Кори написал мне последнее письмо. В нем он ничего не сказал о своих снах, упомянул только о сильных болях в шее.

«С горлом у меня все в порядке — это уже ясно. Глотаю я без труда. Болит шея — та часть, где складки и шершавая кожа, или бородавки, если тебе это больше нравится. Описать боль не могу; она совсем не похожа на боль от удара или пореза. Впечатление такое, что из-под кожи что-то лезет наружу; в то же время я не могу отделаться от мысли, что скоро со мной что-то произойдет — что-то такое, чего я и жду, и страшусь, словно во мне начинает говорить память предков, не знаю, как выразиться, — это какое-то наваждение!»

Я немедленно написал ему ответ, в котором советовал сходить к врачу, и обещал приехать в апреле.

Но Кори внезапно исчез.

Говорили, что кто-то видел его на берегу океана, когда он решительно вошел в воду, намереваясь то ли искупаться, то ли покончить с собой. На полосе той странной голубой глины, что появилась в феврале, остались отпечатки его ног, ведущие к воде; обратных следов не было. Прощальной записки Кори не оставил, но среди его документов было найдено письмо, в котором он завещал мне все свое состояние и имущество, — что само по себе говорило о мучивших его тяжелых предчувствиях.

Были предприняты попытки — впрочем, бессистемные — найти погибшего Кори; обыскали весь берег в районе Инсмута, но тела не нашли; в результате коронер вынес окончательный вердикт: смерть по неосторожности.

На том все и закончилось — не было зафиксировано ни единого факта, способного пролить свет на исчезновение Кори, если не считать одного происшествия, случившегося у рифа Дьявола вечером семнадцатого апреля.

Стоял тихий вечер; поверхность океана была гладкой, как стекло; в воздухе не ощущалось ни единого дуновения ветерка. Я уже заканчивал распродажу вещей Кори; в этот вечер мне захотелось немного покататься на лодке. Будучи наслышанным о рифе Дьявола, находящемся на расстоянии мили от Инсмута, я решил осмотреть то, что от него осталось, — несколько острых, торчащих из воды обломков скал, которые были видны во время отлива. Солнце клонилось к закату, на небе играли мягкие краски вечерней зари, и бескрайняя гладь океана приобрела глубокий кобальтово-синий цвет.

Едва я подплыл к рифу, как по воде неожиданно пошли волны, словно кто-то поднимался из глубины на поверхность. Я замер, с удовольствием предвкушая появление дельфинов.

Однако то были не дельфины. Из-под воды всплыли какие-то неведомые морские существа, каких я ни разу в жизни не видел. При свете вечерней зари в волнах мелькали чудища, похожие и на рыб, и на людей. Все они держались подальше от моей лодки — все, кроме одной пары

Это были женщина весьма необычной окраски — цвета той самой голубой глины — и мужчина; существа подплыли совсем близко к моей лодке. Я сидел не шевелясь, обуреваемый смешанными чувствами, и прежде всего ужасом, который обычно возникает у людей при встрече с чем-то необъяснимым. Существа плескались в волнах, ныряя и появляясь на поверхности, а потом одно из них, приблизившись к лодке, бросило на меня внимательный взгляд и вдруг, с трудом двигая челюстями, горланно прохрипело: «Кен!» — после чего развернулось и ушло на глубину, оставив меня в полной уверенности, что передо мной только что мелькнуло лицо Джеффри Кори.

Оно до сих пор снится мне по ночам.

НАБЛЮДАТЕЛИ

I

В один из весенних дней 1935 года Николас Уолтерс, проживавший в графстве Суррей, Англия, получил письмо от некоего Стивена Бойла (фирма «Бойл, Монахан, Прескотт и Бигелов», Бикон-стрит, 37, Бостон, штат Массачусетс), адресованное его отцу, Чарльзу Уолтерсу, к тому времени уже семь лет как покойному. Послание это, полное старомодных юридических терминов, немало озадачило Николаса — одинокого молодого джентльмена, без малого ровесника века, — ибо речь шла о «фамильной собственности», расположенной в Массачусетсе и унаследованной адресатом семь лет назад. Автор письма отмечал, что некий Эмброуз Бойл из Спрингфилда («мой ныне уже почивший кузен») ввиду болезни не смог своевременно уведомить наследника, чем и объясняется семилетняя задержка, в течение которой собственность — «усадьба, включающая дом с надворными постройками, расположенная на севере центральной части Массачусетса, а также прилегающий к ней участок площадью около пятидесяти акров» — оставалась без хозяина.

Николас Уолтерс не помнил, чтобы отец хотя бы словом обмолвился об этой фамильной собственности. Впрочем, Уолтерс-старший всегда был довольно молчалив, а после смерти жены, за те десять лет, что предшествовали его собственной кончине, и вовсе превратился в мрачного отшельника, полностью ушедшего в себя и старательно избегавшего контактов с внешним миром. Николас более всего запомнил его привычку время от времени пристально вглядываться в лицо сына, неодобрительно покачивая головой, словно ему не нравилось то, что он видел — вряд ли точеный, правильной формы нос, а скорее, слишком широкий

рот, или странные уши без мочек, или большие бледно-голубые, слегка навывкате глаза, спрятанные за толстыми стеклами очков, которые Николас носил с детства, ибо рано испортил зрение, проводя слишком много времени за чтением книг. На его памяти отец ни разу даже мельком не упоминал о Соединенных Штатах, хотя со слов матери он знал, что родился отец именно в том самом Массачусетсе, о котором говорилось в письме поверенного.

Два дня Николас предавался размышлениям. Наконец сомнения уступили место любопытству, страх перед сменой обстановки постепенно рассеялся, и одновременно возникло какое-то странное предчувствие, придававшее американской собственности загадочный и притягательный ореол. И вот, на третий день после получения письма, Николас отправил Стивену Бойлу телеграмму, в которой сообщал о своем скором приезде. Заказав билет на самолет до Нью-Йорка, он уже через неделю собственной персоной объявился в офисе фирмы «Бойл, Монахан, Прескотт и Бигелу».

Стивен Бойл, старший партнер фирмы, оказался высоким господином лет семидесяти; совершенно седой, он тем не менее сохранил густую шевелюру и носил длинные бакенбарды, а также пенсне на длинном черном шелковом шнурке. Лицо мистера Бойла покрывала сеть морщин, тонкие губы были плотно сжаты, голубые глаза смотрели остро и внимательно. Весь его вид выражал полнейшее равнодушие к происходящему, характерное для чрезвычайно занятых людей; он словно давал понять, что ум его слишком занят невероятно важными делами, чтобы расходовать его на какую-то ничтожную проблему. Впрочем, держался мистер Бойл с безукоризненной учтивостью.

После обмена обычными любезностями поверенный сразу взял быка за рога.

— С вашего разрешения, мистер Уолтерс, я перейду к сути вопроса. Об этом деле нам известно очень немного. Оно попало к нам от моего кузена Эмброуза, о чем я уже упоминал в своем письме. Эмброуз имел собственную контору в Спрингфилде, а после его смерти все дела перешли к нам. Когда мы начали их разбирать, то наткнулись на папку с бумагами, касающимися некоего поместья. В них ясно указывалось, что вышеназванная

собственность, принадлежащая... простите, здесь не совсем ясно, но, кажется, «сводному брату» вашего отца, после его смерти должна перейти к вашему отцу, чье имя указывалось в документах вместе с припиской моего кузена, сделанной на ужасной латыни, которую мы так и не смогли разобрать; кажется, это был параграф относительно изменения имени, но чьего, установить не удалось. Так вот, вышеназванное поместье, находящееся в Данвиче, что недалеко от Спрингфилда, известно под именем «земля старого Сайруса Уэйтли», а сводным братом вашего отца — если он действительно приходился ему сводным братом — был покойный Эберт Уэйтли.

— Прошу прощения, но эти имена мне ничего не говорят, — сказал Уолтерс. — Когда мы переехали в Англию, мне было всего два года — так говорила моя матушка. Я не помню, чтобы отец когда-нибудь называл имя хотя бы одного из своих родственников, с которыми практически не переписывался, за исключением последнего года своей жизни. У меня есть основания полагать, что отец собирался открыть мне некие факты из истории нашего семейства, но, к несчастью, случилось кровоизлияние в мозг, как это именуют современные медики; в результате отец потерял способность не только двигаться, но и говорить, и хотя по выражению его глаз было видно, что он отчаянно хочет что-то сказать, он так и скончался, не в силах выговорить ни слова — и, разумеется, не имея возможности изложить свои мысли на бумаге.

— Понятно, — задумчиво произнес Бойл и продолжил после паузы, словно придя к какому-то решению: — Видите ли, мистер Уолтерс, мы сами провели нечто вроде расследования, но, к сожалению, так ничего и не выяснили. Местность вокруг Данвича, который, как я указывал, лежит в северной части Центрального Массачусетса, представляет собой настоящую глухомань. В Эйлсбери ее называют «землей Уэйтли», так как на почтовых ящиках многих местных ферм до сих пор сохранились имена бывших владельцев, принадлежавших к этому некогда разветвленному семейству, хотя большинство ферм давно опустело — ввиду каких-то трагических событий, случившихся в тысяча девятьсот двадцать восьмом году, — и местность выглядит совершенно заброшенной. Впрочем, сами увидите. Усадьба находится

в неплохом состоянии, поскольку Эберат Уэйтли умер семь лет назад, а с кончины его компаньона, жившего там же, прошло всего три года. Эмброуз должен был немедленно известить нас о смерти Уэйтли, но, к сожалению, сам надолго заболел и, видимо, из-за болезни забыл это сделать. Полагаю, у вас есть на чем добратся до усадьбы?

— В Нью-Йорке я купил машину, — сказал Уолтерс. — Так что, раз уж я здесь, воспользуюсь случаем, чтобы познакомиться со Штатами, и начну с Уолденского пруда, который, если не ошибаюсь, лежит на пути в Спрингфилд.

— Во всяком случае, в этом направлении, — сухо заметил Бойл. — Что ж, если вам что-нибудь будет нужно, пожалуйста, не стесняйтесь и звоните нам.

— Думаю, что помощь мне не понадобится, — сказал Уолтерс.

Бойл взглянул на него с сомнением.

— Как вы намерены поступить с собственностью, мистер Уолтерс?

— Решу, когда ее увижу, — ответил тот. — Понимаете, я ведь живу в Англии и даже представить себе не могу, что меня ожидает в Штатах. Честно говоря, то, что я здесь увидел, не слишком воодушевляет.

— Не думаю, что вам удастся продать усадьбу даже за полцены, — сказал Бойл. — Те края находятся в полном запустении, да и репутация у них скверная.

При этих словах Уолтерс встрепенулся.

— Что вы имеете в виду, мистер Бойл?

— О Данвиче ходят странные слухи, — пожал плечами, сказал поверенный. — Впрочем, полагаю, не более странные, чем о подобных уголках в других частях страны. И вполне возможно, что эти слухи весьма преувеличены.

Уолтерсу стало ясно, что Бойл ни за что не будет пересказывать ему разные истории, даже если он их и знает.

— Как туда можно проехать? — спросил молодой человек.

— Усадьба лежит на отшибе. Вам придется сделать крюк: сначала поезжайте в Эйлсбери-Пайк, оттуда — в Данвич, затем вновь в сторону Пайк, но уже по другой дороге, это довольно далеко от Данвича. Местность там лесистая и, можно сказать, живопис-

ная. Насколько я помню, фермеры занимаются в основном молочным хозяйством. Это очень отсталый край — поверьте, я не преувеличиваю. В Эйлсбери-Пайк вы сможете попасть через Конкорд, если уж решили посетить Уолденский пруд, или же ехать прямо на запад от Бостона и далее через Уорчестер. Проехав Пайк, продолжайте двигаться на запад. Не пропустите деревушку под названием Динз-Корнерз. Сразу за ней увидите развилку. Там поворачивайте налево. — Поверенный усмехнулся. — И тогда вы словно окажетесь в прошлом Америки, мистер Уолтерс, в ее далеком прошлом.

II

Как только Эйлсбери-Пайк остался позади, Николас Уолтерс понял, что имел в виду Бойл, когда описывал здешнюю местность. Дорога шла в гору, и по обеим ее сторонам все чаще попадались заросшие шиповником каменные ограды, теснившиеся к самой обочине; большая их часть была разрушена, и выпавшие камни валялись тут же, у подножия стен. Затем дорога начала петлять среди холмов, минуя рощи старых деревьев, густо увитые куманикой изгороди, заброшенные поля и пастбища, — этот край действительно оказался пустынным. Время от времени Николас замечал одинокие фермы, такие древние, каких он ранее не встречал на пути из Бостона; на многих из них лежала печать безысходной тоски и запустения; впрочем, в архитектурном смысле они были Николасу весьма интересны, ибо много лет назад у него появилось хобби — делать фотографии различных зданий, а фермерские дома, расположенные недалеко от дороги, хотя и были довольно убогими, обладали любопытными элементами декора, еще неизвестного Николасу. На уцелевших фронтонах некоторых строений виднелись какие-то рисунки, которые вполне можно было принять за каббалистические знаки, хотя, возможно, это было и не так. То и дело попадались остатки дворовых построек — полуразрушенные навесы, коровники, амбары. Впрочем, среди заброшенных ферм иногда встречались и обжитые, ухоженные дома в окружении пастбищ со стадами скота, засеянных полей и каменистых лугов со скошенной травой. Николас ехал медленно. Само настроение, атмосфера этого

края придавали ему какое-то странное очарование. Николасу казалось, что все это он уже видел раньше, когда-то очень давно; в нем словно заговорила память предков. Разумеется, память не могла перекинуть мостик из его настоящего в прошлое, ведь тогда ему было всего два года! И все же некоторые виды, пейзажи, повороты казались Николасу удивительно знакомыми. Над долинами нависали округлые холмы; леса были темными и такими густыми, словно в них ни разу не раздавался стук топора или визг пилы; на вершинах многих холмов виднелись странные, поставленные в круг высокие каменные столбы, вызывавшие в памяти древние плиты Стоунхенджа, кромлехи Девона и Корнуолла. Иногда поверхность холмов разрезали глубокие овраги, через которые были переброшены грубо сколоченные деревянные мосты, а на открытых местах поблескивали воды реки Мискатоник, верховья которой, судя по дорожной карте, находились западнее Данвича, откуда река, извиваясь, протекала через долину и уходила дальше, к Аркхему. В Мискатоник вливалось множество мелких речушек и ручьев, — возможно, их образовывали бившие на холмах ключи; а один раз в поле зрения Николаса сверкнул бело-голубой водопад, каскадом низвергающийся с темных склонов.

Холмы нависали над дорогой с обеих сторон, но среди них время от времени попадались просветы, за которыми виднелись болота и луга, а иногда и фермы — или то, что от них осталось. В целом ландшафт выглядел удручающе — сплошь гряды холмов с каменными нагромождениями на вершинах и жалкие, заброшенные фермы. Все здесь создавало впечатление разрыва как во времени, так и в пространстве; и если вокруг Бостона кипела и бурлила жизнь, то местность в районе Данвича казалась отделенной от него сотнями лет и громадными расстояниями.

Окружающая атмосфера действовала на Уолтерса каким-то странным образом; он и сам не мог объяснить каким. Земля, через которую он проезжал, его и притягивала, и отталкивала, и чем дальше он забирался, тем больше ему передавалось царившее вокруг настроение. Чувство, что он здесь уже был, становилось все сильнее, хотя мысли об этом вызывали у него улыбку. Уолтерс не волновался и не тревожился, ему было просто немного любопытно. Он знал, что подобные впечатления характерны для

всех людей и видеть в этом какие-то предзнаменования и тайны могут лишь люди неграмотные и суеверные.

Внезапно гряда холмов закончилась, и он въехал в довольно широкую долину, где находилось селение Данвич — на противоположном берегу Мискатоника, между рекой и Круглой горой. Через реку был переброшен ветхий мост, осколок далекого прошлого, к которому явно принадлежало и все селение. Гниющие мансардные крыши, разрушенные, опустелые дома и церковь со сломанным шпилем — вот что бросилось в глаза Уолтерсу, когда он переехал через мост. Это был край полнейшей нищеты и запустения, где даже редкие мужчины и женщины, попадавшиеся ему на улицах, казалось, были источены и составлены чем-то большим, чем само время.

Остановив машину возле полуразрушенной церкви, которая, по всей видимости, использовалась в качестве магазина, Уолтерс зашел внутрь, чтобы узнать у стоявшего за прилавком угрюмого владельца дорогу к своей будущей собственности.

— Усадьба Эберата Уэйтли, — повторил хозяин магазинчика, уставившись на Николаса, при этом его рот задвигался, а толстые губы начали причмокивать, словно человек пережевывал заданный ему вопрос. — Вы его родич, да? Родич Уэйтли?

— Мое имя Уолтерс. Я приехал из Англии.

Владелец магазина, казалось, ничего не слышал, разглядывая незнакомца с живейшим интересом и любопытством.

— Надо же, вылитый Уэйтли. Уолтерс... гм, не слыхал о таком.

— Мне нужно найти усадьбу Уэйтли, — напомнил Николас.

— Их тут полно, этих Уэйтли. Штук двадцать. Ах да, усадьба Эберата? Она заперта.

— Ничего, у меня есть ключ, — с плохо скрываемым нетерпением и даже раздражением сказал Николас, которому показалось, что хозяин магазинчика прячет насмешливую улыбку.

— Поезжайте через мост, потом направо. Там будет с полмили. Дом хорошо виден, его не пропустишь. Перед ним каменный забор до самой реки. С трех сторон — лес. Там и жил Эберат, а до него Сайрус Уэйтли, Старый Сайрус, умник, образованный... — с ухмылкой сказал хозяин и добавил: — Вот и вы не иначе как образованный, судя по одежке.

— Я учился в Оксфорде, — сказал Уолтерс.

— Не слышал о таком, — сказал продавец и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Однако вскоре выяснилось, что это не так, — когда молодой человек уже собирался выйти на улицу, тот вновь подал голос.

— Я Тобиас Уэйтли, — сказал он. — Так что мы с вами вроде как родственники. Вы тут поосторожнее. В вашем доме никто не *живет*, но все равно — держите ухо востро.

Особое ударение, которое он сделал на слове «живет», как-то очень не понравилось Уолтерсу, который не отличался суеверием, но магазинчик покинул, полный самых дурных предчувствий.

Благодаря описанию Тобиаса Уэйтли найти усадьбу оказалось очень просто. Едва Николас остановил машину возле каменной изгороди и ступил на покрытую рытвинами дорогу, как стало понятно, что этот дом был построен задолго до поколения Сайруса Уэйтли. Судя по всему, возраст постройки уходил куда-то в самое начало восемнадцатого века, а ее стройные классические линии выгодно диссонировали с местными деревенскими развалюхами и фермами, тянувшимися вдоль дороги от Эйлсбери-Пайк. Это было массивное деревянное строение с прочными стенами, стоящее на высоком фундаменте из коричневого известняка. Дом был полуторазтажный, притом что его центральная часть поднималась несколько выше, чем два боковых крыла. Вдоль центральной части тянулась широкая веранда; парадный вход, снабженный медным молотком, наверняка относился к эпохе королевы Анны. Дверь, а также полукруглое окно над ней обрамляла витиеватая резьба, узкая по бокам и более широкая вокруг окна; это изящное украшение явственно контрастировало с ровной и гладкой поверхностью дверного полотна.

Когда-то дом был белым, но покраску уже давным-давно не обновляли, и теперь, по прошествии не одного десятилетия, он был скорее буро-коричневым. За домом виднелись надворные постройки, включая сложенную из дикого камня будку над родником, из которой вытекал ручей, устремляясь к поблескивавшему за лугом Мискатонику. Вдоль левого крыла дома, на расстоянии двух ярдов от него, тянулась аллея, которая некогда служила подъездной дорогой к надворным постройкам, однако это было

давно, и она уже заросла деревцами, так что подъехать прямо к дому Уолтерс не смог и оставил машину у ограды.

Ключ из связки, которую дал ему Бойл, легко повернулся в замке входной двери. Ее слегка заклинило, и в этом не было ничего удивительного, поскольку ее вряд ли открывали со времени смерти последнего жильца — компаньона Эберата Уэйтли. Справившись наконец с дверью, Уолтерс вошел в коридор, тянувшийся, вероятно, по всей длине дома, и увидел прямо перед собой еще одну дверь — двустворчатую, из красного дерева. Она также была заперта, но в связке нашелся подходящий ключ.

Как это ни странно, мародеры обошли стороной усадьбу, расположенную на значительном расстоянии от оживленной трассы; распахнув обе половинки двери, Уолтерс с изумлением увидел комнату, полностью обставленную и в прекрасном состоянии, если не считать за беспорядок тонкий слой пыли на полу и на мебели. Каким-то чудом усадьба избежала разграбления, которому, как правило, подвергались все заброшенные строения. И это притом, что здешняя старинная мебель явно превосходила ценностью многие предметы, обычно выставляемые в витринах антикварных мебельных магазинов.

Судя по всему, главная комната была центром, вокруг которого возводился весь дом. Высота до потолка здесь составляла не менее десяти футов — вот почему средняя часть дома была заметно выше крыльев. У стены напротив двери находился камин, окруженный изумительной деревянной резьбой, среди которой почти терялись выдвижной столик и висящий над ним шкафчик. Вделанная в стену труба была украшена резным орнаментом, в центре которого располагался выпуклый стеклянный круг диаметром примерно в полфута. Орнаментированный участок имел форму треугольника с вершиной, почти упирающейся в потолок.

По обеим сторонам камина и далее вдоль всех стен тянулись книжные полки, прерываемые лишь дверным проемом. Книги на них, как сразу заметил Уолтерс, были весьма старинными. Подойдя к одной из полок, он принялся разглядывать ее содержимое. Среди томов в кожаных переплетах не было ничего позднее времен Диккенса; многие из книг были написаны на латыни и других языках, помимо английского. На одной из верхних полок лежал телескоп; промежутки между ровными рядами книг зани-

мали разные безделушки — резные изображения, статуэтки и что-то вроде древних артефактов. Посреди комнаты стоял огромный деревянный стол, на котором находились стопки бумаги, ручка и чернильница, а также несколько бухгалтерских книг. Все предметы лежали так, словно тот, кто оставил их на столе, только что вышел и собирался вскоре вернуться.

Раздумывая о том, какой бухгалтерией мог заниматься последний обитатель дома, Николас взял одну из книг и принялся ее перелистывать. Никаких счетов в ней не было, это он заметил сразу; страницы были испещрены красивым, но очень мелким почерком, таким мелким, что в одном промежутке между линейками умещались две строки текста. Николас прочел одну из записей: «...забрал мальчика и ушел, не сказав ни слова; впрочем, это не имеет значения; они узнают, куда он ушел...» Раскрыв более старую книгу, он прочитал: «Несомненно, она ушла, и Уилбур расскажет об этом, если захочет; огни на Часовом холме, и козодои кричат всю ночь, как тогда, когда умер Старик». Наличие точных дат указывало, что эти книги были чем-то вроде дневника. Захлопнув книгу, Николас взглянул в сторону и только в этот момент неожиданно уловил тихий звук, который все это время присутствовал в комнате и который он только теперь распознал. Это было тиканье часов.

Часы! Идущие часы в доме, где никто не жил вот уже три года. Николас не верил своим ушам. Должно быть, кто-то все-таки проник сюда и завел часы. Оглянувшись по сторонам, он увидел рядом с дверью альков, в котором стояли необычные, явно штучной работы часы высотой почти в три фута. Циферблат часов был покрыт странными рисунками, изображавшими свернувшихся в кольца змей и каких-то причудливых тварей, один только вид которых вызвал в нем почти панический, до боли знакомый страх, словно где-то в глубине его памяти среди смутных воспоминаний детства проснулось одно, позволившее ему вспомнить то, что он уже видел — и не на рисунке, а в действительности. Как зачарованный разглядывал он циферблат, пока наконец не понял, что стрелки часов показывают нечто большее, нежели просто время, ибо за цифрами и буквами скрывались не только часы и минуты. И не только дни.

С трудом оторвав взгляд от часов, Уолтерс вышел из комнаты. Нужно было осмотреть весь дом. Но если он и надеялся найти еще что-нибудь удивительное, то надежды не оправдались, поскольку остальная часть дома оказалась самой обыкновенной — череда простых, скудно обставленных комнат. Две спальни, кухня, буфетная, столовая, кладовка и, на самом верху, под крышей, три комнатушки, похожие на кладовки, и четвертая, скорее всего, спальня. Комнаты на втором этаже, между которыми вклинивались скаты крыши, были очень уютными, и в каждой — по одному мансардному окну, отчего они казались еще просторнее, поскольку окна были особыми, повторяющими форму фронтона, — архитектурный прием, доселе неизвестный Николасу.

Он решил, что нужно обязательно сфотографировать дом, чтобы добавить его к своей обширной коллекции; архитектурные детали фронтона и мансардных окон были поистине уникальны. Кроме того, в доме находились и другие крайне интересные архитектурные изыски, которые нужно было поскорее запечатлеть на пленку, пока солнце не скрылось за горизонтом и дом не оказался в тени деревьев.

Спустившись по узкой лестнице на первый этаж, Николас подошел к машине, вытащил оттуда все необходимое и приготовился к фотосъемке. Начал он с наружного вида, сфотографировав дом со всех сторон и уделив особое внимание мансардным окнам; затем вошел внутрь и сфотографировал центральную комнату, включая часы с их странным циферблатом и стеклянное украшение над камином, чтобы в будущем ничего не забыть.

День уже близился к концу, и Николасу пришлось задуматься над вопросом, искать ли ночлег где-нибудь поблизости или провести ночь в этом доме. Поскольку во всех комнатах было чисто, Николас пришел к выводу, что искать пристанища в другом месте было бы глупо и, следовательно, ночь он проведет в уютной спальне на втором этаже. Сказано — сделано. Перенеся в дом багаж, он решил запастись продуктами — такими, что не требуют долгой возни, вроде галет, крекеров, может быть, хлопьев, молока, хлеба и масла, ну и немного фруктов, если найдутся, и еще сыра, — поскольку в этом захолустье он не видел ничего похожего на кафе или закусочную, не говоря уже о ресторане,

в котором местные жители, судя по всему, не нуждались. Кроме того, ему понадобится заправка для керосиновых ламп, которые он нашел в буфетной, — если, конечно, не зажигать вместо них свечи, расставленные по всем комнатам.

Значит, придется съездить в Данвич. При мысли об этом Николас почувствовал, что ему почему-то очень хочется вернуться в свой дом еще засветло. Поэтому, заперев двери, он без промедления тронулся в путь.

Когда Николас поднялся по ступенькам магазинчика, на мрачном лице Тобиаса Уэйтли появилось выражение, ясно говорившее: «Так я и знал». Николаса это немного смутило; Тобиас как будто ожидал его возвращения, вот только почему?

— Мне нужно немного продуктов и керосин, — на одном дыхании выпалил Уолтерс и, не давая Тобиасу опомниться, быстро перечислил все, что собирался купить.

Уэйтли застыл на месте, глядя на Уолтерса во все глаза и, по-видимому, о чем-то размышляя.

— Так вы что, остаетесь? — спросил он наконец.

— На эту ночь наверняка, — ответил Уолтерс. — А может быть, и дольше. Пока не решу, что делать с собственностью.

— Что делать? — с нескрываемым изумлением повторил Уэйтли.

— Возможно, выставлю ее на продажу.

Уэйтли взглянул на него, как на сумасшедшего.

— Да этот дом не купят даже Уэйтли. Те из Уэйтли, которые образованные, так они про него и слышать не хотят, а остальные — те и свои-то дома кое-как содержат. Нет, вам придется подыскивать кого-нибудь со стороны.

Все это он произнес с таким видом, словно саму возможность продажи не стоило даже и обсуждать; это несколько разозлило Уолтерса, который довольно резко заметил:

— Я и сам со стороны.

Уэйтли издал отрывистый лай, который, по всей видимости, означал иронический смех.

— Ну еще бы! Вы тут надолго не задержитесь, помяните мое слово. Нет, вы свой дом продавайте где-нибудь в Спрингфилде, или Аркхеме, или даже Бостоне, а здесь покупателей нет.

— Дом в прекрасном состоянии, мистер Уэйтли.

Тот ответил Николасу яростным взглядом.

— А вы спрашивали себя почему? Там никто не жил с тех пор, как помер Инкрис. Туда никто даже близко не подходил. Уже три года. Слушай, кузен, я и сам туда не сунусь — даже просто затем, чтоб доставить тебе продукты.

— Там все было крепко заперто, — в некотором замешательстве произнес Уолтерс, — так что почему бы дому не быть целехоньким? И вообще, три года — это недолгий срок. Эберат Уэйтли умер семь лет назад. А кто такой этот Инкрис?

— Инкрис Браун, так, говорят, его звали, — ответил Уэйтли. — Знать не знаю, кем — или чем — он был. — При этом он бросил на Николаса жесткий, вызывающий взгляд. — И откуда пришел, тоже не знаю. Он принадлежал Эберату.

«Как странно он выражается», — подумал Уолтерс.

— Просто однажды появился, и все тут. И остался. Ходил за Эбератом, как собака. А потом вдруг исчез. Говорили, что помер.

— Кто же его хоронил?

— А никто, — грубо отрезал Уэйтли.

Уолтерс с удивлением осознал, что Тобиас Уэйтли почему-то относится к нему пренебрежительно, словно Николас не знает чего-то такого, что знать просто обязан. Это было крайне неприятно, поскольку Уэйтли, этот деревенский болван с образованием не выше начальной школы, смотрел на Николаса с плохо скрываемым презрением, крайне раздражавшим молодого человека, — и это было отнюдь не традиционное презрение дремучего невежды к образованным людям, а нечто совсем иное. Уолтерс был и озадачен, и разгневан; впрочем, его гнев начал улетучиваться по мере того, как росло недоумение; а Уэйтли все говорил и говорил, наполняя свою речь загадочными намеками и время от времени чуть ли не с надеждой поглядывая на Уолтерса, словно пытался уловить в нем хоть какой-то признак понимания и тем самым разоблачить его как притворщика.

Уолтерс слушал его со все возрастающим интересом. Из слов Тобиаса становилось ясно, что Эберат Уэйтли, хотя и считался «образованным», был тем не менее изгоем среди всех остальных Уэйтли — как образованных, так и невежд. Что же касается Инкриса Брауна, то он считался темной и подозрительной лич-

ностью. Уэйтли описал его как тощего смуглокожего типа с черными глазами и костлявыми руками.

— ...Никто не видел, чтобы он ел, и он никогда не приходил за едой после смерти Эберата, однако у нас вечно куры пропадали, а еще один раз свинья пропала и потом две коровы... И люди всякое про то болтали...

В конечном итоге все, что слышал Уолтерс об Инкрисе Брауне, можно было свести к следующему: его ненавидели, боялись и старательно избегали. Впрочем, он и сам редко показывался на людях; жители Данвича проявляли к Брауну нечто значительно большее, чем обычная неприязнь к чужаку, как это нередко случается в глухих деревнях. Да, но что именно скрывалось за осторожными, а иногда и прямыми взглядами, которые Тобиас бросал на своего собеседника? Какую реакцию он ожидал увидеть? После этой беседы у Уолтерса возникло странное ощущение, словно от него не просто ждут определенной реакции, но он ни много ни мало *обязан* поступить именно так, как от него ожидают.

Это ощущение не покидало Уолтерса на всем пути от Данвича и только усилилось к моменту, когда он остановил машину перед своим домом в лесу.

III

После легкого ужина Уолтерс вышел из дома в сгущающиеся сумерки, чтобы обдумать свои дальнейшие действия. Продавать дом через офис где-нибудь в Бостоне было бы глупо, поскольку Данвич находился слишком далеко и вряд ли мог заинтересовать потенциального покупателя с побережья; значит, дом следовало выставлять на продажу где-нибудь поблизости, например в Спрингфилде, хотя, возможно, его дурная репутация там уже известна и это отпугнет покупателей. Так, прикидывая возможные варианты, Уолтерс все больше приходил к убеждению, что с продажей дома ничего не выйдет; да теперь он и не был уверен в том, что хочет поскорее избавиться от дома, к которому начал испытывать какую-то странную тягу, граничащую с наваждением. Намеки Тобиаса Уэйтли и якобы небрежные замечания поверенного, мистера Бойла, все больше убеждали Нико-

ласа в том, что, прежде чем продавать дом, его надо хорошенько исследовать. Эта собственность принадлежит ему, и только ему, и нет никакой причины столь поспешно избавляться от нее, несмотря на подспудное желание как можно быстрее вернуться в Англию.

Пока он прогуливался вдоль дома, обдумывая сложившуюся ситуацию, сумерки сменились темнотой; среди верхушек деревьев и над крышей дома вспыхнули звезды — Арктур и Спика, на северо-востоке возшла Вега, а на западном горизонте, самыми последними из зимних созвездий, следуя за Тельцом и Орионом с его Псами, зажглись Капелла и Близнецы. Душистый ночной воздух наполнился ароматами леса и пряными запахами трав, к которым примешивался запах свежей воды, долетавший со стороны Мискатоника и журчащего невдалеке ручья; в лесах постепенно нарастал шум ночных голосов, которые среди холмов, окружавших Данвич, звучали гораздо глуше — крики и песни дневных птиц стихали, уступая место голосам ночных жителей.

Николас вслушивался в эти звуки, размышляя о том, как сильно отличаются друг от друга ночная пора в сельской местности Америки и Англии, где он вырос. Здесь, в центре Северного Массачусетса, не было слышно ни кукушек, ни соловьев, зато всюду кричали козодои, кружась над землей и шумно аккомпанируя себе всплесками крыльев. Не было здесь недостатка и в голосах амфибий, которые доносились не только от реки, но и со всех окрестных прудов и болот; их дружный свистящий, завывающий хор свидетельствовал о самом разгаре сезона.

Но, вслушиваясь в ночные голоса, Николас начал различать звуки, издаваемые явно не птицами или амфибиями. Когда ненадолго притихли пронзительные крики козодоев, их сменили звуки иного рода — то ли вой, то ли плач свирели, — издаваемые, конечно, не жабами или лягушками. Николас остановился и стал слушать. И расслышал вопли — искаженные голоса людей, которые раздавались откуда-то издалека и словно с высоты. Наконец он пришел к выводу, что крики доносятся со стороны холмов, тем более что на вершине одного из них, расположенного за Данвичем, вспыхнул яркий огонь, словно там развели огромный костер. Интересно, что там происходит?

Но, кроме этих, до Уолтерса доносились и другие, совсем уже необычные звуки — голоса каких-то зверей, которые он не слышал ни разу в жизни, хотя бывал в зоопарках много раз и неплохо разбирался в звуках, издаваемых разными видами животных, привезенных в Англию со всех концов Британского Содружества. Однако эти голоса, звучащие в ночной тиши, были ему совершенно незнакомы и наполняли тьму чем-то необъяснимо жутким. Они то поднимались до самого высокого крещендо, то затихали, смешиваясь со звуками ночного леса и болот, сливаясь в тревожащую гармонию с неумолчными призывами козодоев и лягушек.

Наконец Уолтерс пришел к выводу, что брошенные вскользь замечания Бойла о странностях Данвича, скорее всего, относились к некоторым традициям его обитателей и то, что происходит сейчас на холме, возможно, является одной из них. Успокоившись этим рассуждением, он вернулся в дом, чтобы заняться своими фотографиями. Он решил провести весь вечер за их проявкой, для чего еще ранее перенес в дом все необходимые принадлежности. Кухонный бачок с насосом станет источником воды, а под фотолaborаторию можно приспособить любую из комнат, поскольку в доме еще темнее, чем в лесу, который освещали лишь звезды. Хотя, конечно, без электричества будет трудно.

Итак, Уолтерс принялся за работу, и через некоторое время первые фотографии были развешаны для просушки. Мастерства он не потерял, хотя снимки внутренней части дома ему не понравились, особенно кабинет, то есть центральная, самая большая комната, основа всего здания, вокруг которой оно, казалось, и было построено. А фотография резного украшения над камином и вовсе повергла его в полное изумление; сняв еще мокрый снимок с веревки, Уолтерс перенес его в соседнюю комнату, чтобы рассмотреть при ярком свете.

Теперь стена и вделанное в нее украшение были видны совершенно четко. Вот только круглый стеклянный глаз в середине треугольника как-то странно затуманился. Пристально вглядываясь в снимок, Уолтерс начал испытывать непонятное беспокойство; ему не хотелось верить в то, что он видел, а то, что он видел, очень ему не нравилось. Вернувшись в фотолaborаторию, Уол-

терс разыскал негатив с изображением камина и отпечатал его снова, значительно увеличив центральную часть, где находился треугольник. После этого он вновь перешел в соседнюю комнату и принялся разглядывать снимок.

Нет, он не ошибся. «Дымкой», которая закрывала стеклянный круг, оказались два человеческих лица; одно принадлежало бородатому старику, который смотрел на Уолтерса прямо из середины круга, второе — худое, с резкими чертами — выглядывало из-за первого; казалось, человек слегка склонил голову в знак повиновения перед стариком, хотя на первый взгляд было трудно определить, кто из этих людей старик, а кто нет, поскольку первый отличался от второго лишь наличием бороды, в то время как лицо второго, тощее, словно обтянутое высохшей кожей, было начисто лишено какой-либо растительности. Изумлению Уолтерса не было предела; в другое время он принял бы увиденное за оптический обман, но фотографии лгать не умеют, и то, что находилось у него перед глазами, не было иллюзией. Странно, что он ничего не заметил, когда разглядывал камин и резное украшение над ним; впрочем, он мог быть недостаточно внимательным, или же свет, отражаясь от стекла, помешал ему разглядеть эти лица.

Прихватив керосиновую лампу, Уолтерс решительно направился в кабинет и, подходя к его распахнутой двери, вдруг с удивлением обнаружил, что в комнате мерцает свет, словно кто-то случайно оставил там зажженную лампу, — но ведь он не заходил в кабинет с тех пор, как вернулся из Данвича! Поставив лампу на пол, Уолтерс тихо приблизился к порогу кабинета. И застыл на месте, пораженный.

Свет, мерцающий в комнате, струился из стеклянного круга, вделанного в треугольник над камином. Свет был неярким; он то замирал, то слабо вспыхивал, отбрасывая бледные отсветы, словно теплившаяся в нем жизнь старалась заявить о себе.

Внезапно внутри полупрозрачного, как лунный камень, матового круга начали кружиться и вспыхивать цветные огни — розовые, светло-зеленые, голубые, красные, желтые. Уолтерс стоял, глядя на удивительные переливы света, играющие в стеклянном глазу; затем резко повернулся и пошел туда, где он оставил лампу.

Чуть погода, уже с лампой в руке, Николас снова вошел в кабинет. Но свет лампы, казалось, притушил блеск стеклянного круга. Матовое свечение ослабло; мельканье разноцветных огней остановилось. Николас подождал. Ничего не происходило. Стояла полная тишина.

В углу комнаты он заметил небольшую лестницу-стремянку, которую приставляли к книжным полкам, чтобы снимать книги с верхних ярусов. Уолтерс подтащил лестницу к камину, взял лампу и, держа ее в руке, полез наверх, к резному украшению с треугольником и стеклянным глазом.

Оказавшись с ним почти на одном уровне, Уолтерс начал внимательно разглядывать глаз и через некоторое время пришел к выводу, что стекло сделано из какого-то необычного материала. Он даже не был уверен, что это стекло, и если бы не внушительные размеры глаза, то можно было бы подумать, что он сделан из целного опала. Но это, конечно же, было не так.

Резьба, обрамляющая камин, также оказалась настоящей загадкой. Сверкающий глаз, по всей видимости, являлся ее оптическим центром, а внешняя, треугольная, часть служила основанием. На первый взгляд все это производило впечатление обычного классического украшения. Но когда Уолтерс разглядел его с близкого расстояния, выяснилось, что это орнамент в действительности представляет собой изображение какого-то жуткого, похожего на осьминога существа, каких на земле никогда не водилось; выпуклый стеклянный круг был его огромным глазом, который к этому времени, хотя и потускнел, продолжал испускать слабый, странно колеблющийся свет.

Словно околдованный, разглядывал Уолтерс необычное украшение, не в силах отвести от него глаз. Впрочем, он не забыл и о двух лицах, увиденных на фотографии; поэтому, скользнув по похожим на щупальца резным завиткам, его взгляд неизменно возвращался к выпуклому стеклу, словно в нем непременно должны были произойти какие-то изменения. Однако ничего не происходило. Глаз светился сам по себе, в этом не было сомнения, но где находился источник света, в данный момент оставалось неразрешимой тайной.

Наконец Уолтерс неохотно слез с лестницы. Постоял, разглядывая треугольник. Да, несомненно, это что-то вроде осьми-

нога, только очень странного, не похожего на обычных осьминогов.

Он погасил лампу и стал ждать, что произойдет в темноте.

Сначала в комнате стоял полный мрак, в котором не было видно даже стен. Но через несколько мгновений вновь показалось радужное сияние. Первое время оно было совсем слабым и все же явно исходило от выпуклого глаза в треугольнике над камином. Вскоре сияние набрало силу и вновь стало таким, каким он увидел его в первый раз. Выпуклый глаз ожил и теперь напоминал мерцающее облако, подхваченное яростным вихрем, только на этот раз краски были намного ярче.

Неотрывно глядя на происходящее и пытаясь найти ему хоть какое-то объяснение, Уолтерс начал испытывать такое чувство, словно кто-то пытался ему что-то внушить; казалось, стеклянный круг притягивал к себе взгляд человека, заставляя смотреть на себя помимо его воли. В то же время мысли Николааса приняли весьма странный оборот; постепенно интерес к стеклянному глазу и свечению начал ослабевать, уступая место смутному чувству смещения земного пространства и размеров, знакомых ему с детства; с внезапной тревогой и беспокойством Николас начал ощущать, как его затягивает что-то похожее на сон или гипнотический транс. Он словно падал в бездонную яму.

Тогда он вновь зажег лампу.

Он пришел в себя не сразу. Свечение выпуклого глаза исчезло, все вокруг выглядело прозаично — если только вид этого кабинета можно было назвать прозаичным. Уолтерс вздохнул с облегчением. Обнаружив, что на его лбу выступили капельки пота, он смахнул их рукой.

Какой бы ни была природа этого явления, оно казалось невероятным. Чувствуя, как дрожат ноги, Уолтерс сел и попытался объяснить самому себе, что же все-таки происходит в доме и почему. Совершенно очевидно, что стеклянный глаз — это не украшение. Но как он здесь оказался?

Уолтерс вновь забрался по стремянке к украшению над камином и принялся рассматривать его при свете лампы. Ничто не указывало на его возраст. Возможно, оно было помещено здесь еще при постройке дома. А значит, следует разузнать, кто и как его строил, а поскольку дом явно старше любого из жителей

Данвича, придется наводить справки в архивах. Также необходимо выяснить все о его бывших жильцах. А вдруг они видели то же самое? Или что-то еще более потрясающее? Эта мысль наполнила Уолтерса тревогой и в то же время волнующим предчувствием открытия.

Но если он собирается проводить расследование, значит ему придется задержаться в доме Эберата Уэйтли дольше, чем он рассчитывал. Не вдохновленный такой перспективой, Уолтерс слез со стремянки.

Решительно выбросив из головы мысли о стеклянном глазе, он заглянул в темную комнату, где сушились фотографии, после чего поднялся на второй этаж, чтобы осмотреть комнату в мансарде, где решил провести ночь. Был уже поздний вечер, и ему очень хотелось спать. Уолтерс поставил лампу на стол и открыл окно; снаружи все было по-прежнему — козодои, лягушки, необычные крики и звуки со стороны темных холмов. Мансарда выходила окнами на Данвич; выглянув в окно, Уолтерс увидел, что огонь на Круглой горе погас, однако точно такой же теперь венчал другой холм на левой стороне долины, где-то возле дороги, ведущей в Эйлсбери-Пайк; и звуки, такие непривычные для человеческого уха, доносились уже оттуда.

Уолтерс разделся и лег в постель. Но несмотря на усталость, уснуть он так и не смог. В голове вихрем проносились разные мысли, вторя звукам долины. Тобиас Уэйтли явно знал больше, чем решился ему сообщить. Но лучше разыскать кого-нибудь из «образованных» Уэйтли — от них можно ожидать больше фактов и меньше суеверных предположений, приправленных хитрыми недомолвками и презрительными, двусмысленными ухмылками. Если покопаться в библиотеке Спрингфилда, можно будет выяснить, когда был построен дом, а может быть, и узнать историю нескольких поколений семейства Уэйтли, проживавших в Данвиче.

Вот так, лежа в кровати и размышляя, Уолтерс неожиданно почувствовал, как в нем начинает расти ощущение дома как некоего самостоятельного живого существа, не терпящего присутствия посторонних; и сердце этого существа, несомненно, находилось в кабинете, который был источником энергии, дававшей жизнь всему дому. Уолтерс чувствовал, как его затягивает некая

сила, и ему приходилось бороться с подспудным желанием выскочить из кровати и бежать в кабинет. Как все это странно и удивительно! Он ощущал на себе действие колдовских чар, дурных предчувствий, тревоги, страха — и вместе с тем некоей сверхинтуиции, как будто находясь на пороге величайшего открытия, которое его обессмертит.

Он уснул где-то после полуночи. К этому времени козодои наконец уgomонились, и только несколько лягушек еще подавали голоса. Ночь была совсем тихой; крики на холмах, так тревожившие Уолтерса, также смолкли. И все же спал он плохо — ему все время снились сны, каких не бывало у него прежде; снилось далекое детство и еще кто-то — кажется, дед по отцовской линии, которого он почти не помнил и о котором ничего не знал; снились громадные мегалитические здания, незнакомые пейзажи, холодный космос где-то в глубинах Вселенной, среди далеких чужих звезд. А периодически просыпаясь, он ощущал равномерную пульсацию, словно в самих стенах дома тихо билось живое сердце.

IV

Утром Уолтерс отправился в Спрингфилд. После ланча в местном ресторанчике он зашел в публичную библиотеку, где представился библиотекарю, господину средних лет, чье имя, согласно правилам, было указано в настольной табличке — Клиффорд Пол. Ему Уолтерс и объяснил цель своего визита.

— Вы пришли в нужное место, мистер Уолтерс, — сказал Пол. — У нас есть документы, касающиеся и дома, о котором вы говорите, и всего семейства Уэйтли. Старинная семья. И достойного происхождения. К сожалению, сейчас у них не лучшие времена. Впрочем, нас интересует их прошлое, а не печальное настоящее.

Уолтерса проводили в читальный зал, где перед ним выложили архивные документы, связанные с историей округа, и несколько объемистых папок. Сначала он просмотрел архивы — один из тяжелых фолиантов, заполненный в основном автобиографическими и биографическими заметками различных людей, обычно членов семейств; публиковались они главным образом

за счет тех, чьи имена были упомянуты на страницах книги. Большая часть материала касалась самых обыденных фактов и была безнадежно обыденной.

Уолтерс нашел фотографию — совсем плохонькую, воспроизведенную, видимо, с еще более плохой ферротипии, — Сайруса Уэйтли, удивительно похожего на кого-то, кого Уолтерс видел совсем недавно, что было, конечно же, полным абсурдом. Описание жизни Сайруса оказалось на редкость кратким. Дом, расположенный недалеко от Данвича, он купил у некоего Дадли Рупса Гловера, наследника сэра Эдварда Орма, который построил его в 1703 году, после чего в течение двадцати лет, предшествовавших его исчезновению, путешествовал по Европе. Гловер также почти не жил в усадьбе, предпочитая проводить время в Европе. И более о доме ни слова.

Что касается Сайруса Уэйтли, то информация о нем была скудной: путешествовал; был дважды женат; от каждой жены имел сына; один из сыновей стал его наследником; второй покинул дом еще юношей, и больше его никто не видел. О занятиях Сайруса Уэйтли было известно только то, что он был «землевладельцем» и, возможно, спекулировал земельными участками. Эберат Уэйтли, сын Сайруса, ставший его наследником, в записях практически не упоминался.

Однако в папке с документами, касающимися семейства Уэйтли, оказались записи иного рода. Они, наоборот, изобиловали множеством мелких подробностей. Первые записи относились ко времени появления семейства в Данвиче. В Северный Массачусетс Уэйтли перебрались в 1699 году из Аркхема, здесь и проживали до 1920 года, когда опубликовали историю округа. В разветвленном генеалогическом древе семейства были указаны и Эберат, и его пропавший брат Чарльз. Приводились биографии родственников, в основном в виде коротких некрологов, взятых из газеты «Рипабλικен», издающейся в Спрингфилде, или аркхемской «Эдвертайзер». Но были и другие документы, которые Уолтерс читал гораздо внимательнее, чем официальные некрологи, поскольку собрал их некто, обладающий более живым воображением, нежели обычный клерк.

Все они так или иначе касались местных преданий о семействе Уэйтли. Например, приводился отчет о пламенной пропо-

веди, прочитанной его преподобием Джептой Хоугом, который в 1787 году приехал из Аркхема, дабы стать настоятелем методистской церкви Данвича.

«Нам известно, что здесь проживает некое семейство, члены которого совокупляются с дьяволом и рожают монстров как путем колдовства, так и с помощью греховной плоти. Еще сорок лет назад мой предшественник, преподобный Эбайджа Хоудли, представитель конгрегационалистской церкви, произнес с кафедры в этой самой деревне следующие слова: „Приходится признать, что богохульные заявления об адских игрищах демонов стали слишком хорошо всем известны, чтобы не обращать на них внимания; эти проклятые голоса, что доносятся из-под земли, слышали уже многие почтенные люди. Я сам не далее как две недели назад стал свидетелем проявления дьявольских сил, случившегося на холме за моим домом. Я слышал хрипы и вопли, стоны, визг и шипение, каких не могут издавать рожденные на земле твари; нет, эти звуки могли доноситься из бездн, отыскать которые можно лишь с помощью черной магии и самого дьявола“. Да, я тоже слышал эти звуки, эти адские вопли, мерзкую какофонию, которой не место на земле. Берегитесь! Вы знаете, о ком я говорю!»

И так далее в том же духе; проповедь была очень длинной, и Уолтерс, при всей его заинтересованности, дальше читать не стал. К тексту проповеди прилагалось сообщение о том, что большинство прихожан Данвича постановило прекратить деятельность местной методистской церкви ввиду, во-первых, «неблагоразумия» преподобного Джепты Хоуга и, во-вторых, его непонятного исчезновения, ибо с преподобным Хоугом случилось то же самое, что за сорок лет до того случилось с его коллегой Хоудли, который внезапно исчез через месяц после своей проповеди, посвященной борьбе с силами зла.

В папке находился толстый конверт, в котором Уолтерс обнаружил вырезки из газет, с большей или меньшей долей юмора описывающие «Странные происшествия в Данвиче», как гласил один из заголовков. Статьи были взяты в основном из аркхемской «Эдвертайзер» и, откровенно говоря, являлись обыкновен-

ными байками, в которых рассказывалось о «монстрах», возникших ниоткуда прямо на глазах накачавшихся контрабандным виски пьянчуг из Данвича. Уолтерсу эти рассказы показались весьма забавными, однако нельзя было отрицать, что в Данвиче действительно произошли удивительные события, обратившие на себя внимание кого-то из сотрудников Мискатоникского университета уже после того, как по этому поводу вдоволь повеселилась «Эдвертайзер». Выяснилось, что с событиями в Данвиче каким-то образом связана смерть Уилбура Уэйтли, случившаяся накануне, но вовсе не в Данвиче, а в стенах Мискатоникского университета в Аркхеме. Несколько статей из «Транскрипта», издаваемого в Эйлсбери, носили не менее веселый характер, но за всей этой веселостью скрывалось одно: летом 1928 года в Данвиче происходили странные события, достигшие кульминации в сентябре того же года.

«Без малого семь лет назад», — подумал Уолтерс. В связи с событиями в Данвиче упоминалось также имя некоего доктора Генри Армитеджа, библиотекаря Мискатоникского университета. Уолтерс принял это к сведению, решив навести справки о докторе Армитедже и по возможности побеседовать с ним, если придется забираться в самые глубины истории семейства Уэйтли. Разумеется, ничего конкретного газеты не сообщали; в них говорилось лишь о гибели домашнего скота и исчезновении нескольких человек, правда, имена их разнились и искажались от отчета к отчету. Кроме того, исчезнувшие не принадлежали к семейству Уэйтли, хотя один из них, по фамилии Бишоп, был их родственником, но близким или дальним — определить было уже невозможно. Вообще родословная Уэйтли включала огромное количество кровно связанных с ними семей — Бишопов, Хоугов, Маршей и других; вполне возможно, что и преподобный Хоуг, который так неосмотрительно обрушил обвинения на одно из семейств Данвича (Уолтерс не сомневался, что проповедь была направлена именно против Уэйтли), и сам являлся их дальним родственником.

Уолтерс внимательно рассмотрел генеалогическое древо Уэйтли. Среди множества разнообразных Хоугов преподобного Джекты Хоуга не оказалось. Кроме того, выяснилось, что в семействе практиковались близкородственные браки — очень час-

то мужем и женой становились двоюродные братья и сестры; так, Элизабет Бишоп вышла замуж за Эбнера Уэйтли, Лавиния Уэйтли — за Рэлсо Марша, Блесс Бишоп — за Эдварда Марша и так далее; иначе говоря, происходило постепенное вырождение всего семейства или, по крайней мере, той его ветви, представителей которой жители Данвича прозвали «образованными».

Уолтерс задумался. Получалось так, что он узнал немногим больше, чем ему рассказал поверенный Бойл, а именно: Данвич — это медвежий угол, семейство Уэйтли давно пришло в упадок, в Данвиче происходили какие-то странные события, о которых потом было много слухов, большей частью преувеличенных или осмеянных теми, кто считал себя выше предрассудков. И все же Уолтерса не покидала одна мысль: во всех этих рассказах, байках и насмешливых статьях было нечто общее, словно они были вариацией на одну и ту же тему; ему даже не хотелось читать дальше, поскольку и так было ясно, что люди стали свидетелями чего-то жуткого и удивительного, чего не могли объяснить и о чем боялись рассказывать; да и сам Уолтерс, вчитываясь в записи, терялся в догадках — все это было выше его понимания. Пытаясь уверить себя, что у него просто нет больше времени на это чтение, он прекрасно понимал и другое — ему почему-то совсем не хочется детально изучать историю семейства Уэйтли.

Закрыв папку, он отнес ее библиотекарю.

— Надеюсь, вы нашли то, что искали, мистер Уолтерс, — сказал тот.

— Да, нашел. Благодарю. Возможно, эта папка мне еще понадобится.

— Берите, когда хотите, сэр, — ответил Пол и, слегка замаявшись, спросил: — Вы, наверное, родственник Уэйтли?

— Я кое-что получил от них в наследство, — сказал Уолтерс. — Однако не думаю, что я их родственник.

— Ради бога, простите, — поспешно сказал библиотекарь. — Я только подумал... я знал некоторых из них. Вы немного на них похожи, хотя, с другой стороны, в мире, наверное, очень много похожих людей, не состоящих между собой в родстве.

— Вы безусловно правы, — вежливо согласился Уолтерс.

И все же слова библиотекаря его неприятно задели. Тобиас Уэйтли и не подумал скрывать, что считает его своим родственником; так прямо его и назвал — «кузен», да еще презрительно хмыкнул. Мистер Пол тоже заметил сходство и тоже высказался по этому поводу, правда весьма почтительно. Видя смущение и растерянность библиотекаря, Уолтерс поспешно добавил:

— А может быть, я и в самом деле их родственник, только очень дальний. Семейство Уэйтли весьма разветвленное, но я так и не выяснил, с какой стати моему покойному отцу была завещана эта собственность.

— Можно спросить, о какой именно собственности идет речь?

— У вас ее называют «земля старого Сайруса Уэйтли».

Лицо мистера Пола прояснилось.

— Этот мистер Уэйтли был...

— Знаю, — с улыбкой перебил его Уолтерс. — Он был из тех, кого жители Данвича называли «образованными».

— Да, именно так, — сказал библиотекарь.

— Что придает вопросу о нашем возможном родстве несколько иную окраску, мистер Пол. Вы со мной согласны?

— Согласен. О других ветвях семейства рассказывают ужасные вещи, сэр. Вы их услышите, я уверен. Я знаю, вы читали газетные статьи. Там все описывается очень туманно, а иногда и вовсе лживо, а вот я убежден, что в некоторых глухих уголках Данвича происходит нечто загадочное и, боюсь, ужасное.

— Как и во многих глухих уголках по всему миру, — заметил Уолтерс.

И вышел, оставив библиотекаря в полном смятении. Итак, его уже причислили к клану Уэйтли. Отец мало рассказывал ему о своих родственниках, хотя и не скрывал от сына американского происхождения их семьи. Эта мысль Уолтерса не слишком обрадовала; хотя, с другой стороны, в этом не было и ничего плохого.

Беспокоило другое — двойственность его собственных ощущений. Его словно что-то притягивало и в то же время отталкивало. Англия, которую он покинул совсем недавно, казалась теперь затерявшейся где-то в неизмеримой дали, зато Данвич начал оказывать на него необъяснимое воздействие не только дикой и по-своему прекрасной природой, но и странной отчужденно-

стью от внешнего мира, между тем как этот самый мир очертя голову упорно стремился к некоей призрачной цели, которая вполне могла оказаться разрушительной для всей человеческой цивилизации.

Когда Уолтерс вернулся в свою усадьбу, дом, казалось, повеселел, словно с нетерпением ждал его возвращения. Теперь Уолтерс воспринимал дом как живое существо, хотя никак не мог определить, откуда у него берется это чувство. Сердцем дома представлялась главная комната, и Уолтерс был почти уверен, что скоро из нее донесется то самое биение, которое он слышал ночью. Он постарался избавиться от этого навязчивого чувства, но в кабинете его ждало новое потрясение.

Здесь произошла перестановка — комнату словно подготовили к приему посетителя: кто-то разложил на столе бухгалтерские книги и пододвинул к нему стул. Уолтерс уселся за стол, окинул взглядом гроссбухи, раскрыл ближайший из них и обнаружил тонкий конверт, на котором было нацарапано: «Тому, кто придет».

Конверт не был запечатан. Уолтерс вынул из него сложенный пополам тонкий листок бумаги.

«Чарльзу, — прочитал он, — или сыну Чарльза, или внуку Чарльза, или *Тому, кто придет после...* знай, что ты должен быть готов к появлению *Тех, кто наблюдает*, и исполнить то, что должно исполниться».

Подпись отсутствовала, почерк был корявый и неразборчивый...

* * *

[Рассказ остался незаконченным из-за смерти Августа Дерлета, последовавшей 4 июля 1971 года.]

ТАЯЩИЙСЯ У ПОРОГА

1

БИЛЛИНГТОНСКИЙ ЛЕС

К северу от Аркхема поднимаются крутые склоны холмов, поросших темным, диким и непроходимым лесом; через эту местность в сторону моря, почти совпадая с границей леса, несет свои воды река Мискатоник. Путник, оказавшийся в этих краях, редко отваживается зайти в лес, куда ведет едва заметная тропинка, уходя в сторону холмов, затем к Мискатонику и после этого вновь выбираясь на открытую местность. Те заброшенные дома, что еще выдерживают натиск времени, все как один выглядят жалкими лачугами; и если на покрытых лесом холмах вовсю кипит растительная жизнь, то окружающие их поля давно уже стали бесплодной пустошью. Двигаясь по дороге в Эйлсбери-Пайк — которая начинается сразу за аркхемской Ривер-стрит, идет на запад и северо-запад от этого небольшого старинного городка и далее через пользующийся дурной славой, обезлюдивший Данвич за местечком Динз-Корнерз, — путник невольно изумляется тому, что на первый взгляд может показаться необычайно разросшимися давними лесонасаждениями, но на деле является первозданным лесом, который все так же пышно зеленеет, хотя огромные деревья при их многовековом возрасте давно уже должны были бы обратиться в прах.

Жители Аркхема ныне почти забыли мрачные предания о тех местах, которые когда-то рассказывали их бабушки, сидя у камина и мысленно возвращаясь в далекое прошлое — вплоть до времен охоты на ведьм. Как водится в таких случаях, предания эти постепенно утратили связь с реальностью, если не считать вскользь брошенных упоминаний о том, что «вон тот лес принадлежал Биллингтону, и холмы тоже принадлежали мистеру Бил-

лингтону»; надо сказать, что в этой округе ему принадлежало все, включая огромный дом, которого не было видно с дороги, поскольку стоял он в лесу, на живописном холме, «возле башни и круга из каменных столбов». При этом один лишь вид старых корявых деревьев напрочь отбивал охоту приблизиться к дому, да и в целом дремучий лес не вызывал желания забраться в него подалее, так что в заброшенную усадьбу не совались даже орды собирателей старинных обычаев, легенд и домашней утвари, которых дом Биллингтона вполне мог бы заинтересовать. Что же касается леса, то о нем ходила и вовсе дурная слава; редкие путники спешили миновать эти места, испытывая к ним странную неприязнь, которую и сами не могли объяснить, приписывая ее собственному воображению. Когда же лес оставался позади, путник облегченно вздыхал, радуясь, что скоро будет дома — в Аркхеме, Бостоне или каком-нибудь отдаленном селении, — где так хорошо и безопасно.

«Старого Биллингтона» еще помнили в Аркхеме, хотя давно уже умерли те, кто знал его лично. Элайджа Биллингтон — так его звали, и был он сельским сквайром начала девятнадцатого века. В этом доме жил еще его дедушка, а до него — прадедушка; когда же Элайджа состарился, то уехал на землю своих предков — в Южную Англию. С тех пор о нем ничего не было слышно, хотя налоги на оставленное имущество он выплачивал аккуратно через адвокатскую фирму, чей адрес в респектабельном Миддл-Темпле придавал еще большую внушительность легенде о Старом Биллингтоне. Шли годы; Элайджа Биллингтон воссоединился со своими предками, как и его поверенные; в свое время за отцом последовал сын Элайджи, Лабан, после чего естественный ход событий начали повторять уже его сыновья, ибо ежегодные налоги на оставленные владения выплачивались регулярно через нью-йоркский банк, и собственность по-прежнему именовалась «владениями Биллингтона». Впрочем, на рубеже двадцатого века появились слухи, что последний из рода Биллингтон, кажется, кто-то из сыновей Лабана, не оставил после себя наследника мужского пола, поэтому наследство перешло к его дочери, чьего имени никто не знал; было только известно, что именовалась она «миссис Дьюарт», но эти жалкие крохи сведений, не представлявшие никакого интереса для жителей Аркхема,

были вскоре забыты, ибо кому какое дело до миссис Дьюарт, которой никто и в глаза не видывал, если даже о самом Старом Биллингтоне и его «странных звуках» вспоминали теперь лишь немногие?

Именно этими «звуками» и прославился некогда Старый Биллингтон; особенно ревниво хранили подобные воспоминания отпрыски некоторых почтенных семейств, упорно относящих себя к местной аристократии. Впрочем, время не пощадило и эти истории, ни одна из которых не сохранилась в более-менее отчетливом виде; говорили только, что странные звуки раздавались в основном в сумерки и по ночам и что доносились они со стороны холмов, где жил Биллингтон, однако никто не мог точно сказать, сам ли Элайджа производил их, или у звуков был иной источник. Скорее всего, память об Элайдже Биллингтоне канула бы в Лету, если бы не древний лес и окружавшая его густая дикая поросль и если бы не болото в глубине этого леса, неподалеку от дома Биллингтона, откуда весенними ночами доносились такие лягушачьи концерты, каких никто не слышал в радиусе ста миль от Аркхема, и где летом в пасмурную погоду появлялись сполохи какого-то неестественно яркого света, отражавшегося в низких ночных облаках. Кто-то пустил слух — и с ним все согласились, — что свет возникает из-за скоплений светлячков, давно облюбовавших эти места наряду с лягушками и другими болотными тварями. С отъездом Элайджи странные звуки прекратились, но кваканье лягушек продолжалось, свечение не угасло, и летними ночами там по-прежнему пронзительно вопили козодои.

Прошло много лет, и вдруг, в марте 1921 года, к великому изумлению и любопытству местных жителей, округу облетела весть, что старая усадьба Биллингтона вновь обживаетея. Эта новость появилась в аркхемском «Эдвертайзере» в виде короткой заметки, где говорилось, что мистер Эмброуз Дьюарт, решивший отремонтировать и обставить новой мебелью «Дом Биллингтона», желает нанять помощников; обращаться лично к мистеру Дьюарту, отель «Мискатоник». Этот отель служил еще и чем-то вроде общежития для сотрудников Мискатоникского университета и окнами выходил на его прямоугольный двор. Мистер Эмброуз Дьюарт оказался мужчиной среднего роста, с резкими чертами

лица, смуглой кожей и копной ослепительно-рыжих волос, отчего казалось, что его голова светится сама по себе, пронзительными глазами и тонкими, крепко сжатыми губами; держался он в высшей степени вежливо и обладал своеобразным сдержанным юмором, оказавшим весьма благоприятное впечатление на тех, кого Дьюарт нанял на работу.

На следующее утро весь Аркхем знал, что Эмброуз Дьюарт действительно дальний родственник Элайджи Биллингтона; что он прибыл на землю, коей владели три поколения его предков, и намерен здесь поселиться. Мистеру Дьюарту было около пятидесяти, его единственный сын погиб на войне, а сам он, утратив все, что связывало его с родиной, прибыл на обетованную землю Америки, дабы провести здесь остаток своих дней. Две недели назад он приехал в Массачусетс, чтобы осмотреть свою собственность; все увиденное ему, очевидно, понравилось, поскольку он решил полностью восстановить дом и вернуть ему былую славу; вскоре, однако, воплощение обширных замыслов пришлось приостановить из-за такой уступки современности, как электричество. Выяснилось, что ближайшая линия электропередач проходит в нескольких милях от усадьбы и, чтобы протянуть провода, придется преодолевать ряд чисто механических трудностей. Зато остальные пункты плана осуществлялись превосходно, работа закипела, и уже к лету дом был восстановлен, дороги — к дому и вокруг леса — проложены, мистер Эмброуз Дьюарт, оставив временное пристанище в Аркхеме, формально вступил во владение усадьбой, а рабочие, получив щедрую плату, вернулись в свои дома, чтобы с восторгом рассказывать о новом доме Биллингтонов: как он похож на Крейги-хаус в Кембридже, где жил поэт Лонгфелло, какая в нем красивая лестница, украшенная замечательной резьбой, какой кабинет — высотой в два этажа и с окном почти во всю стену, которое выходит на запад да еще и выложено из цветных стеклышек, какая библиотека, остававшаяся нетронутой на протяжении многих лет, и как много в этом доме разных вещей, имеющих, по словам мистера Дьюарта, большую ценность для любителей старины.

Слухи об усадьбе ходили самые разные; вскоре люди начали судачить уже о самом Эмброузе Дьюарте, который, как говорили, очень похож на своего предка. Прошло еще немного времени,

и по окрестностям Данвича вновь поползли зловещие слухи о «звухах», некогда доносившихся из усадьбы Старого Биллингтона; никто не мог сказать, кто их распространяет, однако расползались они явно из той части Данвича, где проживали семейства Уэйтли и Бишоп, а также последние отпрыски других некогда процветавших семейств, ныне влачивших жалкое существование. Ибо Уэйтли и Бишопы жили в этом районе Массачусетса на протяжении нескольких поколений и древностью рода могли поспорить не только с самим Старым Биллингтоном, но и с первым представителем его семейства — тем, кто построил дом с «розовым окном», как его называли, хотя это было и не так. Скорее всего, кто-то вытащил на свет божий давние предания, которые вполне могли оказаться если не чистой правдой, то почти что правдой. Надо ли говорить, какой живейший интерес вновь возродился у всех окрестных жителей и к Биллингтонскому лесу, и к его новому владельцу.

Сам же Эмброуз Дьюарт пребывал в счастливом неведении относительно сплетен, что начали расползаться вокруг его персоны. Будучи от природы одиночкой, он наслаждался уединением, занимаясь в основном подробным изучением своей собственности, чему решил посвятить большую часть времени, хотя, говоря по правде, плохо представлял себе, с чего начать. Его матушка почти ничего не рассказывала ему об усадьбе, ограничиваясь редкими упоминаниями о «собственности» в штате Массачусетс, которую было бы «крайне разумно» не продавать, а навечно оставить в семье, и, даже если что-то случится с ним, Эмброузом, или его сыном, усадьбу следует передать кузену из Бостона, Стивену Бейтсу, которого Эмброуз никогда не видел. Таким образом, в распоряжении Дьюарта находился всего лишь краткий перечень загадочных инструкций, оставленных, вероятно, Элайджей Биллингтоном перед его отъездом в Англию, в которых Эмброуз Дьюарт решительно не мог разобраться.

Так, например, его заклинали следить за тем, чтобы «вода всегда омывала остров», или «не нарушать покоя башни», или «не уговаривать камни», или «не открывать дверь, которая ведет в странное время и место», а также «не притрагиваться к окну из желания его изменить» Все эти инструкции, вроде бы не имевшие никакого смысла, тем не менее сильно заинтересовали Дьюарта,

прочитав их один раз, он уже не мог выкинуть их из головы; повторяя снова и снова, словно заклинание, он бесцельно бродил по дому, часами гулял по лесу, среди холмов и болот, пока наконец не обнаружил, что владеет не только домом, но и старинной каменной башней, которая стояла на маленьком клочке суши — подобии крошечного островка посреди широкого ручья, который раньше был притоком Мискатоника, однако давным-давно высох и теперь оживал только весной.

Однажды в августе, когда был уже поздний вечер, Эмброуз внезапно пришел к убеждению, что все эти загадочные инструкции относятся не к усадьбе, а к старинной башне, которую он и принялся осматривать самым тщательным образом. Башня имела форму цилиндра с конической крышей; диаметр башни составлял примерно двенадцать футов, высота — около двадцати футов. Когда-то в ней имелся огромный сводчатый проем, указывавший на то, что раньше башня не имела крыши; теперь проем был большей частью замурован. Дьюарта, неплохо разбиравшегося в архитектуре, башня сразу заинтересовала, поскольку даже далекий от архитектуры человек сразу бы понял, что сложена она из древних камней, причем более древних, чем дом. Взяв лупу, с которой обычно читал древние латинские тексты из своей библиотеки, Дьюарт принялся рассматривать каменную кладку и обнаружил весьма странную вещь — камни были подогнаны друг к другу по какой-то совершенно неизвестной ему технологии, использующей тот же геометрический рисунок, что был нацарапан на камнях, закрывающих вход в башню. Не менее удивительным оказался и ее фундамент, сложенный из невероятно огромных камней; создавалось впечатление, что он уходит далеко вглубь земли. Впрочем, это могло быть вызвано и тем, что со временем башня сама собой сильно выросла в землю.

Кто же ее построил? Элайджа Биллингтон? Но башня была явно старше, чем он; в таком случае чьи руки ее возводили? Размышляя над этим, Дьюарт, который уже успел ознакомиться со многими старинными манускриптами из своей семейной библиотеки, решил, что где-нибудь среди них наверняка упоминается и башня, а потому направился в дом, ненадолго задержавшись, чтобы еще раз полюбоваться каменным строением уже издали; именно тогда он и обнаружил, что башня стоит в центре

круга из каменных плит, удивительно похожих на камни друидов Стоунхенджа. Несомненно, когда-то этот маленький остров омывался водным потоком, притом весьма бурным, если судить по следам на камнях, неподвластных не только разрушительному действию мхов, дождей и ветра, но и некоторым излишне суеверным людям, которым так и не удалось вывернуть их из земли.

Обратный путь занял у него больше времени, и уже смеркалось, когда он наконец вышел к своему дому, — пришлось обходить обширное болото, расположенное между башней и холмом, на котором стояла усадьба. Приготовив себе ужин, Дьюарт уселся за стол и принялся размышлять о том, что делать дальше. Итак, прежде всего придется просмотреть старинные документы из фамильной библиотеки; среди них есть совсем древние, которые, скорее всего, рассыплются в пыль при первом прикосновении. К счастью, некоторые тексты записаны на пергаменте, и, значит, есть надежда взять их в руки и прочитать; кроме того, он заметил маленькую книжечку в кожаном переплете, на которой детским почерком было выведено: «Лабан Б.». Несомненно, книжка принадлежала сыну Элайджи, более ста лет назад отправившемуся в Англию. После недолгих размышлений Дьюарт решил начать именно с детского дневника, которым, как он и предполагал, оказалась эта книжка.

Он читал при керосиновой лампе; проблема электричества потонула в бездонном болоте чиновничьей волокиты в одном из дальних уголков штата, откуда, правда, пришло заверение, что в скором времени данную проблему непременно рассмотрят. Огонь лампы вместе с желтым светом камина — он зажег камин, поскольку ночь выдалась холодной, — создавал в кабинете атмосферу уюта, и вскоре Дьюарт с головой погрузился в воспоминания о прошлом, которое вставало перед ним с пожелтевших страниц. Мальчик по имени Лабан, который был, как выяснил Дьюарт, его прапрадедушкой, оказался не по годам развитым ребенком. Вести дневник он начал в девять лет, а закончил в одиннадцать; при этом ребенок отличался редкой наблюдательностью, особенно если учесть, что описывал он не только события в доме.

Дьюарт узнал, что Лабан рано остался без матери и что его единственным товарищем был индеец из племени наррагансе-

тов, который прислуживал в доме Элайджи Биллингтона. У индейца было еще одно имя — Квамус или Квамис, мальчик точно не знал; по возрасту индеец был ровесником скорее Элайджи, чем мальчика, о чем можно было судить по тому почтению, с каким описывал своего друга Лабан; вряд ли он стал бы использовать такие выражения, если бы речь шла о мальчишке его возраста. Дневник начинался с распорядка дня; однако, записав его, Лабан больше о нем не вспоминал, за исключением тех случаев, когда нужно было отметить что-нибудь особенное. Вместо этого большая часть дневника была посвящена описанию событий, которые происходили с мальчиком в его свободное время, когда он не был занят уроками и мог в собственное удовольствие разгуливать по дому или в сопровождении индейца отправиться в лес; правда, ему не позволялось уходить далеко от дома.

Индеец, судя по всему, был человеком молчаливым и необщительным, но временами впадал в красноречие и рассказывал мальчику легенды своего племени, а тот, будучи впечатлительным ребенком, наслаждался обществом своего друга независимо от его настроения и иногда записывал в дневник сказки индейца, который, судя по записям, регулярно выполнял для Элайджи некую работу «после того, как подавали ужин».

Примерно на середине дневника записи обрывались — Дьюарт обнаружил несколько вырванных страниц. И сразу шла запись, датированная семнадцатым марта (год не указан), прочитав которую Дьюарт оживился и принялся читать с возрастающим интересом, поскольку пропущенные страницы только усиливали загадочность последующих записей мальчика.

«Сегодня после занятий мы пошли гулять; падал снег, и Квамис куда-то направился в обход болота, а меня оставил стоять на пне, что мне очень не понравилось, потому что было бы лучше, если бы я пошел с ним; поэтому я слез с пня и пошел за Квамисом по его следам. Снега было много, потому что он падал всю ночь; вскоре я вышел туда, куда папа запрещает нам ходить, — к ручью, где стоит башня. Квамис стоял на коленях, подняв руки к небу, и произносил какие-то слова на своем языке, которого я не знаю, хотя и слышал его иногда. Я разобрал только слова „нарлато“ или „нарлотеп“. Я уже хотел его позвать, но тут он

меня увидел, вскочил на ноги, подбежал ко мне, взял за руку и быстро повел прочь; я начал его спрашивать, кому он молился, и что делал, и почему не хочет молиться в нашей часовне, построенной белыми миссионерами для его племени; но он не отвечал и только попросил меня ничего не говорить папе, иначе его, Квамиса, накажут за то, что он нарушил запрет ходить на берег ручья. Только зачем он туда ходил, я не понимаю, потому что там совсем неинтересно — одни голые камни да вода; я бы туда ни за что не пошел».

В течение двух следующих дней ничего не происходило, но затем стало ясно, что Элайджа все-таки обнаружил проступок индейца и наказал его, но как именно, мальчик не упоминает. Затем следовали ничего не значащие записи, и вдруг снова — «запретное место»; на этот раз мальчик и индеец были захвачены внезапно налетевшей снежной бурей и заблудились. Они брели по снегу то в одну сторону, то в другую — в тот год снега было очень много, он закрыл землю толстым слоем и начал таять лишь в марте; снег слепил им глаза, и вдруг «мы пришли в какое-то странное место, и тут Квамис вскрикнул и потащил меня прочь, и тогда я увидел, что мы вышли к ручью, посреди которого был маленький остров из камней, а на нем стояла башня, только в этот раз мы подошли к острову с другой стороны. Как мы туда попали, я не знаю, потому что все время шли в обратную сторону, на восток, чтобы выйти к Мискатонику; наверное, мы заблудились из-за снежной бури. Увидев, как испугался Квамис и как поспешно потащил меня прочь от ручья, я стал его спрашивать, чего он испугался, но он отвечал, как и прежде, что „твой отец этого не хочет“. Тогда я понял, что он не хочет, чтобы я ходил именно к ручью, хотя мне не возбраняется гулять в других местах; я даже могу дойти до Аркхема, вот только в сторону Данвича и Инсмута мне ходить нельзя, и еще в индейскую деревушку, которая находится среди холмов за Данвичем».

После этого записи о башне прекратились, однако появилось кое-что не менее интересное. Прошло три дня, и в дневнике появилась запись о внезапной оттепели, которая «освободила от снега всю землю». На следующее утро Лабан записал: «Я проснулся от странных звуков со стороны холмов — словно кто-то

громко кричал. Я встал и подошел сначала к восточному окну — из него ничего не было видно; тогда я подошел к южному, и там то же самое; тогда я, собравшись с духом, вышел из своей комнаты, пересек зал и постучал в дверь папиной спальни, но папа не ответил; тогда я решил, что он просто меня не слышит, открыл потихоньку дверь и вошел в его комнату; я подошел к его постели и увидел, что папы нет, и вообще все в комнате было так, словно папы не было всю ночь; тогда я подошел к окну и увидел над лесом какое-то голубое и зеленое сияние, которое висело над холмами на западе. Я ужасно удивился, потому что странные крики тоже доносились со стороны холмов — жуткие вопли, так не могут кричать ни люди и ни животные; и тут я услышал — когда, дрожа от страха, стоял у полуоткрытого окна, — как этим голосам отвечали другие голоса, со стороны Данвича или Инсмута; они эхом разносились по всей округе, долетая до самых небес. Через некоторое время все стихло, и свечение над холмами погасло, и тогда я пошел спать; но когда утром ко мне пришел Квамис, я спросил его, кто кричал сегодня ночью, а он ответил, что все это мне приснилось, и что я сам не понимаю, о чем говорю, и что ни в коем случае я не должен об этом спрашивать у отца и вообще должен держать язык за зубами. Тогда я не стал рассказывать Квамису, что видел ночью, потому что он так трясся от страха, словно отец стоял рядом и слушал наш разговор. Я немного испугался за папу и хотел поговорить об этом с Квамисом, но он сказал, что папа спит; тогда я сделал вид, что забыл об этой истории, и Квамис успокоился и больше не казался испуганным».

Следующие две недели Лабан описывал разные незначительные события — как он учился и что читал. Затем — еще одна загадочная запись, краткая и выразительная: «Крики явно доносятся с запада, ответные крики раздаются с востока и северо-востока, то есть со стороны Данвича или диких лесов за ним». Через четыре дня мальчик записал, что, как только его уложили спать и оставили одного, он встал и выглянул из окна, чтобы посмотреть на луну, и вдруг увидел отца. «С ним был Квамис, у обоих было что-то в руках, я не разглядел что. Вскоре они скрылись за домом; я пошел в комнату отца, чтобы не упустить их из виду,

но их уже не было, только со стороны леса доносился голос папы». Той же ночью мальчика вновь разбудили «громкие крики; я лежал и слушал, а потом понял, что они были похожи на торжественное пение, которое время от времени прерывалось пронзительным визгом, очень неприятным на слух». Затем подобные записи повторились; так продолжалось примерно год.

Предпоследняя запись оказалась самой загадочной. Всю ночь мальчик слышал «громкие крики» на холмах и начал думать, что эти вопли, звучащие в полной темноте, должно быть, слышит весь мир; утром, когда Квамис не пришел к нему, мальчик спросил, где он; ему ответили, что Квамис «уехал и больше не вернется, а еще мне сказали, что сегодня мы тоже уедем, поэтому я должен собрать свои вещи и ждать. Мне показалось, что папа ужасно торопится, хотя он не говорил, куда мы поедem. Я решил, что, наверное, в Аркхем, а может быть, даже в Бостон или Конкорд, но спрашивать не стал и побежал собирать вещи; я не знал, что нужно брать, поэтому выбрал самое необходимое — чистые штаны и все такое. Я не мог понять, почему папа так спешит и все время смотрит на часы, а он торопил меня и говорил, что мы должны выехать не позже полудня и что до отъезда он должен завершить одно дело; он все время спрашивал меня, готов ли я, упаковал ли я свои вещи и т. п.».

Последняя запись была сделана перед самым отъездом: «Папа говорит, что мы уезжаем в Англию. Мы поплывем через океан, к нашим родственникам в той стране. Уже полдень, и папа готов к отъезду». И далее — крупными буквами, с красивым росчерком: «Дневник Лабана Биллингтона, сына Элайджи и Лавинии Биллингтон, 11 лет, сего дня».

Дьюарт закрыл дневник с ощущением тревоги и вместе с тем острого любопытства. За бесхитростными фразами мальчика скрывалась какая-то тайна, о которой тот, к сожалению, ничего не мог сказать, тем самым оставив Дьюарта без единого ключа к разгадке. И все же даже из этих скудных, обрывочных описаний можно было понять, что книги и документы в доме Элайджи были брошены на произвол судьбы, так как поспешный отъезд помешал ему подготовить дом к длительному отсутствию хозяев. Элайджа, по всей видимости, не собирался уезжать навсегда и

вместе с тем не был уверен, что сможет вернуться. Взяв дневник, Дьюарт вновь принялся его перелистывать и вдруг наткнулся на одну любопытную запись, которую он прежде пропустил; в ней подробно рассказывалось о поездке мальчика и индейца Квамиса в Аркхем: «Я с удивлением увидел, что повсюду на нас смотрят со страхом и уважением; торговцы изо всех сил старались нам угодить, и даже Квамиса никто не задирал, как обычно задирают индейцев, когда они заходят в город. Один или два раза я слышал, как дамы шептали друг другу: „Это Биллингтон“; я даже подумал, что в этом имени есть что-то неприличное, раз они боятся произносить его вслух. Все это было очень неприятно, потому что не замечать этого было невозможно, и по дороге домой я спросил Квамиса, почему к нам так относятся, а он ответил, что все это мои выдумки».

Итак, Старого Биллингтона боялись и недолюбливали, как и все, что было с ним связано. От этого у Дьюарта появилось острое предчувствие надвигающейся беды; его расследование уже не было веселым приключением, обычным изучением генеалогического древа; здесь была тайна, что-то необычное, непостижимое, выходящее за рамки обыденного, и Дьюарт, крайне заинтригованный этой тайной, решил непременно добраться до самой ее сути.

И он с энтузиазмом принялся разбирать кучи документов; однако на первых порах испытал жестокое разочарование, поскольку бо́льшая их часть оказалась деловыми бумагами, связанными с постройкой дома, а остальные — заказами на книги, которые Элайджа Биллингтон выписывал из Лондона, Парижа, Праги и Рима. Разочарование достигло высшей точки к тому моменту, когда Дьюарт наконец наткнулся на текст иного рода, написанный очень неразборчивым почерком. Заголовок рукописи гласил: «О черной магии, творимой в Новой Англии демонами в нечеловеческом обличье». Выяснилось, что этот документ был всего лишь копией оригинала, которого среди бумаг не оказалось; затем стало ясно, что оригинал был переписан не полностью, а то, что было переписано, прочесть можно было лишь с огромным трудом. Тем не менее Дьюарт принялся разбирать неровные буквы. Он читал медленно, то и дело останавливаясь и возвраща-

ясь к началу предложения, но вскоре был столь захвачен описываемыми событиями, что, схватив ручку и бумагу, принялся переписывать текст, начинавшийся, по-видимому, с середины.

«Но я не хочу долго задерживаться на всех этих ужасах, а потому просто добавлю кое-что к тому, что говорят в Нью-Даннице о событиях, которые случились пятьдесят лет назад, когда губернатором был мистер Брэдфорд. Говорят, что некий Ричард Биллингтон, начитавшись книг о темных силах и по наущению злых колдунов, с которыми свел знакомство, якаясь с индейцами, перестал посещать христианскую церковь и вскорости дошел до того, что начал твердить о бессмертии человеческой плоти, а также устроил в лесу круг из камней, в котором возносил молитвы дьяволу, то есть Дагону, и совершал богопротивные колдовские ритуалы. Будучи доставленным в городской магистрат, отказался от своих богохульных деяний; однако потом в приватной беседе признался, что испытывает великий страх перед некой Тварью, которую сам же вызвал с ночных небес. В тот же год в лесу, где находились камни Ричарда Биллингтона, произошло семь убийств; тела жертв были изувечены и наполовину уничтожены таким образом, что и описать невозможно. Вскоре после выступления в суде Биллингтон вдруг исчез, и больше его никто не видел. Через два месяца, ночью, многие слышали, как в лесу завывали и пели индейцы племени вампанугов; затем они разобрали Каменный Круг и сделали кое-что еще. Их главный колдун по имени Мискамакус, который учил колдовству Биллингтона, явился в город и поведал мистеру Брэдфорду об очень странных вещах, а именно: Биллингтон совершил такую страшную ошибку, которую уже нельзя исправить, после чего был сожран Злым Духом, который спустился с Небес. Изгнать этого духа обратно уже невозможно, поэтому старейшины племени вампанугов схватили его и держат там, где был Каменный Круг.

Они выкопали яму в три локтя глубиной и два шириной и с помощью заклятий засадили в нее Злого Духа, после чего закрыли яму... (неразборчиво)... и вырезали знак, который называется Знаком Старших Богов. Потом они... (неразборчиво)... закопали яму. Старый индеец сказал, что никто не должен подходить к этому месту, иначе Злой Дух выберется из ямы, если

только кто-то случайно сдвинет камень с изображением Знака. На вопрос, как выглядит этот Злой Дух, Мисквамакус не ответил, а только закрыл лицо руками так, что были видны одни глаза, а потом сказал престранную вещь: этот дух иногда маленький и твердый, как Сама Жаба, Великая Повелительница Лесных Сурков, а иногда огромный, туманный и бесформенный, но с лицом, на котором извиваются змеи.

И зовут его Оссадагова, что означало (исправлено на „означает“) „дитя Садовой“; этот Злой Дух, известный еще нашим предкам, спустился со звезды, ему поклоняются северные племена. Индейцы племени вампанугов, нансетов и наригансетов знали, как призвать его на землю, но никогда этого не делали, потому что дух этот — само Великое Зло. Они также знали, как его поймать, но отправить обратно на небо не умели. Потом кто-то сказал, что сделать это могли бы индейцы племени ламахов, их тотем — Большой Медведь, но они давно уже уничтожены, потому что это было злое племя. Потом некоторые белые люди притворялись, что тоже владеют Великим Знанием, и даже пытались творить заклятия, чтобы это доказать, но у них ничего не вышло, потому что не было у них Знания. Говорили, что Оссадагова порой возвращается на небо сам по себе, а вновь спуститься не может, пока его кто-нибудь не призовет.

Вот что рассказал индейский колдун Мисквамакус мистеру Брэдфорду, и долгое время спустя огромный холм в лесу возле пруда, к юго-западу от Нью-Даннича, никем не посещался. Раньше на нем стоял Высокий Камень, но вот уже двадцать лет, как он пропал, а холм стоит, и никто туда не ходит, и ничего на нем не растет, ни трава, ни деревья. Мудрые люди не верят, что Биллингтона сожрал Злой Дух, как думают дикари, поскольку были сообщения, что его потом несколько раз видели в разных местах. Индейский колдун сказал, что Биллингтона больше нет; он не говорил, что его сожрал Злой Дух, как считали остальные дикари, и все же был твердо уверен, что Биллингтона на земле больше нет, за сим хвала Господу».

На документе стояла наспех нацарапанная приписка: «См. преп. Уорда Филлипса, „Чуд. маг.“». Справедливо рассудив, что это, скорее всего, сноска на какую-то книгу из тех, что стоят на

полках, Дьюарт взял лампу и принялся просматривать ряды книг. Их было великое множество, и все они были ему совершенно незнакомы. «*Ars Magna et Ultima*» Луллия, «*Clavis Alchimiae*» Фладда, «*Liber Ivonis*», труды Альберта Великого, «Ключ к мудрости» Артефия, «*Cultes des Goules*» графа д'Эрлетта, «*De Vermis Mysteriis*» Людвига Принна и много других почерневших от времени томов, посвященных философии, магии, демонологии, каббалистике, математике и тому подобному, а также несколько работ Парацельса и Гермеса Трисмегиста, потрепанный вид которых говорил о том, что ими часто пользовались. С изумлением рассматривая эти книги и едва удерживаясь от того, чтобы немедленно приступить к их изучению, Дьюарт очень скоро обнаружил нужный том, затиснутый в дальний конец книжной полки.

Книга называлась «Чудеса магии на обетованной земле Новой Англии», автор — преподобный Уорд Филлипс, указанный на титульном листе как «пастор Второй церкви города Аркхема, колония Массачусетского залива». Книга представляла собой перепечатку с оригинала, поскольку на ней стояла дата: «Бостон, 1801 год». Том был немалой толщины, и Дьюарт решил, что преподобный Уорд Филлипс, так же как и многие священники, не мог удержаться от проповедей даже при работе над ученым трактатом. Никаких указателей в книге не было, и, поскольку время близилось к полуночи, Дьюарт решил, что не станет перелистывать страницу за страницей длинного текста, полного старинных типографских завитушек. Немного подумав, он предположил, что страницы должны быть сильнее отогнуты в тех местах, где Элайджа Биллингтон открывал книгу чаще всего. Поэтому, взяв лампу, Дьюарт поднес книгу к столу и бросил ее так, чтобы она раскрылась; как он и предполагал, это произошло в самом зачитанном месте, примерно на трети от ее конца.

Она была напечатана готическим шрифтом, который, хотя и был весьма непривычен для глаз, читался не труднее, чем предыдущий рукописный текст. Более того, пометка на полях: «см. рассказ о Рич. Биллингтоне» — указывала, что Дьюарт нашел именно то, что искал. Помеченная запись оказалась короткой и носила несколько несвязный характер; ни до, ни после нее не было ни существенных деталей, ни сколько-нибудь уместных

замечаний; преподобный Уорд Филлипс просто воспользовался случаем, чтобы в очередной раз прочитать проповедь на тему «Зло от прелюбодеяния с демонами и подобными им тварями». Однако сам по себе этот отрывок оказался на редкость любопытным.

«Говоря о высшем бесчестье, нельзя не упомянуть о страшном случае с женщиной по имени Гудвайф Дотен, вдовой Джона Дотена из Даксбери, что в Старых Колониях, произошедшем в лесах под Кэндлмасом в 1787 году. По утверждению женщины, а также ее добрых соседей, гнусный плод сам зародился в ней, и она клянется, что не знает, как он в нее попал, ибо то был ни человек, ни зверь, а летучая мышь с лицом человека. Тварь не издавала ни малейшего звука, а только злобно тарасилась на собравшихся. Нашлись и такие, кто утверждал, что лицо твари ужасно напоминает одного давно умершего человека, некоего Ричарда то ли Беллингэма, то ли Боллинхена, исчезнувшего сразу после того, как стало известно о его сношениях с демонами, произошедших неподалеку от Нью-Даннича. Жуткая тварь была доставлена на заседание суда, где была подвергнута тщательному осмотру, а ведьма, согласно приказу окружного шерифа, была предана сожжению пятого июня 1788 года».

Этот отрывок Дьюарт перечитал несколько раз; он явно скрывал в себе тайный смысл, но какой, было пока не ясно. В обычных обстоятельствах эти намеки можно было бы и пропустить, если бы не упоминание здесь имени «Ричарда то ли Беллингэма, то ли Боллинхена», в коем напрашивалась параллель с Ричардом Биллингтоном. К сожалению, как ни ломал себе голову Дьюарт, он так и не смог найти разгадку. Оставалось лишь предположить, что упомянутый преподобным Уордом Филлипсом «Ричард Беллингэм» является все тем же Ричардом Биллингтоном, который вовсе не был сожран тварью, сошедшей с Небес, как утверждали некоторые суеверные люди, а остался жив и просто забрался в глухие леса в районе Даксбери, чтобы там творить свои темные дела; после этого, очевидно желая продолжить свой род, он сошелся с какой-то нечистью, и одним из потомков его стала жуткая тварь, о которой писал священник. Отродье Гудвайф

Дотен появилось на свет спустя столетие после пресловутой охоты на ведьм, хотя, вероятно, и в те времена подобные истории еще влияли на умы суеверных людей, в том числе священников, обитавших в районе Даксбери и Нью-Даннича, ныне известного как Данвич.

Взволнованный и полный решимости продолжать расследование, Дьюарт добрался до постели и сразу провалился в глубокий сон. Всю ночь ему снились странные существа, похожие на змей и летучих мышей.

В целом же ночь он провел довольно спокойно и проснулся только один раз, когда ему почудилось, что кто-то за ним наблюдает; решив не придавать значения всяким глупостям, он снова уснул.

Утром, посвежевший и отдохнувший, Эмброуз Дьюарт отправился на поиски новых источников информации о своем предке Элайдже. Он поехал в Аркхем, который не раз сравнивал про себя с небольшими европейскими городами; Аркхем нравился ему своими домиками с мансардными крышами, полукруглыми наддверными окнами и тенистыми дорожками, проложенными по берегу Мискатоника от укромных городских улочек до заброшенных дворов пригородных усадеб. Свои поиски он начал с библиотеки Мискатоникского университета, где получил тщательно хранимые подборки аркхемских «Эдвертайзера» и «Газетт» столетней давности.

Утро выдалось солнечным и ясным, и времени у Дьюарта было хоть отбавляй. Надо сказать, что во многих отношениях он был типичным «волынщиком» и, с величайшим рвением принимаясь за каждое новое исследование, редко какое из них доводил до логического конца. Сейчас, устроившись в хорошо освещенном уголке за небольшим столом, он принялся внимательно просматривать газеты времен своего прапрапрадедушки, в которых была уйма разных интересных вещей; несколько раз он даже забывал о цели своих поисков. Он просмотрел выпуски за несколько месяцев, когда внезапно наткнулся на имя своего предка, и то по чистой случайности, когда принялся читать не колонки новостей, а переписку читателей с редакцией. Данное письмо было коротким и грубым.

«Сэр, меня очень удивило письмо некоего Джона Друвена, эсквайра, по поводу книги преп. Уорда Филлипса из Аркхема. Эсквайр утверждает, что ему эта книга понравилась. А я думаю, что это у вас мода такая — раз человек в сутане, так его надо хвалить, да только этот Джон Друвен, эсквайр, мог бы оказать куда большую услугу преп. Уорду Филлипсу, если бы указал ему на существование вещей, о коих лучше не упоминать всуе. Искренне ваш, Элайджа Биллингтон».

Дьюарт тут же начал искать ответ на это письмо и вскоре нашел его в следующем выпуске газеты, вышедшем через неделю.

«Сэр, мне кажется, что этот возмутитель спокойствия, Элайджа Биллингтон, знает, о чем пишет. Видимо, он хорошо изучил содержание моей книги, за что я ему весьма признателен. Божьей милостью, преп. Уорд Филлипс».

Ответа от Элайджи не последовало; Дьюарт внимательно просмотрел все следующие выпуски. Что ж, преподобный Уорд Филлипс оказался не менее крепким орешком, чем Элайджа Биллингтон. После этого имя Биллингтона в газетах долго не упоминалось. Прошло несколько часов — и несколько газетных лет, — и вдруг Дьюарт вновь увидел знакомое имя. На этот раз — в колонке новостей.

«Шериф округа постановил принять меры по немедленно прекращению громкого шума, доносящегося по ночам из дома Элайджи Биллингтона, расположенного в Эйлсбери-Пайк. Сквайр Биллингтон получил уведомление о явке в суд, заседание которого состоится в следующем месяце, в Аркхеме».

Больше ничего — до тех пор, пока Элайджа Биллингтон не явился в городской магистрат.

«Обвиняемый Элайджа Биллингтон заявил, что по ночам не занимался ничем предосудительным, не шумел сам, не позволял шуметь другим, никогда не нарушал законов штата и вообще категорически отрицал свою вину. Себя он представил как жертву людского суеверия и жестокости, сказав, что люди не хотят по-

нять, как трудно живется ему в одиночестве с тех пор, как умерла его горячо любимая жена. Он категорически отказался привести в суд своего слугу, индейца по имени Квамис. Несколько раз Биллингтон прерывал судью и требовал, чтобы ему представили обвинителя, однако тот решительно отказался явиться на заседание суда. После этого вышеупомянутый Элайджа Биллингтон был оправдан, и все обвинения были с него сняты».

Итак, становилось ясно, что «крики», которые слышал мальчик Лабан, вовсе не были плодом его воображения. Было ясно и то, что люди, выдвинувшие против Элайджи обвинения, боялись взглянуть ему в лицо; в этом явно чувствовалось нечто большее, чем боязнь мелкого пакостника взглянуть в глаза человеку, которого он облил грязью. Если эти странные ночные звуки слышал не только мальчик, но и соседи Элайджи, значит есть и другие люди, кто мог их слышать; впрочем, таковых больше не нашлось — никто не хотел иметь дело с Биллингтоном. Очевидно, его не просто побаивались, а боялись по-настоящему; это был прямой, бесстрашный человек, который не колеблясь проявил бы агрессию, если бы ему пришлось защищаться. Мысленно похвалив своего предка, Дьюарт снова погрузился в чтение, ибо его все более увлекала эта невероятная история. Он уже чувствовал, что стоит на пороге удивительного открытия, хотя бесконечное чтение начало его понемногу утомлять.

Примерно через месяц в «Газетт» появилось оскорбительное письмо некоего Джона Друвена; очевидно, это был тот самый господин, который писал отзыв на книгу Уорда Филлипса и пришел в ярость от грубой критики со стороны Элайджи Биллингтона, которой тот подверг его статью, причем гнев эсквайра был столь велик, что и он решил внести свою лепту в судебное разбирательство.

«Сэр, случилось так, что однажды я прогуливался в окрестностях Аркхема с его западной и северо-западной стороны и не заметил, как стемнело; в результате ночь застала меня в лесу в районе Эйлсбери-Пайк, известном как Биллингтонский лес. Выбираясь из леса сразу по наступлении темноты, я услышал жуткие звуки, источник которых я не в силах объяснить; мне по-

казалось, что они доносятся со стороны болота, расположенного возле дома Элайджа Биллингтона. Прислушавшись к этим странным звукам, я вдруг с ужасом понял, что это крики истязуемого живого существа, кричащего от боли или какой-то болезни. Если бы я мог определить, откуда доносятся эти звуки, то непременно бросился бы туда, ибо не переносу, когда кто-то страдает. Крики продолжались примерно в течение получаса или немного больше, после чего стихли; немного постояв, я пошел своей дорогой. Искренне ваш, Джон Друвен».

Можно себе представить, в какую ярость пришел Элайджа, прочитав это письмо; но прошло несколько недель, а ответа не последовало. Зато противники Биллингтона явно активизировались, ибо, пользуясь его молчанием, преподобный Уорд Филлипс пошел в атаку, обратившись к читателям с открытым письмом, в котором объявил о создании специальной комиссии по расследованию причин жутких криков с целью их последующего устранения. Разумеется, все это было направлено против Биллингтона, и на этот раз удар попал в цель. В газете появилось публичное заявление, гласившее:

«Любое лицо или лица, замеченные в нарушении границ частной собственности, известной как Биллингтонский лес, а также примыкающих к ней полей и пастбищ, будут преследоваться по закону.

Данное заявление сделано лично Элайджей Биллингтоном перед шерифом округа; мистер Биллингтон предупреждает, что всякое нарушение границ его собственности, будь то в целях прогулки, охоты и тому подобного, будет рассматриваться как нарушение закона».

Ответ последовал незамедлительно: Уорд Филлипс, перейдя на изысканный слог, писал, что «по всей видимости, наш сосед Элайджа Биллингтон категорически не желает, чтобы общественность узнала об источнике ужасных криков, доносящихся со стороны жилища, в котором он желает пребывать в полном одиночестве». Письмо заканчивалось вопросом к Элайдже Биллингтону, почему он так «боится» открыть и устранить источник жутких криков.

Однако Элайджа был не из тех, кого впечатляла изящная словесность. Вскоре появилось новое письмо, в котором он прямо заявлял, что не позволит «всяким там» лезть в его дела и не видит причин считать «этого самозванца, преподобного Уорда Филлипса, или его прихвостня, господина Джона Друвена», достаточно компетентными людьми, чтобы вести подобное расследование.

«А что касается этих людей, то еще неизвестно, что они сами делали в лесу в столь поздний час, когда все приличные люди уже спят или, по крайней мере, сидят дома, а не шатаются по округе под прикрытием темноты ради одному Богу известно каких таких удовольствий или целей. И потом, где доказательства, что они слышали какие-то крики? Свидетель Друвен во всеуслышание заявляет, что слышал крики, однако ни слова не упоминает о том, что с ним кто-то был. Помнится, лет сто назад были такие люди, которым слышались голоса, а потом они обвиняли невинных мужчин и женщин, обрекая их на смерть как колдунов и колдуний; какие у них могли быть доказательства? Хочу спросить: а может ли свидетель Друвен настолько разбираться в ночных звуках, чтобы отличить то, что он назвал „криками истязуемого существа“, от рева быка, или мычания коровы, потерявшей теленка, или еще подобных им звуков, рожденных самой Природой? Было бы лучше, если бы Друвен и ему подобные меньше болтали и не слишком доверяли своим ушам, а также не лезли в такие дела, которые Господь не считает нужным им показывать».

Высокомерное послание, ничего не скажешь. Раньше Биллингтон ни разу не призывал в свидетели самого Господа, его резкое письмо было написано явно в спешке и без тщательного обдумывания. Иными словами, Биллингтон прямо подставил себя под удар, чем немедленно воспользовались преподобный Уорд Филлипс и Джон Друвен.

В своем столь же кратком, как и письмо Биллингтона, ответе священник писал, что «счастлив и благодарю Господа за то, что человек по имени Биллингтон знает, что на свете существуют такие вещи, которые Бог не позволяет нам видеть, и я

только молю Господа нашего о том, чтобы Биллингтон на них не смотрел».

Джон Друвен в свою очередь обрушил на Элайджу град насмешек: «А я и не знал, что наш сосед Биллингтон держит у себя быков, коров и телят, с чьими голосами вышеупомянутый свидетель отлично знаком, ибо вырос среди них. Поэтому свидетель со всей категоричностью заявляет, что ни разу не слышал голоса быка или коровы в местах, расположенных рядом с Биллингтонским лесом. Равно как и голосов коз, овец, ослов и других известных ему животных. А жуткие крики действительно раздавались, я слышал их собственными ушами, и не только я». И так далее в том же духе.

Можно было ожидать, что Биллингтон ответит на этот выпад; однако ответа не последовало, но через три месяца «Газетт» опубликовала сообщение Друвена, в котором говорилось, что он получил приглашение осмотреть Биллингтонский лес либо в одиночку, либо с группой людей, но с одним условием — он заранее и официально сообщит о своем приезде, в противном случае его будут считать нарушителем границ частной собственности. Друвен ответил, что принимает приглашение Биллингтона.

После этого наступило молчание.

И вдруг — серия мрачных сообщений, одно тревожнее другого. Сначала все было тихо, только коротко сообщалось, что «Джон Друвен, наш внештатный корреспондент, к сожалению, не успел передать в редакцию собранный материал, который появится только в следующем номере газеты». Однако в следующем номере, то есть через неделю, сообщалось, что «Джон Друвен исчез. Дома, на Ривер-стрит, его нет. Поиски мистера Друвена продолжаются». Прошла еще одна неделя, и «Газетт» сообщила, что «материал, который Джон Друвен должен был передать в редакцию, был его отчетом о поездке в усадьбу Биллингтона и посещении его леса; вместе с нашим корреспондентом находились преп. Уорд Филлипс и Деливеренс Уэстрип, которые утверждают, что из усадьбы они выехали все вместе. Однако в ту же ночь, по словам квартирной хозяйки, Джон Друвен куда-то ушел. На вопрос, куда он идет, он не ответил. По поводу криков в Биллингтонском лесу оба священника заявили, что ничего не помнят, кроме того, что хозяин усадьбы принимал их весьма любезно

и даже предложил им ланч, который приготовил его слуга-индеец Квамис. В настоящее время, по распоряжению окружного шерифа, поиски Джона Друвена продолжают».

На четвертую неделю о Друвене все еще не было никаких известий.

Как и на пятую.

Дальше — снова молчание, не считая короткого сообщения через три месяца о том, что шериф закрыл расследование по поводу странного исчезновения Джона Друвена.

Ничего не было слышно и о Биллингтоне. По-видимому, странные крики в лесу прекратились, словно по чьему-то решительному приказу. Больше статей и писем Биллингтона в газете не появлялось.

Прошло шесть месяцев, и вдруг все пришло в движение. Дьюарт с величайшим интересом прочел сообщения о новых невероятных событиях, которые были снабжены броскими заголовками. В течение трех недель появились четыре разных сообщения, занимающих главные колонки как в «Эдвертайзере», так и в «Газетт».

В первом говорилось о том, что вблизи портового города Инсмута, в устье реки Мэнуксет, на берегу океана обнаружен изуродованный труп человека. Тело опознали — это был Джон Друвен.

«Полагают, что мистер Друвен отправился в океан на каком-либо судне, но потерпел крушение, был серьезно ранен и утонул. Когда его выбросило на берег, он был мертв уже несколько дней. Последний раз его видели в Аркхеме; с тех пор известий о нем не поступало. Очевидно, тело получило сильные повреждения, поскольку лицо было изуродовано до неузнаваемости, а кости были переломаны».

Второе сообщение касалось предка Дьюарта, вездесущего Элайджи Биллингтона. Стало известно, что Биллингтон и его сын Лабан отбыли в Англию, чтобы навестить своих родственников.

Через неделю «в суд был вызван индеец Квамис, слуга Элайджи. Когда он не явился, шериф приказал привести его силой, но индейца нигде не нашли. Два судебных пристава стучали в дом

Элайджи Биллингтона, но им никто не ответил. Дом был заперт на замок и опечатан, войти без санкции прокурора приставы не могли, а санкции не было». Поиски индейца среди людей его племени, живущих в Данвиче и к северо-западу от Аркхема, не дали результата; индейцы ничего не знали о Квамисе и не желали знать, а двое из них даже утверждали, что «такого человека среди нас нет и никогда не было».

Наконец шериф опубликовал отрывок из последнего письма Друвена, которое тот начал писать вечером, накануне своего загадочного исчезновения, то есть примерно семью месяцами ранее. Письмо было адресовано преподобному Уорду Филлипсу и носило «следы явной спешки», как сообщала «Газетт». Письмо обнаружила квартирная хозяйка Друвена, которая и передала его шерифу, а тот счел нужным сообщить о нем только сейчас. Вот его текст:

«Преподобному Уорду Филлипсу,
Баптистская церковь,
Френч-Хилл, Аркхем

Мой почтенный друг!

Меня переполняет ощущение полной невероятности того, что происходит со мной, переполняет до такой степени, что моя память отказывается воспроизводить те события, свидетелями которых мы стали сегодня ночью. Я ищу и не нахожу им объяснения; кроме того, я все больше думаю о человеке, пригласившем нас в гости, — этом страшном Биллингтоне; меня все сильнее тянет вернуться в его дом. Не знаю, каким образом, может быть, с помощью магии или какой-то отравы, которую он подмешал нам в еду, но он явно околдовал нас. Не поминайте меня лихом, мой добрый друг, но я решительно намерен вспомнить все, что мы видели в круге из камней в том лесу; я должен торопиться, ибо с каждой минутой память моя слабеет...»

На этом письмо обрывалось. «Газетт» опубликовала его так, как оно было написано; обычные в таких случаях комментарии редактора отсутствовали. Окружной шериф заявил, что, как только Элайджа Биллингтон вернется из Англии, ему придется отвечать на вопросы; вот и все. Далее шло сообщение о доставке

тела несчастного Друвена в Аркхем, а после — письмо преподающего Уорда Филлипса, в котором он сообщал, что, по словам его прихожан, имевших несчастье жить поблизости от Биллингтонского леса, крики оттуда больше не доносились; таким образом, с отъездом Элайджи Биллингтона в Аркхеме наступила тишина.

Дьюарт просмотрел выпуски газет примерно за полгода, но имени Биллингтона в них больше не встречалось, и тогда он решил немного передохнуть, тем более что от долгого чтения у него заболели глаза. Было уже за полдень, наступало время ланча, и Дьюарт, хотя и не был голоден, решил, что пора бы перекусить и дать отдых глазам. Все прочитанное окончательно поставило его в тупик. С одной стороны, он был разочарован; он-то ожидал, что еще немного, и ключ к разгадке будет найден, но нет — вместо этого появились какие-то неясные намеки, которые только запутывали дело, уподобляя его загадочным записям, какие Дьюарт совсем недавно разбирал в библиотеке Элайджи Биллингтона. Газетные сообщения не содержали практически ничего конкретного, их можно было трактовать как угодно. Косвенным доказательством можно было счесть только записи в дневнике Лабана о тех же криках, что соседи Элайджи Биллингтона слышали в лесу. Самого же Биллингтона газеты изображали как негодяя, человека вспыльчивого, прямолинейного, чуть ли не разбойника, бросавшего вызов всем, кто смел выступить против него; вместе с тем Элайджа легко выкручивался из любой ситуации, хотя Уорду Филлипсу все же удалось пару раз припереть его к стене. Можно было не сомневаться, что книга, о которой столь грубо высказывался Элайджа, была «Чудесами магии на обетованной земле Новой Англии»; и хотя в суде по этому поводу не было никаких заявлений, можно было легко догадаться, что самый ярый критик Элайджи, Джон Друвен, исчез неспроста. Более того, много вопросов вызывало и его последнее незавершенное письмо. Совершенно очевидно, что Элайджа что-то подсыпал в еду, которую затем предложил своим непрошеным гостям — «комиссии по расследованию», для того чтобы они начисто забыли что-то такое, чего не должны были видеть, и чтобы затем не могли выдвинуть обвинения в суде. Было в этом письме и кое-что еще: слова «меня все сильнее тянет вернуться в его

дом». Поразмыслив над ними, Дьюарт пришел к неприятному выводу, что у его предка было какое-то средство, с помощью которого он заставил своего непримиримого оппонента прийти в его дом, после чего умертвил его — разумеется, позаботившись о том, чтобы вовремя исчезнуть со сцены.

Конечно, все это было лишь предположениями, но тем не менее Дьюарт обдумывал их все время, пока шел лесом в свою усадьбу; придя домой, он снова начал просматривать бумаги, которые читал всю прошлую ночь, пытаясь отыскать хоть какую-то связь между Ричардом Биллингтоном и грозным Элайджей — не родственную, ибо они несомненно были кровными родственниками с разницей в несколько поколений, а связь, возникшую в силу обстоятельств и невероятных событий, описанных в архивных документах и газетных сообщениях. Дьюарт уже не сомневался, что эта связь существует, поскольку не мог быть чистым совпадением тот факт, что люди, которых разделяли сто лет времени и расстояние всего в несколько миль и которые называли свое местожительство один — «Нью-Даннич», а другой — «Данвич» и «Биллингтонский лес», упоминали одно и то же «кольцо из камней» сродни каменным столбам друидов, окружавшее башню на маленьком островке посреди одного из притоков Мискатоника.

Приготовив несколько сэндвичей и расовав их по карманам вместе с апельсином и фонариком, Дьюарт вышел из дома, чтобы еще засветло обойти болото и выйти к башне. Вскоре он уже был на месте, проник внутрь башни и внимательно огляделся. От основания башни вдоль ее стены вела вверх очень узкая и крутая спиральная лестница, сделанная из грубо обтесанных камней, по которой Дьюарт, рискуя свернуть себе шею, начал медленно подниматься, попутно разглядывая примитивные и все же впечатляющие украшения, вырезанные на ее ступеньках, — барельефы, повторяющие один и тот же рисунок. Лестница заканчивалась маленькой площадкой, расположенной так близко к крыше, что Дьюарту пришлось забираться на нее чуть ли не ползком. Осветив площадку фонариком, он увидел такой же барельеф, что и на ступенях лестницы; нагнувшись, Дьюарт всмотрелся в вылепленный на нем рисунок: сложное нагромождение концентрических кругов, от которых исходят прямые лучи. На первый

взгляд рисунок мог показаться странным переплетением линий, но затем, когда Дьюарт присмотрелся внимательнее, линии начали складываться в некое изображение. Дьюарт посветил фонариком вверх.

Раньше, когда он разглядывал внутренность башни, стоя на полу, ему казалось, что на одном из участков крыши есть какой-то рисунок, который появился сравнительно недавно. Теперь он понял, что рисунок сделан на большой известняковой плите, в точности повторяющей форму и размеры площадки, на которой он сейчас находился. Однако изображено на ней было не то же, что на барельефах; на этот раз Дьюарт увидел звезду, в центре которой красовался коряво нацарапанный огромный глаз, и даже не глаз, а кривой ромб, из которого вырывалось что-то вроде языков пламени или, возможно, столб огня.

К сожалению, этот рисунок был понятен Дьюарту не более, чем рисунок на барельефах; впрочем, его заинтересовало другое — цемент, которым крепилась плита, во многих местах раскрошился, и тогда Дьюарту пришла в голову одна мысль: а что, если, расковыряв цемент, он сможет сдвинуть плиту с места и тем самым проделать отверстие в конической крыше? Тем более что при свете фонарика он убедился, что здесь когда-то действительно имелось отверстие, которое позднее было заложено известняковой плитой, обработанной куда более тщательно, чем дикий камень, из которого была сложена башня. Плита казалась светлосерой, что могло объясняться ее сравнительно недавней обработкой; впрочем, темнота, царившая внутри башни, не позволяла в точности определить цвет.

Сидя под самой крышей, сжавшись в комок, Дьюарт пришел к выводу, что башню необходимо реставрировать; и в самом деле, чем больше он ее рассматривал, тем больше ему хотелось немедленно приступить к реставрации; в конце концов он уже не сомневался, что перестроит башню по собственному усмотрению — и прежде всего уберет известняковую плиту, чтобы на площадке можно было стоять во весь рост. Посветив вниз, Дьюарт заметил на полу башни острый камень, который решил использовать в качестве рабочего инструмента. Осторожно спустившись, он взял камень и вернулся с ним на площадку. Затем осмотрел плиту, мысленно прикидывая, с чего начать; она была

невелика, поэтому раскатать ее будет нетрудно, однако гораздо труднее будет опустить ее на землю. Прижавшись к стене, неловко сунув фонарик в карман, Дьюарт принялся царапать камнем цемент, но вскоре понял, что сначала придется освободить тот край плиты, который находился дальше от него, чтобы плита, когда начнет подаваться, свалилась не ему на ноги, а на земляной пол вниз.

Дьюарт активно принялся за работу, и через полчаса плита, как он и рассчитывал, вывалилась из гнезда и полетела вниз. Дьюарт выпрямился и выглянул в образовавшийся проем. На востоке расстилалось болото; кроме того, Дьюарт с удивлением обнаружил, что башня находится на одной линии с домом, ибо сразу за болотами и лесом, точно напротив башни, в лучах вечернего солнца поблескивало окно его дома. Интересно, какое именно? Странно, что из дома башню было не видно; впрочем, он ни разу не пытался ее разглядеть, а окно, судя по его размерам, это не что иное, как мозаичное окно кабинета, в которое он тоже ни разу не смотрел.

С какой целью построена башня — вот что занимало мысли Дьюарта. Опершись руками о край проема, он огляделся и обнаружил, что голова его находится выше не только края крыши, но и ее конической верхушки, так что обзор открывался во все стороны. Вполне возможно, что башня была построена каким-нибудь древним астрономом; и правда — из нее можно было прекрасно наблюдать за перемещением небесных светил. Камни, из которых была сложена крыша, были не менее огромными, чем камни стен, — что-то от фута до пятнадцати дюймов в толщину, а то, что башня прекрасно выдержала натиск времени, лишний раз подтверждало мастерство древнего архитектора, который построил ее, а может, и еще какие-нибудь здания, после чего тихо растворился в веках, не оставив потомкам даже своего имени. Впрочем, астрономическое предназначение башни можно было и оспорить, поскольку стояла она не на холме и даже не на возвышенности, а всего лишь на маленьком островке — земляном холмике, расположенном в небольшой впадине посреди леса, только по чистой случайности не загороженной высокими деревьями. Но даже и без этого линию горизонта, которую можно было видеть из башни, частично закрывал растущий на склонах

холмов лес, поэтому звезды были хорошо видны лишь тогда, когда они находились высоко в небе, в то время как в минуты восхода и захода их закрывали деревья — не лучший вариант для астрономических наблюдений.

Через некоторое время Дьюарт спустился по лестнице, сдвинул в сторону упавший камень и вылез наружу через открытую часть входной арки, которая вовсе не являлась преградой для дождя и ветра, врывающихся внутрь башни, что делало в принципе бессмысленной заделку отверстия в крыше.

Впрочем, Дьюарт не стал ломать над этим голову; близился вечер, и солнце медленно опускалось за деревья. Дьюарт двинулся домой, на ходу жуя сэндвич. Обойдя болото, он поднялся на небольшой холм к усадьбе, четыре фронтальные колонны которой смутно белели в сгущающихся сумерках. Дьюарт чувствовал приятное возбуждение, какое у него бывало во время какого-нибудь исследования; пусть он почти ничего не понял и не открыл ни одной тайны, зато он узнал много интересного о местной истории и легендах этого края, а также о своем предке, Элайдже, который, образно выражаясь, оттащал за уши весь Аркхем и уехал, оставив после себя неразрешимую загадку, равной которой нет и не было. Ему удалось собрать великое множество разрозненных фактов, хотя было трудно определить, что это — фрагменты одной картины или нескольких разных картин.

Придя домой, Дьюарт почувствовал, что очень устал. Подавив в себе желание вновь углубиться в книги прапрапрадедушки, он решил тщательно продумать план расследования, на этот раз игнорируя библиотеку с ее сотнями старинных томов. Пройдя в кабинет, Дьюарт разжег камин и, удобно расположившись перед ним, принялся неспешно обдумывать свои дальнейшие действия. Мысли то и дело возвращались к пропавшему индейцу Квамису; вскоре Дьюарт понял, что между этим индейцем и колдуном Мисквамакусом непременно должна существовать какая-то связь. Квамис или Квамус — мальчик писал это имя по-разному, — это два из четырех слогов полного имени индейского колдуна, а у индейцев, как известно, есть много одинаковых или очень похожих имен, и вполне возможно, что такие имена получили мужчины одного и то же племени или рода.

Так, переходя от одной мысли к другой, Дьюарт пришел к выводу, что где-нибудь далеко, в глухих лесах, среди холмов Данвича, все еще живут родственники или потомки индейца Квамиса, сто лет назад изгнанного своим племенем. А память о человеке, который сто лет назад был намеренно предан забвению, как ни странно, может храниться гораздо дольше, чем память об обычном человеке, не овеянном романтической дымкой преданий, давным-давно заменивших собой реальные воспоминания о нем и его характере. Итак, решил Дьюарт, он двинется именно в этом направлении и начнет завтра же — если позволит погода. И с этими мыслями он и отправился спать.

Спал он хорошо, хотя два раза за ночь просыпался с неприятным чувством, что за ним наблюдают сами стены комнаты, в которой он находился.

Утром, ответив на несколько писем, которые уже давно дожидались его на столе, Дьюарт отправился в Данвич. Небо было закрыто тучами, с востока дул легкий ветерок, предвещающий дождь; в результате такой перемены погоды поросшие лесом холмы с их увенчанными каменными кольцами верхушками, столь характерные для окрестностей Данвича, казались мрачными и зловещими. В этой местности путники попадались редко, поскольку главная дорога пролегла в стороне, а от заброшенных домов тягостно веяло общим упадком и разложением. Дороги здесь представляли собой узкие разбитые тропы, поросшие сорняками, шиповником и дикой травой; особенно буйные заросли тянулись вдоль старых каменных оград. Хотя Дьюарт забрался не очень далеко, он уже почувствовал всю необычность этой местности, разительно отличавшейся от старинного Аркхема; здесь не было округлых холмов, как в Эйлсбери-Пайк, что за Аркхемом, — холмы Данвича были изрыты глубокими оврагами и расщелинами, через которые были переброшены ветхие мостики чуть не столетней давности, а вершины были увенчаны странными камнями, которые — хоть и казались разбросанными по прихоти природы — производили впечатление работы рук человеческих, потрудившихся над ними несколько десятилетий, а может быть, и веков назад. На фоне хмурого неба холмы, казалось, приобретали черты мрачных человеческих лиц, способных напугать оди-

ногого путешественника, осторожно пробиравшегося в своем автомобиле по неровным и узким тропам и качающимся мостикам.

С каким-то странным напряжением Дьюарт смотрел на густую листву деревьев — даже листья здесь казались неестественно большими; конечно, можно было приписать это заброшенности и одичанию растений, и все же их ветвям и плетям полагалось быть намного короче, а кустам намного ниже — притом что росли они не где-нибудь, а на окраине его собственных владений. Мискатоник, оставшийся было позади, внезапно вновь оказался прямо перед ним; здесь воды реки были намного темнее, а на ее противоположном берегу простирались каменистые луга и покрытые сочной растительностью болота, где беспрерывно, хоть и был уже не сезон, квакали лягушки-быки.

Через час пути по дороге, пролежавшей в невероятно пустынной и дикой местности, ничуть не похожей на типичный пейзаж Восточного побережья Америки, впереди показались домики; это и был Данвич, опустевший, унылый, давно пришедший в упадок. Заброшенная церковь со сломанным шпилем, по-видимому, являлась единственным в этом селении магазином; возле него Дьюарт и остановил свою машину. У церкви, подпирая стену, стояли два нищих старика. Стараясь не обращать внимания на явные признаки их физического и умственного вырождения, Дьюарт обратился к ним:

— Кто-нибудь знает, нет ли тут поблизости индейского поселения?

Один из стариков отделился от стены и заковылял к машине. У него были узкие, глубоко посаженные глаза, морщинистая кожа, а руки, как сразу заметил Дьюарт, напоминали когтистые лапы. Решив, что старик идет к машине, чтобы ответить на вопрос, Дьюарт нетерпеливо наклонился вперед и высунулся в окно машины.

И был несказанно удивлен, когда его предполагаемый информатор внезапно отшатнулся.

— Лютер! — скрипучим голосом крикнул он. — Лютер! Иди сюда! — И когда приятель заглянул ему через плечо, показал пальцем на Дьюарта и сказал: — Помнишь ту картинку, что показывала нам миссис Джайлз? Это ж он, чтоб мне провалиться!

Ну вылитый, а? Вот и настало время, а, Лютер? Помнишь, нам говорили, что он вернется? Вот он и приехал, и, значит, тот, другой, скоро тоже появится.

Приятель дернул его за жилет.

— Да погоди ты, Сет, не спеши. Спроси, есть у него знак или нет.

— А ведь точно, знак! — воскликнул Сет. — У тебя есть знак, незнакомец?

Дьюарта, который за всю свою жизнь не встречал подобных существ, передернуло от отвращения. Сделав над собой невероятное усилие, он застыл на сиденье, выпрямив спину.

— Я ищу старые индейские семьи, — пояснил он.

— Нет, индейцев здесь давно нет, — сказал тот, кого звали Лютер.

Дьюарт решился на короткое объяснение. Он и не надеялся найти здесь индейцев, просто ему бы хотелось встретить одну или две семьи, у которых в роду были индейцы. Все это он говорил самыми простыми словами, какие только мог подобрать, и несколько смутился, заметив пристальный взгляд Сета.

— Как звали того парня, Лютер? — внезапно спросил тот.

— Биллингтон, вот как.

— Ваше имя Биллингтон? — неожиданно резко спросил Сет.

— Моего прапрапрадедушку звали Элайджа Биллингтон, — ответил Дьюарт. — Да, насчет тех семей...

Едва он произнес это имя, как поведение стариков резко переменялось: из обычных людей, которые со спокойным любопытством разглядывают незнакомца, они внезапно превратились в угодливых, раболепствующих слуг.

— Езжайте по дороге к Родниковому ущелью, потом остановитесь возле дома, который на этой стороне ущелья, — там живут Бишопы; у Бишопов течет в жилах индейская кровь, может, они чего вам и расскажут. А потом вам бы лучше поскорее вернуться, пока козодой и лягушки не подняли гвалт, а то еще потеряетесь. У нас тут странные вещи творятся и звуки всякие раздаются в воздухе. Вы, конечно, Биллингтон, и потому, может, вам оно и ничего, только лучше вам это знать загодя, вот что я вам скажу.

— А где эта дорога к Родниковому ущелью? — спросил Дьюарт.

— Второй поворот, потом езжайте, как дорога ведет, там и Бишопы. Первый дом от ручья. Если миссис Бишоп дома, она вам все расскажет, что захотите.

Дьюарт сгорал от желания поскорее уехать; его неприятно пугал дикий и странный вид двух стариков, которые были грязны не только физически, но и носили на себе явные признаки вырождения вследствие близкородственных браков — к примеру, странной формы уши и глазницы. Вместе с тем Дьюарту стало любопытно, почему так резко изменилось поведение стариков при слове «Биллингтон».

— Вы упомянули Элайджу Биллингтона, — сказал он. — А что вы о нем знаете?

— Ничего, ничего такого, — поспешно заговорил Лютер. — Вы езжайте себе, езжайте к реке.

Дьюарт дал понять, что раздражен.

Тогда Сет наклонился к окну машины и извиняющимся тоном сказал:

— Понимаете, вашего прапрапрадедушку тут все знали, а у миссис Джайлз есть картинка с него, кто-то его нарисовал, а вы ну вылитый он, точно вам говорю. А у нас все так и говорили: вот подождите, придет время, и кто-нибудь из Биллингтонов вернется и снова будет жить в своем доме в лесу.

Этим Дьюарту и пришлось довольствоваться; он чувствовал, что старики ему не доверяют, и все же поехал так, как они ему велели. Без труда найдя поворот к ущелью, он миновал холмы и в полумраке под сгустившимися тучами выехал к ручью, протекавшему по дну ущелья, которому он и дал свое имя. Где-то здесь должен был стоять домик Бишопов. Немного поколесив по окрестностям, Дьюарт наконец подъехал к низенькому, обшарпанному строению грязно-белого цвета, которое сначала показалось постройкой в неогреческом стиле девятнадцатого века, но потом он понял, что на самом деле она гораздо старше. Здесь и жили Бишопы, как можно было понять из коряво нацарапанной, полустертой надписи на воротах. Пройдя по заросшей сорняками дорожке, Дьюарт поднялся на низкое ветхое крыльцо и постучал в дверь, чувствуя себя отвратно, ибо даже воздух

в этом месте был пропитан атмосферой такой нищеты и запустения, что здесь, казалось, не могли жить люди. И все же ему ответили — из дома послышался скрипучий старческий голос, приглашавший войти и сообщить цель визита.

Дьюарт открыл дверь и едва не задохнулся от страшной вони; более того, в комнате, куда он вошел, царил полный мрак, и не столько из-за пасмурной погоды, сколько из-за наглухо закрытых ставней; никакого освещения в комнате не было. Только благодаря неплотно прикрытой двери в этой крошечной тьме можно было различить фигуру древней старухи, скрючившейся в кресле-качалке; во мраке белели ее седые волосы.

— Садись, незнакомец, — произнесла она.

— Миссис Бишоп? — осведомился Дьюарт.

Женщина кивнула, и тогда он несколько поспешно начал излагать ей цель своей поездки — поиск старинных семейств с индейскими корнями. Ему сказали, что по этому вопросу можно обратиться к Бишопам.

— Все верно, сэр. В моих жилах течет кровь наррагансетов, а еще вампанугов, которые были больше чем просто индейцы, — хихикнула старуха. — А вы похожи на Биллингтона, очень похожи.

— Это мне уже говорили, — сухо сказал Дьюарт. — Он мой родственник.

— Родственник Биллингтона ищет индейцев. Вам что, нужен Квамис?

— Квамис! — изумленно воскликнул Дьюарт.

Значит, эта женщина каким-то образом знала историю Биллингтона и его слуги Квамиса.

— Ой, да вы аж подпрыгнули, незнакомец. Только зачем вам Квамис, если он не вернулся и уже не вернется. Он ушел *туда* и не хочет возвращаться.

— Что вам известно об Элайдже Биллингтоне? — резко спросил Дьюарт.

— Ну и вопрос! Я знаю только то, что рассказывали в моей семье. Элайджа знал больше, чем позволительно простому смертному. — Старуха хрипло рассмеялась. — Больше, чем должен знать человек. Магия, Знак Старших Богов. Мудрый он был человек, этот Элайджа Биллингтон; вам повезло, что вы его родственник —

благородная кровь. Только не делайте того, что делал он, и помните — не трогайте камень, не открывайте запечатанную дверь, чтобы Те, Кто за Пределом, не прорвались к нам.

Слушая, что говорит женщина, Эмброуз Дьюарт внезапно ощутил, как его захлестывают дурные предчувствия. Приключение, за которое он взялся с таким энтузиазмом, ради которого перечитал горы старинных документов и просмотрел кипы пожелтевших книг и газет, судя по намекам жителей этой убогой деревушки, грозило обернуться настоящим кошмаром. В углу темной комнаты, сторбившись, сидела древняя старуха, которую тьма поглотила целиком, скрыв от Дьюарта ее черты, но не скрыв его самого от взгляда старухи, и она явно изучала его, как и те старики возле церкви, сверяя его черты с чертами Элайджи Биллингтона, и веяло от этого чем-то дьявольским; смех старухи казался Дьюарту неприличным и ужасным — он был тонким, как писк летучих мышей. Слова, которые небрежно срывались с ее губ, казались ему, человеку далеко не впечатлительному, наполненными страшным смыслом, пред которым пасовал даже его трезвый ум; и как ни старался Дьюарт взглянуть на ситуацию с прозаической точки зрения, у него ничего не получалось. Он пытался уверить себя, что так и должно быть, что здесь, среди холмов Массачусетса, в этих диких местах, где живут утрюмые суеверные люди, ничего другого нельзя и ожидать; и все же было в миссис Бишоп что-то такое, что отличало ее от простой деревенской старухи, словно она знала какую-то важную тайну, и это позволяло ей смотреть свысока на непосвященных.

— Скажите, в чем обвиняли моего прапрадедушку?

— А вы не знаете?

— В колдовстве?

— Думаете, в сношениях с дьяволом? — хихикнула она. — Вовсе нет. Никто не знал в чем. Я вот что вам скажу: *Он* не тронул Элайджу, когда бродил по холмам и устраивал адский шум по ночам. Элайджа призвал Его, и Он пришел; Элайджа отослал Его прочь, и Он ушел. Ушел туда, где сейчас сидит, притаился и ждет — ждет вот уже сто лет, когда откроется заветная дверь, и тогда Он выберется наружу и снова будет бродить по холмам.

Слушая старуху, Дьюарт узнавал знакомые мотивы; конечно, от ее слов веяло обычными историями с колдовством и де-монологией, но вместе с тем было в них что-то еще помимо этого.

— Миссис Бишоп, вы когда-нибудь слышали о Мисквама-кусе?

— Это был самый великий колдун племени вампанугов. Мне про него дед рассказывал.

Отлично, уже что-то.

— И этот колдун, миссис Бишоп...

— Ох, не спрашивайте. Он все знал. И Биллингтон знал. Не стану я об этом рассказывать. Я старуха, мне уж недолго осталось, и все равно боюсь я об этом говорить. Вы лучше книги почитайте.

— Какие книги?

— Которые читал ваш прапрапрадедущка; там все написано. Станете читать, тогда все и поймете — как *Он* отвечал с холмов, как появлялся из воздуха, словно бы со звезды спускался. Только не делайте того, что делал Элайджа, потому как если явится Тот-Кого-Нельзя-Называть, кто знает, что он с вами сделает? Сейчас Он сидит и ждет. Сто лет прошло, а Он этого и не заметил, словно это было вчера. Время для него — ничто. И пространство тоже. Я бедная старая женщина, мне недолго осталось, но я вижу их тени, вот они, кружатся, витают над вами, хлопают крыльями и ждут, ждут. Не ходите на холмы и не пытайтесь никого вызывать.

Все это Дьюарт выслушал с ощущением нарастающей тревоги и того, что называется «морозом по коже». Предметы в комнате, и эта старуха, и сами звуки ее голоса — все казалось ему зловеще-загадочным; несмотря на окружающие его стены, он чувствовал себя слабым и беззащитным перед надвигающейся тьмой, которая давила на него, как и эти таинственные, увенчанные каменными кольцами холмы. Дьюарт готов был поклясться, что в эту минуту кто-то заглядывает ему через плечо, словно те старики из Данвича последовали за ним сюда и теперь слушают его разговор со старухой. Внезапно его сознание затуманилось, и вот уже комната ожила, по ней заматались какие-то существа, и Дьюарт, который был уже не в силах противостоять

игре собственного воображения, не слышал ничего, кроме жуткого, пронзительного хихиканья.

Дьюарт резко поднялся.

Вероятно, старуха что-то почувствовала, поскольку сразу перестала хихикать и униженно заканючила:

— Не трогайте меня, хозяин, я старая женщина, мне недолго осталось.

И вновь, как и прежде, столь явное проявление трусливой покорности наполнило Дьюарта ощущением тревожного волнения. Он не привык к угодливости, против которой восставало само его существо, которая была противна ему до тошноты, ибо он прекрасно сознавал, что раболепие этих людей вызвано не уважением, а глупыми сказками об Элайдже, и от этого на душе становилось еще омерзительнее.

— Где я могу найти миссис Джайлз? — коротко бросил он.

— На том конце Данвича. Живет с сыном, он у нее не в себе, говорят.

Дьюарт уже ступил на крыльцо, когда за его спиной вновь послышался противный скрип, который у миссис Бишоп считался смехом. Несмотря на отвращение, он остановился и прислушался. Смех прекратился, его сменило неясное бормотание. И тут, к своему великому изумлению, Дьюарт понял, что старуха говорит не по-английски, а произносит какие-то странные звуки, которые здесь, среди лесов, он никак не ожидал услышать. Дьюарт напрягал слух, пытаясь разобрать отдельные слова. Насколько он мог определить, произносимые старухой звуки представляли собой странную смесь слов и придыхания; этот язык он не слышал ни разу в жизни. Вытащив из кармана конверт, Дьюарт попытался записывать транскрипцию звуков, но когда он взглянул на то, что записал, то увидел какую-то чепуху. «Н'гаи, н'га'гхаа, шоггог, й'хах, Ньярла-то, Ньярла-тотеп, Йог-Сотот, н-йях, н-йях». Вскоре бормотание старухи стихло, и в доме наступила тишина. Совершенно обескураженный, не веря своим глазам, Дьюарт смотрел на листок бумаги с написанными на нем знаками транскрипции; это было невероятно — почти неграмотная, дремучая деревенская старуха владела неизвестным ему иностранным языком с какой-то невероятной фонетикой; в одном он был абсолютно уверен: это не индейский язык.

Итак, с горечью приходилось признать, что ему не удалось узнать ничего, что могло бы добавить штрихи к портрету его далекого предка; вместо этого его все больше затягивало в водоворот тайн и загадок, ибо несвязная беседа с миссис Бишоп не дала ему ничего, кроме новых головоломок, начисто лишенных очевидной связи с Элайджей Биллингтоном или хотя бы с его именем, которое, словно магнит, притягивало к себе поток разрозненных воспоминаний, лишенных единого основания или смысла.

Бережно свернув конверт, Дьюарт сунул его обратно в карман; из дома не доносилось ни звука, слышался только шелест листьев на ветру. Дьюарт уселся в машину и поехал обратно — сначала по дороге, потом через деревню, где во всех окнах и дверных проемах, разглядывая его, торчали темные, молчаливые фигуры. Вскоре он подъехал к тому месту, где должен был находиться дом миссис Джайлз. Таковых было три «на другом конце Данвича», подходивших под описание миссис Бишоп.

Выбрав тот, что был посередине, Дьюарт постучал; не получив ответа, направился к самому дальнему — по меркам Аркхема, до него было бы три квартала. Его сразу заметили. Он не прошел и нескольких шагов в ту сторону, как из кустов внезапно выскочило сгорбленное существо и со всех ног бросилось к дому, выкрикивая на ходу: «Ма! Ма! Он идет!»

После чего существо скрылось в доме. Дьюарт, размышляя о полном обнищании и вырождении обитателей жалкой деревушки, последовал за ним. Крыльцо отсутствовало; фасадом дома была мрачная некрашенная стена с дверью посередине. Даже здесь, в атмосфере всеобщей убогости и уныния, этот дом можно было принять за нежилой сарай. Дьюарт постучал.

Дверь распахнулась; на пороге стояла женщина.

— Миссис Джайлз? — спросил Дьюарт, прикоснувшись пальцами к своей шляпе.

Женщина побледнела. Дьюарт почувствовал острое раздражение, но сдержался — только по причине любопытства.

— Простите, я не хотел вас пугать, — продолжал он. — Видите ли, я уже давно заметил, что моя внешность почему-то пугает жителей Данвича. Вот и миссис Бишоп перепугалась. Правда, она была столь любезна, что объяснила мне причину этих стра-

хов: оказывается, я очень похож на своего прапрапрадедушку. Она сказала, что у вас есть его портрет. Вы не могли бы мне его показать?

Миссис Джайлз молча отступила в сторону; ее лицо немного порозовело. Проходя мимо женщины, Дьюарт краем глаза заметил, что ее рука, которую она прятала под фартуком, сжимает какую-то крохотную фигурку; когда же порывом ветра фартук слегка приподняло, Дьюарт успел разглядеть, что женщина держит в руке вещь, хорошо известную жителям немецкого Шварцвальда, некоторых районов Венгрии и Балкан, которые еще верили в колдовство; это был защитный амулет.

— Не пускай его в дом, ма.

— Мой сын боится посторонних, — коротко объяснила миссис Джайлз. — Подождите немного, я принесу картинку. Ей уже двадцать лет, она мне от отца досталась.

Дьюарт поблагодарил и уселся на стул.

Женщина скрылась в комнатах, откуда вскоре послышался ее голос, когда она начала успокаивать своего насмерть перепуганного сына — еще одно подтверждение необъяснимого страха, который испытывали перед Дьюартом жители Данвича. Впрочем, возможно, этот страх был вызван их общим невежеством, когда боятся вообще любого незнакомца. Миссис Джайлз вернулась и сунула портрет ему в руки.

Рисунок был примитивным, но весьма узнаваемым. Дьюарт был поражен — автор, несомненно любитель, нарисовавший этот портрет сто лет назад, сделал это столь искусно, что фамильное сходство становилось очевидным. Та же квадратная челюсть, тот же внимательный, твердый взгляд, тот же римский нос, только у Элайджи Биллингтона с левой стороны носа была шишка, а его брови были гораздо гуще. Кроме того, выглядел он гораздо старше, чем ныне Дьюарт.

— Вы будто его сын, — заметила миссис Джайлз.

— В нашем доме нет его портретов, — сказал Дьюарт. — Поэтому мне так хотелось его увидеть.

— Берите его себе, если хотите.

Дьюарт хотел было принять подарок, но потом подумал вот о чем: портрет, как ни мало он значил для этих бедняг, был единственной вещью, которой они могли бы похвастаться; ему же

этот рисунок был не нужен. Поэтому, покачив головой и поблагодарив женщину, Дьюарт вернул ей портрет, взглядевшись на последок в черты своего прапрапрадедушки.

В это время в дверях показался горбун; остановившись на пороге, он настороженно разглядывал Дьюарта, готовый в любой момент броситься прочь. Скользнув по нему взглядом, Дьюарт заметил, что это вовсе не мальчик, как ему сначала показалось, а мужчина лет тридцати; на безумное лицо свисали густые нечесанные волосы, в глазах светился страх, смешанный с любопытством.

Миссис Джайлз молчала; было видно, что она просто ждет, когда уйдет Дьюарт; посему он встал (горбун сразу метнулся в другую комнату), еще раз поблагодарил женщину за портрет и вышел из дома, отметив про себя, что за все время их беседы она ни разу не выпустила из рук защитного амулета.

Больше делать в Данвиче было нечего. Уезжать ему почему-то не хотелось, хотя поездка принесла одно разочарование; впрочем, портрет предка, написанный еще при его жизни, стоил потраченных усилий. Дело было в другом: экскурсия в Данвич оставила у него ощущение необъяснимой тревоги, бывшее чем-то большим, нежели просто физическое отвращение, которое вызывало это нищее, мрачное селение вместе с его дегенеративными жителями. Дьюарт не мог объяснить, откуда взялась эта тревога. Жители Данвича производили на редкость отталкивающее впечатление; несомненно одно: эти люди, оказавшиеся в полной изоляции от внешнего мира, практиковали близкородственные браки и, как следствие, давно уже начали вырождаться, о чем можно было судить по их странно приплюснутым, почти прижатым к голове ушам, формой напоминающим уши летучих мышей, бледным, выпученным, как у рыб, глазам и невероятно широким ртам, похожим на рты амфибий. И все же не жители Данвича и не сам Данвич столь угнетающе действовали на Дьюарта; здесь было нечто большее, что таилось в атмосфере этого места, нечто очень древнее и злое, вызывающее в памяти самые невероятные ужасы древней магии. Страх, ужас, омерзение в этой скрытой долине стали будто осязаемы; жестокость, похоть и отчаяние, казалось, стали неотъемлемой частью Данвича; насилие, разврат, извращения стали здесь нормой жизни; и над всем этим витало

ощущение полного безумия, затронувшего все население долины, невзирая на возраст и состояние; это безумие, охватывающее всю долину, было еще ужаснее оттого, что люди подвергались ему добровольно. Но было и кое-что еще, вызывающее у Дьюарта отвращение; нельзя было отрицать тот факт, что ему крайне не понравился прием, устроенный ему местными жителями: его боялись, и боялись очень сильно. И сколько бы он ни уверял себя, что все это в порядке вещей, что в деревнях всегда настороженно относятся к чужакам, он понимал, что на самом деле все не так; он прекрасно сознавал, что бояться его именно потому, что он похож на Элайджу Биллингтона. Припомнились ему и слова этого бездельника Сета, который сказал своему приятелю Лютеру, что «он вернулся», с такой очевидной серьезностью, которая свидетельствовала об одном: они действительно ждали возвращения Элайджи Биллингтона в эти края, которые он покинул сто лет назад.

Дьюарт ехал домой, не обращая внимания на вечерний полумрак, скрывающий один холм за другим, на уходящие в темноту долины, на низкие хмурые тучи, на воды Мискатоника, поблескивающие в последних лучах солнца. Его мысли были заняты тысячей возможностей и сотней способов дальнейшего расследования; кроме того, его мучило странное чувство, что все только начинается, что впереди у него множество открытий; но вместе с этим чувством росла уверенность в том, что нужно немедленно прекратить расследование и особенно попытки выяснить, почему так боялись Элайджу Биллингтона, и боялись не только дикие и забитые жители Данвича, но и нормальные люди, образованные и не очень, среди которых он жил.

На следующий день Дьюарт уехал в Бостон к своему кузену, Стивену Бейтсу, который получил последнюю партию вещей из Англии, присланных на его адрес, так что два следующих дня Дьюарт провел в этом городе, занимаясь переправкой своего имущества в Эйлсбери-Пайк; третий день он посвятил распаковыванию коробок и корзин и распределению вещей по дому. Среди них, насколько он помнил, должен был находиться список инструкций, переданных ему матушкой и составленных еще Элайджей Биллингом. Будучи человеком уже довольно осве-

домленным, Дьюарт решил перечитать этот документ еще раз; поэтому, оставив на время крупные вещи, он принялся искать инструкции, помня, что, когда он получал их от матушки, они были запечатаны в большой конверт из манильской бумаги, на котором стояло ее имя, написанное рукой ее отца.

Через час, перебрав кипу различных документов и целую стопку писем, Дьюарт наконец нашел конверт, запечатанный сургучной печатью, которую матушка, прочитав инструкции, поставила за полмесяца до своей смерти, произошедшей два года назад. Судя по бумаге, это был не написанный самим Элайджей оригинал, а его копия, сделанная, скорее всего, Лабаном; итак, инструкциям, которые он держал в руках, было более ста лет. Тем не менее документ был подписан именем Элайджи; видимо, Лабан ничего в нем не менял.

Принеся в кабинет кофейник и попивая кофе, Дьюарт разложил инструкции на столе и принялся читать. Даты не было, но почерк был четким и твердым, поэтому чтение документа не составило никакого труда.

«Что касается моего американского имущества, находящегося в штате Массачусетс, то заклинаю всех, кто придет после меня, любой ценой оставить вышеназванное имущество в нашей семье по причинам, о которых лучше не знать. Считаю маловероятным, чтобы кто-то из нашей родни вновь отплыл к берегам Америки, но если такое случится, заклинаю того, кто вступит во владение моим имуществом, неукоснительно соблюдать определенные правила, смысл которых можно найти в книгах, оставленных в доме Биллингтона, расположенном в лесу, известном как Биллингтонский лес. Правила таковы.

Не допускать, чтобы вода прекращала омыwać остров, не нарушать покой башни и не уговаривать камни.

Не открывать дверь, которая ведет в странное место и время, не призывать того, кто таится у порога, не звать к холмам.

Не тревожить лягушек, особенно лягушек-быков, обитающих на болотах между домом и башней, не трогать ни светлячков, ни птиц козодоев, дабы не сломать его замки и не потревожить его стражей.

Не прикасаться к окну, не пытаться что-то в нем изменить.

Не продавать и не совершать иных сделок с наследственным имуществом, дабы не были потревожены остров и башня, а также окно — за исключением того случая, когда возникнет необходимость его уничтожить».

На документе стояла скопированная подпись: «Элайджа Финеас Биллингтон».

Дьюарт молча смотрел на эту короткую запись, по которой метались отсветы огня от камина, и чувствовал, как в нем поднимается новая волна острого любопытства. Почему прапрапрадедушка так беспокоился о башне — а речь, несомненно, шла о башне на острове — или о болотах и окне — разумеется, окне в кабинете?

Дьюарт взглянул на мозаичное окно. Что в нем такого? Почему оно вызывало такой интерес? Рисунок, конечно, любопытный — концентрические кольца, из центра которых выходят прямые лучи, и разноцветные кусочки стекла, обрамляющие большой круг, ярко сверкающий в лучах заходящего солнца. Продолжая разглядывать окно, Дьюарт заметил одно странное явление: казалось, что маленькие стекла как будто двигаются и даже вращаются, а прямые лучи слегка подрагивают и изгибаются. Еще немного, и на стекле начало появляться изображение — то ли чей-то портрет, то ли какая-то сцена. Дьюарт крепко зажмурился и потряс головой, затем открыл глаза и взглянул снова. Окно как окно, ничего странного. И все же эта мимолетная галлюцинация была такой яркой, что Дьюарт не сомневался — он либо заработался, либо у него закружилась голова, либо он выпил слишком много кофе; а может быть, и все вместе, поскольку он относился к тем кофеманам, что способны выпить целый кофейник — при этом без молока, но с большим количеством сахара.

Отложив документ, Дьюарт отнес кофейник на кухню. Вернувшись, вновь взглянул на мозаичное окно. Смеркалось, и в кабинете становилось все темнее; солнце опускалось за вершины деревьев, и в его закатных лучах разделенные тонкими свинцовыми пластинами кусочки стекла отливали всеми оттенками золота и меди. И тогда Дьюарт подумал, что, скорее всего, его обманула игра света, столь переменчивого в этот закатный час. Он опустил глаза и спокойно занялся своими делами, то есть убрал

инструкции обратно в конверт, после чего вернулся к письмам и документам, которые еще предстояло разложить по ящикам.

Так он провел время сумерек.

Закончив эту довольно нудную работу, он потушил лампу в кабинете и вместо нее зажег настенную лампу на кухне. Он намеревался немного прогуляться, ибо вечер выдался тихий и теплый; над травой стелилась легкая дымка, — видимо, где-то в районе Аркхема жгли траву или кусты; на западе тихо сияла бледная луна. Дьюарт направился к выходу из дома; проходя кабинет, он случайно взглянул на окно.

То, что он увидел, заставило его замереть на месте. То ли игра лунного света, то ли расположение цветных стекол было тому причиной, только на стекле совершенно явственно проступили очертания причудливой, искривленной головы. Дьюарт смотрел на нее во все глаза — вот четко видны глаза или глазницы, что-то очень похожее на рот и огромный выпуклый лоб, однако на этом сходство с человеческой головой заканчивалось, поскольку под ней вместо шеи виднелись смутные очертания каких-то ужасных щупалец. На этот раз зажмуривание глаз и трясение головой не помогло: жуткий рисунок не исчез. «Сначала солнце, теперь луна», — подумал Дьюарт и внезапно понял, что его прапрапрадедушка создавал в кабинете мозаичное окно именно для этой цели.

Однако решив, что данного объяснения ему недостаточно, он поставил стул на расположенные под окном книжные полки, перебрался с него на большой книжный шкаф, оказавшись почти вровень с окном, и принялся тщательно исследовать каждое стеклышко. Но едва он углубился в это занятие, как окно внезапно ожило, словно лунный свет превратился в ведьмин огонь, и его призрачные очертания начали жить какой-то своей, пугающей жизнью.

Однако эта иллюзия исчезла столь же внезапно, как и появилась, а Дьюарт, дрожащий, но исполненный решимости, так и стоял перед центральным кругом окна, сделанным, к счастью, из бесцветного стекла; прямо на него смотрела луна, а между стеклом и луной, на фоне высоких и темных деревьев зловеще белела башня, торчащая посреди небольшой ложбины. Дьюарт посмотрел вдаль. Это ему от усталости мерещится или возле башни дейст-

вительно мечутся какие-то тени — причем мечутся не у подножия, поскольку его не видно, а на уровне конической крыши? Дьюарт тряхнул головой; наверное, это в лунном свете поблескивают испарения, поднимающиеся с болот.

И все же он был встревожен. Спустившись со шкафа, он отошел к порогу кабинета. Оглянулся на окно. Сквозь стекло струился бледный свет — не более; постепенно свет исчез совсем. Луна скрылась за тучей, и Дьюарт вздохнул с облегчением. Нет, все-таки события этого вечера его сильно расстроили; видимо, всему виной эти непонятные прапрапрадедушкины инструкции, вызвавшие у него искаженное восприятие действительности.

Дьюарт все же отправился на прогулку, как и планировал; однако из-за темноты он пошел не в лес, а по дороге, ведущей на Эйлсбери-Пайк. Странное у него было ощущение — он никак не мог избавиться от мысли, что за ним следят, поэтому поминутно оглядывался по сторонам, пытаясь среди темных деревьев разглядеть тень животного или его горящие глаза. Но никого не увидел. В небе ярко сияли звезды, луна скрылась за деревьями.

Дьюарт шел в сторону Эйлсбери-Пайк. Странно, но вид и звук пронесившихся по шоссе машин действовал успокаивающе. Почему-то ему стало очень одиноко, и он подумал о том, чтобы пригласить к себе на пару недель своего кузена, Стивена Бейтса. Дьюарт остановился и бросил взгляд в сторону Данвича, над которым виднелось светло-оранжевое свечение и слышались какие-то крики, похожие на крики ужаса. Он подумал о том, что, наверное, загорелась одна из лачуг, и смотрел в ту сторону до тех пор, пока свечение не угасло. Затем повернулся и пошел назад, к своему дому.

Ночью Дьюарт проснулся в полной уверенности, что на него кто-то смотрит и что этот взгляд отнюдь не враждебен. Он снова уснул, а когда утром проснулся, то чувствовал себя невероятно усталым, словно не спал вовсе, а всю ночь провел на ногах. Одежда, которую он перед сном аккуратно сложил на стуле, была измята, хотя он не помнил, чтобы ночью вставал и одевался.

Несмотря на отсутствие электричества, Дьюарт мог пользоваться радио, изредка — в целях экономии батареек — включая маленький транзисторный приемник, чтобы послушать музыку

и выпуски новостей, особенно утренних, когда повторялись репортажи из Британской империи, предваряемые звоном Биг-Бена, что вызывало у него легкую ностальгию, — Дьюарт вспоминал Лондон с его желтыми туманами, старинными зданиями, тротуарами и живописными улицами. В этот раз, когда Дьюарт включил радио, чтобы, как обычно, послушать Лондон, работала радиостанция Бостона, которая передавала текущие новости о событиях штата. Дьюарт включился как раз на середине репортажа из области криминальной хроники, которую обычно пропускал мимо ушей.

«...Труп обнаружен около часа назад. Личность погибшего не установлена; предполагают, что это деревенский житель. Вскрытия еще не проводилось. Тело изуродовано до неузнаваемости; создается впечатление, что его много часов било волнами о скалы. Впрочем, поскольку труп был обнаружен на берегу и в сухой одежде, высказываются предположения, что человек погиб на суше. На теле остались следы от ударов или падения с высоты, возможно, что его сбросили с самолета. По замечанию одного из судмедэкспертов, данное преступление напоминает серию убийств, совершенных в этом районе более ста лет назад».

По-видимому, это было последним сообщением местного радио, поскольку сразу после него зазвучали позывные Лондона и начали повторять британские новости, ретранслируемые через Нью-Йорк. Сообщение об убийстве произвело на Дьюарта крайне неприятное впечатление; как правило, подобные вещи его не интересовали, однако на этот раз он насторожился: уж очень это преступление напоминало почерк лондонского Джека-потрошителя или маньяка Троппманна. Передачу из Лондона Дьюарт уже не слушал, погрузившись в размышления о том, что за последнее время стал как-то уж слишком впечатлителен. Теперь ему на нервы действовало решительно все — и погода, и события, и люди, среди которых он поселился; удивительно, до чего быстро растерял он бывшее хладнокровие и невозмутимость, столь характерные для него в ту пору, когда он жил в Англии.

В то утро Дьюарт намеревался еще раз просмотреть прапрапрадедушкины инструкции, поэтому после завтрака он достал

конверт из манильской бумаги и попытался извлечь хоть какой-то смысл из того, что было в них написано. Особо отметив «правила» или «директивы», Дьюарт начал размышлять. «Следить за тем, чтобы вода омывала остров» невозможно, поскольку никакой воды там нет; что касается покоя башни, то он, по-видимому, уже нарушил этот запрет, поскольку ходил туда и даже выворотил плиту. Но что, во имя неба, имел в виду Элайджа, когда запрещал «уговаривать камни»? Какие камни? Дьюарт запомнил только те, что вызывали ассоциацию со Стоунхенджем. Но если это именно они, то как можно обращаться к камням, словно у них есть разум? Совершенно непонятно; может быть, ему поможет кузен Стивен Бейтс, нужно только не забыть спросить его, когда он придет.

Дьюарт продолжал размышлять.

Что это за «дверь», о которой говорит прапрапрадедушка? Да и вся инструкция — сплошная загадка. «Не открывать дверь, которая ведет в странное место и время, не призывать того, кто таится у порога, не взывать к холмам». Ну что же это такое? Почему Элайджа обращается к своим потомкам, употребляя настоящее время? Может быть, тем самым предок давал понять, что им следует думать только о своем времени и не пытаться проникать в тайны столетней давности? Вполне возможно, но если это так, то Элайджа, должно быть, «странным местом» называл что-то совсем другое. А как зловеще звучит — «тот, кто таится у порога»; ничего не скажешь, действительно мрачно, даже угрожающе; Дьюарту даже показалось, что сейчас раздастся оглушительный звон и удар грома. Что это за порог? И кто такой у него таится? И что, ради бога, хотел сказать Элайджа, когда умолял «не взывать к холмам»? Дьюарт представил себе, как он или кто-то другой стоит посреди леса и взывает к холмам. Нелепость какая-то, абсурд. Нужно будет спросить Стивена и об этом.

Дьюарт прочел третью инструкцию. Нарушать покой лягушек, светлячков и козодоев у него не было ни малейшего желания, так что можно считать, что эту инструкцию он выполнил. Но — «не ломать замки и не тревожить стражу» — боже милостивый! Что может быть более... Какие замки? Какая стража? Нет, прапрапрадедушка решительно обожал загадки. Может быть, это-

го он и добивался — заставить потомков поломать голову? Но если это так, что теперь делать, как их разгадывать? Нарушать инструкции, а потом смотреть, что будет? Глупо и неэффективно.

Дьюарт раздраженно отбросил документ. Сплошное расстройство; куда ни поверни, везде одни неразрешимые загадки и непреодолимые препятствия. Из той информации, что он собрал, делать выводы невозможно, кроме разве что одного — Элайджа занимался чем-то таким, что было очень благосклонно принято индейцами. В глубине души Дьюарт считал, что это контрабанда, — скорее всего, по Мискатонику в башню свозили какие-нибудь товары.

Всю оставшуюся часть дня Дьюарт посвятил делам, связанным с оформлением доставленного груза. Нужно было заполнить массу документов, оплатить массу счетов и все тщательно проверить. Просматривая список, написанный матушкиной рукой, куда входила опись и ее вещей и куда он, честно говоря, прежде ни разу не заглядывал, Дьюарт наткнулся на пакет с надписью «П-ма Бишоп к Э. Ф. Б.». Имя «Бишоп» мгновенно вызвало в памяти старую женщину, с которой он беседовал в Данвиче. На пакете чьей-то нетвердой рукой было выведено: «П-ма Биш.»; почерк был Дьюарту незнаком; написано было неразборчиво, корявыми буквами.

Он развернул пакет — внутри лежали четыре письма, написанные, судя по стилю, много десятилетий назад. Марок на них не было, но стояли штампы об оплате почтовых расходов; на всех сохранилась сломанная сургучная печать. Та же рука, что надписывала пакет, пронумеровала и письма. Дьюарт осторожно развернул первое. Оно было написано на толстой бумаге, очень мелким почерком — к такому трудно привыкнуть. Дьюарт искал глазами год — он не был указан. Дьюарт откинулся в кресле и начал читать.

«Нью-Даннич, 27 апреля

Мой бесценный друг!

Относительно вещей, о которых мы с Вами говорили: вчера ночью я видел некое существо с такой внешностью, какую мы с Вами и предполагали, — крылья из темной субстанции, на теле

извиваются змеи, которые растут прямо из Него. Зазвав Его к Холму, я запер Его в Круге, что далось мне с большим трудом, так что я даже начал сомневаться, сможет ли Круг удержать таких существ. Я пытался с Ним заговорить; Он что-то бормотал, мне удалось разобрать немного — Он прибыл с Кадата, из Холодной Пустыни, что возле плато Ленг, которое упоминается в Книге. Огонь на Холме видели многие, и это меня беспокоит; особенно опасен некто по имени Уилбур Кори, человек невероятно спесивый и пронырливый. Горе ему, если я замечу его на Холме, однако надеюсь, что он туда не пойдет. Умираю от желания узнать как можно больше о том, что было ведомо Хозяину, достопочтенному Ричарду Б., да будет его имя навечно высечено на камнях Йогге-Сотота и всех Великих Древних. Я очень рад, что мы скоро увидимся; как только подлечу своего Скакуна, немедленно приеду к Вам. Сегодня ночью, когда я услышал в лесу громкие крики и визг, то сразу понял, что Вы вернулись домой. До скорой встречи, мой дорогой друг; прошу, напишите мне, когда Вам будет удобно меня принять. Всегда к Вашим услугам,

Джонатан Б.»

Дьюарт развернул второе письмо.

«Нью-Даннич, 17 мая

Мой благородный друг!

Получил Ваше послание. Крайне сожалею о том, что мои слабые усилия причинили беспокойство нам обоим, а также всем тем, кто служит Тому-Кого-Нельзя-Называть и Великим Древним. Случилось так, что этот глупец, Уилбур Кори, действительно застал меня врасплох возле Камней, когда я занимался Делом, и принялся вопить, что я колдун и что он выведет меня на чистую воду. Эти слова меня рассердили, и тогда я выпустил Его, с которым в тот момент вел беседу, после чего Уилбур был растерзан, а Он исчез, утащив тело с собой, так что теперь нам никто не сможет помешать. Признаюсь, я очень испугался, потому что не знаю, что думают о нас Те, Кто за Пределом, однако считаю, что они благодарны нам за Проходы. Я также боюсь, что Другие могут Там таиться в ожидании, ибо как-то вечером у меня появилась причина произвести некие изменения как

в словах, так и в Книге; и тут внезапно передо мной мелькнуло Нечто ужасное — огромная тварь с телом, которое беспрестанно меняло форму. Эту тварь сопровождали другие — поменьше, они играли на музыкальных инструментах наподобие флейты; звуки, которые они извлекали, нельзя сравнить ни с чем — такого я не слышал ни разу в жизни. Я стоял не шевелясь, совершенно потрясенный, пока видение не исчезло. Что это было, я не знаю, в Книге об этом также ничего нет; может быть, это были демоны из Йира или Нхнгра, что в дальней части Кадата, в Холодной Пустыне. С нетерпением жду Вашего мнения по этому поводу и умоляю дать мне совет, ибо я не знаю, что со мною происходит. Надеюсь на скорую встречу. Остаюсь вечно Ваш, сэр, именем Знака Киш.

Джонатан Б.»

Между вторым и третьим письмом прошло примерно полгода, о чем можно было судить по изменению погоды — в письме упоминался снег. Дата отсутствовала.

«Нью-Даннич

Мой благородный брат!

Спешу сообщить Вам, что прошлой ночью видел на снегу огромные отпечатки ног, вернее, не «ног» — ибо то были скорее отпечатки чудовищной когтистой лапы более фута в длину, а может быть, и два фута; на лапе четко видны перепонки; думаю, это какое-то неведомое мне таинственное существо. Один из следов видел Олни Бауэн, который ходил в лес охотиться на диких индеек; вернувшись домой, он всем начал рассказывать об этих следах, но ему никто не поверил, кроме меня. Не привлекая к себе внимания, я потихоньку выяснил, где он видел следы, и пошел туда. Когда я их увидел, у меня появилось предчувствие, что в глубине леса непременно есть и другие; так и получилось — вскоре я увидел много следов, и все возле каменных столбов, однако никаких живых существ поблизости не было. Внимательно изучив следы, я пришел к выводу, что они оставлены крылатым существом, поскольку вдоль цепочки следов с двух сторон шли две полосы, словно кто-то волочил по земле крылья. Осматривая землю вокруг столбов, я вскоре наткнулся на следы какого-то человека, за которыми тянулись следы существа; судя по

всему, заметив преследователя, человек бросился бежать; к моему великому сожалению, его следы оборвались у подножия Холма, где на снегу валялись ружье, кучка перьев дикой индейки и шапка, по которой я узнал Джедедию Тиндала, паренька лет четырнадцати, которого разыскивали уже с самого утра. Мои худшие опасения оправдались. Мне кажется, мы забыли закрыть один из Проходов, и Нечто выбралось наружу. Я не знаю, как Оно может выглядеть, поэтому заклинаю Вас, мой дорогой друг, напишите, в какой части Книги можно найти заклинания, чтобы отправить Его назад, хотя, судя по следам, Он прорвался не один, их несколько. Не знаю, видимы они или нет, ибо никто их никогда не видел, включая и меня, а мне хотелось бы знать, не служат ли они Н., или Йогг-Сототу, или Кому-то Другому, и не встречались ли они Вам. Умоляю Вас поторопиться, пока существа не вышли из леса, ибо они явно питаются кровью и от голода могут начать охоту на людей.

Йогг-Сотот Неблод Зин
Джонатан Б.»

Четвертое письмо оказалось самым страшным. Прочитав первые три, Дьюарт пришел в ужас, однако четвертое письмо содержало поистине чудовищные вещи, которые, хотя и не были выражены словами, ясно читались между строк.

«Нью-Даннич, 7 апреля

Мой дорогой друг!

Вчера вечером, укладываясь спать, я увидел за окном Его; он назвал меня по имени, после чего сказал, что придет за мной. Я человек неробкий, поэтому подошел к окну; ничего не увидев, я открыл его и сразу почувствовал такой жуткий трупный запах, что меня едва не стошнило. Не удержавшись на ногах, я упал на пол, и тогда Нечто проникло через окно в комнату и коснулось моего лица; ощущение было такое, словно по лицу провели чем-то желеобразным и чешуйчатым. От страшной вони я потерял сознание и пролежал так неизвестно сколько времени; очнувшись, я встал, закрыл окно и отправился спать. Но едва я улегся в кровать, как дом начал трястись так, словно пришла в движение сама земля, — это мимо моего дома снова прошло Нечто,

которое вновь произнесло мое имя и повторило, что придет за мной. Я не ответил, а только подумал, что я такого сделал? Сначала крылатые твари, прорвавшиеся через оставленный нами Проход — все из-за ошибки в произнесении слов на арабском, — а теперь Нечто, о котором я знаю только то, что его называют Оседлавший Ветер, а также Виндиги, Итакуа или Лозгар, век бы его не видеть. Мне очень страшно; я боюсь, что, когда начну обращаться к Камням и взывать к Холмам, мне явится не Н. и не С., а Тот, кто звал меня по имени таким голосом, какого нет на земле; но если Он явится, заклинаю Вас, друг мой, придите в лес и закройте Проход, чтобы в наш мир не пробрались остальные, которым здесь не место, ибо зло Великих Древних и так достаточно велико, большего нам не выдержать, пусть даже Старшие Боги и держат их на такой глубине, какой влияние Камней достигает лишь во время Звезд и Луны. Думаю, что нахожусь в смертельной опасности, ибо слышал, как мое имя произнесла в ночи Тварь, коей не место на земле; боюсь, дни мои сочтены. Ваше письмо я прочитал без должного внимания и, видимо, неправильно истолковал следующие слова: „Не призывай того, кого не сможешь отправить обратно, дабы Тот не направил зло против тебя, ибо твои заклания могут на Него не подействовать. Всегда призывай Малого, ибо Большой не пожелает тебе ответить, а его власть сильнее твоей“. Но если я совершил ошибку, заклинаю Вас исправить ее, пока не поздно. Ваш покорный слуга, во имя Н.,

Джонатан Б.»

Дьюарт долго сидел в задумчивости, с письмами в руках. Теперь было окончательно ясно, что прапрапрадед связался с какими-то дьявольскими силами и втянул в это Джонатана Бишоппа из Данвича, не открывая ему при этом всей правды. О том, чем именно занимался его предок, Дьюарту думать не хотелось — скорее всего, это было колдовство и некромантия. И все же предположения, высказанные в письмах Джонатана, были столь ужасны и невероятны, что Дьюарт принял их сначала за чей-то дьявольский розыгрыш. Был только один способ это проверить, хотя и весьма утомительный. Библиотека Мискатоникского университета была еще открыта; можно просмотреть

аркхемские газеты и выяснить, не пропал ли или не погиб ли кто-нибудь при странных обстоятельствах в период с 1790 по 1815 год, и кто именно; разумеется, на это потребуется много времени.

Идти в библиотеку не хотелось. Во-первых, дома было еще много работы; во-вторых, ему вовсе не улыбалась перспектива вновь просматривать кипы газет, пусть даже в то время они были малоформатными и состояли всего из нескольких страничек. Но все же он отправился туда в надежде управиться с этим до вечера.

Было уже поздно, когда Дьюарт закончил просмотр.

В газетах за 1807 год он нашел то, что искал, и даже больше. Сжав зубы, испытывая леденящий душу ужас, он составил точный перечень всего, что ему удалось узнать, а по возвращении в свой лесной дом принялся анализировать собранные факты.

Сначала исчезновение Уилбура Кори. Затем — паренька по имени Джедедия Тиндал. После них еще четверо или пятеро пропавших и, наконец, — исчезновение самого Джонатана Бишоп! Однако на этом открытия Дьюарта не заканчивались. Перед исчезновением Бишопа внезапно были найдены Кори и Тиндал, первый — в районе Нью-Плимута, второй — в Кингспорте. Тело Кори было искромсано, но тело Тиндала было совершенно целым; впрочем, оба были мертвы — но умерли они совсем недавно. И это притом, что их останки разыскивали на протяжении нескольких месяцев! Ответ на эту загадку, скорее всего, следовало искать в письмах Бишоп. И все же, несмотря на собранные факты, ясного вывода по поводу тех давних событий не намечалось.

Дьюарт все чаще вспоминал о своем кузене, Стивене Бейтсе. Он человек образованный, неплохо разбирается в истории Массачусетса. Кроме того, Бейтс побывал во многих отдаленных уголках Земли и, значит, мог бы дать дельный совет. И все же что-то Дьюарта останавливало, что-то подсказывало ему, что не следует вмешивать в это дело посторонних, а действовать в одиночку, не привлекая к себе внимания. Но едва он об этом подумал, как в голову пришла другая мысль: откуда в нем эта уверенность? Что подсказывает ему, как поступать? Зачем ему нужно таиться? И в то же время в голове вертелось одно и то же: нуж-

но, обязательно нужно оставаться в одиночестве; кроме того, необходимо подобрать подходящее объяснение по поводу своего настойчивого интереса к прошлому. Что ж, ответ готов — его крайне интересуется старинная архитектура.

Отложив газеты и письма Бишопа, Дьюарт отправился спать, но уснуть ему долго не удавалось — он напряженно думал, пытаясь сложить разрозненные факты в единую и ясную картину.

Наверное, именно мысли о событиях вековой давности стали причиной необычайных снов, посетивших его в ту ночь. Он видел огромных птиц, дерущихся за добычу, птиц с жуткими, искаженными человеческими лицами; видел чудовищных зверей; видел самого себя — в очень странном виде. Он церковный служака или священник. Нарядившись в какую-то странную одежду, он вышел из дома и направился в лес; обойдя болото с лягушками и светлячками, он подошел к каменной башне. Внутри башни и в окне кабинета мигал свет, словно кто-то подавал сигналы. Встав внутри круга из каменных столбов, куда падала тень от башни, он взглянул в открытый им Проход, воздел руки к небу и принялся что-то выкрикивать на вульгарной латыни. Трижды повторив заклинание, он начертил на песке какие-то знаки, и вдруг из Прохода сверху выскользнуло ужасное, мерзкое, текучее существо, которое немедленно забралось в башню и, заполнив ее собой, вытекло через дверь наружу, оттолкнув Дьюарта в сторону, после чего обратилось к нему на исковерканном, едва понятном языке, требуя у него жертву. Встав в каменном круге, Дьюарт протянул руку в сторону Данвича, куда зверь и направился, текучий, как жидкость, похожий на гигантского кальмара или осьминога, бесшумно, как воздух, скользя между деревьями, скользя над землей, словно прозрачная вода, почти невидимый. Дьюарту снилось, что он стоит в тени башни, прислушиваясь к ночным звукам; вскоре вдалеке послышались вопли и визг, и эти звуки его почему-то обрадовали; через некоторое время существо объявилось, сжимая в своих щупальцах жертву, забралось в башню и из нее вернулось туда, откуда пришло. Наступила тишина; Дьюарт вернулся в свой дом и лег спать.

Так прошла ночь; к утру он был совершенно измотан этими сновидениями и проспал допоздна. Проснувшись, он выскочил

из постели и тут же повалился обратно из-за резкой боли в ногах. С удивлением взглянув вниз, он увидел, что его подошвы покрыты синяками и ссадинами, а лодыжки распухли и исцарапаны, словно он долго продирался сквозь колючие заросли. Это было очень странно — он был удивлен и в то же время смутно чувствовал, что удивляться здесь нечему. Тем не менее он вновь попытался встать; на этот раз ему было легче, боль немного улеглась; видимо, на него повлиял скорее шок при виде своих исцарапанных ног, чем сама боль.

С трудом натянув носки и туфли, Дьюарт с радостью обнаружил, что может ходить. Что же с ним произошло? Видимо, он ходил во сне. Странно, поскольку раньше за ним такого не замечалось. Более того, он не просто ходил, а ушел в лес, о чем можно было судить по израненным ногам. Дьюарт мучительно пытался вспомнить свои сны — кажется, он был в башне. Одевшись, он вышел во двор, чтобы взглянуть, не осталось ли на земле следов после его ночной прогулки.

Сначала он ничего не нашел. Только подойдя к башне, он увидел на песке, возле каменных столбов, отпечатки босых ступней — своих собственных. Следы вели в башню; чиркнув спичкой, Дьюарт направился туда же.

При слабом свете крошечного огонька он сумел кое-что разглядеть.

Тогда он зажег вторую спичку; мысли лихорадочно сменяли одна другую; Дьюарт был растерян и напуган. На каменных ступенях лестницы, на ее перилах, на земляном полу виднелись какие-то пятна; еще не успев потрогать одно из них пальцем, он уже понял, что это — кровь!

Забыв о следах на песке, Дьюарт молча стоял, глядя на кровавые пятна, до тех пор пока горящая спичка не обожгла ему пальцы. Бросив спичку на землю, он хотел зажечь следующую, но почувствовал, что силы оставили его. Пошатываясь, он вышел из башни и прислонился к стене, подставив лицо теплomu утреннему солнцу и отчаянно пытаясь привести мысли в порядок; очевидно, он слишком глубоко погрузился в прошлое, вот воображение и сыграло с ним злую шутку. Если разобраться, то ведь башня всегда открыта; может быть, ночью в нее заскочил кролик, где его и настигла смерть — скажем, его схватила ласка;

а может быть, через дыру в крыше в башню залетела сова и поймала крысу или какого-нибудь зверька. Пытаясь себя уверить, что все было именно так, Дьюарт все же никак не мог забыть, что пятна на полу были слишком велики для маленького зверька; кроме того, где остальные доказательства ночной охоты — клочья шерсти или перья, которые обязательно должны были остаться?

Немного успокоившись, Дьюарт снова вернулся в башню и зажег очередную спичку. Он искал хоть что-нибудь, что могло бы подтвердить его теорию. Ничего подобного. Ни одного следа борьбы, закончившейся маленькой трагедией в мире природы. Вообще никаких следов. Просто на камнях были пятна того, чего никак здесь быть не могло. Дьюарт старался рассуждать спокойно и не вспоминать о своих ужасных снах, которые упорно не желали выходить у него из головы; наоборот, они расцвелились новыми красками, когда он повторно взглянул на кровавые пятна. Судя по их форме и расположению, кровь капала с небольшой высоты и во время движения. Страшная догадка сверлила его мозг; он боялся признаться в этом самому себе, ибо, признавшись, он смог бы объяснить и свои сны, и растущее число мелких странных событий, медленно, но верно смыкающихся в единую цепь.

Он вышел из башни и лесом мимо болота добрался до своего дома. Зайдя в спальню, он взглянул на свою постель — из-за пораненных ног все белье было в коричневых пятнах крови. Как ему хотелось, чтобы этим можно было объяснить и появление кровавых пятен в башне! Однако, сколько ни ломал он голову, ничего придумать так и не смог. Сменив простыни, Дьюарт сварил себе кофе, продолжая размышлять, и вдруг подумал о том, что его все время швыряет из одной крайности в другую, словно он переживает раздвоение личности. Нет, все-таки давно пора пригласить в гости Стивена Бейтса — или кого-нибудь другого, чтобы хоть как-то скрасить одиночество. Но едва он об этом подумал, как тут же принялся яростно себе возражать, при этом с такой горячностью, какой раньше никогда не отличался.

Наконец, уговорив себя заняться проверкой счетов, Дьюарт спрятал подальше все письма и документы, чтобы больше не

тревожить свое воображение, и к полудню уже настолько восстановил душевное спокойствие, что смог заняться обычными делами. Желая немного отдохнуть, он включил радио, но вместо музыки передавали выпуск новостей. Представитель Франции излагал свои взгляды на то, как следует поступить с Саарской областью, представитель Британии ему возражал, выдвигая какие-то туманные контраргументы. В России и Китае — голод. «Как обычно», — подумал Дьюарт. Губернатор Массачусетса болен. Срочное сообщение из Аркхема. Дьюарт насторожился.

«Только что получено подтверждение. В Аркхеме при невыясненных обстоятельствах пропал человек — житель Данвича, фермер по имени Джейсон Осборн, средних лет. По словам соседей, ночью со стороны его фермы слышались ужасные крики. Мистер Осборн не был богат и жил в одиночестве, поэтому версия похищения с целью выкупа отпадает».

В сознании Эмброуза Дьюарта словно что-то вспыхнуло. Не помня себя от ужаса, он рывком вскочил с дивана и кинулся к радио, чтобы скорее его выключить. Затем, действуя почти машинально, сел за стол и написал отчаянное письмо Стивену Бейтсу, в котором умолял кузена приехать как можно скорее. Закончив письмо, он отправился на почту; каждый шаг из дома давался ему с трудом, ему хотелось вернуться, порвать письмо и снова все хорошенько обдумать.

Ценой невероятного физического и умственного напряжения Дьюарт заставил себя сесть в машину, доехал до Аркхема, зашел на почту и сам отправил письмо, не доверив его почтовому ящику города, чьи старинные мансардные крыши и наглухо закрытые ставнями окна, казалось, униженно приседали перед ним, чтобы затем насмешливо ухмыльнуться ему вслед.

2

РУКОПИСЬ СТИВЕНА БЕЙТСА

Встревоженный посланием моего кузена, Эмброуза Дьюарта, в котором он умолял меня срочно приехать, я уже через неделю входил в старый дом Биллингтонов. Вслед за моим приездом

дом произошёл ряд событий, которые, начавшись с одного весьма незначительного эпизода, привели к обстоятельствам, вынудившим меня описать все, что произошло в доме, чтобы внести ясность в несколько хаотичные записи, сделанные рукой Эмброуза.

Как я уже говорил, события эти начались весьма прозаически; впрочем, здесь я не совсем прав — они были вполне прозаическими по сравнению с тем, что позднее произошло в Биллингтонском лесу, недалеко от старой усадьбы. Хотя на первый взгляд те события могли показаться незначительными и случайными, на самом деле, как я убедился впоследствии, они были тесно связаны между собой, независимо от места и времени. Но поначалу, заметив странности в поведении моего кузена, я решил, что у него просто стали проявляться признаки шизофрении; к сожалению, как выяснилось позднее, все было намного сложнее и ужаснее.

Двойственный характер личности Эмброуза значительно затруднял мои наблюдения за ним, ибо, с одной стороны, в нём чувствовалась искренняя доброжелательность, но с другой — скрытая, настороженная враждебность. Это начало проявляться с первых минут нашей встречи: человек, отправивший мне отчаянное письмо, по какой-то неведомой причине остро нуждался в моей помощи, однако человек, встретивший меня в Аркхеме, держался холодно, отчужденно и очень сдержанно, неоднократно дав мне понять, что мой визит не должен продлиться более двух недель, а может быть, и того меньше. Хотя в целом Эмброуз был приветлив и любезен, в нём чувствовалась какая-то отстраненность, совершенно не вязавшаяся с тоном полученного мною призыва о помощи.

— Когда я получил твою телеграмму, то понял, что моего второго письма ты не получал, — сказал он, когда мы встретились на станции в Аркхеме.

— Не знаю, я ничего не получал.

Он пожал плечами и сказал, чтобы я не придавал особого значения первому письму. Таким образом, он сразу дал мне понять, что способен сам решить свои проблемы, хотя рад моему приезду и надеется, что я не стану винить его за столь срочный вызов.

Не знаю почему, но от этих слов у меня появилось почти физическое ощущение фальши; казалось, кузен искренне верит в то, что говорит, и вместе с тем что-то здесь было не так. Я ответил, что счастлив узнать о разрешении неприятной ситуации, в которую он попал. По-видимому, мой ответ его удовлетворил, и он слегка расслабился, после чего сделал вскользь несколько замечаний о характере местности, расположенной в районе Эйлсбери-Пайк; эти замечания меня несколько удивили, поскольку я знал, что Эмброуз поселился в Массачусетсе совсем недавно и не может знать всех подробностей истории края, в котором живет, — края необычного, освоенного поселенцами раньше многих прочих областей Новой Англии; края, где находился загадочный Аркхем, эта Мекка знатоков старинной архитектуры с его мансардными крышами, арочными дверями и еще более старинными домами в георгианском и новогреческом стилях, расположенными вдоль тенистых и узких улочек; Аркхем, окруженный дикими, пустынными долинами и заброшенными, убогими селениями вроде Данвича, недалеко от которого лежал проклятый город — морской порт Инсмут; край, откуда приходили страшные слухи об убийствах, загадочных исчезновениях, таинственных обрядах и преступлениях, замешанных на полной деградации личности, о чем власти предпочитали поскорее забыть, нежели заниматься их расследованием, дабы не вытаскивать на свет божий такие вещи, о которых лучше никому не знать.

Так, мирно беседуя, мы наконец добрались до дома, который отлично сохранился с тех пор, как я видел его в последний раз, а было это два десятилетия назад. Надо сказать, этот дом вообще мало изменился с тех пор, как я увидел его впервые, а до меня — моя матушка; время и отсутствие хозяев сказывались на нем гораздо меньше, чем на сотнях других домов, значительно более новых и обжитых. Конечно, Эмброуз его отремонтировал и обновил обстановку, однако фасад дома, всего лишь покрытый новым слоем краски, все так же гордо, как и сто лет назад, демонстрировал свои четыре встроенные колонны и массивную дверь, отделанную чудеснейшей старинной резьбой. Внутреннее убранство дома ничем не уступало внешнему; Эмброуз сумел сохра-

нить изначальный стиль, в результате чего дом, как я и предполагал, выглядел великолепно.

Повсюду виднелись следы нового увлечения моего кузена, о котором раньше я не подозревал, — его интереса к генеалогии; в кабинете валялись кипы старинных документов и стояли стопки снятых с полок древних фолиантов, в которых кузен, по-видимому, что-то искал.

Когда мы вошли в кабинет, я обратил внимание на одну любопытную деталь, которая в дальнейшем сильно повлияла на ход моего расследования. Я заметил, что время от времени Эмброуз опасливо поглядывает на мозаичное окно, расположенное высоко под потолком; когда он отвернулся, я заметил на его лице выражение надежды и в то же время разочарования. Мне стало как-то не по себе, но я промолчал, решив выяснить причину его поведения чуть позже — может быть, через сутки, а то и через неделю; во всяком случае, следовало дожидаться того момента, когда Эмброуз вновь придет в то состояние, которое заставило его написать мне отчаянное письмо.

Это состояние наступило у него раньше, чем я ожидал.

В тот вечер мы беседовали; вскоре я заметил, что Эмброуз выглядит очень усталым и из последних сил старается не уснуть. Сославшись на собственную усталость, я спросил его разрешения уйти в свою комнату. Но я вовсе не устал; вместо того чтобы лечь в постель, я решил почитать книгу. Когда роман мне наскучил, я потушил лампу, сделав это раньше, чем рассчитывал изначально, ибо мне оказалось нелегко привыкнуть к старомодному стилю освещения в доме моего кузена. Сейчас, когда я вспоминаю те события, мне кажется, что было около полуночи. Я разделся в полумраке; комнату освещал лунный свет, струившийся через окно.

Я уже собрался лечь, когда внезапно услышал что-то похожее на короткий вопль. Я знал, что во всем доме нас только двое — мой кузен и я — и что больше он никого не ждет. То есть кричал либо мой кузен, либо кто-то другой, а это значило, в дом забрался посторонний. Не раздумывая, я выскочил из комнаты и побежал в гостиную. Впереди по лестнице спускалась какая-то фигура в белых одеждах; я бросился за ней.

В этот миг вопль повторился, я слышал его совершенно отчетливо — странные, бессмысленные вскрики: «Йа! Шуб-Ниггурат! Йа! Ньярлатхотеп!» Я узнал голос — это кричал мой кузен Эмброуз, который, видимо, страдал лунатизмом. Мягко, но твердо взяв его за руку, я хотел отвести его обратно в спальню и уложить в кровать, но он с неожиданной силой вырвался. Отпустив его, я последовал за ним, но, когда увидел, что он собирается выйти из дома, вновь схватил его за руку и попытался вернуть назад. И снова он выдернул руку, причем с такой силой, что непременно должен был проснуться, однако вместо этого продолжал крепко спать; после короткой борьбы мне все же удалось вернуть его в дом, отвести в спальню и уложить в кровать; надо сказать, что к этому времени он успокоился и был абсолютно послушен.

Все это было и смешно, и страшно. Опасаясь, что Эмброуз может проснуться, я немного посидел у его постели; кузен занимал комнату, в которой раньше жил эта притча во языцех, Элайджа, наш прапрапрадед. Поскольку я сидел напротив окна, то время от времени в него поглядывал; через некоторое время у меня появилось какое-то странное ощущение — мне казалось, что в каменной башне, расположенной точно напротив дома, через неравные промежутки времени вспыхивает слабый свет. Пытаясь себя уверить, что это в лунном свете поблескивают древние камни, из которых была сложена башня, я некоторое время наблюдал за необычным явлением.

Наконец я отправился в свою комнату. Спать не хотелось; честно говоря, маленькое приключение с Эмброузом окончательно разогнало мой сон. Дверь своей комнаты я оставил открытой, чтобы видеть дверь спальни Эмброуза. Он, однако, больше не вставал, а принялся что-то бормотать во сне; я прислушался. Бессмысленные, отрывочные фразы. Тогда я решил их записывать; ярко светила луна, и зажигать лампу я не стал. Большую часть услышанного мною составляло несвязное бормотание; однако затем вместо отдельных слов Эмброуз начал произносить целые предложения — я называю их именно предложениями, несмотря на то что кузен произносил их невнятно, запинаясь, каким-то неестественным голосом. Я насчитал семь

таких предложений, с интервалом в пять минут; в течение этих пяти минут кузен метался в кровати, что-то бормотал и все время порывался встать. Я едва успевал записывать, решив, что разбирать свои записи буду позднее. В конечном итоге у меня получилось следующее:

«Для того чтобы вызвать Йогг-Сотота, дождись, когда солнце встанет в пятом доме, а Сатурн в триаде; затем начерти пентаграмму огня и трижды произнеси девятый стих; помни, что в день шабаша ведьм и в Хеллоуин Тварь рождает себе подобных за Пределом Врат, кои сторожит Йогг-Сотот».

«Он обладает знанием; он знает, где появились Древние, пройдя сквозь тысячелетия; он знает, где они появятся снова».

«Прошлое, настоящее, будущее — все едино и находится в нем».

«Обвиняемый Биллингтон заявил, что не производил никакого шума, чем вызвал смех и шиканье в зале, которых, к счастью для него, он не расслышал».

«Ах, ах! Этот запах! Запах! Ай! Ай! Ньярлатхотеп».

«Не то мертво, что вечность охраняет; смерть вместе с вечностью порою умирает».

«В своем доме в Р'льехе — в своем великом доме в Р'льехе — лежит он, не мертв, но спит...»

Вся эта галиматья завершилась глубоким молчанием, после которого вскоре послышалось ровное дыхание кузена, погрузившегося в спокойный сон.

Таким образом, первые часы моего пребывания в доме Биллингтона были наполнены самыми противоречивыми впечатлениями. Но это было только начало. Не успел я убрать свои записи и забраться в постель, чтобы наконец-то уснуть, оставив приоткрытыми двери своей спальни и Эмброуза, как едва не подскочил от стука внезапно распахнувшейся двери; передо мной в темноте маячила фигура Эмброуза, который стоял, протянув ко мне руку, словно собирался меня будить.

— Эмброуз! — вскрикнул я. — Что случилось?

Его била крупная дрожь.

— Ты слышишь? — дрожащим голосом спросил он.

— Что?

— Слушай!

Я прислушался.

— Что ты слышишь?

— Просто ветер шумит в ветвях.

Он горько рассмеялся.

— «Ветер лепечет Их голосами, Земля нашептывает Их мысли». Какой там ветер! Разве ты не слышишь?

— Я слышу только шум ветра, — твердо повторил я. — Тебе приснился плохой сон, Эмброуз?

— Нет, нет! — хрипло крикнул он. — Сегодня — нет, это началось и тут же закончилось; что-то меня остановило, и я очень этому рад.

Я, разумеется, знал, что его остановило, но промолчал. Эмброуз сел на постель и дружески взял меня за плечо.

— Стивен, я очень рад, что ты приехал. Только прошу тебя, если я начну говорить что-то странное или даже обидное, умоляю, не обращай на меня внимания. Мне иногда кажется, что я не в себе.

— Ты просто переутомился.

— Возможно.

Он поднял голову; при свете луны было хорошо видно его лицо — усталое, изможденное; Эмброуз опять к чему-то прислушивался.

— Нет, — сказал он, — нет. Это не ветер шумит в ветвях, и даже не звезды перекликаются, это где-то гораздо дальше — за Пределом, Стивен. Неужели ты не слышишь?

— Я ничего не слышу, — мягко сказал я, — а ты, если поспишь, тоже перестанешь слышать.

— Дело не в сне, — прошептал он, словно боялся, что нас подслушивают. — Спать еще хуже.

Я вылез из постели, подошел к окну и распахнул его настежь.

— Иди сюда, послушай, — сказал я.

Эмброуз подошел ко мне и прислонился к подоконнику.

— Ветер качает деревья, больше ничего.

Он вздохнул:

— Я все расскажу тебе завтра — если смогу.

— Расскажешь, когда сочтешь нужным. Однако почему не сейчас, если тебе этого хочется?

— Сейчас? — переспросил Эмброуз, испуганно оглядываясь. — Сейчас? — хрипло повторил он.

И вдруг торопливо заговорил:

— Чем занимался Элайджа в башне? Как он уговаривал камни? Как зывал к холмам или небесам? Я этого не знаю. И кто может таиться у какого-то порога?

Он замолчал, а затем, взглянув мне в глаза, покачал головой и тихо сказал:

— И ты не знаешь. Этого никто не знает. И все же здесь что-то происходит; согласишься ли, мне иногда кажется, что все это вызвал я, правда не знаю как.

С этими словами он повернулся и, пробормотав: «Спокойной ночи, Стивен», вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Проводив кузена удивленным взглядом, я остался стоять перед открытым окном. Может быть, это и в самом деле не ветер шумит в лесу? Может быть, здесь и в самом деле что-то происходит? Слова кузена заставили меня задуматься; теперь и я уже не слишком доверял своим чувствам. И вдруг, когда я стоял, чувствуя на своем теле свежее дыхание ветерка, на меня начало наваливаться ощущение чего-то невыносимо мерзкого — безысходного отчаяния, беспросветного мрака, словно дом обрушил на меня все самые низменные, самые отвратительные и глубоко запрятанные стороны человеческой души.

Нет, это не было плодом моего воображения; это было вполне осязаемо, ибо свежий воздух, проникающий в комнату через открытое окно, резко контрастировал с душливым предчувствием чего-то гадкого, отвратительного, что заполнило комнату, словно густой дым; я чувствовал, как оно просачивается в дом, проникая сквозь стены, словно ядовитый туман. Я вышел из спальни и спустился в гостиную; там было то же самое. Везде, куда бы я ни шел, было одно и то же — ощущение угрозы, страшного зла; теперь мне было понятно, что так повлияло на рассудок моего кузена. Невероятным усилием воли я отогнал

от себя черные, гнетущие мысли; мне потребовалось собрать все силы, чтобы заставить себя не думать об ужасе, который, казалось, пропитал стены старого дома. Странная это была борьба — я словно боролся с кем-то невидимым, кто был к тому же физически вдвое сильнее меня. Вернувшись в свою комнату, я понял, что боюсь спать, поскольку во сне могу стать жертвой своего невидимого врага, который уже отравил весь дом, включая и его нового жильца, моего кузена Эмброуза.

Ночь я провел в состоянии тяжелой дремоты, постоянно просыпаясь и прислушиваясь. Примерно через час ощущение вселенского зла и ужаса начало ослабевать, а затем, так же внезапно, как началось, бесследно исчезло. Почувствовав себя значительно лучше, я встал и оделся; было раннее утро, и Эмброуз еще спал. Решив этим воспользоваться, я прошел в кабинет, чтобы взглянуть на разложенные там старинные документы.

Бумаг было много, однако ни одна из них не носила личного характера; не было и ни одного письма. Я принялся перебирать бумаги: вырезки из газет с рассказами о всяких интересных происшествиях, связанных прежде всего с Элайджей Биллингтоном; некоторые факты из истории Америки; заметка о некоем «Ричарде то ли Беллингэме, то ли Боллинхене», на которой рукой моего кузена было нацарапано: «Р. Биллингтон»; газетные сообщения об исчезновении двух человек из Данвича, о чем я уже читал в бостонских газетах перед отъездом в Аркхем. К сожалению, внимательно просмотреть все документы я не смог — услышав, как в спальне зашевелился Эмброуз, я быстро вышел из кабинета.

И остался стоять возле двери: мне снова хотелось увидеть, как Эмброуз будет реагировать на мозаичное окно. Как я и ожидал, едва войдя в кабинет, кузен бросил на него тревожный взгляд. Впрочем, в то утро я еще не успел понять, с кем имею дело — с человеком, встретившим меня на станции в Аркхеме, или моим кузеном, который прошлой ночью приходил ко мне в комнату.

— Вижу, ты уже встал, Стивен. Пойду приготовлю кофе и тосты. Вот свежая газета. Приходится зависеть от местной почты — видишь ли, я не часто выбираюсь в город, а мальчишка-газетчик в такую даль не пойдет, и все из-за...

Внезапно он замолчал.

— Из-за чего? — спросил я.

— Из-за репутации моей усадьбы и леса вокруг нее.

— О да!

— Ты уже знаешь?

— Кое-что слышал.

Он немного постоял, задумчиво поглядывая на меня; я понимал, что сейчас в нем борются два чувства: рассказать мне обо всем или, напротив, постараться скрыть правду. Наконец, не произнеся ни слова, он повернулся и вышел из кабинета.

Но меня в ту минуту интересовала не газета — которая к тому же оказалась двухдневной давности — и не старинные документы; мое внимание привлекло мозаичное окно. По какой-то неведомой причине кузен его и боялся, и испытывал к нему странную тягу; он словно раздвоился — одна его половина боялась окна, вторая им как будто восторгалась. Полагаю, было бы разумно предположить, что та половина Эмброуза, которая боялась окна, заставила его прийти в мою комнату прошлой ночью, а та, что тянулась к мозаичному окну, стала причиной лунатизма моего кузена. Я начал внимательно разглядывать окно. Разумеется, рисунок мозаики — концентрические круги и прямые лучи, сложенные из прекрасно подобранных кусочков стекла пастельных тонов, кроме разве что центрального круга, сделанного из простого стекла, — был поистине уникален. Такого я не видел ни в одном европейском соборе и ни в одной американской церкви готического стиля — ни по рисунку, ни по подбору оттенков, ибо и техника исполнения разительно отличалась от техники всех известных мне мозаик Европы и Америки. Исключительно гармоничные, подобранные с учетом малейших цветовых нюансов, кусочки стекла словно перетекали один в другой, переливаясь всеми оттенками голубого, желтого, зеленого и лавандового, будучи светлее во внешних кольцах и очень темными — почти черными — возле центрального «глаза» из бесцветного стекла. Впечатление было такое, словно кто-то смыл черный цвет с центрального круга на соседние кольца или, наоборот, перелил его с внешних, более светлых, на внутренние кольца; при этом цвета переходили один в другой столь искус-

но, что создавали иллюзию движения, словно они сами сливались друг с другом, как живые.

И все же не это стало причиной беспокойства моего кузена. Подобные вещи Эмброуз умел легко объяснять и сам, не нуждаясь ни в чьей помощи; не напугали бы его и «живые» переливы света внутри мозаичного рисунка, которые, как известно, возникают от чрезмерно длительного созерцания, ибо окно в кабинете и в самом деле было сделано на высочайшем техническом и художественном уровне, к тому же мастером, наделенным богатейшей фантазией. У этой иллюзии оживающих красок, несомненно, было какое-нибудь научное объяснение, однако в тот момент, когда я разглядывал необычное окно, мое внимание привлекло нечто совсем иное, что никак не поддавалось рациональному анализу. Мне показалось, что в окне появился какой-то рисунок или портрет, который возник внезапно, словно его кто-то туда вставил или даже словно он сам вырос прямо на стекле.

Нет, это не могло быть игрой света, поскольку окно выходило на запад и в этот час находилось в тени; кроме того, быстро забравшись на шкаф и заглянув в окно, я убедился, что снаружи не было ничего такого, что могло бы отражать свет. Тогда я стал внимательно наблюдать за цветными вставками; ничего не происходило. Подумав, что мне это показалось, я все же решил последить за окном, причем в разное время — и днем, при солнечном освещении, и ночью, при свете луны.

В это время Эмброуз крикнул из кухни, что завтрак готов, и я прервал свои наблюдения, твердо решив тщательнейшим образом изучить странные световые эффекты окна, тем более что времени у меня было предостаточно и возвращаться в Бостон я пока не собирался — во всяком случае, до тех пор, пока не будет выяснена причина странного поведения моего кузена, о котором тот упорно не желал говорить.

— Вижу, ты выкопал несколько историй из жизни Элайджи Биллингтона, — с нарочитой прямоотой сказал я, усаживаясь за стол.

Эмброуз кивнул:

— Ты же знаешь, я увлекаюсь генеалогией и вообще люблю все старинное. А ты?

— В смысле, могу ли я что-нибудь добавить в твою лекцию?

— Да.

Я покачал головой:

— Боюсь, что нет. Впрочем, если я почитаю документы из твоего кабинета, может, что-нибудь и вспомню. Можно?

Он был в нерешительности. Конечно, ему этого не хотелось; но, с другой стороны, какой смысл скрывать от меня то, что я уже видел?

— Пожалуйста, смотри, сколько хочешь, — небрежно бросил он. — Мне они ни к чему. — Он отхлебнул кофе и уставил на меня внимательный взгляд. — Честно говоря, Стивен, я здорово увяз в этом деле и теперь уже вообще ничего не понимаю; но, знаешь, у меня такое чувство, что бросать его нельзя, поскольку, если мы его бросим, могут произойти странные и ужасные вещи, которые все же можно предотвратить — если знать, каким образом.

— Какие вещи?

— Не знаю.

— Ты говоришь загадками, Эмброуз.

— Да! — почти крикнул он. — Это загадка. Это целый набор загадок, у которых неизвестно, где начало, а где конец. Я думал, что все началось с Элайджи, теперь я так не думаю. И чем все это закончится, тоже не знаю.

— Поэтому ты и позвал меня? — спросил я, радуясь, что разговариваю со своим прежним кузеном, а не с лунатиком.

Он кивнул.

— В таком случае расскажи, что здесь происходит.

И он, забыв о завтраке, принялся рассказывать. Он говорил без пауз и остановок, рассказывая обо всем, что произошло в усадьбе со времени его приезда; при этом он не стал говорить о своих подозрениях, описывая только череду конкретных событий. Эмброуз рассказал о найденных документах — дневнике Лабана, газетных статьях, о тяжбе Элайджи с соседями, о его переписке с преподобным Уордом Филлипсом и так далее, после чего добавил, что все это я должен буду прочитать до того, как он перейдет к самому главному. Он называл это загадкой. Выслушав его рассказ, я также пришел к выводу, что мы столк-

нулись с гигантской головоломкой, составленной из бесчисленного количества фрагментов. Постепенно и я начал понимать, что Эмброуз попал в какую-то чудовищную западню. Пытаясь его успокоить, я предложил на время забыть о делах и заняться завтраком и вообще поменьше думать о таких вещах, иначе страхи могут перерасти в навязчивую идею.

Сразу после завтрака я отправился в кабинет читать бумаги Эмброуза, предварительно разложив их в том порядке, в каком они были у него. Чтение заняло у меня более часа; еще некоторое время я потратил на то, чтобы обдумать прочитанное. Действительно, настоящий «набор загадок», как говорил Эмброуз, и все же из них можно было сделать определенные выводы.

Первый и наиболее вероятный: Элайджа Биллингтон, а до него Ричард Биллингтон (или лучше сказать: Ричард Биллингтон, а после него — Элайджа) были втянуты в некие таинственные действия, суть которых так и осталась невыясненной. Можно предположить, что они были связаны с каким-то древним злом; впрочем, не следует забывать, что в те времена люди были крайне суеверны, особенно в провинции, и, значит, вполне могли распускать самые невероятные слухи и сплетни. Одно было ясно — Элайджу Биллингтона боялись и недолюбливали, и все из-за странных «криков», доносившихся по ночам из леса близ его усадьбы. С другой стороны, и Уорд Филлипс, и Джон Друвен, и, предположительно, третий гость, пришедший в тот вечер навестить Элайджу, — некий Деливеранс Уэстрипп — не были малограмотными провинциалами, но по крайней мере двое из этих джентльменов поверили в то, что Элайджа Биллингтон занимается чем-то чудовищным.

Но какими свидетельствами они располагали? Их беспокоил шум, доносившийся из его усадьбы, странные «крики» и «визг какого-то животного», о которых поведал главный оппонент Элайджи, Джон Друвен, так таинственно исчезнувший после череды столь же таинственных исчезновений других людей и найденный спустя полгода, как и первые жертвы. Никто не смог тогда объяснить, каким образом тела, которые искали на протяжении нескольких месяцев, оказались в таком состоянии, словно люди были убиты совсем недавно. Перед уходом из дома Друвен оставил отчаянную записку, в которой сообщал, что

Элайджа «что-то подсыпал» ему в еду, таким образом приобретая власть над его разумом, и теперь заманивает его к себе, и он не смеет ослушаться. Значит, три гостя, что пришли тогда навещать Элайджу, успели что-то заметить. Однако что именно — этого никто не знал.

И это все, что смогли в ту пору предъявить обвинители Элайдже Биллингтону. Однако, сложив воедино все факты, предположения и косвенные улики, как прошлые, так и настоящие, мы получаем картину, не согласующуюся с яростной защитой со стороны самого Элайджи Биллингтона, напрочь отвергавшего выпады Друвена и ему подобных как инсинуации. Даже если забыть о том, что говорили об Элайдже, некоторые эпизоды из его жизни оказываются весьма странными, чтобы не сказать пугающими. И если сбросить со счетов время — в равной мере учитывая как самые ранние, так и позднейшие открытия, — то выводы напрашиваются самые мрачные.

Первый — это слова самого Элайджи, когда он гневно осудил отзыв Джона Друвена на книгу преподобного Уорда Филлипса «Чудеса магии на обетованной земле Новой Англии»: «...есть вещи, о которых не следует упоминать все». Вероятно, как справедливо заметил Уорд Филлипс, Элайджа действительно знал, о чем говорил. Теперь следует вспомнить дневник мальчика. В нем говорилось, что в лесу возле усадьбы Биллингтонов действительно что-то происходило, и не без участия Элайджи. Нет, речь шла не о контрабанде, как поначалу решил мой кузен Эмброуз, поскольку надо быть идиотом, чтобы устраивать шум в таком месте, где хранятся запрещенные товары. Это было что-то страшное и загадочное, о чем можно судить по некоторым замечаниям в дневнике и моему собственному опыту пребывания в усадьбе. Мальчик писал, что его приятель, индеец Квамис, «стоял на коленях и громко произносил слова на языке, которого я не знал... я расслышал только слова „нарлато“ или „нарлотеп“». Нечто похожее выкрикивал и мой кузен в ту ночь, когда бродил по дому: «Йа! Ньярлатхотеп». Несомненно, это были те же самые слова.

Возможно, индеец кому-то или чему-то молился, ибо туземцы часто обожествляют непонятные для них явления; это относится и к американским индейцам, и к африканским неграм,

которые, как известно, поклонялись даже фонографу, поскольку не знали, что это такое.

Далее возникает еще один вопрос — вырванные из дневника страницы. Скорее всего, они относились к тому периоду, когда в усадьбу Биллингтона пришла так называемая комиссия, чтобы провести «расследование». Если это так, то не мог ли мальчик заметить что-то такое, что потом могло объяснить случившееся впоследствии? И не мог ли его отец, обнаружив записи сына, немедленно их уничтожить? Мог, как мог уничтожить и весь дневник. Если он и в самом деле занимался в лесу какими-то мерзостями, записи в дневнике оказывались для него чертовски опасными. Вместе с тем в дневнике сохранились страницы, на которых были описаны другие, не менее важные события. Видимо, Элайджа уничтожил только самые опасные записи, те, что могли повредить ему на суде; после этого он вернул дневник сыну и попросил больше ничего не писать. Это объяснение показалось мне наиболее вероятным; кроме того, становилось понятно, каким образом дневник Лабана уцелел и впоследствии оказался в руках моего кузена Эмброуза — именно потому, что из него были вырваны те страницы, что не понравились отцу мальчика.

И все же самый загадочный из всех фактов скрывался в цитате, взятой из одного любопытного документа, озаглавленного «О злых чарах, творимых в Новой Англии демонами в нечеловеческом обличье»:

«Говорят, что некий Ричард Биллингтон, начитавшись книг о темных силах и по наущению злых колдунов, с которыми свел знакомство, якшаяся с индейцами... устроил в лесу круг из камней, в котором возносил молитвы дьяволу, то есть Дагону, и совершал богопротивные колдовские ритуалы... Он признался, что испытывает великий страх перед некой Тварью, которую сам же вызвал с ночных небес. В тот же год в лесу, где находились камни Ричарда Биллингтона, произошло семь убийств...»

Этот отрывок наводил на страшные мысли, и вот почему. Ричард Биллингтон жил двести лет назад, но и в его время, и во времена Элайджи Биллингтона, и в наши дни происходило при-

мерно одно и то же: «круг из камней» и страшные убийства. Ныне от этого круга почти ничего не осталось, но убийства продолжались. Странное совпадение, но совпадение ли?

В инструкциях, оставленных Элайджей Биллингтоном, записано «взывать к холмам». Следует вспомнить, что во времена Ричарда Биллингтона существовала какая-то Тварь, которую он «вызвал с ночных небес» и которой страшно боялся. Еще одно совпадение, на этот раз совершенно невероятное. Но был к этой тайне и ключик: в одном из своих писем Элайджа писал, что «смысл» инструкций следует искать в «тех книгах, которые мы оставили в доме, расположенном в Биллингтонском лесу»; иначе говоря, ответ следовало искать в кабинете.

Итак, все оказывалось далеко не так просто. Учитывая тот факт, что Элайджа Биллингтон занимался в лесу чем-то таким, о чем мог знать только индеец Квамис, можно было предположить, что именно Элайджа каким-то образом разделался с Джоном Друвеном. Вероятно, Элайджа совершал что-то противозаконное; более того, способ, которым он избавился от Друвена, наводил на страшные мысли не только о самом Элайдже — на ум приходили жестокие убийства, творимые в районе Данвича. Отсюда можно было сделать только один вывод: Элайджа Биллингтон был к ним причастен. Тот же почерк.

Однако за этим умозаключением тянулась цепь различных предположений, вникать в которые значило запутаться окончательно и бродить в потемках до тех пор, пока все не начиналось сначала. Если в ту ночь Ричард Биллингтон действительно вызвал с небес некую «Тварь», то что это было? Наука не располагает данными о жутких «тварях с небес», если только, скажем, на земле не сохранились птеродактили, которых могли видеть двести лет назад. Впрочем, эту версию я отмел сразу: ученые давно доказали, что все птеродактили вымерли и на земле больше не осталось видов, которые можно было бы отнести к подобным «летающим тварям». Да, но откуда известно, что она летала? Хотя как же иначе она могла спуститься с неба?

Окончательно сбитый с толку, я потрянул головой; вошедший в кабинет кузен, увидев мою растерянность, натянуто улыбнулся:

— Что, Стивен, эта задачка и тебя сбила с толку?

— Да, если думать о ней постоянно. Но ведь Элайджа пишет, что в книгах, оставленных им в кабинете, можно найти разгадку. Ты их просматривал?

— О каких конкретно книгах ты говоришь, Стивен? Я не нашел ни одной зацепки.

— Вот здесь ты не прав. Есть, и не одна. Ньярлатхотеп, или Нарлатоп, или как там его. Йог-Сотот или Йогг-Сотот — произноси, как хочешь. Эти слова встречаются в дневнике Лабана, ты слышал их от миссис Бишоп и нашел в письмах Джонатана Бишопы, где есть упоминания о других вещах, которые можно попытаться найти в книгах.

Я вновь принялся разбирать письма Бишопы, к которым Эмброуз добавил еще и свои находки из архкемского архива — сообщения о смерти людей, упоминавшихся в письмах Джонатана. И снова почувствовал, что между этими вещами существует какая-то связь, о которой я, взглянув на усталое, осунувшееся лицо Эмброуза, побоялся сказать вслух. Как выяснилось, все не в меру любопытные соседи, что шпионили за Джонатаном Бишопом, однажды исчезли, а потом тела их были найдены, как и в случае с Джоном Друвеном, который тоже любил лезть не в свое дело. Факты исчезновения людей, упомянутых в письмах Джонатана Бишопы, были налицо, о чем любой желающий мог прочитать в газетах.

— Даже если это и так, — сказал Эмброуз, дождавшись, когда я закончил читать письма, — я все равно не знаю, с чего начать. Книги совсем старые, там почти ничего не разобрать, а некоторые так и вовсе переплетенные рукописи.

— Это неважно. У нас уйма времени. А на сегодня хватит.

Заметно повеселев, Эмброуз хотел что-то сказать, но его прервал стук в дверь, и он пошел открывать. Услышав, что к нам пришли, я быстро убрал все бумаги и документы. Однако кузен не повел посетителей — их было двое — в кабинет; примерно через полчаса он проводил их до дверей и вернулся ко мне.

— Местные власти, — объяснил он. — Расследуют убийство — вернее, исчезновение — нескольких человек в районе Данвича. Жуткое дело. Если с ними случилось то же, что и с первым, шум поднимется страшный.

Я заметил, что Данвич и без того вымирает.

— А зачем они приходили к тебе, Эмброуз?

— Говорят, что кое-кто из соседей слышал ужасные крики, а поскольку наша усадьба стоит недалеко от места, где исчез Осборн, меня спрашивали, не слышал ли я что-нибудь.

— Ты, конечно, ничего не слышал.

— Разумеется.

Зловещее сходство между событиями далекого прошлого и настоящего Эмброуза, по-видимому, не пугало — либо он это тщательно скрывал. Видя его реакцию, я тоже предпочел сменить тему. Сказав, что убрал все бумаги, я предложил прогуляться, чтобы немного подышать свежим воздухом. Он с радостью согласился.

И мы отправились на прогулку. Дул резкий холодный ветер, напоминая, что зима не за горами; с огромных старых деревьев опадали листья, и, глядя на них, я вспоминал друидов, поклонявшихся деревьям. Впрочем, мысли о друидах быстро улетучились, как только впереди показались каменные столбы — ибо моя так называемая прогулка была не чем иным, как предлогом привести кузена к башне, которую я так или иначе непременно бы навестил — не с кузеном, так в одиночестве.

Я специально выбрал окольный путь, чтобы обойти болото и выйти к башне с юга, со стороны высохшего устья Мискатоника. Мой кузен шагал рядом со мной, время от времени восхищаясь старинными деревьями, и то и дело повторял, что в его лесу нет ни одного срубленного дерева и даже ни одного пня со следами топора или пилы; не знаю, чего в его голосе было больше — гордости или сожаления. Я небрежно заметил, что старые дубы напоминают мне о друидах; Эмброуз бросил на меня быстрый взгляд.

— Что тебе известно о друидах? — спросил он.

Я ответил, что сравнительно немного.

— А тебе не кажется, что между различными древними религиями и верованиями существует связь, основу которой составляет религия друидов? — продолжил он.

Нет, я так не думал. Разумеется, многие мифы и легенды имеют одну и ту же основу; все они возникали от страха перед неведомыми силами, такое встречается и в наши дни, и все же следует различать миф и религиозное верование, как различают

суеверие и легенду, морально-этические принципы и мораль. На это Эмброуз ничего не ответил.

Некоторое время мы шли в молчании; и вдруг произошел весьма любопытный инцидент. Это случилось, когда мы вышли к сухому руслу ручья.

— А, — каким-то незнакомым, хриплым голосом проговорил мой кузен, — вот и Мисквамакус.

— Что? — переспросил я, удивленно глядя на него.

Он взглянул на меня; его глаза как-то странно забегали, словно он не мог смотреть в одну точку.

— Ч-что? — заикаясь, спросил он. — Ч-что эт-то было, Стивен?

— Как ты назвал эту речку?

— Никак я ее не называл, — ответил он, качая головой.

— Но ты же только что произнес ее название.

— Этого не может быть. Я понятия не имею, как она называется.

Казалось, он был искренне удивлен и даже немного рассержен. Я сразу прекратил расспросы, сказав, что, наверное, ослышался; и все же я был точно уверен: он только что произнес древнее название давно высохшей реки, на берегу которой мы стояли, и название это было уж очень созвучно имени индейского колдуна из племени вампанугов, того самого, кому удалось поймать и заточить в темницу «Тварь», вызванную Ричардом Биллингтоном.

Это маленькое происшествие оставило у меня на душе неприятный осадок. Я уже давно догадывался, что проблема, с которой столкнулся мой кузен, а за ним и я, была куда более сложной и запутанной, чем мне показалось вначале. Постепенно мои самые скверные предчувствия перерастали в глубокую уверенность. Однако впереди нас ожидало более убедительное подтверждение моих подозрений.

Мы молча шли вдоль высохшего русла и вскоре, пробравшись через густые заросли, вышли туда, где стояла башня, — к маленькому острову из песка и камней в окружении огромных каменных столбов. Мой кузен называл их «камнями друидов», хотя они были совсем не похожи на каменные плиты Стоунхенджа. И все же эти составленные в круг камни, кое-где выщерб-

ленные, кое-где покрытые наростами, а некоторые и вовсе превратившиеся в россыпи, носили на себе явный отпечаток работы человека; их перенесли сюда с какой-то конкретной целью; камни были расположены так, чтобы образовать кольцо вокруг башни, о которой — теперь я был в этом уверен — упоминалось в старинных документах.

Мне и прежде доводилось разглядывать эту башню с близкого расстояния, но теперь, едва я вошел в каменный круг, у меня появилось впечатление, что я вижу ее впервые. Возможно, на меня повлияла собранная кузеном информация, а возможно, все это объяснялось внезапно переменившейся атмосферой. Я почувствовал это сразу; раньше башня казалась мне одиноким осколком затерянного в столетиях прошлого, теперь же я был твердо убежден, что башня и время существовали как бы в разных плоскостях. Наверное, это ощущение появилось у меня оттого, что я давно знал о ее древнем происхождении; мне всегда казалось, что над каменной башней на острове витает аура веков. Однако теперь я видел перед собой зловещее каменное строение, как будто не подверженное действию времени; при этом мне показалось, что от него веет мрачным кладбищенским духом.

Приближаясь к ней сейчас, я как будто заново открывал ее для себя. Войдя внутрь, я внимательно разглядел камни кладки, рисунки на старых камнях и рисунок на сравнительно новой плите, которую недавно выворотил мой кузен. Едва взглянув на рисунки, вырезанные на ступенях лестницы, я понял, что они в точности повторяют изображение на окне в кабинете. Однако же рисунок на плите был совсем другим — звезда вместо круга, ромб и столб огня или чего-то в этом роде вместо лучей. Я уже собрался было вслух прокомментировать увиденное, как у входа появился Эмброуз и спросил:

— Что-нибудь нашел?

В его голосе звучал не просто интерес; в нем чувствовалась откровенная враждебность. Я понял, что передо мной на сей раз стоит человек, который еще совсем недавно настойчиво советовал мне вернуться в Бостон. Как мне хотелось задать ему вопрос, мгновенно возникший у меня в голове: до какой же степени башня повлияла на твой разум, кузен? Однако я промолчал

и лишь небрежно заметил, что башня, видимо, очень старая и рисунки на камнях довольно примитивные; Эмброуз бросил на меня злобный взгляд, но, кажется, не почувствовал ничего подозрительного; пробурчав, что пора идти домой готовить ланч и что он терпеть не может, когда его задерживают, он вышел.

Не желая раздражать кузена, я послушно пошел за ним, болтая о разных пустяках; я восхвалял его кулинарные таланты и говорил, что ему все же следует обзавестись поваром и освободить себя от занятия хотя и приятного, но все же утомительного. Когда же вдали показалась усадьба, я внезапно предложил отправиться в Аркхем и позавтракать в каком-нибудь ресторанчике.

К моему удивлению, Эмброуз охотно согласился, и вскоре мы уже ехали в старинный Аркхем, где я надеялся под каким-нибудь предлогом оставить кузена, чтобы попасть в библиотеку Мискатоникского университета и поискать там все, что касалось Элайджи Биллингтона.

Эта возможность представилась мне скорее, чем я ожидал; не успели мы закончить ланч, как Эмброуз внезапно вспомнил о каких-то важных делах. Он пригласил меня пойти с ним, но я отказался, объяснив, что хочу зайти в библиотеку, чтобы засвидетельствовать свое почтение доктору Армитеджу Харперу, с которым познакомился год назад, на научной конференции в Бостоне. Эмброуз сказал, что будет отсутствовать около часа; мы условились встретиться на Колледж-стрит, у входа во двор университета.

Доктор Харпер, уже вышедший в отставку, имел собственный кабинет на втором этаже здания библиотеки Мискатоникского университета, а потому всегда был к услугам библиофилов и коллег по истории Массачусетса, среди которых пользовался особым авторитетом. Это был элегантный пожилой господин, выглядевший гораздо моложе своих семидесяти, с коротко подстриженными усиками стального цвета, острой бородкой и пронизательными темными глазами. Мы встречались всего два раза, но он узнал меня сразу и, кажется, очень обрадовался. Он сказал, что сейчас изучает книгу одного автора со Среднего Запада, которую ему рекомендовали, и находит, что тот слишком многословен, хотя в целом книга не лишена очарования.

— Далеко этому до Торо, — сказал доктор Харпер, лучезарно улыбаясь, и, перед тем как отложить в сторону книгу, показал мне ее обложку; это был «Вайнсбург, Огайо» Шервуда Андерсона. — Что привело вас в Аркхем, мистер Бейтс? — спросил он, откидываясь на спинку стула.

Я ответил, что нахожусь в гостях у своего кузена, Эмброуза Дьюарта; заметив, что это имя Харперу ничего не говорит, я добавил, что мой кузен является наследником усадьбы Биллингтонов и что я хочу получить консультацию именно по поводу этой усадьбы.

— Биллингтоны — семейство, давно известное в этом районе Массачусетса, — сухо заметил доктор Харпер.

Я сказал, что собрал о них много материала, но его все же недостаточно; кроме того, как я понял, членов этой семьи не слишком любили.

— Кажется, они были настоящими аристократами, — заметил доктор Харпер. — У меня где-то есть их фамильный герб.

Разумеется, я знал, что они были аристократами, но мне хотелось знать, что скажет доктор Харпер по поводу Ричарда Биллингтона или его родственника Элайджи.

Старик улыбнулся; по его лицу побежали морщинки.

— У меня есть несколько книг, в которых упоминается Ричард, правда, боюсь, отзывы о нем не слишком лестные. Что же касается Элайджи, то о нем можно почитать в подборках старых газет.

Этого мне было явно недостаточно, и доктор Харпер заметил мое разочарование.

— Впрочем, об этом вы и сами знаете, — добавил он.

Я сказал, что помимо газет имел возможность прочесть протоколы заседаний суда по делу Ричарда Биллингтона, а впоследствии и Элайджи Биллингтона и поражен сходством выдвинутых против них обвинений. Оба, как выяснилось, занимались какими-то темными делами, которые, если и не были нелегальными, все же вызывали сильное подозрение.

Доктор Харпер сразу посерьезнел. Некоторое время он молчал, видимо решая, продолжать эту тему или нет. Наконец, взвесив все «за» и «против», заговорил. Да, он знает легенды, которые ходили о Биллингтонах и Биллингтонском лесе; эти легенды

играли весьма значимую роль в истории Массачусетса — особенно во времена охоты на ведьм, хотя с точки зрения хронологии появились они раньше, чем начались печально известные судебные процессы. Конечно, все эти легенды возникли не на пустом месте, хотя по прошествии двух веков трудно сказать, где тут вымысел, а где правда, и о том, во что когда-то верили, теперь уже давно забыли. Несомненно одно: Ричарда Биллингтона считали колдуном или ведьмаком, да и Элайджа Биллингтон заработал себе недобрую репутацию занимавшегося темными делами в ночном лесу. Подобные истории возникают быстро и живут долго, постепенно обрастая новыми жуткими подробностями, до тех пор пока не превращаются в нелепые, смешные выдумки. Поди потом разберись, где тут правда, а где вымысел.

Впрочем, доктор Харпер был уверен в одном: оба Биллингтона занимались чем-то запрещенным. Скорее всего, колдовством; также вполне может быть, что они совершали какие-нибудь религиозные ритуалы, которые еще сохранились в памяти жителей самых затерянных уголков штата, в частности районов Данвича и Инсмута; вполне возможно, что корни этих ритуалов восходили к древним обрядам какого-нибудь исчезнувшего народа, ибо мало что указывает на их связь с известными нам традициями — разве что с ритуалами друидов, которые поклонялись невидимым существам, якобы обитающим в деревьях.

— Значит, — спросил я, — вы полагаете, что Биллингтоны могли поклоняться дриадам или подобным им мифическим существам?

Нет, он имел в виду не дриад. До наших дней дошли отголоски религий и культов куда более древних, чем все зафиксированные в истории человечества. Однако данных об этом очень мало, так как серьезные ученые такими вещами обычно не интересуются, оставляя их исследователям более мелкого пошиба, труды которых не имеют широкого распространения.

Иначе говоря, по его мнению, мои предки практиковали какую-то первобытную религию?

В принципе, да. Такое вполне возможно — я же сам читал документы и должен знать, что религия, которой интересовались Ричард и Элайджа Биллингтоны, могла быть связана и с чело-

веческими жертвоприношениями; впрочем, доказательств этому нет. И все же оба они исчезли — Ричард пропал неизвестно куда, Элайджа переехал в Англию, где и умер. Все легенды и рассказы старых кумушек о том, что Ричард жив, — это чепуха, он уверен в этом; такие слухи быстро разлетаются и находят благодарных слушателей. И Ричард, и Элайджа Биллингтоны продолжают жить, но только в своих потомках — Эмброузе Дьюарте и, если уж на то пошло, во мне; что же касается всяких ужасных историй, то раздували их те, кому нравилось превращать обычную судебную тяжбу в леденящий душу процесс, причем только для того, чтобы расшевелить воображение читающей публики. Впрочем, жить можно не только в физическом смысле — можно ведь оставить о себе и психологическую память, «заразив» злом места, которые люди начинают обходить стороной.

— С таким же успехом можно «заразить» места и добром? — сказал я.

— Я бы предпочел термин «некая сила», — улыбнулся доктор Харпер. — Вполне вероятно, что в доме Биллингтонов продолжает жить некая сила или память о насилии. Да полноте, мистер Бейтс, вы же испытали ее на себе.

— Верно.

Он слегка вздрогнул, но затем вновь улыбнулся:

— В таком случае мне больше нечего вам сказать.

— Напротив, мне бы очень хотелось знать, как вы можете объяснить этот феномен. В доме сами стены словно источают зло, и я не знаю, что с этим делать.

— Значит, в нем когда-то совершилось злодеяние; вот откуда взялись страшные рассказы о Ричарде и Элайдже Биллингтонах. А что вы чувствовали, мистер Бейтс?

Я не мог в точности передать свои ощущения; я сказал, что внезапно начал испытывать невероятный ужас — впервые в жизни. Доктор Харпер слушал меня не прерывая; когда я закончил свой краткий рассказ, он на некоторое время задумался.

— А какова была реакция мистера Дьюарта? — наконец спросил он.

— О, из-за этого я и приехал, — сказал я и вкратце поведал доктору о странной двойственности характера моего кузена.

Выслушав меня, доктор Харпер вновь погрузился в размышления; наконец он высказал свое мнение: совершенно очевидно, что дом и лес оказывают на моего кузена «дурное влияние», и лучше всего на некоторое время переселить его в какое-нибудь другое место — «скажем, на одну зиму», — чтобы проверить, как он себя поведет. Куда бы его отправить?

Я ответил, что могу пригласить его к себе в Бостон, но добавил, что хотел бы воспользоваться возможностью и взять с собой кое-какие старинные книги из фамильной библиотеки Биллингтонов. Если кузен согласится, у меня будет достаточно времени на их изучение. Однако, как мне кажется, он не захочет провести зиму в Бостоне, если только мне не удастся его уговорить, воспользовавшись очередной переменой его настроения. На это доктор Харпер твердо заявил, что Эмброуза нужно непременно увезти подальше от усадьбы — для его же пользы, особенно после ужасных событий, произошедших недалеко от нее.

Прощавшись с доктором Харпером, я вышел на улицу и стал ждать Эмброуза, греясь под лучами осеннего солнца. Кузен пришел чуть позже назначенного срока, в самом мрачном расположении духа, поэтому из города мы выехали молча; наконец он спросил, виделся ли я с доктором Харпером. Он не стал спрашивать, о чем мы говорили, а я не стал ему об этом рассказывать, ибо он мог обидеться — и не только обидеться, — узнав, что мы среди прочего беседовали о нем. Таким образом, до самого дома мы доехали в молчании.

День клонился к вечеру; кузен решил заняться приготовлением ужина, а я отправился в библиотеку. Книг было много, поэтому я никак не мог выбрать те, которые посоветовал бы Эмброузу прихватить при отъезде в Бостон; я просматривал их одну за другой, пытаюсь отыскать слова, которые часто повторялись бы в разных документах и текстах и могли бы оказаться ключом к решению проблемы. Многие книги оказались хрониками исторических событий или генеалогическими документами, связанными с данным районом или проживавшими в нем семьями; однако в основном это были обычные церковные записи, субсидированные отдельными членами семейств, или целыми семьями, или какой-нибудь организацией и представлявшие инте-

рес разве что для студентов, изучающих генеалогию, поскольку многие были снабжены роскошными иллюстрациями фамильных древ. Но были здесь и другие книги, совсем не церковные, потрепанные, в старых кожаных переплетах. Некоторые из них были написаны на неизвестных мне иностранных языках, некоторые на латыни, некоторые — на староанглийском, готическим шрифтом, а некоторые представляли собой переписанные, а затем переплетенные отрывки из древних манускриптов. Именно эту группу текстов я начал просматривать особенно внимательно.

Сначала я думал, что выписками занимались сами Ричард или Элайджа Биллингтон, но, бегло просмотрев записи, понял, что ошибся, поскольку многие тексты были переписаны коряво и явно человеком малограмотным, в то время как Биллингтоны, насколько мне известно, были людьми хорошо образованными. Более того, вскоре я обнаружил пометки, сделанные, судя по всему, Элайджей. Ничто не указывало на то, что книги принадлежали Ричарду; вместе с тем они могли быть его собственностью, поскольку казались очень старыми, и, хотя на них отсутствовал год издания, было видно, что написаны они задолго до появления на свет Элайджи.

Выбрав томик поменьше, я принялся его просматривать. Название на обложке отсутствовало; сама обложка была изготовлена из мягчайшей кожи, подозрительно напоминавшей человеческую; на первой странице, без всяких преамбул, значилось: «Аль Азиф — Книга Араба». Я быстро перелистал страницы, исписанные отдельными фразами, взятыми из разных текстов; одни отрывки были на латыни, другие — на древнегреческом. Некоторые страницы рукописи имели следы загибов и пометки: «Бр. музей», «Нац. библ.», «Уайденер», «Унив. Буэнос-Айреса», «Сан-Маркос». Как я вскоре понял, кто-то отмечал местонахождение архивов, где были найдены тексты, из которых потом выписывались отрывки, — знаменитые музеи, библиотеки и университеты Лондона, Парижа, Кембриджа, Буэнос-Айреса и Лимы; выписки были сделаны разными почерками, что указывало на работу целой группы людей и доказывало, что кто-то — возможно, сам Элайджа — отчаянно нуждался в этих текстах и, види-

мо, платил людям за переписывание отдельных особенно редких фрагментов, которые затем аккуратно переплетались. Было видно, что тексты собраны далеко не полностью, хотя кто-то явно пытался привести их в какую-то систему, складывая в определенном порядке страницы, присланные со всего мира.

Просматривая страницы во второй раз, теперь уже внимательнее, я впервые обратил внимание на имя, которое упоминалось в связи с событиями в Биллингтонском лесу, и задержался на странице, исписанной мелким ученическим почерком. Придвинувшись ближе к свету, я начал читать.

«Не думайте, что человек — старейший или последний Хозяин Земли; нет, жизнь и материя существуют не сами по себе. Древние были, есть и будут. Не в пространствах, известных нам, а между ними ходят Они, спокойные и величественные, не имея размеров, невидимые. Йог-Сотот знает путь, Йог-Сотот — это сам путь. Йог-Сотот — ключ и страж ворот. Прошлое, настоящее, будущее — что было, есть и будет — все это Йог-Сотот. Он знает, где Древние разорвали прошлое и где разорвут время, чтобы приходить в наш мир, пока не замкнется Круг. Йог-Сотот знает, почему никто не может Их остановить, когда Они идут. Смертные узнают Их по запаху, который кажется им странным, словно его издает древнее существо; ни один смертный не знает, как Они выглядят, если только Они не приобретают черты тех, кого когда-либо встречали; Им трудно сохранять эти черты, но трижды ужаснее приходится тому, кто отдал Им свое лицо; но есть среди Них и другие, не похожие на смертных, ибо Они невидимы и появляются там, где были произнесены Слова, и в Их Дни совершались ритуалы, когда Они проливали кровь. Ветер лепечет Их голосами; Земля нашептывает Их слова. Они сгибают деревья. Они поднимают волны. Они уничтожают города — ибо ни лес, ни океан, ни город не имеют от Них защиты. Кадат, что лежит в Холодной Пустыне, знает Их, а кому из смертных известны Кадат? В ледяной пустыне Юга, на затонувших островах под Океаном находятся камни, где вырезана Их печать, но кто видел замерзший город с запечатанной башней, облепленной водорослями и ракушками? Великий Ктулху Им сродни, но и он не может уследить за Ними всеми. Человеческая раса считает

их мерзким злом, ибо Их руки держат людей за горло, так было с самого начала и будет до скончания веков, но никто и никогда Их не увидит; а живут Они возле самого твоего порога. Йог-Сотот — ключ к вратам, где сходятся сферы. Человек правит там, где некогда правили Они; но придет время, и Они вновь будут править там, где правит Человек. За летом приходит зима, и после зимы — лето. Они ждут, терпеливые и могущественные, ибо скоро Они воцарятся вновь, и тогда ничто не сможет Их остановить, и все подчинится Им. Те, кто знает о вратах, откроют Им путь, и сделают это правильно, и станут Им служить и исполнять Их желания; тот же, кто откроет врата по незнанию, проживет после того недолго».

Далее следовал пропуск, и начиналась следующая страница. Здесь я увидел уже другой почерк; источник, по всей видимости, был более древний, чем первый, о чем можно было судить по желтой бумаге и старинному написанию букв.

«То было сделано так, как и было обещано, ибо Его забрали Те, Кому Он бросил вызов, и бросили его в глубины Нижнего мира, что лежит в Океане, и стали держать его в Башне, которая, как говорят, высится среди руин Затонувшего Города (что зовется Р'льех) и запечатана Знаком Старших Богов, и Он бранился и проклинал Тех, кто Его пленил, и вызвал Их гнев, и Они схватили Его во второй раз, и сделали Его похожим на саму Смерть, а потом погрузили Его в сон, и теперь Он спит глубоко под водой, а Они вернулись туда, откуда пришли, в Глиу-Вхо, что лежит среди звезд, и время от времени Они смотрят вниз, на Землю, когда лист опадает с дерева и пахарь выходит в поле. Он спит уже целую вечность, в своем доме в Р'льехе, в окружении Своих прислужников, что приплыли к Нему, преодолев все преграды, но не решаясь дотронуться до Знака, и теперь ждут, когда Он проснется и вернет Свою былую силу, и тогда замкнется Круг, и будет Он свободен, и вновь подчинит себе Землю, и сделает ее Своим Царством, и бросит вызов Старшим Богам. И с братьями Его случилось то же самое, и забрали их Те, Кому Они бросили вызов, и изгнали Их, а Тот-Кого-Нельзя-Называть был отправлен за Предел, где нет даже Звезд, и с другими

случилось то же самое, и Земля избавилась от Них, а Те, Кто принял образ Огненных Башен, вернулись туда, откуда пришли, и никто их больше не видел, и на всей Земле наступил мир, и так будет до тех пор, пока не освободят Великих Древних, пока человек не узнает тайну, и не проникнет в запретное место, и не откроет врата».

С величайшим интересом я приступил к чтению следующего листа, значительно меньшего размера, написанного на тонкой, как луковая шелуха, бумаге; с первого взгляда было заметно, что человек переписывал его тайно и поспешно, возможно опасаясь слежки, ибо в тексте встречалось много сокращений, которые не сразу удавалось разобрать, не говоря уже о весьма скверном почерке. Как я вскоре убедился, третий отрывок был почти что продолжением второго.

«А Древние ждут у Врат, и Врата эти есть везде и во все времена, ибо не ведают Они о времени или пространстве, но собираются все в одном месте и в одно время, а те, кто среди Них, могут принимать разные обличья, и разные размеры, и разные лица, а Врата для Них есть везде, но первым был тот, кого вызвал я, и было то в Иреме, Граде Колонн, что лежит в пустыне, где Человек возвел Камни и трижды произнес запретные Слова, и возникнут там Врата, и будут ждать Тех, Кто пройдет через Них — и дхолы, и ужасные ми-го, и народ чо-чо, и глубоководные, и народ гугов, и призраки ночи, и шогготы, и воормисы, и шантаки, что стерегут Кадат в Холодной Пустыне и на плато Ленг. Все они — дети Старших Богов, но Великая Раса из Йита и Древние вступили в спор друг с другом, а потом поссорились со Старшими Богами, и Боги ушли, оставив Землю Древним, а Великая Раса из Йита перенеслась во времени и поставила на Землю будущего, и не знают об этом те, кто сейчас живет на Земле, а Они ждут, когда придет Их время, и станут шептать Ветры и Голоса, и придет Оседлавший Ветер, чтобы властвовать над Землей и меж Звезд».

В этом месте рукопись прерывалась, словно кто-то аккуратно стер написанное; как ему это удалось, я не понял, поскольку

на бумаге не осталось никаких следов. Отрывок заканчивался короткой припиской.

«И вернутся Они, и освободится Великий Ктулху, и выйдет из моря, и придет Тот-Кого-Нельзя-Называть из своего города, что зовется Каркоза и лежит на берегу озера Хали, и придет Шуб-Ниггурат, и умножится в своем безобразном обличье, и Ньярлатхотеп скажет Слово Великим Древним и Их приспешникам, и Ктулху возложит Руку на все, что мешает Ему, и уничтожит его, и слепой безумец Азатот восстанет из середины мира, где прячутся Хаос и Разрушение, и где он богохульствовал, и где находится Сущность Мироздания, что зовется Бесконечностью, и Йог-Сотот, тот, кто есть Одно-во-Всем и Все-в-Одном, соединит сферы, и Итакуа придет вновь, и из черных пещер Земли явится Цатогуа, и все вместе захватят Они Землю и все живое, что есть на ней, и начнут сражение со Старшими Богами, и тогда Повелитель Великой Бездны узнает об Их возвращении и призовет Своих Братьев, дабы рассеять Зло».

День уже клонился к вечеру; из кухни доносилось звяканье посуды, и я, хотя и чувствовал, что нахожусь на пороге разгадки великой тайны, решил на время прервать чтение. Я отложил книгу; на душе было тревожно, в голову лезли мысли о каком-то жутком, первобытном зле, лежавшем за пределами моего понимания. Я не сомневался, что собирать выписки из книг начал тот самый Ричард Биллингтон, который был «сожран Тварью, спустившейся с Небес»; затем эстафета перешла к Элайдже; чем все это закончилось, неизвестно, если только Биллингтоны не получили доступ к знаниям, закрытым для простых смертных. Мысль о том, что Биллингтоны сумели не только расшифровать тайны древней магии, но и воспользоваться ими, приводила меня в ужас, особенно если учесть события, случившиеся неподалеку от усадьбы.

Когда я встал, чтобы идти на кухню, я ненароком взглянул на мозаичное окно; то, что я увидел, повергло меня в шок: последние лучи багрового солнца падали на окно под таким углом, что проступающий на нем портрет был виден особенно четко — жуткое, неимоверно искаженное лицо какого-то огромного, неле-

пого существа; глаза — если их можно было назвать глазами — глубоко запрятаны в глазницы; ничего похожего на нос, только ноздри; круглая лысая голова, и вместо подбородка — клубок извивающихся щупалец. Словно загипнотизированный, похолодев от ужаса, я смотрел на это видение, чувствуя, как сердце сжимается от предчувствия чего-то ужасного, что вновь начало давить на меня со всех сторон, проникая в комнату через окна и стены, словно собираясь уничтожить все, до чего могло дотянуться. Одновременно с этим я почувствовал такой отвратительный, тошнотворный запах, какого не ощущал никогда прежде.

Дрожа всем телом, я все же преодолел желание закрыть глаза и броситься вон из комнаты и продолжал смотреть на окно, уверенный, что стал жертвой галлюцинации, возникшей у меня после прочтения старинных рукописей. Тем временем жуткий призрак начал бледнеть и вскоре исчез совсем, окно приняло свой обычный вид, мерзкий запах улетучился. Однако то, что случилось потом, было еще ужаснее; боюсь, что причиной этого стал я сам.

Решив еще раз убедиться, что стал жертвой иллюзии, в свое время напугавшей и моего кузена Эмброуза, я забрался на шкаф, стоявший у окна, и выглянул в окно, там, где было обычное стекло, стараясь разглядеть каменную башню, которая должна была, как обычно, вырисовываться в лучах заходящего солнца на фоне темного леса. Но, к моему невыразимому ужасу, я увидел совершенно незнакомый мне пейзаж — ничего подобного я не видел за всю свою жизнь. Едва в первый миг не свалившись со шкафа, я продолжал смотреть, прикинув к стеклу; я видел незнакомую землю, небо, в котором сверкали странные, неизвестные мне созвездия; я смутно распознал только Гиады, но столь яркие, словно они приблизились к Земле, преодолев тысячи и тысячи световых лет. Пейзаж не был застывшим, перед моими глазами происходило движение — ко мне то и дело подсакивали, делая угрожающие движения, какие-то похожие на осьминогов чудища, подлетали жуткие твари с черными кожистыми крыльями и когтистыми лапами.

Голова у меня шла кругом; отвернувшись от окна, я слез со шкафа; но, едва оказавшись в привычной обстановке кабинета, я вновь захотел взглянуть на странный пейзаж, полез к окну

и увидел то, что ожидал увидеть раньше, — каменную башню, деревья и заходящее солнце. Надо ли говорить, в каком подавленном состоянии спускался я на пол. Нужно было скорее записать свои впечатления, но как объяснить, что я видел? Эмброузу я решил ничего не рассказывать; он мне сразу поверит и может разволноваться, а это опасно для его здоровья. Если же я действительно видел незнакомый пейзаж, то какое это место, какой уголок Вселенной?

Я еще немного постоял возле окна, слабо надеясь вновь увидеть жуткую метаморфозу, однако ничего не произошло. Из задумчивости меня вывел голос кузена, который звал меня ужинать; крикнув в ответ, что иду, я вышел из кабинета, напоследок бросив осторожный взгляд на темнеющее окно, и направился на кухню, где меня ждал Эмброуз.

— Нашел что-нибудь в книгах? — спросил он.

Что-то в его голосе заставило меня насторожиться. Взглянув ему в лицо, я увидел, что кузен настроен если не враждебно, то, во всяком случае, не дружески, поэтому я решил пока не посвящать его в свои открытия. Я просто ответил, что прочитал какие-то рукописи, в которых решительно ничего не понял.

По-видимому, он остался доволен моим ответом, хотя было хорошо видно, что его что-то тревожит. За ужином мы оба молчали.

В тот вечер мы рано разошлись по своим комнатам.

Я был решительно настроен на разговор о переезде Эмброуза в Бостон, хотя бы на эту зиму. Увидев за окном падающие хлопья снега, я понял, что этот разговор нельзя откладывать надолго; впрочем, сначала мне нужно было убедиться, что кузен временно и не станет проявлять агрессивность.

Было очень тихо; за окном едва слышно шуршал снег, и вскоре я уснул. Среди ночи меня разбудил какой-то звук, который я принял за звук хлопнувшей двери. Я сел на постели и прислушался, но ничего не услышал; опасаясь, что мой кузен вновь начал ходить во сне, я встал, вышел из своей спальни и подошел к его комнате. Толкнув дверь, я убедился, что она не заперта; я тихо вошел в комнату кузена; впрочем, я мог не опасаться разбудить Эмброуза — его там не было. Моим первым желанием было броситься за ним, однако, немного подумав, я отказался от этого,

поскольку на снегу остались бы мои следы; будет лучше, если утром я просто сам пройду по его следам, благо снегопад уже прекратился. Я зажег спичку и взглянул на часы: было два часа ночи.

Я уже собрался вернуться в свою комнату, как внезапно услышал новый звук — это была музыка! Прислушавшись, я уловил что-то вроде звучания флейты; музыка играла тихо, ее сопровождало какое-то то ли гудение, то ли равномерное постукивание; вскоре я различил человеческий голос. Мне показалось, что звуки доносятся с запада, поэтому я открыл окно, чтобы в этом убедиться; затем снова его закрыл. Теперь я был просто обязан разыскать своего кузена и выяснить, что он делает, во сне или наяву, но меня остановила осторожность — и мысли о том, что случилось с теми, кто занимался подглядыванием в ночном лесу.

Я вернулся в свою комнату и лег в постель, решив дожидаться возвращения Эмброуза; я очень за него боялся. Он вернулся примерно через два часа; я услышал, как негромко хлопнула дверь, затем с лестницы донеслись громкие шаги. Он ушел в свою комнату и закрыл за собой дверь; в доме наступила тишина. Затем в лесу послышалось уханье совы, которое внезапно оборвалось, и дом вновь погрузился в тишину.

Утром, когда Эмброуз еще спал, я вышел на улицу через парадную дверь — тогда как кузен выходил ночью через черный ход — и намеренно сделал большой крюк, чтобы не сразу идти по его следам, которые я нашел далеко в лесу; как я и думал, они вели в сторону башни на маленьком острове. Снега выпало примерно на дюйм; этого было достаточно, чтобы цепочка следов была отлично видна — на что я и рассчитывал. Как я уже говорил, следы вели к башне, а поскольку Эмброуз проделал в крыше дыру, туда нападал снег, поэтому я смог увидеть, что кузен поднимался вверх по ступенькам, ведущим под самую крышу. Без малейшего колебания я последовал за ним и вскоре очутился на площадке, где ночью стоял Эмброуз и откуда открывался вид на наш дом, который четко вырисовывался на фоне восходящего солнца. Я опустил глаза, чтобы выяснить, чем кузен занимался возле башни, и вдруг увидел на снегу какие-то странные следы. Я смотрел на них несколько секунд, не в силах понять, что это такое, но сердце у меня сжалось от дурных предчувств-

вий. Быстро спустившись по лестнице, я вышел из башни и подошел к следам.

Они были трех видов, эти отчетливые отпечатки на снегу, и все они были по-своему ужасны. След первого типа, самый большой, примерно двенадцать на двадцать пять футов, был похож на отпечаток сидевшего здесь животного слоновьих размеров; поскольку всю ночь было довольно холодно, вмятина не подтаяла, и я смог рассмотреть ее самым тщательным образом; без сомнения, след был оставлен существом с ровной и голой кожей. Следы второго типа принадлежали когтистым лапам примерно трех футов в длину; создавалось впечатление, что на этих лапах имелись перепонки. Третий тип представлял собой отпечатки когтистых лап с характерными полосами по бокам, словно зверь волочил по снегу огромные крылья или что-то вроде того. Оцепенев от ужаса, я смотрел на следы, предчувствуя приближение новых страшных событий; постояв там еще немного и будучи не в силах больше смотреть на жуткие отпечатки, я направился домой, стараясь не приближаться к следам кузена. Сделав крюк, я наконец вышел к усадьбе и поспешно вбежал в дом, пока кузен не заметил моего отсутствия.

Как я и предполагал, Эмброуз уже встал. Он пришел в себя, но был мрачен и раздражителен: почему-то он чувствует себя очень усталым, хотя крепко проспал всю ночь; что-то его гнетет, и ему это очень не нравится. Далее он сказал, что, обнаружив мое отсутствие, пошел меня искать и увидел, что ночью к нашему дому кто-то подходил: возле задней двери на снегу остались следы. Я, конечно, понял, что это были за следы — его собственные; понял я и то, что, всю ночь разгуливая по лесу и дойдя до башни, он ни разу не проснулся.

Тогда я сказал кузену, что ночью выходил прогуляться. Я привык к этому в городе и не хочу менять свою привычку.

— Не знаю, что со мной происходит, — пожаловался кузен. — Совершенно не хочется готовить завтрак.

— Я сам приготовлю, — сказал я и немедленно взялся за дело.

Эмброуз не возражал; усевшись в кресло, он потер лоб.

— У меня такое чувство, словно я о чем-то забыл. Мы что-то собирались сегодня делать?

— Нет. Ты просто устал, вот и все.

Сейчас было самое время предложить ему съездить в Бостон, к тому же мне самому отчаянно хотелось поскорее выбраться из этого пропитанного злом, опасного места.

— А ты не думал о том, чтобы сменить обстановку, Эмброуз?

— Я же только-только освоился на новом месте, — ответил он.

— Нет, я имею в виду временно. Почему бы тебе не провести зиму в Бостоне? А весной, если хочешь, мы вернемся в усадьбу. Можешь поработать в библиотеке Уайденера; там читают лекции и устраивают концерты, и, что важнее всего, — вокруг тебя будет много людей, это сейчас самое главное. Любому человеку необходимо общение.

Эмброуз находился в нерешительности, однако возражать не стал, а я сразу понял, что еще немного — и он согласится, теперь это дело времени. Я ликовал, но старался это скрыть, чтобы не спугнуть кузена; я боялся, что, когда на него вновь накатит мрачное настроение, он откажется от поездки. Все утро я старался не оставлять его одного, не забывая то и дело словно невзначай напоминать, что неплохо бы взять с собой кое-какие книги из кабинета, чтобы изучать их зимой. Наконец после ланча Эмброуз заявил, что согласен провести зиму в Бостоне, а согласившись, сам начал торопить наш отъезд, словно в нем неожиданно проснулось чувство самосохранения. Таким образом, к вечеру мы уже находились на пути в Бостон.

Мы вернулись в усадьбу в конце марта. Эмброуз был бодр и весел, меня же снедали дурные предчувствия. Нужно сказать, что первые ночи в городе кузен провел беспокойно, словно чувствовал себя потерянным, и даже порывался бродить во сне, но затем постепенно успокоился, вновь стал самим собой и за всю зиму ни разу не дал мне повода усомниться в своем полном выздоровлении. Более того, Эмброуз с головой ушел в светскую жизнь, сделавшись даже популярным, и это я, а не он целыми днями корпел над старинными книгами Элайджи Биллингтона, ибо по натуре я человек далеко не светский. Всю зиму я прилежно занимался этими книгами и нашел много новых, ранее не

замеченных мною отрывков, много новых имен, которые могли бы послужить ключом к тайне, и много противоречий — и все же ни на йоту не приблизился к решению проблемы, не пришел ни к одному убеждению и даже не выработал единой платформы, на которой можно было бы строить предположения относительно источника этих чудовищных аллюзий и намеков.

С приближением весны кузен начал проявлять все большее беспокойство и все чаще высказывал желание вернуться в усадьбу в Биллингтонском лесу, которая, по его словам, была «как-никак моим домом». Интересно заметить, что всю зиму он не высказывал ни малейшего интереса к древним рукописям, хотя я неоднократно пытался завести о них разговор. Зимой произошло только два эпизода, заставивших Эмброуза вспомнить о событиях, связанных с Биллингтонским лесом: по сообщениям бостонских газет, в районе Данвича в разное время были обнаружены два трупа, один — между Рождеством и Новым годом, второй — в первых числах февраля. Как и в предыдущих случаях, тела не подверглись разложению, словно люди погибли совсем недавно; убитые были сброшены с высоты и изуродованы до неузнаваемости; в обоих случаях между исчезновением человека и обнаружением его трупа прошло несколько месяцев. Газеты сообщали, что выкупа за людей не требовали и что ни у одного из убитых не было причины покидать свой дом. Тела были обнаружены в разных местах: одно — на острове посреди Мискатоника, второе — в устье этой реки. Несмотря на поднятую шумиху, не нашлось никого, кто смог бы объяснить произошедшее. Зато я с ужасом заметил, в какое возбуждение пришел мой кузен, узнав о происшествии; он читал все газеты подряд, перечитывая их вновь и вновь, всем своим видом показывая, что он-то должен знать, что случилось на самом деле, вот только никак не может вспомнить.

Сначала я просто наблюдал за ним, не понимая причины столь странного поведения. Но когда кузен с приходом весны начал все чаще заговаривать о возвращении домой, я заподозрил неладное. Не вдаваясь в подробности, скажу только, что мои опасения вскоре оправдались, ибо сразу по приезду в усадьбу Эмброуз повел себя так же, как и прежде, до нашего отъезда в Бостон.

В усадьбу мы приехали в конце марта, вечером, на закате. Стоял мягкий, теплый вечер, воздух источал ароматы растений, свежих листьев, цветов; с востока приятно тянуло легким запахом дымка. Едва мы закончили распаковывать вещи, как Эмброуз в сильнейшем возбуждении выскочил из своей комнаты. Не схвати я его за руку, он пробежал бы мимо меня.

— В чем дело, Эмброуз? — спросил я.

Бросив на меня быстрый и враждебный взгляд, он тем не менее спокойно ответил:

— Лягушки — ты слышишь? Слушай, как они поют! — Он отдернул руку. — Я хочу их послушать. Они приветствуют меня, радуясь, что я вернулся.

Когда мы подъезжали к усадьбе, я, кажется, слышал что-то вроде кваканья лягушек, но не придавал этому значения, однако неожиданная реакция Эмброуза заставила меня насторожиться. Справедливо рассудив, что в моем обществе кузен не нуждается, я не пошел за ним; вместо этого я проследовал в его комнату и сел у открытого окна, вспомнив, что именно отсюда сто лет назад мальчик Лабан наблюдал за своим отцом и индейцем Квамисом. Лягушки уже вопили так, что в ушах звенело; их кваканье, отдаваясь от стен комнаты, разносилось по всему лесу, включая и болотистый луг, расположенный между домом и башней. Но когда я вслушался в эту жуткую какофонию, я услышал нечто такое, что показалось мне еще более странным.

Из всех лягушек в зонах умеренного климата только квакши — обыкновенная, сверчковая, древесница и лесная — могут вступать в брачный период до начала апреля, и лишь в тех случаях, когда раньше срока устанавливается очень теплая погода; должен сказать, что, когда мы с кузеном вернулись в усадьбу, было еще отнюдь не жарко. Тем не менее среди дикого нагромождения самых разнообразных звуков, доносившихся с болота, я легко различал голоса не только квакш, но и жаб, травяных лягушек, прудовых лягушек, тигровых и леопардовых лягушек и даже лягушек-быков, чей брачный период обычно начинается позднее всех! Сначала меня это очень удивило; затем я подумал, что из-за общего шума у меня начались слуховые галлюцинации, поскольку раньше я довольно часто принимал пронзительные брачные призывы квакш за крики козодоев; однако вскоре я об-

наружил, что не ошибся, ибо среди общего шума и гама совершенно ясно различал голоса отдельных лягушек и характерные ноты их трелей!

Ошибки быть не могло; я встревожился не столько потому, что это противоречило законам природы, сколько из-за того, что в древних рукописях говорилось о странном поведении лягушек в присутствии неких «существ» либо их последователей, почитателей и слуг; амфибии начинали вести себя так, словно загодя знали об их приближении. Один из авторов, названный просто «безумным арабом», считал, что амфибии состоят в дальнем родстве с древней сектой под названием «глубоководные», которые поклонялись какой-то «Морской Твари». Автор намекал, что земные амфибии становятся ненормально активными и шумными в присутствии своих древних предков, независимо от того, «видимы они или нет, для них это не имеет значения, ибо они чувствуют их приближение и подают голоса».

Голоса лягушек я слушал со смешанным чувством; всю зиму мой кузен вел себя как совершенно нормальный человек, но теперь стоило ему вернуться домой, как он мгновенно преобразился, причем разительнее, чем раньше, не проявляя при этом ни признаков внутренней борьбы, ни тревоги. И в самом деле, казалось, Эмброуз получал огромное удовольствие, слушая лягушек, а я в свою очередь вспомнил слова из «инструкций» Элайджи Биллингтона, прозвучавшие в моей голове, как тревожные удары колокола: «Не тревожить лягушек, особенно лягушек-быков, обитающих на болоте между домом и башней, не трогать ни светлячков, ни птиц козодоев, дабы не сломать его замки и не потревожить его стражей». Странная просьба: если предположить, что лягушки, светлячки и козодои — это «его», то есть Эмброуза, «замки и стражи», то что тогда означает этот дикий шум? Значит ли это, что Эмброуза предупреждают о приближении «чего-то» невидимого или же сообщают ему, что появился незванный гость? А кто этот незванный гость, как не я?

Отойдя от окна, я решительными шагами вышел из комнаты, спустился по лестнице, вышел из дома и приблизился к моему кузену, который стоял, скрестив руки на груди, слегка откинув голову и вздернув подбородок; его глаза странно поблескивали. Я намеревался рассеять это блаженное состояние, но,

увидев лицо кузена, сразу потерял былую решимость. Немного постояв рядом с ним, я наконец спросил, нравится ли ему лягушачий концерт.

Не поворачивая головы, он загадочно ответил:

— Скоро запоют козодой и засветятся светлячки — тогда и придет время.

— Для чего?

Он не ответил, и я повернулся, чтобы уйти, как вдруг заметил, как в сгущающихся сумерках возле той стороны дома, куда вела подъездная дорога, мелькнула чья-то тень. Я бросился туда; я всегда отлично бегал, еще со школьных времен, поэтому, забежав за дом, успел заметить фигуру в лохмотьях, улепетывающую в сторону ближайших кустов. Я поднажал и вскоре крепко схватил незнакомца за руку. Это был молодой человек лет двадцати или около того, отчаянно пытавшийся освободиться.

— Пустите! — чуть не плача, выкрикивал он. — Я ничего не сделал!

— Что вам здесь нужно? — сурово спросил я.

— Я просто хотел увидеть, вернулся он или нет, и увидел. Они сказали, что он вернулся.

— Кто сказал?

— Вы что, не слышите? Лягушки, вот кто!

От изумления я сжал руку еще крепче, и молодой человек вскрикнул от боли. Ослабив хватку, я обещал отпустить его, если он назовет свое имя.

— Только Ему не говорите, — захныкал он.

— Не скажу.

— Я Лем Уэйтли, вот я кто.

Я разжал руку, и парень бросился наутек, явно считая, что я вновь брошусь за ним в погоню. Но, заметив, что я остался на месте, он остановился и быстро пошел назад, не издавая ни звука. Подойдя ко мне, он схватил меня за рукав и горячо зашептал:

— Вы не такой, как они, нет, не такой. Вы лучше уезжайте отсюда, пока чего не вышло.

После этого он повернулся и вновь побежал прочь, в сторону темного леса. Лягушки за моей спиной уже заходились от крика; к счастью, окно моей спальни выходило на противоположную сторону; впрочем, даже оттуда лягушачий хор наверняка будет

слышен. Однако вместе с воплями лягушек в голове звучали слова Лема Уэйтли, от которых душа наполнялась иррациональным ужасом, какой испытывает любой человек, встретившись с пугающе непонятным явлением и испытывая сильное желание просто сбежать. Через несколько минут мне все же удалось справиться со своим страхом и подавить в себе стремление бежать из усадьбы вслед за Лемом. Я повернулся и пошел к дому, по дороге думая о жителях Данвича — ибо, судя по этому пареньку, ключ к разгадке следует искать среди этих людей; и если мне удастся заполучить машину Эмброуза, я расширю зону поиска.

Эмброуз стоял там, где я его оставил; казалось, он даже не заметил моего отсутствия. Не сказав ему ни слова, я направился к дому; вскоре кузен меня догнал.

— Ты не находишь, что лягушки в этом году начали петь слишком рано? — спросил я.

— Не здесь, — коротко бросил он, словно давая понять, что разговор окончен.

Я замолчал, ибо видел, как прямо на моих глазах меняется поведение кузена, становясь все более враждебным. Если бы я настаивал на продолжении разговора, то вызвал бы его раздражение, в результате чего кузен мог бы вообще указать мне на дверь, а мне этого не хотелось — хотя я с радостью покинул бы это зловещее место, долг обязывал меня довести задуманное до конца.

Вечер прошел в напряженном молчании; при первой же возможности я ушел в свою комнату. Интуиция подсказывала, что не стоит пока ходить в кабинет; поэтому, взяв вчерашнюю газету, купленную в Аркхеме, я устроился поудобнее и принялся читать. Как выяснилось, я принял не лучшее решение, поскольку на первой же странице, где печатались отклики читателей на редакторскую статью, я увидел письмо некоего господина, пожелавшего остаться неизвестным, который рассказывал об одной пожилой даме из Данвича, несколько раз за ночь просыпавшейся от криков со стороны фермы Джейсона Осборна. Как известно, Осборн был одним из пропавших; его тело было найдено зимой. Фермер исчез незадолго до моего приезда к Эмброузу; вскрытие показало, что тело подвергалось сильному перепаду температур, но не это было самым странным; выяснилось, что человек погиб

в результате рваных ран на теле, словно кто-то терзал его плоть. Автор письма, выразившийся не слишком литературно, уверял, что даму «никто не стал слушать», потому что «никто ей не поверил», и продолжал описывать, как она подошла к окну и стала всматриваться в ночную тьму, чтобы выяснить, что происходит у соседа, а потом решила, что крики доносятся «откуда-то со стороны, а может, вообще с неба».

Потрясающий рассказ, и вот почему. Во-первых, как сообщалось ранее, тело Осборна, равно как тела других погибших, носило следы ударов, словно «было сброшено с высоты»; во-вторых, опять Данвич; и наконец, мы получаем косвенное подтверждение единой структуры всей головоломки — от «инструкций» Элайджи Биллингтона и упоминаний некоей «твари, спустившейся с небес», до недавних событий в нашей усадьбе. Помимо того что это письмо давало мне возможность увидеть свет в конце туннеля, состоявшего из одних загадок, я внезапно почувствовал и другое — приближение угрозы, словно дом наблюдал за мной, выжидая удобного момента, чтобы нанести удар. Более того, все это некоторым образом повлияло на мое сознание: я больше не мог спать и просто лежал на кровати, слушая, как поют лягушки, как беспокойно ворочается во сне кузен, и еще что-то, какой-то глухой стук... что это? Словно где-то под землей, громко топая, бродит гигантское существо, и звук его шагов эхом отдается в небесах.

Лягушки заходились всю ночь; шум начал затихать только к утру, и даже тогда некоторые из них еще продолжали призывно квакать. Когда же я встал и оделся, то чувствовал себя усталым; и все же я ни на йоту не желал отступать от намеченного плана — съездить в Данвич.

Итак, сразу после завтрака я попросил кузена одолжить мне свою машину, уверяя, что мне совершенно необходимо съездить в Аркхем. Он с готовностью согласился; мне показалось, что он искренне обрадовался и даже стал почти любезен. Кузен не стал возражать и тогда, когда я поспешил добавить, что, возможно, задержусь на целый день. Эмброуз самолично проводил меня до машины, сказав, что я могу оставаться в Аркхеме столько, сколько пожелаю, и что его машина в моем полном распоряжении.

Несмотря на внезапность принятого решения, я уже четко определил свою первоначальную цель — это была миссис Бишоп, о которой мне поведал Эмброуз; я помнил ее слова: «Ньярлат-хотеп» и «Йог-Сотот». Из бумаг Эмброуза, которые он позволил мне просмотреть, я знал дорогу к ее жилищу, которое сумел бы найти и без посторонней помощи. По словам кузена, эта женщина не только суеверна, но еще и хитра, но я был уверен, что найду способ повернуть нашу беседу так, что она сама выложит мне все, что знает.

Как я и предполагал, дорогу к миссис Бишоп я нашел легко. Низенький домик с грязно-белыми стенами; кривая калитка, на ней корявая надпись: «Бишоп». Решительно взойдя на крыльцо, я постучал.

— Войдите! — хрипло каркнули из-за двери.

Я вошел и, как и мой кузен, оказался в полутемной комнате. Старуха сидела в углу, держа на коленях огромного черного кота.

— Садись, незнакомец.

Я сел и, не называя себя, спросил:

— Миссис Бишоп, вы слышали, как поют лягушки в Биллингтонском лесу?

— Да, — хихикнув, ответила она. — Я слышала, как они кричат; я знаю, кого они зовут — Тех, Кто за Пределом.

— Вы знаете, о чем говорите, миссис Бишоп?

— Конечно знаю, и звуки эти знаю. Они зовут Хозяина. Я знала, что он вернется, когда в усадьбе поселился жилец. Хозяин ждет, давно ждет. Теперь он вернулся, и Они вернутся, и будут рвать и кромсать, и бог знает что еще. Я старая женщина, незнакомец, мне недолго осталось, но я не хочу умирать, как те. Кто ты, незнакомец? Почему задаешь эти вопросы? Ты один из Них?

— Я что, на кого-то похож? — вопросом на вопрос ответил я.

— Нет. Но Они могут принимать любую форму. — Ее насмешливый голос внезапно ослабел. — Пришло время появиться Хозяину — а ты пришел от него!

— Может, и от него, но я ему не служу, — быстро ответил я. Она задумалась.

— Я ничего не сделала. Я не писала того письма. Это Лем Уэйтли написал, с ним и говори.

— Когда вы слышали голос Джейсона Осборна?

— Через десять ночей, как он исчез, а потом еще через двенадцать ночей, и еще за четыре ночи перед тем, как его нашли — так же, как и остальных; Они за всеми придут. Я его ясно слышала, вот как тебя, незнакомец, а я его голос хорошо знаю, я с Осборном всю жизнь бок о бок прожила.

— Что вы слышали?

— Сначала он вроде как пел — я таких слов отродясь не слышала. Потом вроде молился. Он говорил на Их языке — этот язык не для смертных.

— Где же он был в это время?

— За Пределом. Он был за Пределом вместе с Ними; Они ждали, когда его можно будет сожрать.

— Но он не был съеден, миссис Бишоп. Его тело нашли.

— Ага, как же, — снова хихикнула она. — Им не всегда нужна плоть; иногда Им нужна душа, или что там у человека, когда он живет и живет, несмотря ни на что.

— Жизненная сила.

— Называй как хочешь, незнакомец. Вот что им надо, этим дьяволам! Его нашли, Осборна то есть, говорили, он был в клочья изорван, и он был мертв. Они долго таскали его с собой, пока не насытились.

— Куда они его таскали, миссис Бишоп?

— Кто его знает, незнакомец. Они все время здесь, вокруг нас, просто мы Их не видим. Они все слышат и ждут у Порога, ждут, когда Хозяин Их позовет, как звал Их раньше. Да, он вернулся, вернулся через двести лет, мой дед так и говорил, что он вернется, а потом выпустит Их, и Они будут летать, и кружить, и плавать рядом с нами, и будут ждать своего часа, чтобы приняться за старое. Они знают, где находятся Врата, знают голос Хозяина, но даже он должен Их бояться, если не знает знаков и заклятий, открывающих замки. Только он все знает, наш Хозяин, все. Он сумел отправить Их назад, потому что знал Слово.

— Вы говорите об Элайдже?

— Элайджа? — Она рассмеялась. — Элайджа знал больше, чем любой смертный; он знал такое, чего никто не знал. Он мог

вызвать Его и разговаривать с Ним, и Он не трогал Элайджу. Элайджа запер Его и уехал; и Хозяина тоже запер, за Пределом, и теперь Он ждет, когда Хозяин вернет Его назад. Никто про это не знает, а Мисквамакус знал. Хозяин ходил по земле, а его никто не видел, потому что у него было много лиц. Да! У него было лицо Уэйтли и Дотена, у него было лицо Джайлза и Кори, он сидел себе среди этих Уэйтли, Кори и Дотенов, а они ни о чем и не подозревали, а он и ел вместе с ними, и спал, и говорил с ними; он был велик, наш Хозяин, и вытягивал из них силу, и они слабели и умирали, не в силах его выдержать. И только Элайджа перехитрил Хозяина, да, перехитрил, через сто лет, как Хозяин умер. Я все знаю, незнакомец, все. Я Им не нужна, но я слышу, как Они разговаривают, я слышу Их слова, хотя я их не понимаю, я знаю, что Они говорят, я в рубашке родилась, я слышу Их даже там, За Пределом.

Я постепенно начинал понимать своего кузена. Старуха наверняка владела какими-то тайными сведениями, потому и держалась с чувством превосходства, которое заметил и Эмброуз; я был убежден, что ей известно многое, а у меня по-прежнему не было ключа к разгадке тайны.

— Они ждут, когда можно будет вернуться на землю — это не здесь, Они ждут не здесь, Они под землей, и под водой, и за Пределом, и Хозяин им поможет.

— Вы видели этого Хозяина? — не удержавшись, спросил я.

— Никогда. Но я видела форму, которую он принимал. Наши не знают, что он вернулся. Мы знали его знак. Они пришли и забрали Джейсона Осборна, верно? И Лью Уотербери, верно? Они снова придут! — мрачно добавила она.

— Миссис Бишоп, кто такой Джонатан Бишоп?

Она захихикала скрипучим голосом, похожим на стрекотание летучей мыши.

— Ничего себе! Да мой дедушка, кто же еще. Разгадал кое-какие секреты, ну и подумал, что все может; пришел на место и начал Их звать, а потом напустил Их на тех, кто за ним подглядывал, да только силы у него не хватило, он ведь был не такой, как Хозяин, вот Они и вырвались. А Хозяин и пальцем не пошевелил, чтобы ему помочь; так и сказал: ты, говорит, слабый, и нечего тебе умолять камни, взывать к холмам, выпускать дья-

вольских тварей и сеять ненависть в Данвиче; так оно и вышло — кого ненавидят? Не Кори и не Тиндалов, а Бишопов.

Все, что говорила старуха, было ужасно; теперь мне стало понятно, что хотел сказать Джонатан Бишоп в своих письмах к Элайдже Биллингтону; подтверждение этому можно было найти и в архивных документах Аркхема. Итак, факты говорили сами за себя: газеты сообщали об исчезновении и последующем обнаружении Уилбура Кори и Джедедии Тиндала; Джонатан Бишоп не упоминался ни разу. Однако письма Бишопа, о которых, возможно, знал только Элайджа, указывали на его прямое отношение к исчезновению людей; теперь же передо мной сидит старая женщина и прямо заявляет, что Кори и Тиндалы ненавидели Бишопов — именно потому, что они догадались о причастности Джонатана Бишопа к гибели своих родичей! Жаль, что я не обладал ключевыми сведениями, тогда бы я вытянул из старухи куда больше информации. И все же дело было не только в информации; за ее словами скрывалось что-то воистину жуткое — оно чувствовалось в ее насмешливом хохоте, пряталось в углах комнаты; где-то совсем рядом притаилась древняя, первобытная тайна, грозившая проникнуть в наш мир и даже в его будущее; своего часа дожидалось древнее зло, что вечно прячется в тени, выбирая момент, когда можно будет вырваться на свободу, чтобы погубить саму жизнь.

— Вы помните своего дедушку?

— Нет. Но я знаю, что о нем говорили. Это был большой умник, вот как про него говорили, да только не хватило у него ума понять, где опасность. Он встал в каменном круге и начал призывать Его, но вместе с Ним пришло Нечто и схватило деда, а Хозяин отправил Его назад, и с Ним всех остальных — назад, за Предел, через круг. — Она хихикнула. — Ты знаешь, что находится по ту сторону холмов, незнакомец?

Я уже открыл рот, чтобы назвать одно из имен, которые вычитал из бумаг Эмброуза, но миссис Бишоп испуганным жестом заставила меня замолчать.

— Не произноси их имена, незнакомец. Если Они тебя услышат, то подойдут к тебе и будут ходить за тобой — если только ты не найдешь Знак.

— Какой Знак?

— Знак защиты.

Тут я вспомнил Эмброуза, который рассказывал мне о своей встрече с двумя нищими стариками из Данвича, которые спрашивали, есть ли у него «знак». Очевидно, речь шла именно о том самом знаке. Я спросил о тех стариках.

— Нет, они говорили о другом знаке. Они дураки; не знают ничего, не знают, что будет; думают, станут богатыми и сильными, да только Знак — это вовсе не то, что они думают. Те, Кто за Пределом, не дают людям богатства; они хотят одного — вернуться; вернуться и поработить нас, смешаться с нами и убивать, когда Они будут готовы, а потом использовать Их — тех, кто имеет Их Знак; ну, может, тех не тронут, кто будет сильным, как Хозяин. Ты — один из них, я знаю. Никто этого не знает, а я знаю. Я слышала, как вопил Осборн, когда они его забрали, а потом Салли Сойер, которая убирает в доме у своего кузена Сета, тоже слышала, как Тварь крушила доски в сарае, где прятался Осборн, а потом пришел Он. То же было и с Лью Уотербери. Миссис Фрай говорит, что видела следы — огромные, как у слона, нет, в два-три раза больше; у него было четыре ноги. А еще она видела следы крыльев, а все над ней только смеялись и говорили, что все это ей приснилось, а она тогда всех повела смотреть на следы, а их уже и не было, словно кто-то их стер.

От этого рассказа волосы становились дыбом. Женщина говорила так, словно меня здесь не было; видимо, собственные воспоминания, соединившись с рассказами очевидцев, заставили ее размышлять вслух о таинственных и ужасных событиях, произошедших в ее селении.

— Так вот, самое плохое — что Их никто не видит; Их можно только одним способом распознать — по запаху, воняет от Них, как из преисподней!

Слушая слова женщины, я уже не вникал в их смысл. Постепенно обрывочные фразы начали складываться в единую картину, картину до того страшную, что мне не хотелось в это верить. Миссис Бишоп все время поминала некоего Хозяина; из ее рассказа получалось, что ему более двухсот лет; маловероятно, чтобы речь шла об Элайдже Биллингтоне. Кто же, в таком случае? Неужели Ричард Биллингтон — или та таинственная личность,

которую преподобный Уорд Филлипс называл «некий Ричард то ли Беллингэм, то ли Боллинхен»?

— Как еще звали Хозяина? — спросил я.

Старуха съежилась, на ее лице мелькнуло хитрое выражение — она явно мне не доверяла.

— Я не знаю Его имени, незнакомец. Если хочешь, зови его Элайджей, или Ричардом, или еще как-нибудь. Хозяин пожил здесь немного, а потом переселился Туда, за Предел. Потом вернулся и снова ушел. А теперь Он снова здесь. Я старая женщина, незнакомец, я всю свою жизнь слышала о Хозяине и всю жизнь Его ждала, все думала, когда Он вернется? Ведь говорили, что Он непременно вернется. У Него нет имени, и места нет, Он приходит и уходит, когда захочет.

— Должно быть, он очень стар.

— Стар? — Она рассмеялась, вцепившись крючковатыми пальцами в ручки своего кресла-качалки. — Он старше меня, старше этого дома, старше тебя — он старше нас всех, вместе взятых. Год для него — это один миг, десять лет — минута.

Опять загадки, которых я не понимал. Одно ясно — след Элайджи Биллингтона и его таинственных дел тянулся далеко в прошлое, возможно, в те времена, когда не было даже Ричарда Биллингтона. Чем же он занимался? И почему так внезапно покинул родные берега и уехал в Англию, на землю своих предков? Вывод о том, что, избавившись от индейца Квамиса, Элайджа спасал себя от дальнейших подозрений в колдовстве и всяких темных делах, творившихся возле его усадьбы, уже не казался таким очевидным. Что же в таком случае вынудило его сбежать? Судя по документам, местные власти не собирались его преследовать; никто напрямую не обвинял его в странном исчезновении людей и еще более странном появлении их тел впоследствии.

Старая женщина замолчала. Где-то в углу тикали часы. Кот встал, потягиваясь, выгнул спину и мягко спрыгнул на пол.

— Кто прислал тебя ко мне, незнакомец? — внезапно спросила миссис Бишоп.

— Никто. Я сам пришел.

— Ты пришел не просто так. Ты из людей шерифа?

Я ответил, что нет.

— И у тебя нет Знака Старших Богов?

Я снова ответил отрицательно.

— Смотри, куда идешь, смотри, что говоришь, иначе Те, Кто за Пределом, услышат тебя и увидят. Или тебя заметит сам Хозяин, а он не любит, когда люди задают вопросы и лезут не в свое дело, а когда Хозяину что-то не нравится, он вызывает Его с Небес или с Холмов, где Он лежит.

Должен заметить, что за все время нашей беседы я ни разу не усомнился в искренности миссис Бишоп. Она сама свято верила в то, что говорила; возможно, она не придавала большого значения смыслу своих слов, но было видно, что она и в самом деле верит в некую таинственную силу, которая проявляет себя по-разному и представляет угрозу для человечества. Я ни разу не поставил под сомнения ее слова. Иногда она говорила с религиозным благоговением, и вскоре я с удивлением узнал, что она кальвинистка, хотя и не часто посещает церковь, и что твердо верит в Бога — странная вера, не идущая ни в какое сравнение со страхом этой женщины перед неведомыми внеземными тварями, которых так живо и красочно рисовало ее воображение.

Дом миссис Бишоп я покидал, будучи полностью уверенным, что мы с Эмброузом барахтаемся в темной воде безбрежного океана и ни ему, ни мне так и не суждено добраться до берега. Дело усложняла еще и легкая шизофрения, поразившая моего кузена; в общем, приходилось признать, что я буду вынужден обратиться за помощью к кому-то еще или же, смирившись с поражением, откажусь от дальнейшего расследования и тем самым, с помощью бог знает каких сил — ибо я находился в таком состоянии, что и сам начинал верить в существование неких злобных тварей, засевших на холмах, — обреку человечество на верную гибель.

По дороге домой мои мысли блуждали в бесконечных лабиринтах и переходах, каждый из которых заканчивался тупиком. Я подъехал к дому в весьма мрачном настроении; кузен работал в кабинете. Явно не ожидая столь раннего моего возвращения, он поспешно спрятал свои бумаги; я только успел заметить, что это были какие-то схемы и диаграммы. Увидев, как настороженно держится мой кузен, насторожился и я и постарался избежать

вопросов по поводу моей поездки, что явно вызвало у него раздражение, которое, впрочем, он не высказывал вслух. Я видел, как угнетает его мое присутствие; впрочем, я также не стремился составить ему компанию. К счастью, быстро наступил вечер; после ужина я при первой же возможности поднялся в свою комнату, сославшись на головную боль, что было недалеко от истины, поскольку все эти безумные головоломки, которые я, рискуя собственным рассудком, пытался решить, приводили только к одному — физической головной боли.

Теперь же я хочу заявить следующее ввиду событий, произошедших той ночью: я твердо уверен, что был абсолютно здоров и не находился под чьим-либо влиянием. Да, мои мысли находились в некотором беспорядке, однако я был в здравом уме и не бредил. Можно даже сказать, что в ту ночь я был особенно внимателен — возможно, интуиция подсказала мне, что я стану свидетелем совершенно невероятных событий.

Тот вечер, как и все предыдущие, начался с дьявольского концерта лягушек, до одури вопивших на болоте в лесу; солнце еще не успело уйти за горизонт, и я еще не успел уйти в свою спальню, а с болота уже доносился адский хор лягушек. Надо сказать, что начался он вовсе не так, как описывают натуралисты: сначала один осторожный призыв, затем второй, нет — едва только солнце скрылось на западе, как, словно повинуясь некоему знаку, вся лягушачья братия, как один, принялась вопить на разные голоса. Поскольку кузен не проявлял ни малейшего беспокойства по поводу этих криков, я также молчал, не зная, как он отреагирует на мои замечания. Но, даже скрывшись в своей спальне, я продолжал слышать адские вопли, хотя и несколько приглушенные стенами.

Тогда я решил терпеть до конца, не давая воли своему воображению. Посему, раскрыв книгу, которую припас для подобного случая, — «Ветер в ивах» Кеннета Грэма, — я погрузился в мир приключений ее милых персонажей — Крота, Жабы и Крысы, как обычно, приготовившись наслаждаться чтением; и через сравнительно короткое время — учитывая столь гнетущее место и все события последних месяцев — мне удалось-таки мысленно перенестись в милую старую Англию, где течет вечная Река, на берегу которой проживают незабываемые персонажи

Грэма. Я читал долго; со стороны леса раздавались оглушительные крики лягушек, но я их не слышал, полностью погрузившись в книгу. Когда я кончил читать, было около полуночи; месяц переместился с восточной стороны неба на западную. У меня устали глаза, и я погасил лампу. Однако в целом я не чувствовал усталости; я был расслаблен, хотя меня продолжали волновать воспоминания о недавней поездке к миссис Бишоп. Так я просидел некоторое время, снова и снова обдумывая невероятную загадку, завещанную нам Биллингтоном.

Итак, я ломал себе голову, пытаюсь найти хоть какой-то разумный выход из создавшегося положения, и внезапно услышал, как Эмброуз открыл дверь своей комнаты и вышел в коридор. Я мгновенно понял, куда он направляется — в каменную башню; сперва я хотел было его остановить, но не сделал этого. Я слышал, как он спустился по лестнице; затем после паузы хлопнула входная дверь. Я бросился в его комнату и выглянул в окно, откуда открывался вид на широкую лужайку, по которой должен был пройти Эмброуз, двигаясь к лесу. Вскоре он появился, и мне вновь захотелось его остановить. Меня удержал не только рассудок; я испытывал что-то похожее на страх, ибо теперь я не был уверен, что мой кузен расхаживает во сне, как раньше; вполне возможно, теперь он вовсе не спал, а если так, то мог оказать мне решительное сопротивление.

Постояв некоторое время у окна, я решил проверить, действительно ли кузен направляется в башню. Сделать это было очень просто: пройти в кабинет, забраться на книжный шкаф и заглянуть в мозаичное окно, в его центральный круг из простого стекла; при свете луны можно было бы легко разглядеть, маячит ли в отверстии, которое проделал в крыше Эмброуз, человеческая фигура. Пока я раздумывал, Эмброуз уже наверняка достиг цели, к которой направлялся, — если его целью была башня. Не теряя более ни минуты, я быстро спустился по темной лестнице и побежал в кабинет. При виде мозаичного окна я ахнул от неожиданности: лунный свет, играя в цветных кусочках стекла, создавал совершенно невероятный эффект живого движения, и этот живой свет заливал всю комнату.

Забравшись на книжный шкаф, я заглянул в центральную вставку. Я уже описывал иллюзию, увиденную мною совсем не-

давно; на этот раз картина не казалась иллюзией, а создавала ощущение некоего преувеличения, ибо сцена, открывшаяся перед моими глазами, представляла собой знакомый мне пейзаж, но залитый светом более ослепительным, чем свет луны, хотя и того же оттенка, — словно все виделось сквозь призму с белым вином, слегка изменившим очертания и цвет предметов, так что они выглядели чуждыми и необычными. В центре пейзажа высилась башня — только на этот раз она казалась гораздо ближе, чем обычно; я бы сказал, что она находилась не дальше кромки леса; впрочем, все пропорции и перспективы этой картины казались правильными, но при этом я словно смотрел на нее через увеличительное стекло.

Однако мое внимание привлекали не зрительные иллюзии и не слишком яркий свет месяца, а сама башня. Несмотря на поздний час — а было уже далеко за полночь, — я совершенно ясно видел своего кузена: ярко освещенный, он находился на каменной площадке, расположенной под крышей башни; мне было видно его по поясу. Эмброуз стоял, воздев руки к небу, повернувшись лицом на запад, где в это время ночи над самым горизонтом сверкали звезды и зимние созвездия: Альдебаран в Гиадах, часть Ориона, немного выше над ними — Сириус, Капелла, Кастор и Поллукс, а также планета Сатурн; все они находились в легкой дымке из-за света луны. Спустя некоторое время я понял, что, вопреки всем законам зрительного восприятия и времени, вижу кузена гораздо лучше, чем мог бы; правда, сначала я не обратил на это внимания по весьма понятной причине — передо мной, заставляя меня забыть обо всем на свете, разворачивалось действие поистине удивительное и ужасное.

Ибо мой кузен Эмброуз был не один.

Из его тела торчал какой-то нарост — другого слова я подобрать не могу, — у которого, казалось, не было ни начала, ни конца, при этом он находился в постоянном движении, образуя разные текущие формы, отчего создавалось впечатление, что он существует сам по себе. Чаще всего нарост принимал формы змеи, летучей мыши и какого-то огромного аморфного чудовища, какие могли водиться на Земле в ту эпоху, когда жизнь на ней только зарождалась. Но было и кое-что другое: рядом с Эмброузом и в воздухе над его головой находились жуткие твари, по-

дробно описать которых я не в состоянии. На крыше, с двух сторон от Эмброуза, сидели два похожих на жабу существа, постоянно меняющих свою форму и внешний вид; эти твари издавали пронзительные, мерзкие вопли, сравнимые разве что с дикой какофонией лягушачьего хора. В небе над головой Эмброуза проносились змееподобные существа с уродливыми головами и невероятно огромными когтистыми лапами; их неуклюжие тела легко поддерживали в воздухе черные кожистые крылья чудовищных размеров. Это зрелище, от которого я при других обстоятельствах задрожал бы с головы до ног, было столь невероятным, что я сначала подумал, что сошел с ума, что из-за постоянных размышлений о Биллингтонском лесе и его тайнах у меня просто-напросто начались галлюцинации. Сейчас, когда я давно успокоился и мои ощущения пришли в норму, я понимаю, что, рассуждай я тогда здраво, я бы сразу понял, что все это было вовсе не игрой моего воображения.

Итак, на вершине башни происходило постоянное движение; в небе то и дело мелькали существа, похожие на летучих мышей, которые то появлялись, то исчезали, словно проваливаясь в другое измерение; две аморфные жабы становились то огромными, то совсем крошечными; мерцающий нарост, торчавший из тела моего кузена, был столь отвратителен, что у меня не хватало сил отвести от него взгляд; хотя я был уверен: стоит мне отвернуться, и жуткая иллюзия исчезнет, и на ее месте вновь появится мирный, залитый лунным светом пейзаж. Когда я говорю, что нарост «находился в движении», я, скорее всего, не совсем правильно описываю то, что происходило перед моими наполненными ужасом глазами, ибо Тварь, которая впервые появилась передо мной в виде угловатого выроста с моим кузеном Эмброузом в качестве ее центра, постепенно превратилась в огромную аморфную массу постоянно меняющейся плоти, чешуйчатой, как змеи, то вытягивающей, то втягивающей обратно бесчисленное количество длинных извивающихся щупалец всевозможной длины и формы, — жуткое, покрытое черной шерстью существо со множеством красных горящих глаз по всему телу. Затем этот монстр, похожий на уродливого осьминога, сжался в комок, из которого торчали извивающиеся, невероятно длинные и тяжелые щупальца, тянущиеся так далеко, что не видно было их кон-

чиков. Открыв свой самый большой глаз, Тварь взглянула на Эмброуза; внезапно из узкой щели, где у нее должен был находиться рот, вырвался жуткий вопль; словно отвечая ему, монстры на башне и лягушки на болоте завопили еще громче, доведя звуки до самой высокой, пронзительной ноты. И тогда я услышал, как мой кузен ответил столь же диким воплем, показавшимся мне насмешкой над человеческим голосом, и от этого мне стало так жутко, как не бывало еще ни разу в жизни. В промежутках между воплями кузен выкрикивал одно из тех страшных имен, которые мне уже приходилось слышать в этом невероятном, проклятом месте: «Н'гаи, н'гха'гхаа, йа'хах — Йог-Сотот!» — и все это слилось в такую мерзкую какофонию, что я усомнился, сможет ли мир ее выдержать. Я отпрянул от окна, не в силах противостоять охватившему меня ужасу, который источали уже не стены кабинета, а его загадочное окно.

Кубарем скатившись со шкафа, я упал на одно колено и какое-то время оставался в этой позе; голова у меня шла кругом. Наконец я встал и прислушался, готовый вновь услышать дикие завывания; однако все было тихо. Совершенно сбитый с толку, я полез обратно на шкаф, несмотря на отчаянное желание удрать куда-нибудь подальше. Мысли лихорадочно сменяли одна другую; мне казалось, я нахожусь во власти какой-то чудовищной галлюцинации; вместе с тем мне хотелось еще раз взглянуть на каменную башню. Таким образом, разрываемый самыми противоречивыми чувствами, я вновь занял наблюдательную позицию у окна.

Я увидел башню; я увидел залитый лунным светом лес и луну на западе; и я увидел звезду, от которой на миг протянулась тонкая мерцающая линия — и исчезла, словно эктоплазма, а я смотрел в окно, не в силах поверить в то, что совсем недавно видел своими глазами. Башня опустела; лягушки продолжали вопить в такт, но все другие звуки стихли; на башне никого не было, включая и моего кузена Эмброуза. Я стоял, прижавшись лицом к стеклу, не веря своим глазам. Внезапно сообразив, что кузен, возможно, уже идет домой, а то и вовсе подходит к дому — ибо я совершенно потерял представление о времени, — я отпрянул от окна, напоследок бросив быстрый взгляд через плечо.

Мягко прыгнув на пол, я вышел из кабинета и поднялся в свою комнату; едва я закрыл за собой дверь, как внизу хлопнула входная дверь и послышались шаги кузена. Но кузен ли это? Впечатление было такое, словно шагает не один человек. Какие медленные, шаркающие шаги! И кто это разговаривает в коридоре таким странным, гортанным голосом?

— Давно мы не виделись! — послышался хриплый, низкий голос; несомненно, это Эмброуз.

— Да, Хозяин.

— Ну что, сильно я изменился?

— Нет, кроме лица и одежды.

— Где побывал?

— На Мнаре и в Каркозе. А ты, Хозяин?

— Во многих местах, во многих лицах. В прошлом и будущем. Не болтай лишнего, здесь опасно. В этих стенах есть чужак, хоть он и одной со мной крови.

— Мне лечь спать?

— Тебе это нужно?

— Нет.

— Тогда просто отдыхай и жди. К утру все будет как обычно.

— Слушаюсь, Хозяин. Когда я тебе понадобится, я буду на кухне, как в прошлый раз.

— Постой. Ты знаешь, какой сейчас у людей год?

— Нет, Хозяин. Сколько лет я отсутствовал? Два года? Десять?

Послышался жуткий смех Эмброуза.

— Всего-то ничего! Более двухсот лет. Многое изменилось, как и предсказывали Великие Древние. Сам увидишь.

— Доброй ночи, Хозяин.

— Надо же, как давно ты не произносил этих слов. Отдыхай, завтра нам понадобятся силы — мы откроем Им проход.

После этого наступила тишина; я слышал, как кузен медленно поднимается по лестнице. Я похолодел от ужаса; как это страшно — слышать звук шагов человека после всего, что я видел в окно кабинета (если я и в самом деле что-то видел), и после того, что слышал в передней (если я хотя бы приблизительно понял смысл загадочного диалога); мне казалось, что после всего,

что произошло, я не могу доверять самому себе! Кузен вошел в свою комнату и закрыл дверь. Через некоторое время закрипела кровать, и опять стало тихо.

Первым моим желанием было немедленно бежать прочь, однако, если бы я сбежал, мой кузен заподозрил бы неладное. Впрочем, вскоре наступила другая реакция — мне начало казаться, что я бросаю Эмброуза в беде. Будь что будет, решил я; нужно немедленно увидеться с доктором Харпером и рассказать ему все с самого начала; можно даже снять копии с некоторых документов из библиотеки моего кузена. У меня не хватило духа заняться этим посреди ночи, но я решил, что сделаю это обязательно. Прежде чем навсегда уехать из этого дома, я должен сделать все так, чтобы тот, кто придет после меня, располагал необходимыми материалами, способными помочь ему разгадать тайну Биллингтонского леса — и странных и ужасных происшествий в Данвиче.

В ту ночь я не сомкнул глаз.

Утром я дождался, когда мой кузен спустится вниз, и только после этого вышел из своей комнаты, дрожа от страха при мысли о том, что могу увидеть. Однако мои страхи оказались напрасными; я увидел Эмброуза, который готовил завтрак. Выглядел он веселым и бодрым, а его вид окончательно развеял мои страхи, хотя кузен не сделал ничего такого, что помогло бы мне забыть мое ночное приключение. Против своего обыкновения, кузен был настроен на беседу. Он надеется, что лягушачьи крики не помешали мне уснуть.

Я заверил его, что крепко проспал всю ночь.

Да, лягушки в эту ночь кричали особенно громко, заметил он; видимо, придется поискать какой-нибудь способ их унять.

Не знаю почему, но это предложение меня встревожило. Не удержавшись, я напомнил ему «инструкции» Элайджи, которые запрещали тревожить лягушек. Кузен улыбнулся, немного мрачно, немного рассеянно, словно давая мне понять, что с некоторых пор предостережения Элайджи его не волнуют. Столь необычная реакция мне совсем не понравилась, но я постарался скрыть свои чувства.

Затем кузен сообщил, что сегодня большую часть дня он проведет в лесу; он надеется, что я не буду скучать. Ему нужно сделать кое-какие дела.

Я изо всех сил старался не выдать своего ликования — отсутствие Эмброуза означало, что я смогу спокойно заняться документами в его кабинете; вместе с тем, желая поддержать игру, я спросил, не нужна ли ему моя помощь.

Он улыбнулся:

— Как ты великодушен, Стивен. Но дело в том — прости, я забыл тебе сказать, — что у меня уже есть помощник. Пока ты ездил в Аркхем, я нанял работника. У него немного странная речь, и одет он немного странно. Дело в том, что он индеец.

Вероятно, кузен заметил мое удивление, поскольку добавил:

— Ты, похоже, очень удивлен.

— Не то слово, — с трудом выговорил я. — Где тебе удалось откопать индейца?

— Понимаешь, он сам пришел, вот я его и взял. В этих холмах кого только не встретишь.

Он встал и, заметив, что мне уже не до еды, начал убирать посуду. Выходя из кухни, он обернулся и произнес слова, от которых я пошатнулся:

— Станные бывают совпадения — ты можешь себе представить, как зовут этого индейца? Квамис.

3

РАССКАЗ УИНФИЛДА ФИЛЛИПСА

В офис доктора Сенеки Лэпхема, расположенный на территории кампуса Мискатоникского университета, Стивен Бейтс вошел около полудня, седьмого апреля 1924 года; к нам его направил доктор Армитедж Харпер, бывший университетский библиотекарь. Мистер Бейтс оказался крепким седеющим мужчиной лет сорока семи. Несмотря на его явное стремление сохранять невозмутимый вид, я видел, что он чем-то крайне озабочен и даже расстроен; значит, решил я, это человек нервный и, может быть, даже склонный к истерии. Мистер Бейтс держал в руках толстый пакет, содержащий, по его словам, описание неких

событий, произошедших с ним совсем недавно, а также копии нескольких документов, сделанные им собственноручно. Поскольку доктор Харпер заранее предупредил нас о визите мистера Бейтса, патрон сразу провел гостя в свой рабочий кабинет; в то время я решил, что его, видимо, заинтересовала рукопись, посвященная каким-нибудь проблемам антропологии, столь любимой моим патроном.

После того как мистер Бейтс представился, патрон предложил немедленно приступить к делу. Так мы и сделали. Рассказ мистера Бейтса, немного эмоциональный и бессвязный, что я приписал его несколько высокопарной манере изъясняться, касался сохранившихся до наших дней древних религий и культов. Вскоре стало ясно, что мое мнение по поводу всей этой истории патрона совершенно не волнует; выражение его лица — плотно сжатые губы, сузившиеся глаза, наморщенный лоб и, главное, напряженное внимание, заставившее его забыть, что приближается время ланча, — указывало на то, что рассказ мистера Бейтса его крайне заинтересовал. Начав говорить, мистер Бейтс уже не мог остановиться; слова извергались из него бурным потоком, который иссяк только тогда, когда он протянул рукопись доктору Лэпхему с просьбой прочитать ее немедленно.

К моему удивлению, патрон согласился не раздумывая. Быстро развернув рукопись, он немедленно приступил к чтению, передавая мне листок за листком. Мои комментарии ему не требовались; впрочем, их и не было. Эти удивительные записи я читал с возрастающим интересом, особенно после того, как заметил, что у доктора Лэпхема задрожали руки. Закончив чтение, что заняло у него около часа, патрон внимательно взглянул на визитера и спросил, чем же закончилась эта история.

Но Бейтс ответил, что рассказывать больше нечего. Он все рассказал. Главное, ему удалось снять копии с некоторых документов, имеющих отношение к этому делу — во всяком случае, он так думает.

— Вам никто не мешал?

— Никто. Кузен вернулся уже после того, как я закончил. Я видел того индейца. Он был одет так, как одеваются наррагансеты. Кузен сказал, что им нужна моя помощь.

— Вот как? Что же им понадобилось?

— Оказалось, что ни он, ни индеец, ни они вместе не могут сдвинуть плиту под крышей башни. Я заметил, что на вид она вовсе не такая тяжелая и вполне по силам одному человеку. Тогда кузен предложил мне попытаться. Он объяснил, что хочет отвезти плиту в другое место и закопать подальше от башни. И я выполнил его просьбу, причем с легкостью.

— Кузен вам не помогал?

— Ни он, ни индеец.

Патрон протянул мистеру Бейтсу бумагу и карандаш.

— Не могли бы вы нарисовать башню и то, что ее окружает? И еще — укажите место, где вы закопали плиту.

Несколько удивившись, Бейтс нарисовал. Забрав у него рисунок, доктор Лэпхем торжественно присовокупил его к листам рукописи. Затем наклонился вперед, сведя вместе кончики пальцев.

— Вам не показалось странным, что кузен не предложил вам свою помощь в перемещении плиты?

— Нет. Мы заключили пари, и я выиграл. С какой стати он должен был мне помогать, если ставил на мою неудачу?

— Он еще о чем-нибудь вас просил?

— Нет.

— Вы видели, что он потом делал?

— О да. Они с индейцем вроде бы убирали территорию вокруг башни. Я заметил, что они тщательно уничтожили следы когтистых лап и крыльев, которые остались на земле с прошлой ночи. Потом я спросил у кузена, чьи это были следы, но он лишь небрежно бросил, что никаких следов не было и мне все это показалось.

— Ваш кузен заметил, с каким интересом вы относитесь к тайне Биллингтонского леса, не так ли?

— Конечно заметил.

— Вы не могли бы на некоторое время оставить рукопись у меня, мистер Бейтс?

Он задумался, но затем сказал, что если доктору нужно, то он оставит. Патрон заверил его, что рукопись ему просто необходима. И все же мистер Бейтс колебался; было видно, как он боится отдавать свою рукопись в чужие руки. Доктору Лэпхему

пришлось снова его заверить, что он никому не станет ее показывать.

— Что же мне теперь делать, доктор Лэпхем? — спросил Бейтс.

— Вам необходимо сделать еще одну вещь.

— Я хочу добраться до самой сути этого дела и готов сделать все, что в моих силах.

— В таком случае уезжайте домой.

— В Бостон?

— Да, и немедленно.

— Но я не могу бросить кузена на милость тех тварей в лесу, — возразил Бейтс. — Кроме того, мой внезапный отъезд его насторожит.

— Вы сами себе противоречите, мистер Бейтс. Какое вам дело, насторожится он или нет? Судя по тому, что вы мне рассказали, ваш кузен сумеет справиться с любой опасностью.

Робко улынувшись, Бейтс полез в нагрудный карман и вытащил оттуда письмо, которое протянул моему патрону.

— Взгляните. Вы и теперь станете утверждать, что он может справиться с любой опасностью?

Медленно прочитав письмо, доктор Лэпхем сложил листок и сунул его обратно в конверт.

— Вы говорили, что с тех пор, как ваш кузен написал это письмо, он больше не казался слабым и беспомощным.

С этим наш визитер согласился. И все же он заявил, что намерен вернуться в усадьбу и пожить там еще какое-то время, чтобы потом уехать без спешки и под благовидным предлогом.

— Я настойчиво рекомендую вам уехать. Но если вам непременно нужно вернуться в усадьбу, то хотя бы сократите время пребывания до трех дней, не больше. По пути в Бостон, будьте любезны, зайдите ко мне до отхода поезда.

На это наш визитер ответил согласием и встал, чтобы откланяться.

— Одну минуту, мистер Бейтс, — сказал доктор Лэпхем.

Подойдя к сейфу в углу комнаты, он отпер его, что-то достал, вернулся за письменный стол и положил перед Бейтсом небольшой предмет.

— Вы когда-нибудь видели нечто подобное, мистер Бейтс?

На столе лежал барельеф примерно семи дюймов в высоту, с изображением осьминогopodobного чудища, со щупальцами, парой черных крыльев и огромными когтями на нижних конечностях. Бейтс уставился на барельеф, не в силах отвести от него глаз; доктор Лэпхем терпеливо ждал.

— Это... и похоже, и не похоже на тварей, которых я видел — или думал, что видел, — когда смотрел из окна в кабинете, — наконец сказал Бейтс.

— Но вы когда-нибудь видели такой барельеф? — настойчиво повторил доктор Лэпхем.

— Нет, никогда.

— И рисунка такого не видели?

Бейтс покачал головой:

— Это одновременно похоже и на тварей, которые летали вокруг башни, и на существо, с которым разговаривал мой кузен.

— А по-вашему, они именно разговаривали?

— Я как-то не подумал... но это действительно напоминало разговор.

— Стало быть, факт их общения налицо.

Бейтс по-прежнему разглядывал барельеф, который, насколько я помню, был в свое время привезен из Антарктиды.

— Жуткая тварь, — наконец сказал он.

— Действительно. И что самое страшное — он мог быть сделан с живой модели!

Бейтс поморщился и покачал головой:

— Этого не может быть.

— Мы не знаем, мистер Бейтс. На свете много людей, готовых поверить в самые невероятные истории, и в то же время они отказываются верить собственным чувствам, объясняя непонятные явления, свидетелями которых становятся, просто тем, что это галлюцинации. — Пожав плечами, доктор Лэпхем взял барельеф, на секунду задержал на нем взгляд и положил обратно в шкаф. — Кто знает, мистер Бейтс? Работа довольно примитивная. Значит, вы хотите вернуться в усадьбу, несмотря на мой совет немедленно отправиться в Бостон?

Бейтс только покачал головой, пожал доктору руку и вышел.

Мой патрон встал и потянулся. Я ждал, когда он предложит пойти перекусить. Он молчал. Затем сел, достал рукопись Бейтса и принялся протирать очки. Заметив мое удивление, доктор мрачно улыбнулся.

— Боюсь, вы не восприняли всерьез рукопись мистера Бейтса и его рассказ, Филлипс.

— Это самая жуткая галиматья из всех, что мне приходилось слышать. Еще и какие-то загадочные исчезновения.

— Ничего подобного. Исчезновения были, как были и последующие появления тел. Лично я не склонен относиться к этому столь легкомысленно.

— Вы хотите сказать, что верите в эту чепуху?

Доктор откинулся назад и смерил меня пристальным взглядом.

— Вы еще очень молоды, мальчик мой.

Далее последовала небольшая лекция, которую я выслушал в почтительном молчании, совершенно забыв о терзавшем меня голоде. Я хорошо знаком с его трудами, говорил доктор, поэтому должен знать, сколько легенд и преданий связано с древними формами почитания богов, иные из которых дожили до наших дней. Скажем, древние культы, по-прежнему существующие в некоторых затерянных уголках Азии. Кроме того, вспомним, что еще Киммих выдвигал гипотезу о том, что цивилизация народа чиму зародилась на территории Китая, который в ту пору еще не существовал как государство. Рискуя показаться банальным, он напомнил мне о древних скульптурах острова Пасхи и Перу. Некоторые древние религии дожили до наших дней, претерпев определенные изменения, но при этом сохранив свою основу. У арийских народов, возможно, дольше всех сохранивших отголоски древних религий, существовали обряды друидов и в то же время — ритуалы, связанные с дьявольскими силами и некромантией. Особенно долго они продержались в некоторых частях Франции и в балканских странах. Мне это ничего не напоминает?

Я возразил, что все древние религии в общем и целом похожи друг на друга.

На это доктор Лэпхем сказал, что в основе своей они действительно похожи, с этим никто не спорит, однако представление

о неких существах, которые в один прекрасный день вернутся на землю, существовало не у отдельной группы людей, а у множества народов, поклонявшихся древним богам или богоподобным тварям — именно богоподобным, поскольку на земле человек не встречал ничего подобного. И ничего более злобного.

Доктор показал мне барельеф.

— Вы знаете, что эта штука попала к нам из района Антарктики. Как вы думаете, что это такое?

— Мне кажется, это примитивное изображение существа, которого северные индейцы называли «Вендиго».

— Неплохо, хотя нет доказательств того, что оно существовало. Этот барельеф был найден под толстым слоем льда. Это очень древняя вещь. Мне кажется, что она старше даже цивилизации чиму. Поэтому она и уникальна, и нет. Возможно, вы удивитесь, если я скажу, что подобные изображения находили в разных исторических пластах, вплоть до периода кроманьонцев, и даже до них, в эпоху появления первобытного человека; их находили и в Средние века, и во времена династии Мин, и в период правления русского царя Павла Первого, их находили на Гавайях, в Вест-Индии, совсем недавно их нашли на Яве; есть они и у наших пуритан в Массачусетсе. Вот так. Но меня в настоящую минуту больше всего удивляет другое — что было в Эмброузе Дьюарте такого, что местные жители приняли его за вернувшегося Хозяина? Какую вещь ожидали увидеть у него два нищих старика, у которых он спрашивал дорогу к дому миссис Бишоп? Почему они спросили его про какой-то «знак»?

— Так вы полагаете, что этот барельеф списан с живой модели? — спросил я.

— Я, конечно, не стоял за спиной того художника, — с серьезным видом сказал доктор, — и все же я не отвергаю такую возможность.

— Короче говоря, вы полностью поверили в то, что рассказал нам этот Бейтс?

— Боюсь, что все это чистая правда — до некоторой степени, конечно.

— И эту степень должен определить психиатр! — воскликнул я.

— Убеждение не требует доказательств, оно возникает перед лицом очевидного. — Доктор покачал головой. — Полагаю, вы заметили, что мистер Бейтс несколько раз упомянул имя вашего предка — преподобного Уорда Филлипса?

— Заметил.

— Не хочу лезть не в свое дело, но не могли бы вы вспомнить историю своей семьи, и в частности, что случилось с вашим родственником после того, как у него возникли некоторые разногласия с Элайджей Биллингтоном?

— Боюсь, в его жизни не было ничего примечательного. Прожил он после того недолго, к тому же вызвал к себе всеобщее недоверие после того, как скупил все экземпляры своей книги — я имею в виду «Чудеса магии» — и сжег их.

— Рукописи Бейтса вам ни о чем не напоминают?

— Думаю, это простое совпадение.

— Нет, это не совпадение. Ваш родственник поступил так, как поступил бы человек, который воочию увидел дьявола и после этого решил отречься от своих убеждений.

За все время работы у доктора я не заметил, чтобы он был склонен к легкомысленным заявлениям, хотя много раз становился свидетелем его странных выходок. То, что в отдаленных уголках планеты существуют остатки древних религий, еще не значит, что они непременно должны существовать где-то поблизости от нас. Кроме того, я помнил предыдущие случаи, когда доктор Лэпхем, изучая древние мифы о сказочных чудовищах, выдвигал гипотезу реального существования этих чудовищ, отчего мне становилось как-то не по себе.

— Вы хотите сказать, что Элайджа Биллингтон общался с дьяволом? — спросил я.

— И да и нет. Исходя из рассказов очевидцев, да, — причем он был на стороне дьявола. Совершенно очевидно, что Элайджа Биллингтон, далеко опередивший свое время, был человеком огромного ума и знаний и умел отлично распознавать опасность. Он практиковал обряды и религии, уходившие к самым истокам человеческой цивилизации, но при этом знал, как избежать неприятных последствий. Так и случилось. Думаю, нам следует внимательно изучить эту рукопись и копии документов. Я приступаю к этому немедленно.

— Боюсь, вы придаете этой чепухе слишком большое значение.

Доктор покачал головой:

— Манера некоторых ученых навешивать ярлыки на явления, которые они не в силах объяснить, называя их «совпадениями», или «галлюцинациями», или еще как-нибудь, прискорбна. В свете того, что произошло в Биллингтонском лесу и в окрестностях селения Данвич, я берусь утверждать, что странные исчезновения людей — это совсем не совпадение. Нам вовсе не обязательно читать рукописи мистера Бейтса, поскольку мы и сами можем найти документы, описывающие, что происходило в тех местах. Подобные явления повторялись по крайней мере трижды за последние двести лет. Не сомневаюсь, что раньше их приписывали колдовству, из-за чего невинно пострадало много несчастных. Люди еще помнили те времена, когда так называемых ведьм хватали и тащили на костер, — религиозная истерия и беззаконие дожили и до наших дней. В свое время преподобный Уорд Филлипс и его друг Джон Друвен, видимо, начали о чем-то догадываться, поэтому и отправились к Биллингтону, и что же? Друвен исчез, присоединившись к жертвам из Данвича, а Уорд Филлипс не помнил ничего, что с ним случилось в усадьбе, а потом и вовсе уничтожил экземпляры своей книги, в которой, заметьте, шла речь о событиях, очень похожих на события, произошедшие за несколько десятилетий до этого. А что мы видим в наше время? Мистер Бейтс чувствует откровенную враждебность со стороны своего кузена Эмброуза Дьюарта, который ранее сам же отправил ему письмо с просьбой о помощи. Опять то же самое.

Я согласился.

— Я знаю, что найдутся люди, которые станут заявлять, что зло исходит сам дом, а вместе с ним и рукопись Бейтса, после чего выдвинут теорию психологического влияния, но я считаю, что дело в другом; все гораздо глубже и намного страшнее, чем может показаться.

Торжественная серьезность, с которой доктор Лэпхем произносил эти слова, показывала, какое огромное значение он придает рукописи Бейтса. Разумеется, он собрался изучить ее вдоль и поперек, привлекая к работе еще и многочисленные фолианты

со своих полок, которые тут же принялся вытаскивать, как он выразился, чтобы не терять времени. Мне он предложил пойти позавтракать, но по дороге попросил занести записку доктору Армitedжу Харперу, которую начал писать немедленно. Патрон казался возбужденным и невероятно взволнованным; быстро написав записку, он вложил ее в конверт, запечатал и протянул мне, предупредив, чтобы я поел поплотнее, поскольку «мы можем пропустить обед».

Через сорок пять минут, когда я вернулся после ланча, доктор Лэпхем сидел в окружении книг и бумаг, держа на коленях огромный фолиант с замком, который, как я знал, хранился в библиотеке Мискатоникского университета; видимо, его и просил в своей записке прислать доктор Лэпхем. Рядом лежали разрозненные страницы рукописи Бейтса; на некоторых из них стояли пометки.

— Вам помочь?

— Слушайте меня внимательно, Филлипс. Сядьте.

Доктор встал, подошел к окну и взглянул на внутренний двор, куда выходило здание библиотеки; посреди двора на цепи сидела огромная сторожевая собака.

— Я часто думаю, — начал доктор, бросив на меня взгляд через плечо, — как счастливы должны быть люди, не отягощенные страстью к познанию. Мне кажется, что Бейтс относится к их числу. Он подробно описал то, что считал отдельными событиями, почти вплотную приблизившись к ужасной реальности, но так и не сделал ни одной попытки взглянуть ей в лицо. Мистер Бейтс находится во власти поверхностного, суеверного мировоззрения, характерного для всех заурядных людей. Если бы обычный человек получил возможность постичь величие Вселенной, если бы он смог заглянуть в глубины космоса, то, скорее всего, он либо сошел бы с ума, либо предпочел закрыть на все глаза, ударившись в суеверие. Что же делать, таков обычный человек. Бейтс описал череду событий, происходивших в течение двух веков, он имел полную возможность разгадать тайну Биллингтонского леса, но он этого не сделал. Он просто складывал события, как кусочки мозаики, подгоняя их одно к другому; он выдвинул ряд умозаключений — ну, например, что его предок, Элайджа Биллингтон, занимался какими-то таинствен-

ными, опасными делами, из-за которых начались исчезновения людей, однако дальше этого Бейтс не пошел. Став свидетелем самых невероятных явлений, он не придавал им значения, поскольку не поверил самому себе. Таким образом, Филлипс, мы с вами имеем дело с человеком весьма посредственного ума, который искренне уверен в том, что если что-либо не описано «в книгах», значит его нет и в действительности. Он пишет о «воображении» и «галлюцинациях» и вместе с тем честно признает, что является человеком абсолютно «нормальным», то есть допускающим ложность собственных впечатлений. И вот теперь, когда он понял, что не в состоянии сам разрешить эту загадку, ему не хватает упорства собрать воедино кусочки сложной мозаики, чтобы создать реальную картину из разрозненных, туманных предположений. И что же? Мистер Бейтс просто-напросто отказывается от решения проблемы, взваливая ее на плечи доктора Харпера, который отправляет его к нам.

Я спросил патрона, не считает ли он, что рукопись Бейтса — это достоверный документ.

— Да, я так считаю. Если мы не будем рассматривать ее как цельное собрание фактов, тогда нам придется отрицать все, что в ней описано, в том числе и подтверждаемое историческими документами. Если же мы признаем только отдельные факты, значит нам придется объяснять остальные события как некое «совпадение» или «случай», не учитывая тот факт, что средняя математическая вероятность этих совпадений никак не согласуется с обычной научной практикой. В общем, мне кажется, у нас нет альтернативы. В рукописи Бейтса описываются события, произошедшие в конкретном месте с конкретными людьми. Если вы хотите предположить, что часть описанных Бейтсом событий вымышлена, тогда вы должны быть готовы объяснить, из какого внеземного источника питается его воображение, ибо его описания отличаются яркостью, живостью и полной достоверностью и включают такие подробности, которые ясно указывают на то, что человек все видел собственными глазами. Откуда же могли появиться эти подробности? Даже если описанные Бейтсом существа были, как вы можете предположить, плодом ночных кошмаров, тогда вам придется объяснить их причину, ибо как только вы станете утверждать, что в снах или кошмарах

любого человека могут появиться существа, каких он не видел никогда в жизни, ваше утверждение тут же придет в противоречие с научными фактами, как и доказательство реального существования этих тварей. Нет, нам остается только одно — считать эту рукопись отчетом о реальных событиях. Время покажет, ошиблись мы или нет.

Доктор сел за свой стол.

— Вспомните, как, едва начав работать у меня, вы читали о некоторых любопытных обрядах туземцев Каролинских островов. Они поклонялись некоему морскому божеству, которого ученые сначала приняли за бога-рыбу Дагона, но потом туземцы объяснили, что их божество стоит выше Дагона, что Дагон и глубоководные служат ему. Подобные верования довольно распространены, правда мало кто из ученых берется их изучать. Однако тот случай привлек к себе внимание благодаря одному интересному открытию: выяснилось, что на теле некоторых туземцев, погибших во время кораблекрушения, имелись зачатки жаберных щелей, рудименты щупалец и — в одном случае — наличие чешуи в районе пупка; все погибшие поклонялись морскому божеству. Я вспоминаю рассказ одного ученого, который говорил с теми островитянами, и они заявили, что их бог спустился со звезды. Вам, конечно, известно, что между древними религиями жителей Атлантиды, индейцев майя, друидами и другими прослеживается четкая взаимосвязь, примерно такая же, какую мы находим в тех мифах, где рассказывается о существовании связи между небом и землей; вспомним хотя бы индейского бога Кетцалькоатля, столь похожего на древнегреческого Атласа: оба якобы вышли из Атлантического океана и оба держали на своих плечах мировое бремя. Такое встречается не только в религии, но и в обычных легендах, как, например, мифы о людях-великанах, вышедших из моря — речь идет прежде всего о морях Западной Европы: о греческих титанах, или островных гигантах из испанских мифов, или гигантов с погрузившегося в морскую пучину острова Лионесс, близ Корнуолла. Я упоминаю об этом для того, чтобы подчеркнуть любопытную связь между традицией, уходящей в глубокую древность, когда считали, что на дне морей живут люди-гиганты, и мифами об их происхождении. Надо ли удивляться тому, что на острове Понапе люди

по-прежнему верят в древние мифы; лично меня удивляет другое — физическая мутация их тел, которую никто не в состоянии объяснить. Можно лишь предполагать, с малой степенью достоверности, что между некоторыми жителями морских глубин и туземцами-островитянами существовали родственные связи. Вот вам и объяснение мутации. Однако наука, не располагая соответствующими фактами, категорически отрицает существование подводных жителей; мутация рассматривается как «негативный» фактор, не подлежащий объяснению, а само научное объяснение сводится к простой констатации того факта, что на земле все еще существуют разные «атавизмы», которые время от времени проявляются у разных народов. Но если вы или я хоть раз возьмем на себя труд провести параллель между этими так называемыми атавизмами, то мы увидим, что это явление несколько раз опоясывает весь земной шар, повторяясь с какой-то странной закономерностью. И все же никто не хочет заняться этим явлением всерьез, поскольку, как и в случае с мистером Бейтсом, человек просто заранее боится того, что может обнаружить. Лучше не тревожить неизведанное, поскольку никто не знает, что скрывается за пределами пространства и времени, с которыми мы не готовы иметь дело.

Я помнил, что писали об островитянах Понапе. Правда, я не совсем понял, какое к ним имеет отношение рукопись Бейтса; впрочем, доктор Лэпхем вспомнил о них не без основания.

— Среди самых разных явлений, известных антропологам, прослеживается одна общая черта. В мифах разных народов есть рассказ о том, как некогда Землю населяла раса древних существ, которые прогневали Старших Богов, и те изгнали их с Земли и заперли вне пространства и времени, поскольку существа не подчинялись законам земного пространства и времени и могли перемещаться в разных измерениях. После того как эти существа были надежно заперты, они продолжали жить, находясь как бы «извне»; более того, они не оставили надежды вернуться на Землю и установить на ней свое господство, поработив «низших существ» — нынешних земных обитателей. «Низшими» их, по-видимому, считали за то, что они подчинялись иным законам, нежели древние существа, известные под разными именами, самым распространенным из которых было Великие Древние. Им

поклонялись многие примитивные народы — в том числе и аборигены Каролинских островов. Следует помнить, что Великие Древние крайне недоброжелательны к людям и барьеры, которые стоят между людьми и этими страшными существами, считаются чисто символическими и абсолютно ненадежными.

— Но ведь это всего лишь пересказ рукописи Бейтса и других его документов! — воскликнул я.

— Ничего подобного. Все это изложено задолго до того, как появилась рукопись.

— Значит, Бейтс нашел какие-то легенды и пересказал их содержание.

Доктор Лэпхем и бровью не повел.

— Пусть даже и так. В семьсот тридцатом году, в Дамаске, одним арабским поэтом по имени Абдул Альхазред, которого, кстати сказать, считали сумасшедшим, была написана чрезвычайно страшная и редкая книга, посвященная Великим Древним и их превращениям. Он назвал свою книгу «Аль Азиф», хотя она более известна под другим, греческим названием, используемым в некоторых тайных кружках: «Некрономикон». Я считаю, что если эта легенда много веков назад считалась достоверным фактом, а в наши дни наблюдаются те же явления, которые описывал в своей книге безумный араб, то было бы в высшей степени антинаучно приписывать все это воображению либо махинациям какого-то обывателя, совершенно не разбирающегося в подобных вещах.

— Согласен.

— Великие Древние, — продолжал доктор, — имели особую связь со стихиями, такими как земля, вода, воздух, огонь; это была их среда обитания, с которой они находились в определенной взаимозависимости. При этом они были нечувствительны к пространству и времени, представляя извечную угрозу для человечества и вообще всего живого на Земле. К сожалению, в попытках этих существ вновь вернуться на Землю им оказывали действительную помощь их почитатели и последователи, люди большей частью физически и умственно ущербные, а в некоторых случаях, как, например, жители острова Понапе, подвергшиеся мутации. Эти люди во все времена пытались создать некие «проходы», по которым Древние и их внеземные приспешники мог-

ли бы проникнуть на Землю или же быть «призваны» с помощью неких ритуалов, о которых в свое время писали Абдул Альхазред и другие авторы, следовавшие его взглядам или проводившие свои собственные изыскания.

Здесь доктор Лэпхем остановился и внимательно взглянул на меня.

— Вы улавливаете мою мысль, Филлипс?

Я ответил, что да.

— Очень хорошо. У Древних, как я уже говорил, было множество имен. Но существовали и другие, менее значимые божества; их было гораздо больше, и они хотя бы отчасти подчинялись тем же законам, что и люди. Первым среди Древних был Ктулху, о котором говорят так: «Он не мертв, но спит в подводном городе под названием Р'льех»; одни авторы считают, что этот город находится в Атлантиде, другие — на континенте Му, а третьи и вовсе расположили его неподалеку от побережья Массачусетса. Второй после Ктулху — Хастур, он же Тот-Кого-Нельзя-Называть, или Хастур Невыразимый, якобы живущий в созвездии Гиад. Третий — Шуб-Ниггурат, кошмарная пародия на бога или богиню плодородия. Есть еще тот, кого называют «Посланником богов», — Ньярлатхотеп; и, наконец, самый могущественный, превосходящий всех Древних — грозный Йог-Сотот, который делит власть с Азатотом, олицетворением слепого безумного хаоса посреди бесконечности. По вашим глазам вижу, что вы начинаете кое-что припоминать.

— Конечно. Эти имена упомянуты в рукописи.

— И в иных документах. Вам следует знать, что безликий Ньярлатхотеп часто появляется в сопровождении существ, которых называют «безумными флейтистами».

— И Бейтс их видел!

— Вот именно.

— Но тогда... кто же с ними был?

— Об этом мы можем только догадываться. Но если безумные флейтисты всегда сопровождают Ньярлатхотепа, то, скорее всего, его-то и видел Бейтс. Великие Древние обладают способностью менять свою внешность, хотя у каждого из них есть свое собственное лицо и форма. Абдул Альхазред называл их «безликими», в то время как Людвиг Принн в своей работе «De Vermis

Mysteriis» называл Ньярлатхотепа «Всевидающим оком», а фон Юнцт в книге «Unaussprechlichen Kulten» указывал, что он, как и Древние, — имея в виду, скорее всего, Ктулху — «украшен щупальцами». Все это говорит о том, что Бейтс, увидев что-то вроде «нароста», на самом деле видел одно из его воплощений.

Меня удивило количество книг по столь древним культам. Раньше патрон ни разу о них не упоминал; впрочем, их у него и не было. Интересно, откуда он о них узнал?

— Ну, о них мало кто знает. Вот эта, например, — он похлопал по фолианту, лежавшему перед ним, — самая известная, мне ее дали только на один день. Это латинский вариант «Некрономикона», ее автор — Олаус Вормий; книга была напечатана в Испании, в семнадцатом веке. Именно эта книга упоминается в рукописях Бейтса, именно ее страницы переписывали, разыскивая их по всему миру, посланники Элайджи Биллингтона. Полные копии либо отрывки из этой книги можно найти в библиотеке Уайденера, в Британском музее, в университетах Буэнос-Айреса и Лимы, в Национальной Парижской библиотеке и в нашем родном Мискатонике. Говорят, что ее копии есть еще в Каире и Ватикане, но их никто не видел; также говорят, что ее рукописные копии имеются в частных собраниях, примером тому может служить библиотека Элайджи Биллингтона. Если книга была у него, значит могла быть и у других.

Доктор Лэпхем встал и вынул из буфета бутылку старого вина; налив себе немного, пригубил вино, пробуя его на вкус. Затем подошел к окну и стал смотреть на сгущающиеся сумерки; за окном раздавались обычные вечерние шумы провинциального Аркхема. Доктор обернулся ко мне.

— Вот так в общих чертах обстоят дела, — сказал он.

— И вы хотите, чтобы я в это поверил? — спросил я.

— Нет, конечно. Но что, если мы примем все это как рабочую гипотезу и на ней попытаемся построить разгадку тайны Биллингтона?

Я согласился.

— Очень хорошо. Начнем с Элайджи Биллингтона — с него начинали и Дьюарт, и Бейтс. Думаю, можно согласиться, что Элайджа Биллингтон занимался какими-то темными делами, которые можно было принять — или не принять — за колдовство,

что и сделали преподобный Уорд Филлипс и Джон Друвен. Есть свидетельства очевидцев, что Элайджа действительно чем-то занимался в лесу, в частности возле каменной башни, причем ночью — «после того, как подали ужин», как писал сын Элайджи, Лабан. Мы знаем, что в этом деле был замешан и слуга Элайджи, индеец Квамис. В своем дневнике мальчик пишет, как слышал отчетливо произнесенное индейцем слово «Ньярлатхотеп». В то же время у нас есть письма Бишопа, из которых становится ясно, что Джонатан Бишоп из Данвича был также втянут в эти дела. Письма указывают на это совершенно ясно. Джонатан обладал достаточными знаниями, чтобы вызвать кого-то с небес, однако их оказалось недостаточно, чтобы не дать прорваться на землю другим тварям; не смог он защитить и самого себя. Вывод очевиден: тварь, которая являлась в ответ на призыв, нуждалась в человеческих существах, но нуждалась по вполне определенной причине — чтобы питаться. Если мы согласимся с этим предположением, то сразу становится ясно, что происходило с исчезнувшими людьми.

— Да, но как понимать возвращение их тел? — возразил я. — Никто так и не понял, где они находились.

— Нигде. Вернее, в другом измерении. Вывод напрашивается самый ужасный: тот, кто являлся с небес в ответ на зов — вспомните «инструкции» Элайджи и письма Бишопа, — появлялся из другого измерения, куда потом возвращался, возможно унося с собой какое-нибудь существо — в данном случае тело человека, чтобы питаться его жизненной силой, или кровью, или я уж не знаю чем. Именно поэтому, а также для того, чтобы заставить его замолчать, исчез, а потом был сброшен на землю несчастный Джон Друвен. Кстати, то же самое проделал с Уилбуrom Кори и Джонатан Бишоп.

— И все же есть здесь какое-то противоречие, — заметил я.

— Так и думал, что вы это заметите. Разумеется, есть. Его просто необходимо увидеть и признать, чего не сделал Бейтс, несмотря на долгие и мучительные размышления. Позвольте выдвинуть одну гипотезу. Элайджа Биллингтон, неизвестно каким образом, получает доступ к неким знаниям Великих Древних. Он тут же принимается за расследование и в конце концов разгадывает тайну каменных столбов и башни, расположенных на

притоке Мискатоника — речке, которую Дьюарт, на секунду забывшись, почему-то назвал Мисквамакусом. Элайджа предельно осторожен, но он не может предотвратить периодические нападения тварей на жителей Данвича. Возможно, он утешает себя тем, что дело не в нем, а в Джонатане Бишопе. Элайджа кропотливо собирает выписки из «Некрономикона», которые ему присылают со всех уголков мира, и в то же время он нервничает, чувствуя, как перед ним раскрывается вся необъятность и внеземная бесконечность проблемы, в которую он проник. Его гневный выпад по поводу отклика Дривена на книгу Уорда Филиппса симптоматичен по двум причинам: он начал подозревать, что его рукой водит кто-то другой, и в нем начала нарастать борьба против некоего подспудного принуждения. Нападение на Дривена и его смерть стали для Биллингтона началом конца. Он расстается с Квамисом и, пользуясь своими знаниями, запечатывает «проход», который сам же и открыл, точно так же, как ранее он запечатал проход, открытый Бишопом; после этого он уезжает в Англию, чтобы охранить себя от дальнейшего воздействия зловещих сил Биллингтонского леса.

— Логично.

— А теперь, в свете данной гипотезы, давайте взглянем на «инструкции», оставленные Элайджей Биллингтоном относительно его владений в Массачусетсе. — Доктор достал один из листков рукописи Бейтса, положил его перед собой и направил на него свет настольной лампы. — Итак, прежде всего, он призывает «тех, кто придет после», оставить эту собственность в семье, после чего перечисляет ряд неких туманных правил, загадочно намекая, что «их смысл можно понять из книг, оставленных в библиотеке дома Биллингтонов». Правило первое: «следить за тем, чтобы вода омывала остров с башней, не нарушать покой башни и не уговаривать камни». Как известно, вода перестала омывать остров сама по себе, и что же? Ничего страшного не случилось. Говоря о нарушении покоя башни, Элайджа, очевидно, имел в виду плиту, закрывающую отверстие в крыше, которую ни в коем случае нельзя было сдвигать с места; он сам закрыл отверстие камнем, вырезав на нем — как я могу догадываться — Знак Старших Богов, чья власть над Великими Древними абсо-

лютна; этого знака Древние страшатся сильнее всего на свете. Дьюарт полез на башню и совершил то, чего так боялся Элайджа Биллингтон, — сдвинул плиту. И наконец, «уговаривать камни»; скорее всего, это просто формула или ряд формул обращения к силам, притаившимся у порога. Далее. «Не открывать дверь, которая ведет в странное время и место, не призывать того, кто таится у порога, и не взывать к холмам». Первая часть подчеркивает, что ни в коем случае нельзя подходить к каменной башне. Во второй совершенно явно говорится о Твари, притаившейся у порога; что это за существо, мы не знаем, это может быть и Ньярлатхотеп, и Йог-Сотот, и еще кто-нибудь. И третье правило касается призыва «Тех, Кто за Пределом»; очевидно, речь идет о жертвоприношении. Третья инструкция предупреждает: «Не тревожить лягушек, особенно лягушек-быков, обитающих на болотах между домом и башней, не трогать ни светлячков, ни птиц козодоев, дабы не сломать его замки и не потревожить его стражей». Бейтс сам начал догадываться, что это означает: дело в том, что вышеупомянутые существа отличаются особой чувствительностью к присутствию «тех, кто за Пределом», и своими криками и свечением предупреждают об их приближении. Поэтому потревожить лягушек — значит поставить под угрозу собственные интересы. И наконец, четвертое правило, где впервые упоминается окно: «Не притрагиваться к окну, пытаясь что-то в нем изменить». Почему? Из рассказа Бейтса следует, что с этим окном связано какое-то зло. Но если это так, то почему бы его просто не уничтожить? Да потому что уничтоженное окно может стать еще опаснее, чем прежде.

— Я вас не понимаю, — прервал я доктора.

— Неужели из рассказа Бейтса вы ничего не уяснили?

— Окно какое-то странное, собрано из разных сортов стекла, вот и все.

— Но ведь это вовсе не окно, а линза, или призма, или даже зеркало, отражающее мир в другом измерении или измерениях — короче, в другом времени и пространстве. Оно может отражать не только изображение, но и лучи, и действует на основе шестого чувства, давно утраченного людьми, а создали это окно вовсе не руки человека. Взглянув в него, Бейтс видел и обычный земной пейзаж, и то, что находилось в другом измерении.

— Допустим, а теперь давайте перейдем к последнему правилу.

— Это просто еще одно напоминание, чего не следует делать в усадьбе. «Не продавать и не совершать иных сделок с имуществом, дабы не были потревожены остров и башня, а также окно, за исключением того случая, когда возникнет необходимость его уничтожить». Здесь Элайджа дает понять, что окно в какой-то мере может защитить от зла, но вместе с тем является еще одним проходом — если не для самих существ из-за Предела, то, по крайней мере, для их разума и, стало быть, возможности оказывать воздействие. Я думаю, что наиболее вероятное объяснение этому следующее: все источники получения информации в усадьбе Биллингтонов находятся под контролем дома и леса. Элайджа принялся исследовать и экспериментировать. Бейтс описывал, как Дьюарт, едва поселившись в доме, сразу начал тянуться к окну в кабинете — ему хотелось видеть его, смотреть в него. Когда же он вошел в башню, то почувствовал сильное желание сдвинуть плиту под крышей. Бейтс говорил, что, впервые встретившись с кузеном, он решил, что у того «легкая шизофрения». Вот, слушайте: «И вдруг, когда я стоял, чувствуя на своем теле свежее дыхание ветерка, на меня начало наваливаться ощущение чего-то невыносимо мерзкого — безысходного отчаяния, беспросветного мрака, словно дом обрушил на меня все самые низменные, самые отвратительные и глубоко запрятанные стороны человеческой души... Предчувствие чего-то гадкого, отвратительного, что заполнило комнату, словно густой дым; я чувствовал, как оно просачивается в дом, проникая сквозь стены, словно ядовитый туман». Не следует забывать, что Бейтса тоже тянуло к окну. И наконец, он воочию наблюдает за влиянием, которое оказывает на кузена его дом. Бейтс называет это «внутренней борьбой» — между прочим, совершенно правильно; и он же считает это «шизофренией» — ошибочно.

— Может быть, вы несколько заблуждаетесь? Раздвоение личности не такое уж редкое явление.

— Нет, речь не об этом. Я прекрасно понимаю, о чем говорю. У Дьюарта не было никаких признаков шизофрении, кроме разве что резкой смены настроений. Сперва Эмброуз Дьюарт — это милый, общительный человек, сельский сквайр в поисках при-

ятного времяпрепровождения. Но постепенно с ним начинает что-то происходить, причем он сам не понимает, что именно; в нем начинает расти какое-то смутное беспокойство. Он пишет письмо своему кузену и просит его приехать. Когда Бейтс приезжает, он застаёт уже совершенно другого Дьюарта — молчаливого и враждебного. Время от времени у него наступают периоды просветления, когда он вновь становится самим собой; затем его увозят на зиму в Бостон. Но едва Дьюарт возвращается в свою усадьбу, как все начинается сначала — враждебность, зловещая настороженность и подозрительность. Бейтс видит, как кузен то радуется его обществу, то замыкается в себе и старается уединиться. Тогда Бейтс начинает думать, что кузен переживает некую внутреннюю борьбу, скорее всего психологическую, и делает такой же, как и вы, Филлипс, скоропалительный вывод: у Дьюарта приступ шизофрении.

— Вы считаете, что он испытывал влияние «извне». А что именно вы имеете в виду?

— Влияние направляющего разума, конечно, который пытался воздействовать и на Элайджу, но потерпел неудачу.

— Вы думаете, это был кто-нибудь из Великих Древних?

— Не знаю.

— Можно попробовать догадаться.

— Нет, строить догадки бесполезно. Предположительно, влияние оказывал один из их последователей. Если вы внимательно прочитаете текст рукописи, то заметите, что все проявления направленного воздействия имеют в основном человеческую природу, тогда как если бы в доме Биллингтона действовали сами Древние, то природа этих проявлений не имела бы ничего общего с человеческой. А что было на самом деле? Вспомните слова Бейтса об ощущении мерзости, отчаянии и так далее, которые охватили все его существо, — вполне человеческая реакция, не так ли? Будь это какой-нибудь внеземной разум, Бейтс испытывал бы нечто совсем иное. Нет, в нашем случае кто-то целенаправленно заставлял его переживать именно человеческие эмоции.

Я задумался. Если теория доктора Лэпхема была верна, в ней имелся один пробел: доктор предположил, что некое влияние «извне» воздействовало не только на Дьюарта и Бейтса, но и на

Элайджу Биллингтона. Но если бы источником этого влияния был конкретный человек, то как оно могло охватить промежуток времени длиною более одного века? Тщательно подбирая слова, я высказал эту мысль доктору.

— Да, понимаю. Что-то не сходится. Но не забывайте, что в своей основе влияние имеет внеземное происхождение и относится к другому измерению, а потому, независимо от своей природы, подчиняется земным законам физики не более, чем сами Древние. Короче говоря, где-то на границе с нашим пространством и временем сосуществуют другие пространство и время, не совсем такие, как наши, и находящийся там человек, способный воздействовать на обитателей дома Биллингтонов, также оказывается вне пространственно-временных ограничений. Он находится в том же измерении, где побывали несчастные жертвы Бишоп, Биллингтона и Дьюарта, которых сначала увлекли туда, а потом выбросили обратно.

— И Дьюарта!

— Да, и его тоже.

— Вы полагаете, что это он повинен в исчезновении людей из Данвича? — удивленно спросил я.

Доктор с грустным видом покачал головой:

— Я не просто полагаю, я абсолютно в этом уверен — если только вы не собираетесь снова твердить мне о совпадениях.

— Вовсе нет.

— Очень хорошо. Рассмотрим факты. Биллингтон вступает в круг из камней и открывает «врата». Соседи слышат, как из леса доносятся жуткие вопли; о том же делает записи в своем дневнике и сын Элайджи, Лабан. За этими явлениями всегда следует: а) исчезновение человека; б) его появление при весьма странных обстоятельствах, спустя недели или даже месяцы. В своих письмах Джонатан Бишоп пишет, что он вступил в круг из камней и «воззвал к Холму, и Он появился в круге, но вызвать Его мне удалось с величайшим трудом, мне даже показалось, что круг не сможет удерживать Его слишком долго». После этого следует ряд странных исчезновений людей, а затем — столь же странное их возвращение. Интересно отметить, что то, что наблюдалось сто лет назад, наблюдается и в наше время. Эмброуз Дьюарт во сне подходит к башне; в это время ему на-

верняка снится что-то ужасное; на него оказывается воздействие извне, но он этого не осознает. Кто же после этого станет называть совпадением то, что, когда Дьюарт побывал в башне, а на следующий день увидел там пятна крови, начали исчезать и появляться люди?

На это я возразил, что, на мой взгляд, теория уважаемого доктора столь же фантастична, как и моя теория «совпадений». Должен признать, что я был взволнован и глубоко уязвлен, поскольку доктор Сенека Лэпхем, этот блестящий ученый, обладатель поистине энциклопедических знаний, выдвигал и отстаивал какую-то совершенно невероятную, далекую от чистой науки гипотезу. И это человек, к которому я питал безграничное уважение! Разумеется, его гипотеза базировалась на чем-то большем, нежели простые догадки, но слишком уж невероятной она выглядела! Однако мой учитель не испытывал ни малейшего сомнения, полностью полагаясь на свои обширнейшие знания.

— Вижу, вы над чем-то задумались. Что ж, предлагаю перенести нашу дискуссию на завтра. Возьмите книги, я отметил в них несколько страниц — прочитайте их. А «Некрономикон» вам придется просмотреть прямо сейчас, мне нужно вернуть его в библиотеку.

Взяв древнюю книгу, я принялся медленно читать отрывки, отмеченные доктором. В них говорилось о том, что нас везде подстерегают некие ужасные существа; Араб называл их «Затаившиеся» и наделял именами. Один отрывок привлек мое особое внимание:

«Уббо-Сатхла — это незабытый источник, откуда вышли те, кто отважился выступить против Старших Богов, кои правили на Бетельгейзе, — Великие Древние, вступившие в сражение со Старшими Богами, а научили их тому Азатот, слепой безумный бог, и Йог-Сотот, который есть Все-в-Одном и Одно-во-Всем, на кого не действуют время и пространство и которого на Земле зовут Умр Ат-Тавил, а еще Древнейший. Великие Древние спят и видят сны, в которых они приходят на Землю и правят ею и всей Вселенной, коей она часть... и снится им, как великий Ктулху поднимается из подводного Р'льеха, как Хастур, Тот-Кого-Нельзя-Называть, спускается с темной звезды, что находится

рядом с Альдебараном в Гиадах, как Ньярлатхотеп воет в вечной тьме, как Шуб-Нигтурат, Черный Козел с Легионом Младых, плодится и размножается и правит всеми лесными нимфами, сатирами, лепреконами и малым народцем; им снится, как Ллойгор, Цхар и Итакуа преодолеют пространство меж звездами и вознаградят тех, кто поклоняется им, как народ чо-чо; Ктутха установит свою власть на звезде Фомальгаут; Цатоггуа явится с Н'кай... Они целую вечность ждут у Врат, но заветный срок близится, пока Старшие Боги спят и не ведают о том, что есть те, кто знает, как снять заклятие, наложенное на Древних, и уже сейчас они могут управлять своими приспешниками из-за Предела».

Второй отрывок оказался не менее любопытным:

«Оружие против ведьм и демонов, против глубоководных, дхолей, воормисов, чо-чо, против мерзкого отродья ми-го, против шогготов, гастов, валусианцев и всех тех народов и тварей, что служат Великим Древним и их отпрыскам, хранится в пятиконечной пещере из серого камня на древней звезде Мнар, но оно не может противостоять самим Древним. Тот, кто владеет камнем, станет повелевать всеми тварями ползающими, плавающими, ходящими и летающими даже там, откуда никто не возвращается. В Йхе и великом Р'льехе, в Й'хантхлей и Йоте, на Юготе и Зотикуа, в Н'кай и К'н-йан, в Кадате среди Холодной Пустыни, на озере Хали, в Каркозе и Ибе — в этих местах оружие это еще имеет силу; но как гаснут и умирают звезды, как остывает солнце и становится шире пространство меж звездами, так слабеет и власть пятиконечной каменной пещеры и заклятия Старших Богов, наложенного на Великих Древних; придет время, когда все увидят, что

Не то мертво, что вечность охраняет,
Смерть вместе с вечностью порою умирает».

Отобрав книги и несколько фотокопий текстов, которые запрещалось выносить из библиотеки Мискатоникского университета, большую часть ночи я провел, разбирая старинные тексты, полные ужасных и странных вещей. Я прочитал отрывки из

«Пнакотических рукописей» и «Текстов с Целено», из работы профессора Шрусбери «Исследование мифов современных первобытных народов в свете текстов о городе Р'льехе»; я прочитал сами «Тексты Р'льеха», прочитал отрывки из работы графа д'Эрлетта «Cultes des Goules», из «Libor Ivonis» и «Unaussprechlichen Kulten» фон Юнцта, из «De Vermis Mysteriis» Людвиг Принна, из Книги «Дзиан», «Песен дхолов» и «Семи сокровенных книг Хсана». Я читал о жутковатых древних культах первобытных народов, дошедших до наших дней, ломал голову над загадочными древними языками, где встречались такие названия, как «Акло», «Наакаль», «Цатхо-йо» и «Чиан»; узнал о невероятных по жестокости обрядах и «играх» народов мао и лой-атик; я то и дело встречал названия мест, относящиеся к глубокой древности: долина Пнат или Ультар, Нгаи и Нгранек, Оот-Наргаи и Сарнат Обреченный, Трок и Инганок, Кутамил и Лемурия, Хатег-Кла и Хоразин, Каркоза и Йаддит, Ломар и Йан-Хо; я читал о Тварях, чьи имена как будто вышли из кошмарных снов — так страшно они звучали, и такие жуткие события были с ними связаны, объяснить которые можно было лишь с помощью поистине дьявольских знаний; я встречал имена знакомые и незнакомые, страшные описания и туманные намеки на события, связанные с Йигом, ужасным змеебогом, с Атлах-Наха, богом-пауком, с Гноф-Хек, «Волосатым», известным также под именем Ран-Тегот, с Хаунар-Фаун, «кормильцем» вампиров, с адскими гончими псами Тиндала, что рыщут во времени; снова и снова встречалось мне имя Йог-Сотот, который есть Все-в-Одном и Одно-во-Всем и чья обманчивая маска — это скопление сияющих шаров, за которыми скрываются все ужасы вселенной. Я читал о таких вещах, которых не положено знать простому смертному, потому что они могли бы свести с ума наделенного воображением человека; я читал такие книги, которые было бы лучше уничтожить, чтобы человек никогда не узнал о страшной опасности, которая нависнет над ним, если Землей завладеют Великие Древние, некогда бросившие вызов Старшим Богам и навеки изгнанные ими из звездного царства Бетельгейзе.

Я читал почти всю ночь, а оставшиеся до рассвета часы провел в размышлениях, вспоминая все ужасы, о которых узнал из книг; я боялся уснуть, чтобы во сне мне не привиделись жуткие

твари и монстры, с которыми я знакомился в течение нескольких часов не только благодаря книгам, но и беседе с доктором Сенекой Лэпхемом, с чьими познаниями в области антропологии мало кто из ученых мог сравниться, и уж никто не мог превзойти. Не в силах уснуть, я с ужасом представлял себе сошедших со страниц чудовищ, несущих с собой вселенские ужасы; в конце концов мое утомленное сознание само собой начало настраиваться на рациональный лад, дабы привести мой распад в нормальное состояние.

На следующий день я вошел в кабинет доктора Лэпхема раньше обычного; доктор был уже на месте. Очевидно, он приступил к работе давно, поскольку его письменный стол был завален листами бумаги, на которых были начертаны самые невероятные формулы, графики, схемы и диаграммы.

— Я вижу, вы их прочитали, — сказал доктор, когда я положил перед ним стопку книг.

— Прочитал, — ответил я.

— Я тоже читал всю ночь, когда впервые их нашел.

— Если все, что здесь написано, верно хотя бы на долю процента, значит нам придется пересматривать все наши представления о пространстве и времени, и даже — до некоторой степени — концепцию происхождения человека.

Доктор спокойно кивнул:

— Каждый ученый знает, что наши познания базируются на неких фундаментальных основах мировоззрения, которые оказываются недоказуемыми при столкновении с внеземным разумом. Отсюда следует, что нам, возможно, придется изменить само наше мировоззрение. То, с чем мы столкнулись, принято называть «неведомым». Как видите, опять предположения, несмотря на множество книг, посвященных этой теме. Думаю, теперь можно не сомневаться, что где-то «за пределом» существует «нечто» и, как в древнем мифе, ведут непримиримую борьбу силы добра и зла; вспомните хотя бы христианство, магометанство, конфуцианство, синто, буддизм — эта мифологическая модель существует практически во всех известных религиях. Я говорю это потому, что, как вы вскоре убедитесь, только признав существование неведомого за пределами нашего мира, мы сможем

объяснить те страшные и загадочные события, о которых говорится в книгах и которые противоречат научному представлению о человечестве; эти события уже происходят по всему миру; некоторые из них были тщательно описаны и собраны в малоизвестных трудах автора по имени Чарльз Форт — «Книга проклятых» и «Новые земли», прочитайте их обязательно. Теперь рассмотрим несколько конкретных, зафиксированных фактов; я говорю «фактов» со скидкой на субъективность показаний свидетелей. Падение камней с неба в районах Бушова, Пилицфера, Нерфта и Долговди в России в период с тысяча восемьсот шестьдесят третьего по тысяча восемьсот шестьдесят четвертый год. Как показали очевидцы, это было что-то «серое, с вкраплениями коричневого». Камень, который встречается на звезде Мнар, — я подчеркиваю — часто описывается как «серый камень». Теперь вспомним выпадение известнякового града в Роули, а до этого в Бирмингеме и Вулверхэмптоне — градины были снаружи черными, но серыми внутри. А что вы скажете о «шаровидных огнях», в тысяча восемьсот девяносто третьем году замеченных с британского корабля «Каролина» в Южно-Китайском море? Моряки говорили, что эти огоньки были похожи на «шарики»; их видели в небе, недалеко от гор. Огоньки двигались плотной массой, иногда то один, то другой отлетал в сторону, но затем возвращался в «строй». Они двигались на север; люди наблюдали за ними около двух часов. На следующую ночь явление повторилось, значит оно продолжалось две ночи подряд; затем то же самое было в ночь на двадцать четвертое и двадцать пятое февраля, за час до полуночи. Огоньки отбрасывали отражение, в телескоп было видно, что оно имеет розоватый оттенок; двигались они с той же скоростью, что и «Каролина». На вторую ночь их можно было наблюдать в течение нескольких часов. Подобное явление описывает в своем рапорте капитан британского корабля «Леандр»; он утверждает, что огоньки поднялись в небо и исчезли. Через одиннадцать лет, день в день, двадцать четвертого февраля, команда американского корабля «Сапплай» видела в небе три объекта разных размеров, но одной формы — «шарообразной»; объекты двигались с одинаковой скоростью, причем, по определению моряков, «сами по себе, словно на них не действовали силы земли и неба». Примерно в то же время нечто

подобное наблюдалось над железной дорогой в районе Трентона, штат Миссури, в августе тысяча восемьсот девяносто восьмого года; описание этого явления прислал в газету «Мансли уэзер ревью» один клерк: светящиеся шары появились над поездом во время дождя и двигались в северном направлении, несмотря на сильный восточный ветер; двигались они хаотично, с различной скоростью и на различной высоте, пока не достигли маленькой деревушки в штате Айова, где поднялись в небо и исчезли. В тысяча девятьсот двадцать пятом году, в августе, когда стояла невероятная жара, двое молодых людей, переходя по мосту реку Висконсин в районе селения Сэк-Прэри, примерно в десять часов вечера увидели в небе группу светящихся шаров,двигающихся вдоль горизонта с востока, где в это время светилась звезда Антарес, в западном направлении, в сторону звезды Арктур; внезапно им наперерез выскочил «черный блестящий шар, который постоянно менял свою форму, становясь то круглым, то овальным, то прямоугольным». Группа огоньков остановилась и переждала, пока черный шар не скрылся на севере, после чего огоньки начали бледнеть и вскоре исчезли. Вам это ничего не напоминает?

От внезапной догадки у меня пересохло в горле.

— Кажется, Великие Древние представляли собой «скопление светящихся шаров».

— Вот именно. Не берусь утверждать, что нашел объяснение всем этим явлениям, однако если это так, то нам снова придется говорить о совпадении. Описание Древних мы получаем на основании событий, произошедших в течение примерно тридцати лет. А теперь перейдем к странным исчезновениям людей; всяческие катастрофы и побеги я не учитываю. Итак, случай с Дороти Арнольд. Она исчезла двенадцатого декабря тысяча девятьсот десятого года, где-то между Пятой авеню и Семьдесят девятой улицей, перед входом в Центральный парк. Вот так — просто взяла и исчезла. Больше ее не видели; за нее не потребовали выкуп, у нее не осталось наследников, ничего. Примерно такой же случай описывается в «Корнхилл мэгэзин». Тогда исчез некий Бенджамин Батерст, представитель британского правительства при дворе императора Франца-Иосифа в Вене; вместе со своим

лакеем и секретарем Батерст отправился в Перлеберг, Германия, и сделал остановку в пути, чтобы осмотреть лошадей. Обходя экипаж, он внезапно исчез без следа. В период с тысяча девятьсот седьмого по тысяча девятьсот тринадцатый год только в одном Лондоне исчезло три тысячи двести шестьдесят человек. Один юноша, работающий в офисе города Бэтл-Крик, штат Мичиган, вышел из своего офиса, чтобы прогуляться до мельницы. И исчез. Этот случай описывается в номере «Чикаго трибьюн» от пятого января тысяча девятисотого года, юношу звали Шерман Черч. Больше его не видели. Еще один пример. Амброз Бирс — а вот здесь все уже не так просто. Известно, что Бирс что-то говорил о Каркозе и Хали, а исчез он в Мексике. Говорили, что он погиб, сражаясь с повстанцами Вильи, но к моменту исчезновения Бирс был инвалидом, и лет ему было далеко за семьдесят. Это произошло в тысяча девятьсот тринадцатом году. В тысяча девятьсот двадцатом Леонард Уэдхэм, прогуливаясь в Южном Лондоне, внезапно потерял сознание и позднее очнулся на дороге близ Данстейбла, в тридцати милях от Лондона; как он туда попал, он не помнил. А теперь давайте вернемся домой, в штат Массачусетс, в Аркхем. Итак, сентябрь тысяча девятьсот пятнадцатого года. Профессор Лабан Шрусбери, проживающий в доме номер девяносто три по Кервен-стрит, прогуливаясь по дороге западнее Аркхема, внезапно бесследно исчез. Все терпеливо ждали его возвращения, поскольку, согласно завещанию, в его дом запрещалось входить в течение тридцати лет. Профессор больше не появился. Следует упомянуть, что он был единственным человеком в Новой Англии, неплохо разбирающимся в вещах, которыми занимаемся мы с вами. Думаю, что о пришельцах он знал даже больше, чем я. Так-то вот. Между прочим, названные мною исчезновения составляют едва ли одну миллионную часть от всех подобных зарегистрированных случаев.

Хорошенько обдумав слова патрона, я спросил:

— Ну хорошо, вы считаете, что все, что произошло у нас за двести лет, можно объяснить, прочитав редкие книги. В таком случае кто же, по-вашему, этот «таящийся у порога» — то есть возле отверстия в крыше каменной башни на острове?

— Не знаю.

— А предположительно?

— Некоторые предположения у меня есть. Взгляните на этот необычный документ — «О злых чарах, творимых в Новой Англии демонами в нечеловеческом обличье». Здесь имеется ссылка на «некоего Ричарда Биллингтона», который «устроил в лесу Круг из Камней, в котором возносил молитвы дьяволу... и совершал богопротивные колдовские ритуалы». Возможно, речь идет о каменных столбах вокруг башни в Биллингтонском лесу. В документе говорится, что Ричард Биллингтон боялся, а потом был «сожран» некоей «Тварью», которую сам же вызвал с ночных небес; однако никто не видел ничего подобного. Индейский колдун Мискамакус «заколдовал демона» и упрятал его в яму, которая когда-то находилась в центре каменного круга; в этой яме он сейчас и находится, придавленный «камнем» — или «плитой», или чем-то в этом роде — с вырезанным на нем «Знаком Старших Богов». Эту Тварь называли «Оссадагова», что означает «дитя Садовых»; на ум сразу приходит миф о Цатогуа, которого иногда называют Зотагуа или Содагуи, — неантропоморфное черное существо, текучее и изменчивое. Интересно отметить, что описание Злого Духа, сделанное Мискамакусом, разительно отличается от общепринятого; индеец описывал его так: «маленький и твердый, как Сама Жаба, Великая Повелительница Лесных Сурков, а иногда большой и расплывчатый, и не имеет формы, хотя имеет лицо, из которого торчат змеи». Судя по описанию, это мог быть Ктулху, однако он появляется в основном близ воды, особенно возле моря или в устьях рек, но приток Мискатоника для него мелковат. Это мог быть и Ньярлатхотеп, что уже ближе к истине. Мискамакус просто ошибся, давая описание божества; ошибся он и относительно судьбы Ричарда Биллингтона, поскольку есть основания полагать, что Ричард Биллингтон вошел в Проход, ведущий за Предел, то есть перешагнул через порог, о котором говорит в своих «инструкциях» Элайджа. Именно это случай описан в книге вашего предка, и Элайджа об этом знал, поскольку Ричард вернулся, но уже в другом обличье. Теперь далее: в Данвиче по-прежнему жива легенда о Ричарде Биллингтоне, а это значит, что местные жители наверняка что-то знали о его темных делах. В своей рукописи Бейтс отмечает, что миссис Бишоп то и дело поминала какого-то Хо-зяина. Однако она имела в виду не Элайджу Биллингтона, это

очевидно. Вот что она говорила: «Элайджа запер Его — и запер Хозяина, там, за Пределом, когда Хозяин уже хотел вернуться спустя много лет. Немногим это известно, но Мисквамакус об этом знал. Хозяин ходил по земле, но никто об этом не догадывался, потому что никто его не видел, ибо у него много лиц. Да! У него было лицо Уэйтли, и Дотена, и Джайлза, и Кори, и он сидел среди Уэйтли и Дотенов, Джайлзов и Кори, а они этого и не знали, а он и ел с ними, и спал, и ходил с ними, и говорил, но он был так велик, что люди не могли его выдержать, а потому чахли и умирали. Только Элайджа перехитрил Хозяина, да, перехитрил через сто лет после его смерти». Что вы на это скажете?

— Нет, это непостижимо!

— Ну хорошо. Постичь это действительно сложно, поскольку наше мышление ограничено общепринятыми рамками и законами логики. Ричард Биллингтон вошел в один Проход, а вышел в другой, возможно, во время одного из экспериментов Джонатана Бишопа. Он использовал множество людей, в том смысле, что входил в них и жил в их телах; он не учел одного — пребывание за Пределом так повлияло на его организм, что тот начал мутировать, следствием чего является его вторичная форма, которая описывается в книге вашего предка. Вспомните его рассказ о Гудвайф Дотен из Кэндлмаса, которая родила существо, «не похожее ни на зверя, ни на человека, а на чудовищную летучую мышь с человеческим лицом. Тварь не издавала ни звука и только злобно тарасилась на собравшихся. Нашлись такие, кто мог поклясться, что лицо твари ужасно напоминало лицо одного давно умершего человека — некоего Ричарда то ли Беллингэма, то ли Боллинхена...» — несомненно, речь идет о Ричарде Биллингтоне — «...исчезнувшего сразу после того, как стало известно о его сношениях с демонами, произошедших неподалеку от Нью-Даннича». Вот так. Возможно, что Ричард продолжал жить в Данвиче в своей либо физической, либо психической форме, тем самым только увеличивая количество жутких историй, а вместе с этим — и количество людей-мутантов, которых сторонились и боялись, поскольку считали «выродками» и «чертовым отродьем». Так продолжалось более ста лет, пока в Биллингтонском лесу не появился его новый владелец — Элайджа Бил-

лингтон. И что же? Сразу ожила та сила, которую миссис Бишоп называла «Хозяин», то есть Ричард Биллингтон, вновь попытавшийся открыть Проход. Весьма возможно, что Ричард внушил Элайдже желание изучать старинные рукописи, документы и книги; он заставил его восстановить круг из камней, некоторые из которых он, может быть, применял при строительстве башни — вот почему она казалась столь древней, — и он же заставил Элайджа удалить каменную плиту с вырезанным на ней Знаком Старших Богов, наблюдая за этим со стороны, совсем как Дьюарт и индеец Квамис, которые просили Бейтса убрать камень подальше. Итак, Проход вновь был открыт, но тут возник своеобразный конфликт. Ричард Биллингтон нуждался в новой телесной оболочке, чтобы жить на своей земле и в своем доме, и этой оболочкой должен был стать Элайджа. Однако Элайджа, к несчастью для Ричарда, продолжал активно интересоваться фамильной библиотекой; кроме того, он начал подробнейшим образом изучать «Некрономикон», добывая такие сведения, о которых Ричард и мечтать не мог. Элайджа пошел гораздо дальше своего предка и сам научился вызывать существ из-за Предела и по своему усмотрению напускать их на жителей Данвича. Так продолжалось до тех пор, пока не разгорелся скандал с Филлипсом и Друвеном и пока Элайджа не понял, какие цели преследует Ричард Биллингтон. Как только он это понял, он немедленно отправил за Предел Тварь, или Тварей, вместе с самим Ричардом и наглухо запечатал Проход каменной плитой с начертанным на ней Знаком. После этого Элайджа поспешно уехал из страны, оставив лишь перечень загадочных «инструкций». Но Ричард Биллингтон не исчез совсем, какая-то часть Хозяина осталась — причем достаточно сильная, чтобы еще раз попытаться осуществить свои намерения.

— Выходит, что влияние «извне» — это Ричард Биллингтон, а не Элайджа?

— Вне всякого сомнения. «Потусторонний» Биллингтон — это Ричард, который в свое время исчез без следа, а не Элайджа, умерший в Англии в своей постели. То, что Бейтс принял за раздвоение личности, было на самом деле проявлением духа Ричарда в теле слабого Дьюарта. И еще одно. Ричард достаточно долго общался с силами за Пределом, поэтому и сам начал постепен-

но подчиняться законам их пространства и времени. Я имею в виду Знак Старших Богов. Вспомните, как Дьюарт просил Бейтса сдвинуть плиту. Он предоставил Бейтсу убрать камень, но при этом ни он сам, ни индеец даже близко к нему не подошли. Почему? Да потому, что *Эмброуз Дьюарт больше не Эмброуз Дьюарт, а Ричард Биллингтон, в то время как индеец Квамис — это тот самый Квамис, что в свое время служил у Элайджи, а до него — у Ричарда, вернее, его дух, вызванный из пространства за Пределом. Итак, ужасы, происходившие в Данвиче двести лет назад, готовы повториться вновь!* И если я не ошибся, нам придется действовать, и действовать незамедлительно, пока не произошло непоправимое. Надеюсь, Стивен Бейтс расскажет нам еще много интересного, когда заглянет к нам по дороге на вокзал — если, конечно, ему позволят уехать.

Опасения моего патрона сбылись менее чем через три дня.

О внезапном и бесследном исчезновении Стивена Бейтса не было ни единого официального сообщения; информация поступила к нам от сельского почтальона, который подобрал на дороге в Эйлсбери-Пайк обрывок записки. Поскольку на этом клочке бумаги упоминалось имя доктора Лэпхема, почтальон принес находку ему. Прочитав записку, доктор молча протянул ее мне.

Почерк был неровным; человек явно писал в спешке, положив бумагу на колено или на ствол дерева, в нескольких местах на ней остались дырки от карандаша.

«Д-ру Лэпхему, Миск. унив. — от Бейтса. Он прислал Тварь за мной. В первый раз мне удалось ускользнуть. Я знаю, что Она меня найдет. Сначала эти солнца и звезды. Затем запах — о боже, какой запах! Слово что-то тлеет. Я бежал и вдруг увидел непонятные огни. Я выбежал на дорогу. Я слышу, что Она уже совсем близко — позади шелест, словно ветер шумит в лесу. Опять тот же запах. Потом солнце взорвалось, и Тварь появилась ПО ЧАСТЯМ, КОТОРЫЕ ЗАТЕМ СОЕДИНИЛИСЬ! Боже! Я не могу...»

И все.

— Поздно, Бейтса уже не спасти, — сказал доктор Лэпхем. — Надеюсь, мы не встретим того, кто с ним расправился, — угрюмо

добавил он, — потому что против этой твари мы безоружны. Наш единственный шанс — остановить Биллингтона и индейца, когда Тварь еще будет находиться за Пределом. Она не явится, пока они ее не призовут.

Доктор выдвинул ящик письменного стола и достал оттуда два кожаных браслета, которые я сначала принял за наручные часы; присмотревшись, я увидел две широкие кожаные ленты, к каждой из которых был прикреплен небольшой серый овальный камень со странным рисунком — пятиконечная звезда, в центре которой был изображен ромб в обрамлении чего-то похожего на языки пламени. Протянув мне один браслет, второй доктор закрепил у себя на запястье.

— А теперь что? — спросил я.

— Мы идем в усадьбу Биллингтона, чтобы узнать, где Бейтс. Предупреждаю, это опасно.

Доктор явно ждал возражений, но я промолчал. Следуя его примеру, я надел браслет на руку и открыл перед патроном дверь, пропуская его вперед.

В доме Биллингтонов стояла мертвая тишина; несколько окон были закрыты ставнями; из трубы, несмотря на прохладную погоду, не поднималось ни струйки дыма. Оставив машину перед входной дверью, мы вошли на крыльцо и постучали. Ответа не последовало. Мы постучали громче, потом еще громче; внезапно дверь распахнулась, и перед нами возник человек среднего роста, с крючковатым носом и копной ярко-рыжих волос. Его кожа была совсем смуглой, можно даже сказать, коричневой, глаза смотрели пристально и подозрительно. Мой патрон вежливо представился.

— Мы ищем мистера Стивена Бейтса. Кажется, он живет здесь.

— Извините. Жил. Вчера он уехал в Бостон. Собственно, его дом там.

— Вы не могли бы дать его адрес?

— Рэндл-Плейс, семнадцать.

— Благодарю вас, сэр, — сказал доктор Лэпхем и протянул незнакомцу руку.

И тут произошло нечто удивительное. Дьюарт машинально протянул руку, но едва его пальцы коснулись руки моего патро-

на, как Дьюарт хрипло вскрикнул и отскочил назад, цепляясь за дверь. То, что затем начало происходить с его лицом, было ужасно: его взгляд, прежде выражавший лишь подозрительную настороженность, сменился лютой ненавистью, глаза засверкали. Секунду постояв перед нами, он с неожиданной силой захлопнул дверь.

Доктор Лэпхем невозмутимо повернулся и направился к машине. Когда я уселся за руль, он смотрел на часы.

— Скоро вечер. У нас мало времени. Думаю, он пойдет в башню этой ночью.

— Еще бы, после такого предупреждения. Зачем вы это сделали? Было бы лучше захватить его врасплох.

— Ну и что? Пусть знает. Поехали, не будем тратить время на разговоры. У нас еще много дел. Мы должны спрятаться возле башни до захода солнца, и еще нужно заехать в Аркхем.

Примерно за полчаса до захода солнца мы с доктором шагали по Биллингтонскому лесу, стараясь держаться так, чтобы нас не было видно из дома. Спустились сумерки, и идти стало еще труднее, поскольку мы тащили тяжелый груз. Доктор Лэпхем не упустил ни одной детали. Мы несли с собой лопаты, фонари, пакет цемента, большую флягу с водой, тяжелый заступ и множество мелких инструментов. Кроме того, доктор имел при себе старомодный пистолет с серебряными пулями и чертеж Бейтса, на котором было указано место, где он закопал каменную плиту с изображением Знака Старших Богов.

Перед тем как выступить в путь, доктор Лэпхем подробно объяснил мне свой план: Дьюарт — вернее, Биллингтон — и индеец Квамис придут к башне, как только спустится ночь; там они займутся своими черными делами. Наша задача держать наготове каменную плиту и раствор цемента. Доктор настоятельно просил меня не вмешиваться в дальнейшие события без его команды. Я обещал, хотя на душе было очень беспокойно.

Вскоре вдаль показалась башня, и доктор Лэпхем легко нашел место, указанное на рисунке Бейтса. Пока я готовил цемент, он быстро выкопал плиту; солнце еще не успело скрыться за горизонтом, а у нас уже было все готово. Спрятавшись в густой листве, мы ждали, когда спустится ночь; вскоре со стороны болота зазвучал дьявольский хор лягушек и замелькали крошеч-

ные белые и светло-зеленые огоньки, возвестившие о пробуждении мириад светлячков, наполнивших воздух призрачным мерцанием; в лесу начали вопить козодои — причем как будто в унисон с лягушками.

— Они подходят, — тихо шепнул мне доктор.

Пронзительные голоса птиц и лягушек поднялись до самой высокой ноты, и в ночи разразилась такая кошмарная какофония ритмичных звуков, что я едва выдерживал этот адский шум. Когда же он достиг совершенно невообразимой силы, я внезапно почувствовал, как моей руки мягко коснулась рука доктора, который сообщил, что Эмброуз Дьюарт и Квамис вышли к башне.

О событиях той ночи у меня остались весьма смутные воспоминания, хотя с тех пор прошло уже немало времени, и вся местность в районе Аркхема наслаждается безмятежной жизнью, которой этот край не знал более двух сотен лет. Все началось с того момента, как возле отверстия в крыше появился Дьюарт, вернее, Ричард Биллингтон. Доктор Лэпхем хорошо выбрал место для укрытия — Эмброуз Дьюарт был отлично виден сквозь густую листву деревьев. Вот он выпрямился, и внезапно из его уст вырвался резкий, пронзительный крик; подняв голову вверх и глядя на звезды, Дьюарт выкрикивал какие-то странные слова и звуки, обращаясь к небесам. Я мог различить эти слова, не смотря на дикие вопли лягушек и козодоев...

— Йа! Йа! Н'гхаа, н'н'гхаи-гхаи! Йа! Йа! Н'гхаи, н-йа, н-йа, шоггог, фхтагн! Йа! Йа! Н'гхаи, й-ньях, й-ньях! Н'гхаа, н'н'гхаи, ваф'л фхтагн — Йог-Сотот! Йог-Сотот!

Поднялся ветер, словно *спускавшийся сверху*; повеяло холодом, еще громче зазвучали голоса лягушек и козодоев, ярче засверкали огни светлячков. Я с тревогой взглянул на доктора Лэпхема, и в этот самый момент он поднял пистолет, прицелился и выстрелил!

Я вытянул шею, пытаюсь рассмотреть, куда он стрелял. Пуля попала в цель; Дьюарт пошатнулся, попытался схватиться за что-то рукой и рухнул с высоты на землю, но в то же мгновение в отверстии появился индеец Квамис, который хриплым от ярости голосом продолжил начатое Дьюартом заклятие: «Йа! Йа! Йог-Сотот! Оссадагова!»

Вторая пуля доктора Лэпхема настигла и его, но Квамис не упал, а просто тихо осел в отверстии.

— А теперь, — холодным и решительным голосом сказал мой патрон, — нужно немедленно поставить плиту на место!

Я схватил плиту, он потащил за мной цемент; задыхаясь, мы волокли наш тяжелый груз под дикий хор лягушек и козодоев; мы бежали к башне, продираясь сквозь кусты, тогда как порывы ветра становились все сильнее, а в воздухе заметно холодало. Мы достигли башни, в ее крыше было хорошо видно отверстие, в котором — о ужас из ужасов! — возникало *нечто*!

Сам не знаю, как мы смогли пережить ту кошмарную ночь. У меня сохранились лишь смутные воспоминания о том, как мы закрыли Проход, как похоронили бранные останки несчастного Эмброуза Дьюарта, который наконец-то освободился от ужасной власти Ричарда Биллингтона, и доктор Лэпхем говорил, что исчезновение Дьюарта, скорее всего, объявят столь же странным и необъяснимым, как и остальные исчезновения, но что в отличие от них его тело никогда не будет найдено. Я помню, как доктор показал мне кучку серого праха — все, что осталось от Квамиса, умершего более двухсот лет назад и ожившего благодаря колдовству Ричарда Биллингтона; я помню, как мы раскидали каменный круг, развалили башню, *начиная снизу*, чтобы не потревожить серую каменную плиту с вырезанным Знаком Старших Богов при ее погружении в землю; я помню, как, закапывая останки башни, мы наткнулись на сгнившие кости колдуна Мискавамакуса из племени вампанугов; я помню, как мы пошли к дому Биллингтона и уничтожили зловещее мозаичное окно в кабинете и как собрали все книги и документы из фамильной библиотеки Биллингтонов, чтобы перевезти их в библиотеку Мискатоникского университета; помню, как на рассвете мы приехали домой. Я не могу полностью доверять своей памяти, но я уверен в одном — что все это было сделано, поскольку через некоторое время я заставил себя сходить к сухому руслу *Мискавамакуса*, где некогда находился маленький остров. Я не увидел ничего; и следа не осталось ни от башни, ни от каменного круга — места Дагона или Оссадаговы, ни от той ужасной Твари из-за Предела, что таилась у порога, ожидая, когда ее призовут.

Все события той ночи остались для меня как в тумане, поскольку их затмило одно-единственное воспоминание: заглянув в открытый Проход перед тем, как его запечатать, я, задыхаясь от невыносимой вони, увидел... нет, не звездное небо, а *солнца*, ослепительно-яркие *солнца*, которые перед смертью видел и Стивен Бейтс, — *огромные светящиеся сферы, устремившиеся к открытому Проходу, и куски протоплазменной плоти, стремительно рванувшиеся друг к другу, чтобы слиться воедино и образовать тот ужас запредельного пространства, что сосредоточился во тьме начала всех начал, — аморфного монстра с извивающимися щупальцами, таящегося у порога в виде скопления радужных сфер, страшного Йог-Сотота, что вечно пенится, как первозданная слизь, в хаотической бездне за пределами самых дальних границ пространства и времени!*

ПРИМЕЧАНИЯ

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛЕДНИК

Рассказ был впервые опубликован в журнале «Weird Tales» в июле 1954 г.

С. 5. *Алджернон Блэквуд* (1869–1951) — британский писатель, оказавший существенное влияние на творчество Лавкрафта. Произведения Блэквуда посвящены исследованию сверхъестественных явлений в окружающем нас мире и психологии человеческого сознания, балансирующего на грани реальности и фантазии.

С. 7. *Квебекский стиль* — имеется в виду архитектурный стиль, характерный для Квебека в те времена, когда этот город был столицей французских владений в Северной Америке.

С. 10. *Loricata* (лат.) — отряд водных позвоночных, который подразделяется на следующие семейства: настоящие крокодилы, включая упомянутые в тексте роды *Crocodylus*, *Osteolaemus* и *Tomistoma*; аллигаторовые, куда входят собственно аллигатор (*Alligator*) и кайман (*Caiman*); гавиаловые с единственным видом — гангским гавиалом (*Gavialis gangeticus*).

С. 12. *Коромандельский берег* — часть восточного побережья полуострова Индостан, на котором расположен город *Пондишери* — бывшая колония Франции.

С. 20. *Хива-Оа* — один из крупнейших островов Маркизского архипелага в Полинезии. На этом острове сохранилось множество статуй, сооруженных древними полинезийцами.

Квакиутл — индейское племя, обитающее на севере канадского острова Ванкувер.

Тлинкиты — индейское племя, населяющее юго-восточную часть штата Аляска и прилегающие районы Канады.

С. 21–22. «*Unaussprechlichen Kulten*» («*Неименуемые культы*») фон Юнцта, «*Cultes des Goules*» («*Культы гулей*») графа д'Эрлемта,

«*Пнакотические рукописи*» — эти и ряд других упоминаемых далее книг — «*De Vermis Mysteriis*» («*Тайны Червя*») Людвига Принна, «Текст Р'льеха», «Книга Эйбона» (тж. «*Liber Ivonis*»), «Песни дхолов», «Семь сокровенных книг Хсана», «Тексты с Целено» — были по большей части вымышлены Г. Ф. Лавкрафтом (либо позднее А. Дерлетом). В то же время здесь названы и реальные сочинения, такие как трактат о криптографии «*De Furtivis Literarum Notis*» Джанбаттисты делла Порты (итальянский ученый и драматург; 1535–1615), труд «Криптография» («*A Tretise on the Art of Deciphering, and of Writing in Cypher*», 1772) англичанина Филиппа Тикнесса (1719–1792) и пособие для охотников на ведьм «*Daemonolatreia*» Ремизигуса (он же Николя Реми, французский юрист; 1530–1616).

С. 24. *Вуду* — негритянский культ, широко распространенный на острове Гаити и практикуемый отдельными общинами в других странах. Вудуисты верят в существование многих богов или духов, которые могут вселяться в людей и управлять их поступками.

ДЕНЬ УЭНТВОРТА

Впервые опубликован в сборнике «Единственный наследник» (1957).

С. 37. *Хэвилендский фарфор* — производимые во французском г. Лиможе фарфоровые изделия с 1842 г. доставлялись в Америку компанией, основанной Дэвидом Хэвилендом, в честь которого они и получили свое название за океаном.

С. 38. «*Седьмая Книга Моисея*» — своего рода пособие по черной магии, появившееся в Германии в XVIII в., наряду с «Шестой Книгой Моисея» сходного содержания, и завезенное в Америку немецкими колонистами. Обе книги были якобы написаны самим Моисеем в дополнение к библейскому Пятикнижию.

С. 39. *Коттон Мэзер* (1663–1728) — пуританский богослов из Массачусетса, проповедник религиозной нетерпимости. Автор трудов «Достопамятное провидение, касательно ведовства и одержимости», «Великие деяния Христа в Америке, или Церковная история Новой Англии» и др., в которых доказывалась реальность колдовства.

НАСЛЕДСТВО ПИБОДИ

Впервые опубликован в сборнике «Единственный наследник» (1957).

С. 46. «*Лузитания*» — британский пассажирский лайнер, совершавший рейс из Нью-Йорка в Ливерпуль и 7 мая 1915 г. потопленный немецкой подлодкой близ побережья Ирландии. Погибли 1198 человек, включая 128 граждан тогда еще нейтральных Соединенных Штатов.

С. 66. «*Malleus Maleficarum*» («Молот ведьм») — трактат папских инквизиторов Генриха Крамера и Якоба Шпренгера, изданный в Германии в 1487 г. и с той поры бывший настольной книгой для «охотников на ведьм».

«*Daemonialitas*» («Дьявольщина») — книга францисканского монаха и советника при Верховном трибунале римской инквизиции Людовика Марии Синистрари (1622–1701), содержащая описание сатанинских обрядов.

С. 67. «*Vitae sophistarum*» («Жизнеописания софистов») — сочинение византийского историка и софиста Евнапия (347–420).

«*De Natura Daemonum*» («О природе демонов») — труд итальянского географа и теолога Джованни Лоренцо д'Ананиа (1545–1609).

«*Fuga Satanae*» («Бегство от Сатаны») — трактат итальянского богослова Пьетро Антонио Стампы (2-я пол. XVI — нач. XVII вв.).

«*Discours des Sorciers*» («Трактат о ведовстве») — сочинение французского юриста и судьи, известного демонолога Анри Боге (1550–1619).

...*один неозаглавленный труд Олауса Магнуса*... — Олаус Магнус (тж. Олаф Магнус; 1490–1557) — шведский церковный деятель и писатель, прозванный «первым гуманистом Швеции».

С. 69. *Салемский процесс* — речь идет о самом массовом из «ведьмовских процессов» в английских колониях, проходившем с февраля 1692 по май 1693 г. в Салеме (колония Массачусетс) и его окрестностях. По подозрению в связях с нечистой силой было арестовано более 150 человек, из них 19 повешено, еще пятеро умерли в тюрьме до приговора, а один скончался во время пытки, когда от него добивались признания.

ОКНО В МАНСАРДЕ

Впервые опубликован в журнале «Saturn». в мае 1957 г.

С. 76. *Провинция Синьцзян* — обширная территория к северу от Тибета, включающая пустыню Такла-Макан и восточную часть Тянь-Шаня. В середине XVIII в. эти земли были захвачены Китаем и в 1955 г. преобразованы в Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР.

С. 84. *Книга «Дзиан»* — легендарная книга, которая, по утверждениям некоторых теософов, является древнейшим текстом, написанным человеком, и содержит сведения по истории Земли первобытного периода.

С. 87. *Порфир* — здесь: неравномерно-зернистая горная порода, образовавшаяся в результате застывания вулканической лавы.

Род — мера длины, примерно равная пяти метрам.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРЕДКАМ

Впервые опубликован в сборнике «Единственный наследник» (1957).

С. 95. *...первых голландских фермеров в Пенсильвании...* — Восточная часть нынешнего штата Пенсильвания с 1621 по 1667 г. входила в состав голландской колонии Новые Нидерланды.

ПРИШЕЛЕЦ ИЗ КОСМОСА

Впервые опубликован в сборнике «Единственный наследник» (1957). Тематически он связан с повестью Лавкрафта «За гранью времен» (1936), главный герой которой переносит временную амнезию и последующие «псевдовоспоминания», аналогичные случаю Амоса Пайпера; в тексте также встречаются отсылки к повестям «Зов Ктулху» (1928), «Морок над Инсмутом» (1936) и некоторым другим произведениям Лавкрафта.

С. 114. *...на премьере мозмовского «Письма»...* — Имеется в виду пьеса английского писателя и драматурга Уильяма Сомерсета Моэма (пост. 1927).

С. 115. *Внутренняя Монголия* — обширная область к югу и западу от современной Монголии, в 1636 г. захваченная Китаем. В настоящее время — автономный район в составе КНР.

ПРИМЕЧАНИЯ

Страна инков — речь идет о районах современного Перу, где до испанского завоевания в XVI в. находилось ядро государства инков.

С. 116. *Понапе* — остров в Микронезии, близ побережья которого сохранились развалины Нан-Мадолы — ныне мертвого города, возведенного из базальтовых блоков на искусственных островах. Происхождение строителей города, как и назначение некоторых сооружений, до сих пор остается загадкой для ученых.

Ангкор-Ват — грандиозный храмовый комплекс на территории современной Камбоджи, возведенный в XII в.

С. 124. *Мачу-Пикчу* — древний город-крепость и святилище в Перу; вторая, так называемая секретная столица империи инков, покинутая людьми пять столетий назад и открытая археологами лишь в начале XX в.

ЛАМПА АЛЬХАЗРЕДА

Впервые опубликован в сборнике «Единственный наследник» (1957). Местом действия является г. Провиденс в штате Род-Айленд, а прототипом главного героя — сам Г. Ф. Лавкрафт, родившийся в доме № 194 на упоминаемой в рассказе Энджелл-стрит.

С. 132. *Хадрамаут* — историческая область на юге Аравийского полуострова, ныне входящая в состав Йемена.

С. 137. *Глостер* — портовый город в Массачусетсе, к северо-востоку от Бостона. Близ Глостера на берегу моря находится скала под названием Матушка Энн (Mother Ann), ставшая прообразом утеса, описанного в рассказе Лавкрафта «Загадочный дом на туманном утесе».

С. 139. *...в честь великого бога Пана...* — намек на повесть «Великий бог Пан» (1894) британского писателя Артура Мейчена, оказавшего большое влияние на творчество Лавкрафта.

КОМНАТА С ЗАКОЛОЧЕННЫМИ СТАВНЯМИ

Впервые опубликован в одноименном сборнике в 1959 г. По ходу действия упоминаются события, описанные в повестях Лавкрафта «Ужас Данвича» (1928) и «Морок над Инсмутом» (1936).

С. 159. *Дагон* — западносемитский бог, покровитель рыбной ловли и податель пищи. Культ Дагона был распространен у фили-

стимлян и у амореев в Верхней Месопотамии. Изображался в виде морского чудовища с телом рыбы и человеческими руками и головой.

РЫБАК С СОКОЛИНОГО МЫСА

Впервые опубликован в сборнике «Комната с заколоченными ставнями» (1959). Этот рассказ соотносится с «инсмутским циклом» Лавкрафта.

ВЕДЬМИН ЛОГ

Впервые опубликован в антологии «Темный разум, темное сердце» (1962).

С. 189. *Мак-Гэффи*, Уильям Холмс (1800–1873) — американский просветитель и организатор народного образования. Прославился своей *«Эклектической хрестоматией»*, впервые изданной в 1836 г. и с той поры многократно переиздававшейся.

С. 197. *Братлборо* — небольшой город в Вермонте; одно из старейших поселений европейских колонистов на территории этого штата.

ТЕНЬ В МАНСАРДЕ

Впервые опубликован в антологии «За пределом» (1964).

С. 211. ...*Томасе Гарди и топографии его Уэссекса*. — Уэссекс — одно из семи древних англосаксонских королевств, существовавших некогда на Британских островах. В данном случае речь идет о цикле романов английского писателя и поэта Томаса Гарди (1840–1928), местом действия которых является некая область Уэссекс на юго-западе Англии, примерно на той же территории, что и одноименное древнее королевство. Под вымышленными названиями у Гарди легко узнаются реальные населенные пункты и примечательные особенности южноанглийского ландшафта. К романам Гарди обычно прилагаются карты с подробным обозначением топографии его «Уэссекса».

С. 221. *Суккубы* — в народных поверьях злые духи-соблазнительницы, принимающие женский облик, чтобы обольстить мужчину и затем овладеть его душой.

С. 227. *Лилит* — злой дух в еврейской мифологической традиции, обычно выступающий в роли суккуба. Согласно преданию, Лилит была первой женой Адама (кстати, главный герой рассказа также носит это имя), а позднее стала женой Сатаны и матерью демонов. В средневековой еврейской литературе, откуда этот образ перекочевал во многие сочинения европейских авторов, красивая внешность Лилит была обусловлена ее способностью принимать любой облик.

НОЧНОЕ БРАТСТВО

Впервые опубликован в одноименном сборнике (1966).

С. 231. *Нильс Бор* (1885–1962) — датский ученый, один из создателей современной физики. Разработал теорию атомного ядра и ядерных реакций, в годы Второй мировой войны выехал из Дании в США, где принимал участие в создании атомного оружия. Кроме того, он написал ряд трудов по философии естествознания.

С. 234. *Сара Хелен Уитмен* (1803–1878) — последняя романтическая привязанность в жизни Эдгара По. Их помолвка была расторгнута не без участия многочисленных «доброжелателей», а несколько месяцев спустя, осенью 1849 г., Эдгар По был найден в бессознательном состоянии на улице г. Балтимора и через четыре дня скончался в местном госпитале.

С. 237. *Чарльз Форт* (1874–1932) — американский писатель и исследователь аномальных явлений, чьи идеи оказали влияние на многих авторов, работавших в жанре научной фантастики, при том что очень немногие из этих авторов принимали самого Форта всерьез.

ТАЙНА СРЕДНЕГО ПРОЛЕТА

Впервые опубликован в антологии «Странники в ночи» (1967).

ИНСМУТСКАЯ ГЛИНА

Впервые опубликован в антологии «Темные твари» (1971). Сюжет рассказа непосредственно связан с событиями, описанными в повести Лавкрафта «Морок над Инсмутом» (1936).

С. 280. *Рима*, «*девушка-птица*» — героиня романа У. Г. Хадсона «Зеленые дворцы» (1904), жившая в джунглях и умевшая разговаривать на птичьем языке. Книга имела огромный успех у читающей публики, а в лондонском Гайд-парке по сей день можно видеть статую Римы работы Дж. Эпштейна (эта скульптура упоминается ниже в тексте рассказа). В экранизации романа (1959) роль Римы сыграла Одри Хепберн.

НАБЛЮДАТЕЛИ

Этот оставшийся незавершенным рассказ был впервые опубликован в одноименном сборнике (1974). Как и рассказы «Комната с заключенными ставнями» и «Тайна среднего пролета», он относится к «данвичскому циклу», начатому повестью Лавкрафта «Ужас Данвича» (1928).

С. 294. *Уолденский пруд* — затопленная котловина близ городка Конкорд в штате Массачусетс, образовавшаяся в ходе отступления ледников 10–12 тысяч лет назад. В 1845–1847 гг. на берегу пруда жил отшельником писатель и философ Генри Дэвид Торо, впоследствии изложивший свои впечатления в книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854).

С. 296. ...*плиты Стоунхенджа, кромлехи Девона и Корнуолла*. — Речь идет о древних мегалитических памятниках на юге Англии, самый знаменитый из которых, Стоунхендж, возводился в период между 3000 и 1600 гг. до Р. Х.

С. 298. *Эпоха королевы Анны* — Анна Стюарт (1665–1714) правила Англией в 1702–1714 гг. Среди прочего этот период характеризовался расцветом английского барокко.

С. 312. *Ферротипия* — фотографический процесс с экспонированием изображения на покрытую коллодием металлическую пластинку, запатентованный в США в середине XIX в. и широко применявшийся до начала следующего столетия.

ТАЯЩИЙСЯ У ПОРОГА

Повесть написана в 1945 г. и издана в том же году отдельной книгой. Сюжет основан на двух набросках, ранее сделанных Лавкрафтом и объединенных Дерлетом в одном произведении. В целом

из примерно 50 тысячи слов окончательного текста Лавкрафту принадлежат ок. 1200 слов.

С. 319. *Миддл-Темпл* — одна из четырех юридических корпораций (судебных иннов), со времен Средневековья действующих на территории Англии и Уэльса.

С. 321. *Крейги-хаус* — старинный особняк в городке Кембридж близ Бостона (Массачусетс). В 1843–1882 гг. здесь жил поэт Г. У. Лонгфелло, а с 1913 г. в доме существует посвященный ему музей.

С. 330. *...когда губернатором был мистер Брэдфорд*. — Имеется в виду Уильям Брэдфорд (1590–1657), с небольшими перерывами занимавший пост губернатора Плимутской колонии в Массачусетсе между 1621 и 1657 гг.

С. 332. *«Ars Magna et Ultima»* («Великое и непревзойденное искусство») — труд Раймунда Луллия (ок. 1235–1315), каталонского философа, теолога и поэта.

«Clavis Alchimiae» («Ключ к алхимии») — сочинение Роберта Фладда (1574–1637) — английского врача и философа-мистика.

Альберт Великий (Альберт фон Больштедт; ок. 1193–1280) — немецкий философ и теолог. Начал энциклопедическую систематизацию католического богословия; кроме чисто философских сочинений, писал трактаты на различные темы, большей частью о минералах, растениях и животных.

Артефий — полупоупендарный средневековый алхимик (XII в.), которому приписывают авторство ряда сочинений, в том числе *«Ключа к мудрости»* («*Clavis sapientiae*»).

Парацельс (наст. имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм; 1493–1541) — врач и естествоиспытатель, одним из первых подвергший критическому пересмотру идеи и методы древних врачей. Способствовал внедрению химических препаратов в медицину. Новые идеи Парацельса противостояли традиционной средневековой алхимии и в то же время были в значительной мере основаны на общих с ней принципах.

Гермес Трисмегист («Трижды величайший») — легендарный античный мудрец. В его сочинениях изложены знания, которые якобы были поведаны ему самим Гермесом (древнегреческим богом торговли и покровителем магии) и дают всеобъемлющее представление о загадках мира. В эпоху эллинизма и поздней Античности на осно-

ве его откровений, дополненных многочисленными трудами его последователей по астрологии, алхимии, магии и оккультизму, сложилось религиозно-философское учение «герметизм», оказавшее заметное влияние на мистическую традицию Средневековья и эпохи Возрождения.

С. 350. *Неогреческий стиль* (неогрек) — архитектурный стиль, распространенный в Европе и США в первые десятилетия XIX в.

С. 363. *Троппманн*, Жан-Батист (1848–1870) — французский серийный убийца, в отличие от упомянутого выше в тексте Джека-потрошителя, пойманный властями и казненный.

С. 395. *Далеко этому до Торо...* — Имеется в виду американский писатель Генри Дэвид Торо (1817–1862). См. тж. прим. к рассказу «Наблюдатели».

С. 434. *Чиму* — цивилизация в доколумбовой Южной Америке, в 1470 г. завоеванная инками.

С. 440. *Кетцалькоатль* — одно из главных божеств ацтеков и других индейцев Центральной Америки, творец мира, человека и культуры, владыка стихий и покровитель наук. Согласно легенде, Кетцалькоатль покинул людей, уплыв в океан на змеином плоту, а его возвращение ознаменует собой начало новой эпохи в истории мира.

Лионесс — затерянная в океане страна из кельтских мифов и легенд Артуровского цикла.

Понапе — см. прим. к рассказу «Пришелец из космоса».

С. 443. *Му* — гипотетический континент в Тихом океане, подобно Атлантиде, затонувший в результате грандиозной тектонической катастрофы.

С. 455. *Чарльз Форт* — см. прим. к рассказу «Ночное братство».

В. Дорогокупля

СОДЕРЖАНИЕ

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛЕДНИК. Перевод Е. Мусихина.	5
ДЕНЬ УЭНТВОРТА. Перевод В. Дорогокупли.	32
НАСЛЕДСТВО ПИБОДИ. Перевод В. Дорогокупли.	46
ОКНО В МАНСАРДЕ. Перевод О. Мичковского.	76
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРЕДКАМ. Перевод О. Мичковского.	94
ПРИШЕЛЕЦ ИЗ КОСМОСА. Перевод О. Скворцова.	111
ЛАМПА АЛЬХАЗРЕДА. Перевод Ю. Кукуца.	130
КОМНАТА С ЗАКЛОЧЕННЫМИ СТАВНЯМИ Перевод Е. Мусихина.	141
РЫБАК С СОКОЛИНОГО МЫСА. Перевод С. Теремязевой.	184
ВЕДЬМИН ЛОГ. Перевод В. Дорогокупли.	189
ТЕНЬ В МАНСАРДЕ. Перевод В. Дорогокупли.	207
НОЧНОЕ БРАТСТВО. Перевод В. Дорогокупли.	230
ТАЙНА СРЕДНЕГО ПРОЛЕТА. Перевод О. Мичковского.	257
ИНСМУТСКАЯ ГЛИНА. Перевод С. Теремязевой.	279
НАБЛЮДАТЕЛИ. Перевод С. Теремязевой.	291
ТАЯЩИЙСЯ У ПОРОГА. Перевод С. Теремязевой.	318
Примечания. В. Дорогокупля.	467

Лавкрафт Г. Ф., Дерлет А.

- Л 13 Таящийся у порога : повести, рассказы / Говард Филлипс Лавкрафт, Август Дерлет ; пер. с англ. В. Дорогокупли, Ю. Кукуца, О. Мичковского и др. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2016. — 480 с. — (Иностранная литература. Большие книги). ISBN 978-5-389-10625-3

Говард Филлипс Лавкрафт, не опубликовавший при жизни ни одной книги, сделался маяком и ориентиром целого жанра, кумиром как широких читательских масс, так и рафинированных интеллектуалов, неиссякаемым источником вдохновения для кинематографистов, да и само его имя стало нарицательным. Сам Борхес восхищался его рассказами, в которых место человека — на далекой периферии вселенской схемы вещей, а силы надмирные вселяют в души неосторожных священный ужас. Данный сборник включает рассказы и повести, дописанные по оставшимся после Лавкрафта черновикам его другом, учеником и первым издателем Августом Дерлетом.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
АВГУСТ ДЕРЛЕТ

ТАЯЩИЙСЯ У ПОРОГА

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 06.07.2016. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 30.
Заказ № 1866/16.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y1LN1865402R

**ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

**Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества**

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/

Говарда Филлипса Лавкрафта называли «Эдгаром По двадцатого века». Его отец-коммивояжер сошел с ума, когда Лавкрафту было два года. Его мать до шести лет заставляла будущего писателя носить длинные волосы и одевала как девочку. Он почти не ходил в школу, получил домашнее образование и с ранних лет пристрастился к готическим рассказам. Прожив большую часть жизни затворником в родном Провиденсе, Лавкрафт вел гиперактивную переписку (сто тысяч писем!), активно публиковался в журналах и при жизни не увидел ни одной своей напечатанной книги. Запоздалое, но оглушительное признание пришло к нему через много лет после смерти. Влияние его «философии ужаса» признавали такие мастера, как Борхес, и такие кумиры миллионов, как Стивен Кинг, по его рассказам было поставлено полтора десятка фильмов, до сих пор ежегодно выходят книги, развивающие и анализирующие его наследие, и само имя Лавкрафта стало нарицательным.

Творчество Лавкрафта целиком опиралось на творения классиков жанра. Благодаря этому его труды выдержали испытание временем и сегодня, спустя полвека перемен и хаоса, у писателя есть немало увлеченных поклонников. Мы, конечно, можем отмахнуться от лавкрафтовской космологии как от абсурдной, но какая-то часть нашего естества подсказывает, что эти тайные страхи небезосновательны. В то время, когда Лавкрафт создавал «мифы Ктулху» и легенду о воскресении Древних Богов, возвращающихся, чтобы править землей, многие с легкостью отреклись от подобных фантазий, не видя в них ничего, кроме параноидального бреда о будущем. Сегодня в обществе все более крепнет подозрение, что это будущее может стать нашим настоящим.

Роберт Блох

Для Лавкрафта важнее всего остального было воссоздать момент прорыва к высшим истинам, которые таятся за «темной, непроницаемой завесой»... В этом отношении он наследник прежде всего Эдгара По... В те годы, на которые приходится пик творческой активности Лавкрафта, По был открыт вторично, прочитан в совершенно новом контексте — как писатель, умевший за оболочкой повседневности распознавать прямое действие иррациональных сил во всем их могуществе. Так читали По сюрреалисты — школа, с которой у Лавкрафта много точек соприкосновения.

Алексей Зверев

